

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(28)

Москва
2014

ISSN 1681-1062

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор, Цюрихский университет, Швейцария

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зализняк А. А. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Лясковский Р. — D.Sc., профессор, Институт польского языка Польской академии наук, Краков, член-корреспондент Польской академии наук, Польша

Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D, профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В. — д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгян В. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV INSTITUTE OF RUSSIAN LANGUAGE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 2 (28)

Moscow
2014

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Director, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Professor, National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Roman Laskowsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute of Polish Language of the PAN, Krakow, Corresponding Member of the Polish Academy of Sciences, Poland;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Mel'čuk, Ph.D (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia;

Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;

Andrey A. Zaliznyak, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Г. М. Зельдович.</i> Видовые тройки: вторичный имперфектив как показатель высокой индивидуализированности ситуаций	9
<i>Е. Н. Никитина.</i> Видо-временные формы рамочных глаголов в русском нарративе XIX—XXI вв.	58
<i>Д. В. Руднев.</i> О происхождении связочного глагола <i>стать</i>	82
<i>Д. А. Стаферова.</i> Социолингвистическое исследование вариативности твердости согласного [Г] или [Г'] перед гласным [Е]	104
<i>Н. В. Гатинская.</i> Лексико-грамматическая история лексики <i>пожалуй</i>	126
<i>М. Н. Шевелева.</i> Вторичные имперфективы с суффиксом <i>-ыва-/-ива-</i> в Повести временных лет	153
<i>А. В. Птенцова.</i> <i>Даже въ на поа обрлице криво...</i> О союзе <i>даже</i> и статусе конструкции <i>да</i> + презенс в древнерусских текстах	180
<i>М. А. Бобрик.</i> Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики	191
<i>С. И. Буркова, Е. В. Филимонова.</i> Редупликация в русском жестовом языке	202

Информационно-хроникальные материалы

XLV Виноградовские чтения в МГУ (<i>Н. К. Ониненко</i>)	259
Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2013 г. (<i>под общ. ред. А. В. Тер-Аванесовой</i>)	262
Экспедиция в село Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области (<i>С. В. Дьяченко, И. А. Букринская, И. И. Исаев, О. Е. Кармакова, А. В. Тер-Аванесова</i>)	263

Отчет об экспедиции в д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области (<i>С. В. Дьяченко, А. В. Малышева</i>)	282
Экспедиция в Верхнекамский район Кировской области (<i>Т. Н. Коробейникова</i>)	296
Экспедиция в Боливию (<i>О. Г. Ровнова</i>)	300

Новые книги

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие (<i>Г. И. Кустова</i>)	310
L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi / O. Inkova, M. di Filippo, F. Esvan (a cura di) (<i>Р. А. Говорухо, И. М. Кобозева</i>)	311
О. В. Трофимова, Е. Н. Конавалова. Топографические описания Западной Сибири XVIII века (<i>А. П. Майоров</i>)	313
Сведения об авторах / Authors	316
Правила подачи статей / Notes for contributors	318

CONTENTS

Articles

<i>Gennadij M. Zeldovich.</i> Aspectual triplets: secondary imperfective as the marker of high individuation of situations	9
<i>Elena N. Nikitina.</i> Tense and aspect of verbs of speech and perception in Russian narrative texts of 19—21 cent.....	58
<i>Dmitry V. Rudnev</i> On the origin of the copular verb <i>stat'</i>	82
<i>Darya A. Staferova.</i> A study in sociophonetic variation: palatalized vs. non-palatalized [t] followed by “e” in loanwords.....	104
<i>Nina V. Gatinskaya.</i> Lexical-grammatical history of the lexeme <i>pozhaluy</i>	126
<i>Maria N. Sheveleva</i> Derived imperfective verbs with the suffix <i>-yva-/-iva-</i> in the <i>Povest' vremennykh let</i>	153
<i>Anna V. Ptencova.</i> <i>Dažь vь nja poja obrjašče krivo...</i> : on the conjunction <i>daže</i> and the status of the « <i>da</i> + praesens» construction in Old Russian.....	180
<i>Marina A. Bobrik.</i> Marginalia to birchbark letters and some Old Russian epigraphic texts.....	191
<i>Svetlana I. Burkova, Elizaveta V. Filimonova.</i> Reduplication in Russian Sign Language.....	202

Reports

Highlights of the 45th Vinogradov Conference in MSU (<i>E. N. Nikitina, N. K. Onipenko</i>)	259
Reports on dialectological expeditions of the Vinogradov Institute of Russian Language (Russian Academy of Sciences) in 2013 (<i>ed. by A. V. Ter-Avanesova</i>).....	262
Expedition to the village of Rogovatoje (Staryj Oskol district, Byelgorod region) (<i>S. V. Dyachenko, I. A. Bukrinskaya, I. I. Isayev,</i> <i>O. Ye. Karmakova, A. V. Ter-Avanesova</i>)	263

Expedition to the village of Deulino (Ryazan region, Ryazan district) (<i>S. V. Dyachenko, A. V. Malysheva</i>).....	282
Expedition to the Verkhnekamskiy district, Kirov Region (<i>T. N. Korobeynikova</i>).....	296
Expedition to Bolivia (<i>O. G. Rovnova</i>).....	300

New Books

A. N. Baranov, D. O. Dobrovolsky. Essentials of Phraseology (a short course): manual (<i>G. I. Kustova</i>).....	310
L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi / O. Inkova, M. di Filippo, F. Esvan (a cura di) (<i>R. A. Govorukho, I. M. Kobozeva</i>).....	311
O. V. Trofimova, E. N. Konvalova. 18th century topographic descriptions of Western Siberia (<i>A. II. Maiopov</i>).....	313
Authors.....	316
Notes for contributors	319

ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. М. ЗЕЛЬДОВИЧ

ВИДОВЫЕ ТРОЙКИ: ВТОРИЧНЫЙ ИМПЕРФЕКТИВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ВЫСОКОЙ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОСТИ СИТУАЦИЙ

1. Предварительные замечания

Одним из самых трудных вопросов русской аспектологии является вопрос о природе так называемых видовых троек, то есть глагольных рядов наподобие *гибнуть — погибнуть — погибать, гнуть — согнуть — сгибать, делить — разделить — разделять, есть — съесть — съесть, слушать — прослушать — прослушивать* (донесение, курс лекций), *читать — прочитывать — прочитывать*.

Характерная черта таких троек состоит в том, что первичный имперфектив (далее НСВ1) и имперфектив вторичный (НСВ2) по крайней мере в некоторых случаях способны оба вести себя как видовая пара к соответствующему СВ. Такая синонимия обеспечивается тем, что НСВ2 всегда, а НСВ1 по крайней мере в отдельных контекстах могут иметь событийное значение (подробнее см. ниже)¹. Скажем, ситуацию, о которой сообщает фраза с совершенным видом *погибнуть, — Империя погибла, и Римом завладели варвары*, — можно с приблизительно равным успехом описать, как используя НСВ1 *гибнуть* в настоящем историческом (*Империя гибнет, и Римом завладевают варвары*), так и используя настоящее историческое НСВ2 *погибать* (*Империя погибает, и Римом завладевают варвары*). Аналогичным образом, об одном и том же событии можно сказать: *Цирковой силач согнул подкову и сорвал аплодисменты; Цирковой силач гнет подкову и срывает аплодисменты* (настоящее историческое); *Цирковой силач сгибает подкову и срывает аплодисменты* (настоящее историческое). Одну и ту же референцию способны иметь фразы *Клеопатра выпила яд и*

¹ Известно, что одни и те же глаголы могут в одних своих значениях формировать тройку, а в других — нет, и что есть немало примеров, когда признать глаголы видовой тройкой можно лишь с натяжкой либо для одних говорящих они являются тройкой, а для других нет. Подробный анализ см. в работе [Зализняк, Микаэлян 2010].

умерла; *Клеопатра пьет яд и умирает; Клеопатра выпивает яд и умирает.* Ср. также другие подобные примеры в статье В. С. Храковского [2005: 50, 56—57 и др.].

Согласно классическому взгляду на категорию вида, ее центром являются чистовидовые пары, и, в идеале, если глаголы А и В формируют такую пару, то есть, технически говоря, успешно выдерживают тест Ю. С. Маслова на парность, то всякий произведенный от того же корня глагол С окажется отличен от них по своему лексическому значению, то есть в парные отношения ни с А, ни с В вступать не будет.

Тройки нарушают эту идеализированную картину. Если и НСВ1, и НСВ2 становятся видовой парой к соответствующему СВ, то не может не возникнуть вопрос, зачем языку такая избыточность или, иначе говоря, в чем же тут все-таки состоит различие между первичным и вторичным имперфективом.

Как давно известно, в особенности из классической статьи [Апресян 1995], различие может касаться семантики НСВ1 и НСВ2. Скажем, хотя и имперфектив *есть*, и имперфектив *съесть* могут быть парой к *съесть*, а имперфективы *пить* и *выпивать* оба способны быть парой к *выпить*, *есть* и *пить* оказываются парны к *съесть* и *выпить* соответственно, скорее на уровне узуса, в силу особенностей того или иного конкретного контекста, а на уровне языковой системы между *есть* и *съесть* и между *пить* и *выпивать* есть огромное различие: только второй глагол каждой пары сам по себе выражает идею результата, а первый неопределен, «бесперспективен» (см. подробнее ниже).

Немало есть и троек, где первичный и вторичный имперфективы по семантике тождественны; ср. хотя бы первый и второй типы троек в [Апресян 1995]. С другой стороны, и здесь тоже полного равноправия нет: в этом случае обычно либо НСВ2, либо НСВ1 отмечен печатью некоторой искусственности, употребляется сравнительно редко (так дело обстоит, например, для НСВ2 в тройках *лепить* — *слепить* — *слепливать*; *молоть* — *смалывать*; *таять* — *растаять* — *растаивать*; для НСВ1 в тройке *блюсти* — *соблюсти* — *соблюдать*), и вдобавок у одного из глаголов бывает ущербным репертуар его частновидовых значений: скажем, у вторичных имперфективов *растаивать* или *прослушивать* практически нет актуально-длительного (*?Снег сейчас растаивает*; *?Мы сейчас прослушиваем лекцию*), у *растаивать* и *расплаиваться* практически нет потенциального значения (*?Снег растаивает при температуре плюс три градуса*; *?Вольфрам расплавляется при 3500 градусах*).

Наконец, различие между НСВ1 и НСВ2 может носить чисто стилистический характер; чаще всего так случается, если НСВ1 редок, не указывает на движение к результату и потому лишь в разговорной либо в профессиональной речи становится, по выражению Ю. Д. Апресяна, «джокером», или, используя иной стиль, «местоблюстителем» более богатого семантически, но и более громоздкого вторичного имперфектива; ср. *бить* (*сливки*) —

взбить — *взбивать*; *варить (рельс)* — *сварить* — *сваривать*; см. многочисленные примеры в [Зализняк, Микаэлян 2010].

Нам кажется, однако, что этим круг различий между НСВ1 и НСВ2 отнюдь не ограничивается и что имеется исключительно важное, не замеченное исследователями различие, лежащее не в семантической, не в грамматической и не в стилистической, но, так сказать, в прагматико-дискурсивной плоскости, а именно: вторичный имперфектив представляет соответствующую ситуацию как дискурсивно более выделенную в самых разных отношениях, более близкую к первому плану текста.

Начнем мы издалека.

В одной из недавних работ С. Г. Татевосов [2010], развивая мысль Ю. Д. Апресяна, подробно показывает, что в обширном подклассе видовых троек НСВ1 называет несобытийную сущность, процесс или деятельность, чья продолжительность лингвистически ничем не ограничена. Событийное, предполагающее результат значение он может приобретать лишь благодаря особому контексту: большую роль играет здесь наличие «ограничивающего» действие прямого дополнения; ср. несобытийное *читать* в *Он читал* и событийное в *Он читал эту статью*; из необозримой литературы о прямом объекте как об «ограничителе», «мериле» действия см. особенно [Dowty 1991; Ackerman, Moore 2001; Levin, Rappaport Hovav 2005].

Соответствующие вторичные имперфективы ведут себя иначе: они событийны уже по своему собственному значению, ибо содержат в своей семантической структуре не только представление о процессе или деятельности, но также и о результате, к которому последние ведут. Это, в частности, видно в том, как НСВ1 и НСВ2 взаимодействуют с отрицанием или со словом *почти*, которое подобно обычному отрицанию в том смысле, что *Почти Р* имплицитно означает «не Р» (скажем, *Почти сделал* ⇒ «не сделал»).²

Если эти слова относятся к первичному имперфективу, то предложение указывает просто на полное, «безоговорочное» отсутствие соответствующего действия, а если к вторичному, то предложение содержит двусмысленность, заключенную между отсутствием действия вообще и отсутствием собственно результата — при том, что какая-то часть действия вполне могла состояться. Ср.:

- (1) а. По утрам он брал в руки газету, но ее не читал (⇒ не было никакого, даже самого малого «кванта» действия, называемого *чтением*);

² Конкретный механизм возникновения этой импликации (возможно, имплицитур) неясен; из наиболее важных работ см. [Sadock 1981], где отстаивается прагматический, имплицатурный статус этого смысла, и [Hitzeman 1992], где он трактуется как собственно логическая импликация. В [Horn 2002] принимается, что смысл этот семантический, но вместе с тем «инертный», не принадлежащий ни к каким традиционно выделяемым типам семантической информации — ни к ассерциям, ни к пресуппозициям. Мы думаем, что это имплицатура, которая по определенным причинам оказывается исключительно сильной, стабильной [Зельдович в печати].

- б. По утрам он брал в руки газету, но ее не прочитывал (предложение может значить и ‘читал газету, но никогда не заканчивал читать’, и ‘чтение вообще не имело места’).

Иной, значительно меньший подкласс составляют тройки типа *менять — разменять — разменивать* (деньги), где представление о результате всегда несет в своей семантике уже и первичный имперфектив.

Нам кажется, что мысль о непреходящем присутствии в семантике вторичных имперфективов представления о результате могла бы получить интересное продолжение.

Известно, что описываемые в том или ином тексте ситуации могут серьезно отличаться друг от друга по степени своей индивидуализации, так сказать, «явленности» нашему когнитивному аппарату.

Например, если в комнате идет лекция и там окажется кто-то посторонний, то, будучи спрошен, что же он видел, он почти наверняка ответит нечто вроде: *Там идет лекция, Там преподаватель читает лекцию* и т. п., но с гораздо меньшей вероятностью он скажет, что там треснуло окно, что загрязнился пол, что по стене ходит муха и т. п., — ибо, глядя на мир, мы склонны прежде всего замечать в нем людей, особенно когда они совершают какие-то волевые действия.

Наиболее изученной манифестацией такого неравноправия ситуаций является разделение большинства повествовательных текстов на собственное повествование (так называемый первый план, или основная нарративная линия) и повествовательные элементы (так называемый второй план); см., например, [Hopper 1979; Hopper, Thompson 1980; Fleischman 1990].

На уровень индивидуализации ситуаций влияет весьма внушительное и едва ли даже исчислимое множество факторов. Например, в только что названной классической статье П. Хоппера и С. Томпсон выделены десять таких «параметров индивидуализированности» (у авторов индивидуализированность называется как правило транзитивностью), которые мы ниже перечислим.

1. В высокотранзитивном высказывании должно быть как минимум два актанта: субъект и (прямой) объект³. Только в этом случае между ними возможен «переток энергии», который особенно «нагляден» для нашего когнитивного аппарата и делает ситуацию, так сказать, более «осознаваемой». (О том, насколько важную роль такой переток играет в нашей концептуализации мира, и о прототипичности, в этой связи, именно переходных глаголов см. также работы В. Крофта, в частности [Croft 1991; 1994].)

2. Высказывание (при прочих равных условиях; эта оговорка, разумеется, актуальна и в остальных перечисляемых ниже случаях) более транзитивно там, где ситуация не статична, а динамична. Если в ситуации имеется объект, то ее динамизм как правило означает, что в объекте происходят изменения, — и потому переток энергии становится особенно наглядным.

³ В дальнейшем из всех объектов нас будут интересовать только прямые объекты, поэтому для краткости они называются просто *объектами*.

Если объекта нет, то изменения касаются субъекта — и в этом случае «заметить» ситуацию тоже легче, чем если бы субъект оставался неизменным.

3. Более транзитивно высказывание с телическим глаголом — ибо здесь действие совершается полностью или по крайней мере мыслится в своей законченности, а законченность означает «более полный» переток энергии к объекту — или, если объекта нет, более осязаемое изменение в субъекте.

4. Высказывание более транзитивно, если соответствующая ситуация моментальна: изменения, происходящие «сразу», больше бросаются в глаза.

5. Изменение в объекте обычно более наглядно, если агент вызвал его по собственной воле. Поэтому из переходных предложений более транзитивно то, которое сообщает о *во л и т и в н о м* действии.

6. Более транзитивно утвердительное, а не отрицательное предложение — поскольку ситуация, имеющая место в реальности, более наглядна.

7. По аналогичной причине более транзитивно предложение, имеющее реальную, а не гипотетическую модальность.

8. Транзитивность переходного предложения повышается, если действие контролируемо: в этом случае воздействие на объект обычно оказывается более зримым.

9. Благоприятно, когда действием охвачен весь объект целиком: «опознание» той или иной целостной сущности проще, чем «опознание» ее фрагментов.

10. Транзитивность выше, если объект высокоиндивидуализирован, в частности — конкретно-референтен (и здесь, и в предыдущем случае при названных условиях его изменения легче заметить).

Поскольку, согласно третьему правилу, при прочих равных условиях ситуация индивидуализирована, если она телическая, если по своей природе предполагает *и з м е н е н и е* в мире, переход к новому его состоянию, постольку, уже опираясь на вывод С. Г. Татевосова о распространенности в видовых тройках соотношения «НСВ1 со значением деятельности/процесса — НСВ2 с событийным значением, НСВ2, *непрерывно* выражающий в своей семантике идею соответствующего результата», можно предположить, что вторичный имперфектив вообще представляет ситуацию как более высокоиндивидуализированную, нежели первичный.

В пользу этого умозаключения свидетельствуют и другие известные исследователям факты.

Во-первых, как показано в [Петрухина 2000: 90—100], вторичный имперфектив легче всего образуется от глаголов с конкретным, особенно пространственным значением — глаголов движения или конкретного физического действия, а такая конкретность, разумеется, сопряжена с тем, что ситуацию легче «опознать», легче индивидуализировать.

Во-вторых, чем в меньшей степени вторичный имперфектив предполагает движение или конкретное физическое действие, тем реже он способен приобретать процессное значение. Отсылая читателя к книге Е. В. Пет-

рухиной, здесь упомянем только глаголы *съесть* и *выпить*, которые практически невозможны в «процессных» контекстах типа ^{??}*долго съедает (выпивает)*, ^{??}*сейчас съедает (выпивает)* и т. п. Поэтому у таких глаголов «парадигма употреблений» (парадигма возможных «частновидовых значений») по сравнению и с прототипическим глаголом несовершенного вида, и со многими вторичными имперфективами редуцирована, а редукция парадигмы сигнализирует о маргинальности соответствующей единицы (см. особенно [Horreg, Thompson 1985; Croft 1991]); значит, здесь мы тоже находим хоть и косвенное, но важное подтверждение гипотезы, что обозначаемое вторичным имперфективом событие мыслится как высокоиндивидуализированное.

В-третьих, хорошо известно, что при иных равных условиях индивидуализация события выше, если у него больше участников, ибо в таком случае наше представление о событии имеет, метафорически говоря, больше «точек прикрепления» к реальности; см. в первую очередь [Horreg, Thompson 1980].

С другой стороны, хорошо известно и то, что многие первичные имперфективы допускают нулевую синтаксическую реализацию объекта (ср.: — *Что она делает по утрам?* — *Она читает, готовит, косит*), а соответствующий вторичный имперфектив ее не допускает никогда; ср. **Она прочитывает, *Она приготавливает, *Она скашивает* (\Rightarrow *Она прочитывает газету, Она приготавливает еду, Она скашивает траву у дома*).⁴

Эта особенность вторичных имперфективов, как показано С. Г. Татевосовым, проистекает из все той же их событийности, из наличия в их семантической структуре представления о результате, «носителем» которого у переходных глаголов в подавляющем большинстве случаев является объект. Однако сейчас для нас важно другое: если НСВ2 систематически требует, чтобы объект был назван, а НСВ1 нередко допускает безобъектное употребление, то, независимо от причин такого положения, НСВ2 оказывается в том или ином смысле «более переходен», «более поливалентен», чем НСВ1⁵.

⁴ Разумеется, не принимаем во внимание примеры с эллиптированным объектом, который однозначно восстановим из контекста, как, допустим, в диалоге: — *Прочитывает ли он утром газету?* — *Прочитывает.*

⁵ Дабы читателя не смутили формулировки вроде «более переходен», напомним, что переходность глагола — по сути не дискретный, а континуальный признак. Типологам знакомо такое явление, как «полупереходность»: в ряде языков, если объект у глагола есть, но он не прототипический (скажем, не претерпевает в результате действия изменений, как это характерно для «образцовых» объектов, либо не является самостоятельной сущностью, будучи тавтологически «выводимым» из представления о самом действии, как, например, в выражении *сказать речь*), он маркируется особым, не каноническим для прямого дополнения падежом, либо же падеж этот канонический, но сам глагол оформляется как непереходный; см., например, ряд работ в сборнике [Horreg, Thompson 1982].

Ниже мы хотели бы показать, что более высокая индивидуализированность ситуации у вторичного имперфектива по сравнению с первичным проявляет себя в многочисленных и разнообразных планах. При этом в одних отношениях преимущество НСВ2 перед НСВ1 едва заметно, в других — весьма значительно. Мы хотим уделить внимание случаям не только большого, но и малого преимущества — не для того, чтобы полностью охватить материал (это невозможно, ибо, как мы уже говорили, список феноменов, в которых способна обнаружить себя высокая индивидуализированность события, велик и едва ли полностью известен науке; ср. [Aristar Dyu 1992]), но с иной целью: различие между свойствами предложения, в которых тенденция вторичного имперфектива к обозначению высокоиндивидуализированных ситуаций проявлена с полной наглядностью, и свойствами, в которых она едва уловима, окажется далеко не случайным и позволит нам позднее сделать вывод не просто о связи между употреблением вторичного имперфектива и высокой индивидуализированностью ситуаций, но — более конкретно — об их высокой индивидуализированности, которая обусловлена главным образом не особенностями описываемых фактов, не референциальными особенностями текста, а его собственно дискурсивной структурой.

Доказательство наших двух главных тезисов (того, что НСВ2 обычно представляет соответствующую ситуацию как более индивидуализированную, нежели НСВ1, и того, что делает он это преимущественно в плане дискурсивной, а не референциальной структуры текста) мы искали в статистическом распределении НСВ1 и НСВ2 по контекстам разного типа.

Из множества параметров, по которым можно оценить уровень индивидуализированности ситуаций, мы выбрали восемь. Это референциальная определенность субъекта и объекта, их одушевленность, их лексико-грамматический класс, степень их дискурсивной «новизны»; также это наличие при глаголе возвратного показателя, наличие в предложении показателя агентивности, конкретность либо генеричность предложения, наличие таксисного соотношения данной ситуации с иной ситуацией.

О природе каждого параметра будет сказано в соответствующем разделе. Пока только обратим внимание на то, что с одной стороны, взятые нами в расчет параметры весьма разнородны (они касаются и лексической, референциальной и грамматической семантики центральных актантов, и их морфологического оформления, и способа их связи с предтекстом, и валентной структуры глагола, и целостной семантики соответствующего предложения, и способа его «укоренения» в более широком контексте), а с другой стороны — вторичный имперфектив обнаружил (иногда скромное, а иногда колоссальное) статистическое преимущество перед первичным по всем без исключения этим параметрам. Такая поразительная согласованность не может быть случайной и свидетельствует о том, что более высокая индивидуализация ситуаций у вторичного имперфекти-

ва ни в коем случае не должна рассматриваться как его второстепенное и пренебрежимое свойство, но наоборот, заслуживает пристального внимания к себе.

Материал для анализа был извлечен из корпуса современных литературных текстов объемом около 16 миллионов словоупотреблений. Выбирались примеры с входящими в тройки имперфективами *гибнуть* — *погибать*, *гнуть* — *сгибать*, *делить* — *разделять*, *есть* — *съесть*, *мазать* — *намазывать*, *мазать* — *промазывать* (мимо цели), *пить* — *выпивать*, *расти* — *вырастать*, *слушать* — *прослушивать* (донесение, курс лекций), *хранить* — *сохранять*, *читать* — *прочитывать*. В подавляющем большинстве случаев учитывались только примеры, где НСВ1 и НСВ2 взаимозаменяемы без сколько-нибудь ощутимых изменений смысла, как, допустим, в: *Видя начальство, он покорно гнул (сгибал) спину*.

Принимались во внимание также те редкие случаи, когда один из интересующих нас глаголов невозможен по причинам формально-грамматического, а не смыслового характера. Так, например, у первичного имперфектива *гнуться* нет деепричастия **гнясь*, поэтому в соответствующих контекстах везде выступает деепричастие, образованное от НСВ2 *сгибаться*. Тем не менее, там, где при парафразе в личную форму глагол *гнуться* был бы уместен, предполагалась взаимозаменяемость *гнуться* и *сгибаться*. Ср. пример из В. Астафьева (имеется в виду пойманная рыба): *Забился, засверкал боец-удалец на короткой леске, сгибая удилище...* (\approx ... *гнул удилище...*). Аналогичен пример из Э. Севелы: *Вахтер у арки ленится поднять шлагбаум — деревенским, мол, бабам не привыкать, и они, сгибаясь в три погибели, пробираются под шлагбаумом...* (\approx ... *гнулись в три погибели...*).

Контексты, где один из глаголов, либо НСВ1, либо НСВ2, оказывался аномальным, причем никакое изменение его грамматической формы и/или контекста аномалию даже частично не исправляло, в расчет не брались. «Непоправимая» аномалия, как правило, имеет семантические источники, а это значит, что в таком случае о синонимии между НСВ1 и НСВ2 не приходится говорить. Например, поскольку ни глагол *прочитывать*, ни иные переходные НСВ2 не способны употребляться без прямого объекта, игнорировались случаи вроде *По вечерам он читает (*прочитывает)*.

Другим, более сложным примером может быть пара *делить* и *разделять*. Принимая в качестве прямого объекта названия эмоциональных состояний, эти глаголы в чем-то сходны, но в чем-то и существенно различны. Если *X разделяет горе Y-а* (*X разделяет с Y-ом его горе*), либо *X разделяет радость Y-а* (*X разделяет с Y-ом его радость*), либо *X разделяет беспокойство Y-а* (*X разделяет с Y-ом его беспокойство*) и т. д., то X может находиться как рядом с Y-ом, так и вдалеке от Y-а и солидаризироваться с ним только в том смысле, что испытывает такие же или подобные чувства. С другой стороны, чтобы *делить* с кем-то радость, горе, беспокойство и проч., надо быть с ним рядом и объединиться с ним, кроме

чувств, также и в некоторых совместных действиях: скажем, конструкция *X делит горе Y-а (X делит с Y-ом его горе)* значит не только то, что X пребывает в эмоциональном состоянии, подобном состоянию Y-а, но также и то, что X находится рядом с Y-ом и совместно с ним переживает какие-то вполне конкретные лишения, берет на себя вполне конкретный труд и т. п. Поэтому конструкция *X делит Z Y-а (X делит с Y-ом Z)* тем естественнее, чем легче нам с Z-ом ассоциировать ту или иную конкретную, «внешнюю» деятельность или пребывание в тех или иных конкретных, «внешних» обстоятельствах. *Горе*, которое почти всегда предполагает лишения, тяжелый труд и проч., очень хороший кандидат на такую роль. *Беспокойство* и *радость* обычно имеют менее яркие «практические манифестации», поэтому и сочетания *X делит беспокойство Y-а (X делит с Y-ом его беспокойство)* и *X делит радость Y-а (X делит с Y-ом его радость)* звучат хуже, чем *X делит горе Y-а (X делит с Y-ом его горе)*.

Еще более странно должно звучать **X делит чувства Y-а (*X делит с Y-ом его чувства)*: говоря о чувствах «вообще», мы сосредоточиваемся именно на внутреннем мире человека. Таким образом, аномалия в приведенной конструкции имеет своим источником семантическое противоречие между значением глагола *делить* и значением его прямого дополнения. Поэтому, разумеется, контексты наподобие *Я разделяю (*делю) ваши чувства* при отборе материала учитываться не могли.

Особого рода был пример из В. Гроссмана: *Людмила Николаевна отрицательно покачала головой. Десятилетия общности, слитности жизни умели и разделять*. Несомненно, глагол *делить* в этом контексте звучал бы по меньшей мере странно, однако причина этой странности здесь достаточно своеобразная. Начнем с того, что в близкой, ничуть не искажающей смысл парафразе *Десятилетия общности, слитности жизни умели этих людей не только объединять, но и разделять* вариант *делить* звучал бы хоть и неловко, но все же намного удачнее. Дело тут, следовательно, скорее не в семантических, а в стилистических соображениях, и природа последних весьма прозрачна.

В интересующем нас типе контекстов, где речь идет о делении/разделении применительно к людям, и НСВ1 *делить*, и НСВ2 *разделять* имеют по два значения, грубо говоря, «классифицировать» (ср. *делить/разделять людей на порядочных и непорядочных*) и «разобщать» (ср.: *К сожалению, благосостояние людей не объединяет, а делит/разделяет*). При этом с точки зрения частотности два значения распределяются между *делить* и *разделять* отнюдь не поровну: для *разделять* более естественно значение «разобщать», а в значении «классифицировать» он носит несколько книжный, научный характер, глагол же *делить* естественнее интерпретируется как «классифицировать», а для прочтения «разобщать», как это часто и бывает у маркированных единиц, требуется прямая поддержка контекста, например, проясняющая нужный смысл эксплицитная антитеза *не объединять, а делить*.

В предложении *Десятилетия общности, слитности жизни умели и разделять* глагол *разделять* как будто бы вступает в подобную антитезу с *общностью* и *слитностью* жизни, однако очевидно, насколько эта антитеза более скрытая, нежели антитеза, оформленная «специализированной» конструкцией *не А, а В*, и отсюда, по-видимому, малоуместность маркированного по отношению к интересующему нас смыслу глагола *делить*.

Заметим еще, что при любой антитезе второй, коммуникативно более важный ее член в идеале должен обладать и достаточно большим формальным, фонетическим «весом», а здесь даже в оригинальной версии баланс между ее членами резко нарушен в пользу первого, ибо первый член — *десятилетия общности, слитности жизни* — и состоит из большего числа слов, и не имеет таких явных эллипсисов, «опущений», каким становится отсутствие объекта у глагола *разделять*, — так что и с этой точки зрения замена *разделять* на более короткое *делить* весьма нежелательна, однако повторим, по причинам скорее стилистическим, а не семантическим.

Учитывая последнее обстоятельство, исключение этого примера из нашей статистической выборки было бы опрометчивым.

Отчасти аналогичен пример ... *руки у него длиннющие, разгибаются и сгибаются наподобие ковша экскаватора*... (Ч. Айтматов). Сказать *гну́тся* вместо *сгибаются* было бы крайне неловко, однако и здесь источник неловкости связан не с семантическими отношениями между оборотом *руки сгибаются* и оборотом *руки гнутя́*. Конструкция *руки разгибаются и гнутя́* становится ощутимо удачнее, если переставить ее части местами (ср. *руки гнутя́ и разгибаются*), то есть в результате такой трансформации, которая собственно семантическую аномалию исправить не в состоянии.

Дело здесь скорее в том, что в *разгибаются и сгибаются* два глагола друг другу противопоставлены, а поскольку корень у них один и тот же, то «сфокусироваться» их антитетические отношения должны в приставке, поэтому желательнее, чтобы оба глагола были приставочными; отсюда предпочтительность, при любом их порядке, варианта *сгибаются*. Вместе с тем, именно первый член в сочинительном ряду создает определенные ожидания, поэтому, когда ряд начинается с приставочного глагола *разгибаются*, можно предполагать, что, будь дальше употреблен его однокорневой антоним, им окажется также приставочный глагол, то есть *сгибаться*; если же ряд начинается с *гну́тся*, то очевидным образом таких ожиданий не возникает, и отсюда некоторая предпочтительность конструкции *гну́тся и разгибаются*.

Вторая причина, по которой замена *сгибаются* на *гну́тся* недопустима, — это присутствие сравнительного оборота *наподобие ковша экскаватора*, ибо *ковш* не может *гну́ться*, но только *сгибаться*; однако и эта причина по отношению к главному предмету нашего интереса очевидным образом случайна и было бы ошибкой считать, будто она коренится в самой семантике выражения *руки гнутя́*.

В одном случае вопрос о синонимии НСВ1 и НСВ2 мог решаться по-разному в зависимости от того, насколько при интерпретации соответствующего предложения учитывался бы более широкий контекст. Допустима ли для конструкции *Сгибаясь, он [Остап Бендер] заковылял назад, к советскому берегу* (И. Ильф, Е. Петров) перифраза типа *Остап Бендер гнулся?* Поскольку вообще-то человек может гнуться, например, *гнуться под ударами судьбы*, а в соответствующем эпизоде на Бендера, которого не пропустили через границу, как раз обрушился такой удар, постольку мы, хоть и с некоторой натяжкой, приняли, что здесь *сгибаться* и *гнуться* взаимозаменяемы.

Этими тремя примерами в нашем материале ограничивались случаи, когда синонимическая взаимозаменяемость НСВ1 и НСВ2 была во многом условной, а так как в общей сложности примеров было проанализировано более 700 (подробнее чуть ниже), мы думаем, что независимо от того, насколько правомерными были здесь наши решения, они не могли серьезно исказить ни полученные статистические данные, ни сделанные из них выводы.

Для вторичных имперфективов, которые встречались редко, выборка была сплошной (так, глагол *промазывать* встретился только 2 раза, *намазывать* — 5 раз, *прослушивать* — 7 раз, *прочитывать* и *выпивать* — по 22 раза), для более частотных были выбраны лишь первые в корпусе несколько десятков примеров (32 для *съесть*, 37 для *вырастить*, 44 для *сгибать*, 49 для *разделять*, по 60 для *погибать* и для *сохранять*). Примеров с первичным имперфективом мы старались взять приблизительно столько же, сколько нашлось конструкций с соответствующим вторичным, поэтому примеры с каждым первичным имперфективом выбирались из корпуса подряд, пока не достигалось некоторое их количество, близкое к числу соответствующих вторичных имперфективов. Для глагола *мазать*, соотносительного по смыслу с *промазывать* ('не попадать в цель, промахиваться') примеров было взято 2, для глагола *мазать* в значении 'наносить на что-то тонким слоем' — 6, для глагола *слушать* (доклад, лекцию, запись и т. п.) — 10, для глагола *читать* — 26, для *пить* — 25, для *есть* — 36, для *расти* — 39, для *гнуть* — 44, для *делить* — 50, для *гибнуть* — 62, для *хранить* — 64. Примеров с вторичным имперфективом проанализировано в общей сложности 340, с первичным — 364, в том числе, соответственно, 188 и 189 примеров, где глагол был переходным и у него имелся эксплицитный либо — в редких случаях — имплицитный прямой объект.

Чтобы не отягощать изложение, в дальнейшем тексте было решено приводить лишь совокупную статистику для всех вместе взятых НСВ1 и вместе взятых НСВ2, минуя сведения относительно каждой отдельной пары.

Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что одиннадцать обследованных нами видовых троек не представляют материал в его полноте, однако, исследуя поведение первичных и вторичных имперфективов в каждой паре, мы всякий раз получали настолько сходные статистические результаты,

что сама эта согласованность свидетельствует об их далеко не случайном характере.

Оговорим сразу, что, поскольку нас интересовали смысловые, а не формальные свойства НСВ1 и НСВ2, постольку там, где анализируются особенности их субъекта и объекта, подразумевается семантический субъект и семантический объект, поверхностное же их выражение в расчет не берется. В частности, как субъект трактовался не только именительный падеж подлежащего, но и дательный падеж «квазиподлежащего» в возвратных конструкциях типа *Ему не читается*, в инфинитивных конструкциях вроде *Им погибать* и т. п. Субъектом или объектом могли признаваться также синтаксические нули, как, соответственно, в примерах (2—7). (Интересующие нас НСВ1 и НСВ2 выделены курсивом, нулевые субъекты и объекты при этих глаголах маркируются, соответственно, по образцу \emptyset_S (= 'он'), \emptyset_O (= 'его').)

- (2) Воровски забиралась туда, становилась голыми коленями на каменнотвердую глину, начинала истово креститься и класть поклоны. Перед этим \emptyset_S (= 'она') торопливо и грубо *мазала* губы помадой, подаренной ей дочерью лесничего Эвирой... (А. Адамович).
- (3) Расскажи, как приезжал \emptyset_S (= 'ты') *читать* стихи, а сам вербовал для польской дефинзивы, охранки (А. Адамович).
- (4) Деловой был человек Сталин, деловой! Звонил. Распекал. Шутил. Пер на буфет. Иезуитствовал. Брал трубку. Бросал. Нажимал кнопки: вызывал помощников. Закуривал. \emptyset_S (= 'он') *Пил* чай (Ю. Алешковский).
- (5) Елагин восторженно крикнул что-то, но тут же раз за разом резко и коротко выстрелил сам — у него был бездымный порох, и выстрелы получались сухие: «Тах! Тах!» Выстрелил и Ваня, а через минуту еще и еще, но все \emptyset_S (= 'Ваня') *мазал* — то брал слишком вперед, то было далеко, то мешала какая-нибудь ветка... (Ю. Казаков). — Нельзя признать, будто *выстрелил* и *мазал* суть два сочиненных сказуемых, относящихся к одному подлежащему. В *Выстрелил и Ваня* эксплицитное подлежащее *Ваня* является либо самостоятельной ремой, либо частью широкой ремы *выстрелил и Ваня*, а при глаголе *мазал* субъект определенно должен быть тематическим. Поэтому эксплицитное подлежащее из первой конструкции, *Ваня*, просто не подходит на роль подлежащего при *мазал*, и подлежащее это оказывается нулевым.
- (6) \emptyset_S (= 'нам') *Погибать*, так вместе (В. Астафьев). — Субъект был назван в тексте раньше, это говорящий и его адресат.
- (7) — Интересно, какие теперь у моей мутти сны? Она любит их пересказывать, и мы обязаны *слушать* \emptyset_O (= 'сны' либо 'пересказ снов'), как правительственную сводку (А. Адамович).

Подлежащее возвратных глаголов трактовалось по-разному: как объект, если у глагола было страдательное значение (ср. примеры (8—9)), и как субъект в иных случаях (здесь преобладали собственно-возвратные либо декаузативные глаголы; ср. (10—12)):

- (8) Здесь так просторно после моей отдельной тюремной камеры, можно вставать, ходить, рассматривать. На хлеб *намазывается* настоящее масло, сверху настоящая икра... (Э. Лимонов).
- (9) Вам *сохраняется* жизнь без возвращения главных драгоценностей и крупной суммы денег (Юз Алешковский).
- (10) Обиженный подковыристым следователем, подавленный гибелью помощника, который час от часу становился дороже ему и ближе, обессиленный пережитым страхом и бессонницей, лежал медведебой в палатке, застегнутой снаружи, глядел в ее измазанный давленными комарами конус и хотел, чтобы кровососы съели его живо, потому и репудином не *мазался* (В. Астафьев).
- (11) Очередная цепочка вагонов выезжала на свет, вдруг все поплыло перед глазами, и Петров почувствовал, как тянет его вниз, на матово сверкнувшие рельсы, как *гнется* спина, вбирается голова в плечи — за секунду до броска (А. Азольский).
- (12) С усилием протолкнув в себя пробку недожеванного мяса, медведебой вытарачил глаза, и по выражению его лица *прочитывалось*, какими кривыми путями идет по сложному человеческому нутру горячий кус этой клятой, не к душе пришедшейся зверятины (В. Астафьев). — Предположение, будто здесь у глагола *прочитывалось* залог страдательный, не кажется убедительным ввиду возможности употребить в этом контексте совершенный вид *прочлось*, что для пассива на *-ся* не характерно.

Контролер страдательного причастия, как *Дамка* в примере (13), считался объектом:

- (13) Свалился за бревно *Дамка* и, *съедаемый* комарами, вертелся там, поскуливая... (В. Астафьев).

2. Материал

2.1. Вторичный имперфектив и референциальная определенность субъекта и прямого объекта

Как показали П. Хоппер и С. Томпсон [Hopper, Thompson 1980], при прочих равных условиях более индивидуализирована, так сказать, «осаедаема» та ситуация, чей объект обладает референциальной определенностью, а отсутствие такой определенности при прочих равных условиях делает ситуацию менее индивидуализированной. Объясняется это, повто-

римся, тем, что объект в результате действия как правило подвергается изменениям (частным случаем изменения является возникновение или исчезновение; ср., например, такие действия, как *сварить, построить, съесть, разрушить* и проч.), а именно изменения в мире особенно наглядны для нашего когнитивного аппарата. Можно думать, что похожим образом дело обстоит и для субъектов, и для всех актантов вообще: чем определеннее нами мыслится актант, тем конкретнее для нас при прочих равных условиях и вся ситуация в целом.

Не будем обосновывать этот тезис в общем виде, но сосредоточимся на субъектах.

Допустим, перед нами грамматически переходный глагол. При прочих равных условиях обозначаемая им ситуация становится более индивидуализированной, если от субъекта к объекту имеется «переток энергии», если между действиями субъекта и изменениями в объекте наблюдается прозрачная каузальная связь [Norreg, Thompson 1980; Croft 1991; 1994]. Совершенно ясно, что такой переток энергии окажется для нас более заметен, когда она имеет конкретный, однозначно идентифицируемый источник, то есть когда субъект референциально определен.

Поскольку наиболее прототипическим глагольным классом являются как раз переходные глаголы, указывающие на такой переток энергии (иначе говоря, сообщающие о какой-то деятельности субъекта и возникающих как ее следствие изменениях в объекте; см. [Croft 1991; 1994]), то уже эти наблюдения позволяют сделать вывод, что по крайней мере в очень большом числе случаев индивидуализация соответствующих ситуаций возрастает при референциально определенном субъекте.

Еще существеннее то, что при любом, в том числе и при грамматически непереходном, глаголе референциально определенный субъект имеет высокие шансы оказаться *топиком*, а у референциально неопределенного субъекта такие шансы невелики. Понятно, что топикальность субъекта и всю ситуацию в целом при иных равных условиях делает более «заметной», более «выделенной». В частности, как хорошо знают нарратологи, если текст в целом носит повествовательный характер, то предложение с референциально определенным субъектом чаще оказывается элементом основной нарративной линии, то есть первоплановым элементом дискурса; см., например, [Norreg 1979].

Поэтому разумно считать, что уровень индивидуализации повышается не только референциальной определенностью объекта, но и определенностью субъекта.

Референциальную определенность можно трактовать узко и широко. При узкой трактовке определенность или неопределенность приписывается только конкретным именованным группам, при широкой она свойственна также абстрактным и вещественным именам [Падучева 1986]. Скажем, в предложении *Зубную боль трудно терпеть* речь о всякой или о «типичной», «образцовой» зубной боли, а в предложении *Эту зубную боль труд-*

но терпеть — о боли конкретной, испытываемой конкретным субъектом в конкретное время. Аналогичным образом, фраза *Вода в болотах мутная* говорит о воде в целом, а в тексте *Официант подал нам воду. Вода была мутная* речь идет о конкретной, хорошо «вычленимой» из мира порции воды.

Поскольку подобная определенность (или, если угодно, квазиопределенность) абстрактных и вещественных имен безусловно делает соответствующую ситуацию более конкретной, легче отличимой от иных ситуаций в мире, постольку абстрактные и вещественные субъекты и объекты принимались нами в рассмотрение наравне с конкретными.

Субъекты и объекты собирательного характера, как, допустим, *студенчество* или *тряпье*, в расчет не принимались. Во-первых, их число было ничтожно, во-вторых, ни в контекстах с первичным, ни в контекстах с вторичным имперфективом не встретилось ни одного случая, когда бы такой субъект или объект обладал референциальной определенностью либо ее близким подобием, так что диагностической ценности эти примеры не имели.

Ниже для наглядности приводим некоторые из встреченных нами примеров с референциально определенными и референциально неопределенными субъектами и объектами. Интересующие нас глагол и его актанта выделены курсивом, референциально определенный актанта снабжается пометой +ОПР, неопределенный пометой –ОПР. В случае, когда актанта представляет собой сложную именную группу, как, например, *слабые в табуне* или *связь с формой коляски*, курсивом выделяется и помечается как обладающее или лишенное определенности только его главное слово.

НСВ I, референциально определенный субъект

- (14) Она подхватывала сеть, суетливо перебирала руками, но рыбу вынимать из мокрых ячей уже не могла, не *гнулись пальцы*_{+ОПР}, и *поясница* не *гнулась*_{+ОПР} (В. Астафьев).
- (15) Этот *собор*_{+ОПР}, единственный в нашем городе, когда-то *делил* Покровскую на две неравные части: шумную и тихую (С. Липкин).

НСВ I, референциально неопределенный субъект

- (16) Трое суток шел он в концевом охранении, на его глазах немцы методически, до деталей продуманно топили корабли: днем — пикирующими бомбардировщиками, ночью — торпедами и плавающими минами. *Гибли корабли*_{-ОПР}, на каждом из которых командиром стать мог он, Жилкин... (А. Азольский).
- (17) Помнил стужу, помнил волчьи ночи, помнил, как застывал в седле, как кусал губы, чтобы не заплакать, отогревая у костра заоченевшие руки и ноги, помнил весенний гололед, свинцовой коростой сковавший землю, помнил, как *гибли* тогда *слабые*_{-ОПР} в табуне... (Ч. Айтматов).

НСВ1, референциально определенный объект

- (18) Потом, сидя под мостом, мы хвастались друг перед другом, и вынудив из ее сумочки 26 рублей с копейками, сумочку вышвырнули в речку, а *деньги*_{+опр} делили (Э. Лимонов).
- (19) Сосед старательно не смотрел в его сторону, *ел* глазами смиренного *Нерона*_{+опр}, бил в ладоши (В. Тендряков).

НСВ1, референциально неопределенный объект

- (20) Поодаль нас ожидал открытый автомобиль, пунцовый снутри и снаружи: идея скорости уже дала наклон его рулю (меня поймут приморские деревья), однако общая его внешность еще *хранила*, — из ложного приличия, что-ли, — подобострастную *связь*_{-опр} с формой коляски... (В. Набоков).
- (21) Смерч не на одном месте стоял и не прямо передвигался, а ходил кругами по центру города, будто хотел именно это место полностью изничтожить. Он *гнул* до земли и ломал *деревья*_{-опр}, срывал с домов крыши, переворачивал автомобили... (В. Войнович).

НСВ2, референциально определенный субъект

- (22) *Я*_{+опр} спокойно *разделяю*, расщепляю вопрос на важных два (В. Маканин).
- (23) — Запомни: все может один только Господь Бог! — поучительно подняв палец, рокотал довольнехонький начальник. — А что, *Ø*_{S+опр} *погибая*, баллон не упустил — свидетельство в твою пользу (В. Астафьев). — У деепричастия *погибая* нулевой субъект; поскольку речь идет об адресате, его референция определенная.

НСВ2, референциально неопределенный субъект

- (24) Несмотря на сверкание стекла и металла, лишенные свободы сосиски и котлеты производят какое-то странное впечатление... *Человек*_{-опр} опускает никель, получает возможность отворить дверцу, вынимает суп, несет его на свой столик и там *съедает*, опять-таки положив шляпу под стул на специальную жердочку (И. Ильф, Е. Петров). — Денотативный статус *человека* либо генерический, либо — скорее — экзистенциальный. Так или иначе, референциальной определенности, возможности однозначно идентифицировать денотат здесь нет.
- (25) Я понял, что в Пашке *погибает* замечательный *классификатор*_{-опр} и *психолог*_{-опр} (Юз Алешковский). — И *классификатор*, и *психолог* употреблены предикативно: ‘Пашка мог бы быть классификатором и психологом’, — поэтому оба слова относят нас к некоторому признаку, но не к самостоятельному денотату и, таким образом, референциальной определенности у них быть не может.

НСВ2, референциально определенный объект

- (26) Все гости уже перещупали мускулы мистера Шарки, а он все не мог успокоиться, все *сгибал* свои короткие могучие *руки*_{+ОПР} (И. Ильф, Е. Петров).
- (27) В школу он обыкновенно ездил на извозчике, всегда, кстати сказать, старательно изучая номер, *разделяя его*_{+ОПР} особым образом, чтобы поудобнее упаковать его в памяти и вынуть его оттуда в целости, если будет нужно (В. Набоков). — В каждом отдельном случае *номер* был вполне определенный: так называемая дистрибутивная референциальная определенность.

НСВ2, референциально неопределенный объект

- (28) Можно было разглядеть геометрию улиц между квадратами красных и серых крыш, и зеленые дымки деревьев, и змеистую речку, и драгоценный блеск городской свалки, и, за городком, скрещение дорог, *разделяющих* темные и светлые *заплаты*_{-ОПР} полей, а за этим всем — лесистые громады гор (В. Набоков).
- (29) Теперь же *«быть сыту»*_{-ОПР} все силы не *съедает*, остается избыток (В. Тендряков).

Каковы же результаты проделанного статистического анализа и к каким выводам он подталкивает?

Референциально определенные субъекты у вторичных имперфективов встречались лишь немногим чаще, чем у первичных: у НСВ2 в 340 примерах таких субъектов 217, у НСВ1 в 364 примерах — 223, что составляет, соответственно, 64 % и 61 %. Иными словами, референциально определенный субъект у НСВ2 частотнее на 5 % ($64\% : 61\% = 1,05$).

Что касается референциальной определенности объектов, тут преимущество вторичного имперфектива оказалось весомее: у него из 188 объектов 100 были определенными, у первичных имперфективов — 60 случаев из 189, то есть доля определенных объектов составила, соответственно, 53 % и 32 %. Иными словами, при вторичных имперфективах определенный объект встречается на 66 % ($53\% : 32\% = 1,66$), более чем в полтора раза чаще.

Таким образом, в плане своей референциальной определенности субъект и объект у вторичного имперфектива индивидуализированы выше, причем для субъекта это преимущество не слишком заметно, зато для объекта — более чем осязаемо.

Добавим, что эта же свойственная вторичным имперфективам тенденция к более частой, чем у НСВ1, референциальной определенности центральных актантов имеет и иное проявление.

При вторичном имперфективе практически исключены «максимально неопределенные» субъекты и объекты, обозначенные местоимениями *кто-*

*то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь*⁶. Субъект *кто-то* зафиксирован лишь в одном из 340 примеров с вторичными имперфективами, а подобного объекта не встретилось ни разу. Среди 364 примеров с соответствующими НСВ1 названный неопределенным местоимением объект встретился дважды, а субъект — десять раз.

2.2. Вторичный имперфектив и одушевленность субъекта и объекта

С антропоцентричностью языка связано то обстоятельство, что одушевленные сущности наш когнитивный аппарат склонен «замечать» в мире скорее, чем неодушевленные. Приведем лишь несколько особенно выразительных фактов.

Видя перед собой некоторый фрагмент мира и будучи спрошены, что в нем происходит, мы при нормальных условиях в первую очередь обратим внимание на то, есть ли в этом «фрагменте» люди и, если есть, что они делают. Этим объясняется, почему и общая тема текста в целом, и темы отдельных его частей бывают связаны с тем или иным живым существом, особенно человеком, гораздо чаще, чем с неодушевленным предметом. Имя живого существа, особенно человека, имеет в общем случае наилучшие шансы стать антецедентом местоимения или анафорического синтаксического нуля, то есть и с этой точки зрения живое находится на более близком плане нашего сознания, чем неживое. Наконец, наименование живого существа, особенно человека, при немаркированной диатезе (для русского языка — в активном залоге) как правило становится главным претендентом на роль подлежащего, то есть на самую привилегированную синтаксическую позицию; см., например, [Dowty 1991; Croft 1991]⁷. Поэтому более последовательная одушевленность субъекта и объекта, зависящих от какой-то группы глаголов, свидетельствовала бы о том, что здесь ситуация представляется как в общем случае более высокоиндивидуализированная.

⁶ По мнению А. Вежбицкой, *кто-то* и *что-то* — это семантически наиболее бедные из слов с предметным значением, смысл их сводится, по существу, к «чистой референции». Местоимения на *-нибудь* несколько богаче по смыслу, см., например, [Падучева 1985; Селиверстова 1988].

⁷ При желании можно было бы привести и менее известные свидетельства. Скажем, как продемонстрировала С. Флейшман [Fleischman 1990: 149—154 и др.], в старороманских нарративных текстах смена грамматического времени с прошедшего на настоящее (настоящее историческое или настоящее «нарративное») и обратно нередко коррелирует с переносом внимания от одного персонажа к другому, но не от предмета к предмету или от места к месту. Иными словами, этот весьма частый в языках мира механизм структурирования текстов действует лишь там, где речь идет о людях, в крайнем случае о животных или каких-то антропоморфных сущностях, и этим живому также сообщается определенная когнитивная привилегированность.

Одушевленные субъекты оказались у НСВ2 несколько более частыми, чем у НСВ1: соответственно 229 случаев из 340 и 216 случаев из 364 (67 % и 59 %, то есть у НСВ2 такой субъект частотнее на 14 % (67 %: 59 % = 1,14)). Чуть более часты были и одушевленные объекты: 25 случаев из 188 против 21 из 189 (13 % и 11 %, преимущество в частотности одушевленных объектов у НСВ2 — 18 % (13 %: 11 % = 1,18)).

Таким образом, если индивидуализированность соответствующих ситуаций измерять одушевленностью их участников, то и здесь некоторое, хотя и не очень значительное преимущество на стороне вторичного имперфектива.

Пояснение 1. Думаем, что в этом и следующем пункте, ввиду предельной очевидности соответствующих примеров, без них можно легко обойтись. Отметим только, что при подсчетах нумеративные группы типа *два человека, пятеро друзей, три стола*, если они обозначали живые существа, приравнивались к одушевленному существительному, а если нет — к неодушевленному.

Пояснение 2. Помимо изложенного выше вполне традиционного представления об одушевленности, возможен и более радикальный взгляд: грамматическая одушевленность связана не с принадлежностью референта к живым существам (хотя и здесь принимается, что этот случай наиболее типичный), но напрямую с его высокой индивидуализированностью; см. [Nørgård-Sørensen 1997]. В пользу такой интерпретации свидетельствует, например, и то, что собирательные существительные типа *профессура, студенчество, молодежь*, называющие заведомо плохо индивидуализируемое, достаточно аморфное и потому лишь с трудом «вычленимое» из мира множество людей, оказываются неодушевленными; и то, что не относящиеся к живому существительные, когда посторонние обстоятельства повышают индивидуализированность их референта, могут вести себя как одушевленные (скажем, первостепенная значимость *туза* в карточной игре позволяет употреблять это слово по «одушевленному» образцу: *дать туза*); наконец, очень похожие по семантике существительные, называющие рыб, ведут себя то как одушевленные, то как неодушевленные в зависимости от того, склонны ли мы в этих рыбах видеть отдельные особи или просто еду; скажем, по тем или иным причинам, в первую очередь ввиду размера, лососи для нас обладают большей индивидуальностью, чем кильки, отсюда контраст *видеть лососей* (^{??}*лососи*) vs. *видеть кильки* (^{??}*килек*).

2.3. Вторичный имперфектив и лексико-грамматический класс субъекта и объекта

Существительные традиционно принято разделять на конкретные, вещественные, абстрактные и собирательные. Обозначаемый конкретным существительным предмет (в достаточно широком смысле, включая сюда и живое существо) обладает большей онтологической «автономностью» и «нерасчлененностью», нежели та или иная «порция» вещества, абстрактное явление или рассматриваемая как целое группа предметов. Иными словами, конкретное существительное в общем случае отсылает к более «опознаваемому», отчетливее индивидуализированному референту.

Поэтому если верно, что вторичный имперфектив предполагает лучшую индивидуализированность ситуации, то доля конкретных по лексико-грамматической принадлежности субъектов и объектов у вторичного имперфектива должна оказаться выше. Этот прогноз подтверждается статистикой.

У НСВ2 в 340 примерах конкретных субъектов было 295, вещественных — 12, абстрактных — 32, собирательный — один. У НСВ1 в 364 примерах конкретных субъектов оказалось 298, вещественных — 33, абстрактных — 30, собирательных — 3. Таким образом, конкретные субъекты у НСВ2 составляют 87 %, а у НСВ1 — 82 %, то есть в первом случае они на 6 % частотнее ($87\% : 82\% = 1,06$).

В случае объектов в контраст между НСВ2 и НСВ1 становится весьма ощутимым. У НСВ2 из 188 примеров объект был конкретный в 101 случае, вещественный — в 25, абстрактный — в 62, а собирательного объекта не встретилось ни одного; у НСВ1 в 189 примерах конкретных объектов — 70, вещественных — 65, абстрактных — 54, и вновь ни одного собирательного. Доля конкретных объектов у НСВ1 составляет 37 %, а у НСВ2 — 54 %, то есть у НСВ2 они частотнее на 46 %, почти в полтора раза ($54\% : 37\% = 1,46$).

2.4. Вторичный имперфектив и дискурсивная «новизна» референтов

Если уровень индивидуализированности ситуации определяется, среди прочего, тем, насколько нам легко идентифицировать ее участников, то измерять этот уровень можно их дискурсивной доступностью. Дискурсивная доступность того или иного референта зависит от того, появлялся ли он в предтексте, а если нет — то насколько он вообще «нов» для нашего сознания, насколько нам легко его однозначно идентифицировать, опираясь на его ассоциативную связь с каким-либо фрагментом левого контекста или на наши общие знания о мире.

Как показано в [Prince 1981], по этому признаку выступающие в тексте референты делятся на четыре основных типа:⁸

1. «Преждеупомянутые» (*evoked referents*): в предтексте есть прямое упоминание данного референта. Ср. примеры (30—34):

(30) *Комбат хранил* письмо генерала рядом с партийным билетом и размахивал им, когда его начинали урезонивать (А. Азольский). — Очевидно, что речь о субъекте, комбате (как, впрочем, и об объекте, письме), выше уже шла.

(31) Но вдруг так захотелось ему оказаться, пусть за колючей проволокой, но со всеми вместе. С немцами. С теми, кого еще недавно

⁸ Внутри отдельных типов Э. Принс также проводит тонкие разграничения, которые здесь не обязательно рассматривать.

страшился больше всего на свете. Но все переменилось: они в плену, *они* страдают, *погибают* от болезней, голода (А. Адамович).

- (32) ... портной, отойдя на шаг, прищурился на лужинскую фигуру, промурлыкал с вежливым смешком, что господин несколько в теле, а потом взялся за новорожденные отвороты, что-то подтянул, что-то подколол, меж тем, как Лужин, с жестом, свойственным всем людям в его положении, слегка отводил руку или *сгибал ее* в локте, глядя себе на кисть и стараясь свыкнуться с рукавом (В. Набоков).

2. «Выводимые», «имплицированные» референты (*inferred referents*): представление о референте может логически имплицироваться предтекстом или из него по ассоциации «угадываться», как, скажем, из упоминания о зоопарке угадывается присутствие горилл в тексте *Я сходил в зоопарк. Гориллы были мрачные*. Ср. примеры:

- (33) Вдвоем переписывали они творения какого-то генерала, украшавшего свои конспекты виньеточками, многозначительными подчеркиваниями, *темы* аккуратно *разделялись* на главки, подглавки и параграфы (А. Азольский). — Очевидно, что то или иное достаточно длинное произведение затрагивает разнообразные темы.
- (34) Второе знамение пришло летом, когда Город был полон мощной пыльной зеленью, гремел и грохотал, и *германские лейтенанты выпивали* море содовой воды (М. Булгаков). — Присутствие германских лейтенантов вытекает из присутствия германских войск, о котором говорилось раньше.
- (35) ... я не успел завершить сладостный зевок — на удочке загуляла сильная рыбина, потянулась под сучковатый кедр, уперлась в нахлестный вал отбоя. Но я не дал уйти хариусу под кедр — там он запутается в сучках, сорвется, быстро повел его и ходом вынес на опечек. Забился, засверкал боец-удалец на короткой леске, *сгибая удилице*, обручем завертываясь в кольцо... (В. Астафьев). — Удилище является неперменной частью прежде упомянутой удочки.

3. «Прежде не использованные» референты (*unused referents*): такие, которые в предшествующем тексте не назывались и из предшествующего текста не «угадываются», но которые заведомо уникальны и потому уже при первом упоминании обладают полной денотативной определенностью, как, допустим, *Солнце*, *Москва* или *мой отец* (при условии, конечно, что известно, кто именно это говорит). Ср. примеры:

- (36) Поскольку «Отблеск пламени» был инсценирован, экранизирован, превращен в оперу, в его прокуренной, запущенной комнате все время роились люди «от искусства», в открытую дверь лауреата валил сигаретный дым, катился мат и возгласы типа: «Нет, только свободная литература дееспособна!..»; «Искусство задавлено по-

литиками!..»; «*Культура гибнет* под напором серости!..»... (В. Астафьев).

- (37) Изредка, истомившись, человек опускал винтовку прикладом в снег, остановившись, мгновенно и прозрачно засыпал, и черная стена бронепоезда не уходила из этого сна, не уходили и некоторые звуки со станции. Но к ним присоединялись новые. *Вырастал* во сне *небосвод* невиданный. Весь красный, сверкающий и весь одетый Марсами в их живом сверкании (М. Булгаков). — Небосвод не предупоминается, однако он заведомо существует и в реальном мире, и в любом сколько-нибудь похожем на реальный мире сновидений и при этом заведомо единичен; в частности, каким бы оптическим метаморфозам он ни подвергался, это не значит, будто перед нами два или несколько *разных* небосводов.
- (38) Мы хотим, чтобы вы себя чувствовали у нас как дома. Перед вашим прибытием был сделан полный (подчеркнуто) инвентарь. Номер вашего автомобиля у нас записан. Пользуйтесь горячей водой в меру. Мы *сохраняем* за собой *право выселить* без предупреждения *всякое нежелательное лицо* (В. Набоков). — Наличие у гостиничных властей права выселять нежелательные лица никак не подсказано предтекстом, но легко может предполагаться, исходя из общих соображений. Поскольку же гостиничные власти тут вполне конкретные, то и обсуждаемое их право обладает свойством уникальности.

4. Всецело новые для данного текста референты (*new referents*), упоминающиеся впервые и при этом никак ассоциативно не «угадываемые» и не уникальные. Вот примеры:

- (39) И над этими вещами, в том виде, в каком они оставались во мне, время было бессильно, и это было, пожалуй, единственное, что мне удавалось удержать из беспрестанно исчезающего, движущегося мира, который все увеличивался, по мере того как проходило время, и в бездонных пространствах которого *гибли* целые *страны* и *города* и почти *бесчисленное количество людей*, которых я больше не увижу (Г. Газданов).
- (40) Сыновья лейтенанта сидели на зеленой скамейке в городском саду, значительно поглядывая на подъезд «Геркулеса». Препираясь, они не замечали даже, что *ветер, сгибавший* пожарную струю фонтана, сыплет на них сеяную водичку (И. Ильф, Е. Петров). — О ветре раньше не говорилось.
- (41) Алкоголизм *съедает избыток моих бумажных денег* (Юз Алешковский). — Существование такого избытка не подсказывается никакой содержащейся в предтексте информацией, и предполагать его наперед, исходя из наших общих знаний о мире, скорее всего тоже нельзя, особенно ввиду того, что это не просто избыток де-

нег, но еще и избыток денег *бумажных*, избыток, так сказать, весьма «специфический».

Замечание. Подчеркнем, что предложенная Э. Принс классификация референтов по степени их дискурсивной новизны отнюдь не тривиальна — в том смысле, что не находится во взаимно-однозначных соответствиях с делением референтов на определенные и неопределенные. Так, «предупомянутый» референт обычно бывает определенным, но может и сохранять неопределенность (ср. *Люблю белок. Они иногда очень красивы*, где денотативный статус местоимения *они* однозначно неопределенный). «Выводимый», «имплицированный» референт может быть и определенным, и неопределенным; ср. соответственно тексты *Я открыл капот машины. Двигатель был неисправен*, где *двигатель* «выводим» и практически наверняка определен (ибо двигатель у машины нормально только один), и *Я открыл капот машины. Свеча была неисправна*, где существительное *свеча* скорее всего значит ‘одна из имеющихся в двигателе свечей’ и референциальной определенности лишено.

Понятно, что эта классификация имеет прямое отношение к «опознаваемости», к уровню индивидуализации соответствующих актантов. «Выводимый», «имплицированный» референт в общем случае индивидуализирован хуже, чем «преждеупомянутый», а «новый» — хуже, чем «выводимый».

Что касается «прежде не использованного» референта, то его статус кажется дискуссионным. Согласно Э. Принс (см. особенно [Prince 1981: 245]), по доступности такие референты проигрывают лишь «преждеупомянутым» и занимают на соответствующей шкале второе место, однако представляется интуитивно правдоподобным, что «выводимые» референты все-таки в каком-то плане доступнее «прежде не использованных».

«Прежде не использованные» референты бывают настолько схожи с «новыми», что не всегда удается убедительно разграничить два эти типа. Скажем, хотя в примере (37) референт *небосвод* мы признали «прежде не использованным», ибо этот объект уникален, в некоторых контекстах (не исключая, вероятно, и приведенного) упоминание этого объекта может оказаться настолько неожиданным, что это безусловно приблизит его к дискурсивно «новым». Впрочем, это не так уже существенно, ибо в связи с обсуждаемым здесь вопросом об относительной индивидуализированности ситуаций при употреблении первичного и вторичного имперфектива предельно показательно просто соотношение между несомненно первыми на интересующей нас шкале «преждеупомянутыми» субъектами и объектами и несомненно последними на ней субъектами и объектами, которые в тексте «новы»⁹.

Субъект первичного имперфектива был «новым» в 80 случаях из 364, а «преждеупомянутым» — в 199 случаях. Для вторичного имперфектива

⁹ Есть и другой способ сопоставить тут НСВ1 и НСВ2 — сравнить в каждом случае просто долю «новых» субъектов и объектов в общем числе примеров. Предоставляем читателю убедиться, что и здесь результат будет подобен тому, какой представлен в следующих абзацах.

цифры, соответственно, 46 случаев и 218 случаев из 340. Таким образом, у НСВ1 высокоиндивидуализированные «преждеупомянутые» субъекты составили 249 % от числа «новых», а у НСВ2 — 474 %, почти вдвое больше ($474 : 249 = 1,9$; т. е. больше на 90 %).

«Преждеупомянутых» объектов у НСВ1 было 52, а «новых» — 70, в то время как у НСВ2 их оказалось, соответственно, 54 и 40. Таким образом, у НСВ1 «преждеупомянутых» объектов по сравнению с «новыми» всего лишь 74 % ($52 : 70 = 0,74$), а у НСВ2 — 135 % ($54 : 40 = 1,35$), то есть вновь едва ли не вдвое больше (на 82 %; $135 \% : 74 \% = 1,82$).

Как видим, и по уровню дискурсивной активированности субъекта и объекта вторичный имперфектив обладает над первичным весьма существенным, почти что двукратным превосходством.

2.5. Вторичный имперфектив и рефлексивизация

В п. 1 мы говорили, что, согласно теории транзитивности [Норрег, Thompson 1980], ситуация при прочих равных условиях тем более индивидуализирована, чем у нее больше участников, ибо каждым из своих участников она «зацеплена» за действительность. Особенно важны при этом, по П. Хопперу и С. Томпсон, центральные участники — субъект и прямой объект.

Рефлексивизация переходного глагола сопряжена чаще всего либо с «потерей» прямого объекта (например, когда глагол приобретает медиальное, принципиально «безобъектное» значение; когда глагол становится собственнo-возвратным, то есть объектом оказывается сам субъект и, таким образом, здесь уже нет двух разных и по-разному «прикрепляющих» ситуацию к действительности участников; когда глагол становится активно-безобъектным, как в *Собака кусается*, и объект предельно «обобщается», уже не помогая в идентификации соответствующей ситуации), либо с «потерей» субъекта (скажем, у так называемых характеризующе-качественных возвратных глаголов, ср. *Проволока легко гнется* в смысле 'у проволоки есть свойство поддаваться сгибанию'), либо с переводом объекта в более низкий, чем у прямого дополнения, синтаксический ранг (косвенно-возвратные глаголы, как *взяться за что-то, одолжиться чем-то*), либо с переводом субъекта из актантов в сирконстанты (пассивная трансформация, см., например, [Grimshaw 1990: 109—118; Мельчук 2004]; ср. также [Siewierska 1988]).

Отсюда следует, что в общем случае рефлексивизация связана с понижением уровня «опознаваемости» ситуаций и что если наша гипотеза о более высокой индивидуализации ситуаций у НСВ2 верна, то и возвратность у таких глаголов должна оказаться более редким явлением, чем у соответствующих первичных имперфективов.

Действительно, примеры типа (8—9), (12) и (42—44) с возвратным вторичным имперфективом встречались реже, чем примеры с возвратным НСВ1, наподобие (10—11) и (45—47).

Возвратный НСВ2

- (42) Тогда я ухватился за его шею и попытался загнуть ее в обратную сторону. Шея не *сгибалась* (Ф. Искандер).
- (43) Запах крашенных яиц, которые мы, играя, катали по лакированным красным лоточкам; победить значило разбить своим яйцом чужое. Разбитое яйцо *съедалось*: победитель и побежденный по очереди от него откусывали (И. Грекова).
- (44) Вот еще тоже «хорошим» сюрпризом было узнать от местных жителей, что дальше река эта *разделяется* на два рукава, отчего становится очень мелководной и быстрой: в нагруженном каное ехать там и думать нечего (М. Пришвин).

Возвратный НСВ1

- (45) Ловили форель, но ловилось худо, зато *елось* и *пилось* хорошо, потому что в этой благодатной стране есть что кушать, есть что пить (В. Астафьев).
- (46) Читаешь книгу — в ней текст песенки, популярной в годы моей юности. Для меня она поет, для других молчит, *читается* только глазами (И. Грекова).
- (47) День выдался мучительный, подлый. *Слушалось* несколько склочных тягучих дел (И. Деген).

Примеров с изначально транзитивным глаголом НСВ2 было 241, с изначально транзитивным НСВ1 — 261. При этом невозвратных НСВ2 оказалось 189 (78 %), невозвратных НСВ1 — 188 (72 %), так что доля сохраняющих изначально переходность вторичных имперфективов хотя и не намного (точнее, на 8 % — $78\% : 72\% = 1,08$), но все-таки больше, чем доля сохраняющих изначально переходность НСВ1¹⁰.

2.6. Вторичный имперфектив
и лексические показатели агентивности

По П. Хопперу и С. Томпсон, поскольку именно действия живых существ и особенно человека мы склонны «замечать» в первую очередь, то при прочих равных обстоятельствах большей индивидуализированностью обладает высокоагентивное действие. Поэтому есть причины думать, что вторичный имперфектив будет встречаться чаще первичного там, где при глаголе есть те или иные лексические показатели агентивности, исключающие неагентивную интерпретацию, — слова типа *тщательно, внимательно, бережно, старательно, напористо, ревностно, нарочно, послушно, торопливо, с трудом, ради, удался* (+ инфинитив), *уметь, нужно* и т. п., как в примерах (48—51):

¹⁰ И первичные, и вторичные возвратные имперфективы имели, как правило, собственно-возвратное или медиальное, реже страдательное значение.

- (48) У Полесова было лицо оперного дьявола, которого *тщательно ма-зали* сажей перед тем, как выпустить на сцену (И. Ильф, Е. Петров).
- (49) ... доктор Шванебах уже видел пропасть, на краю которой раскачивалась Александрина, такая юная и прекрасная, обойденная жизненными уладами, со страхом в сердце, который ему тоже *удавалось прослушивать* с помощью своей черной трубочки... (Б. Окуджава).
- (50) Несмотря на интриги Берии, старик *мужественно сохранял* свою тайну (Ф. Искандер).
- (51) ... их сделала такими *необходимость прочитывать* по сто писем в день... (И. Ильф, Е. Петров).

Действительно, при НСВ1 эксплицитные показатели агентивности встретились в 24 случаях из 364, а при НСВ2 их было 26 на 340 примеров, то есть соответственно 7 % и 8 % — так что доля НСВ2 превосходит долю НСВ1 на 14 % ($8\% : 7\% = 1,14$).

Замечание. Можно предположить, что эта же тенденция к несколько более высокой агентивности у НСВ2 проявляет себя и иным образом, а именно, если мы попытаемся сочетать вторичный имперфектив с эксплицитными показателями низкой агентивности, в частности заведомой бесцельности действия, то в ряде случаев либо возникнет неловкость, либо, чтобы вторичный имперфектив звучал безукоризненно, потребуются поддержка контекста. Так, в следующих примерах, по нашему ощущению и по мнению двух информантов, взятый в скобки вторичный имперфектив звучит хуже, чем первичный:

- (52) Он тупо слушал (?выслушивал) отчет.
- (53) Он писал, писал и все время публиковал (?опубликовывал) никому не нужные работы.

К сожалению, статистическими данными о том, как часты НСВ1 и НСВ2 в подобных «контекстах бесцельности», мы не располагаем.

2.7. Вторичный имперфектив и конкретность/генеричность предложения

Предложения можно разделить на конкретные и генерические. В первом случае ситуация прикреплена к определенному времени, а во втором речь идет о повторяющемся действии, в том числе часто о привычке, а также о закономерности либо же просто о той или иной потенции¹¹. Вот некоторые примеры конкретных и генерических высказываний, встретившиеся в нашем корпусе.

¹¹ Иногда об этом же различии говорят в терминах «актуальность — неактуальность ситуации» или «актуальность — неактуальность соответствующего дискурса»; см. например [Плунгян 2008: 23—24].

НСВ1 с конкретным значением

- (54) Они *пили* коньяк за здоровье присутствующих, потом за здоровье женщин отдельно, и Зураб сказал, что ждет через неделю приезда жены с ребенком (Ф. Искандер).
- (55) Смерч не на одном месте стоял и не прямо передвигался, а ходил кругами по центру города, будто хотел именно это место полностью уничтожить. Он *гнул* до земли и ломал деревья, срывал с домов крыши... (В. Войнович).

НСВ2 с конкретным значением

- (56) Еще было совсем светло, но фонари уже сияли лимонным светом. На глазах у всех *погибала* весна (И. Ильф, Е. Петров).
- (57) Быстрыми шагами вошла Нина Асташова. Схватила со стола бумагу, быстро пробежала ее и, не *разделяя* слов, сказала:
— Хам сукин сын идиот (И. Грекова).
- (58) Что же это — и смерть не смерть, и горе не горе! Сидит, *выпивает* себе, как на вечеринке, и хоть бы что! (Ч. Айтматов).

НСВ1 с генерическим значением

- (58) В этой крошечной грызне, разрываемой воплями и воем, по ошибке, бывало, грызли сами себя. В ней *гибли* совершенно невинные (Юз Алешковский).
- (59) Метнет на стол горсть фасолин, а потом смотрит, смотрит, как они легли, и спокойно *читает* вашу судьбу (Ф. Искандер).

НСВ2 с генерическим значением

- (60) Приказ этот был вызван тем, что слишком много скота *погибало* на летних пастбищах (Ф. Искандер).
- (61) Известно, сколько какой пищи съедает в год средний гражданин республики. Известно, сколько этот средний гражданин *выпивает* в среднем водки с примерным указанием потребляемой закуски (И. Ильф, Е. Петров).

Конструкций с НСВ2, имеющих негенерическое, конкретное значение — 179 из 340 (53 %), а таких же конструкций с НСВ1 — 166 из 364 (46 %), то есть при вторичном имперфективе конкретное значение предложения на 15 % частотнее (53 %: 46 % = 1,15). Это свидетельствует о сопряженной с вторичным имперфективом большей индивидуализированности ситуаций.

2.8. Вторичный имперфектив и таксисная соотнесенность ситуаций

Очевидно, ситуация при прочих равных условиях лучше индивидуализирована, если она эксплицитно включена в ряд предшествующих ей во времени и/или следующих за ней ситуаций, через соотнесение с которыми

она получает более четкую временную локализованность. В частности, именно такие и только такие соотнесенные друг с другом ситуации формируют так называемый первый план всякого нарративного текста (см. особенно [Nopper, Thompson 1980]).

Немаловажно и то, что по умолчанию событиям в таком ряду мы часто приписываем не только временную соположенность, но и причинно-следственную связь (по выражению С. Флейшман, в нарративном дискурсе действует принцип *post hoc, ergo propter hoc* [Fleischman 1990: 175]), и именно по месту события в каузальной цепи оно в первую очередь нами и идентифицируется; см. [Davidson 1980]¹².

¹² Разумеется, когнитивной привилегированностью дискурсивной связи по принципу «раньше одно, потом другое» сравнительно с иными типами текстовых отношений (детализацией, когда о той же самой ситуации сообщаются дополнительные сведения, пояснением, когда указывается на причины, почему данная ситуация возникла или почему мы думаем, что она возникла, и др.; см. особенно [Asher, Lascarides 2003; Jasinskaja 2009]) объяснимо и то, почему именно нарративные тексты оказались центральным предметом интереса для большинства занимающихся дискурсом исследователей. Подробнее об источниках и о конкретных проявлениях этой привилегированности см. [Зельдович в печати]. К последним, например, принадлежит то, что в нарративном тексте именно первый, собственно повествовательный план обычно тоньше нюансируется, легко «раслаиваясь» на, так сказать, «просто первый план» (в типичном случае маркируется перфективными глаголами в прошедшем времени) и «особенно важный подплан первого плана», где обычно выступают глаголы в настоящем историческом либо настоящем нарративном; см. [Fleischman 1990]. Второй план тоже может нюансироваться, в частности специальными средствами, показывающими, что событие выведено из основного повествовательного времени (например, принадлежит к *предыстории* и основных событий; в языках, где она есть, здесь типична плюсквамперфектная форма глагола — см., например, [Петрухин 2008]), однако в целом такая нюансировка и намного более редка, и используются здесь более экзотические, периферийные языковые средства (ср. хотя бы маргинальность плюсквамперфекта).

Лингвистам известно и о том, что многие языковые закономерности действуют (или — последовательнее действуют) именно в нарративном ряду. По данным Дж. Майхилла [Myhill 1992], если в языке достаточно частотен словопорядок VS, то он используется как в нарративном ряду, так и вне нарративного ряда, а словопорядок SV характерен исключительно или почти исключительно для «вненарративных» предложений. Существенно, что если с ходом времени, как это было, в частности, в древнееврейском, тип VS становится более редким, то происходит это именно за счет *нарративных* предложений: нарративную функцию начинают перенимать также предложения с порядком SV, что же касается ненарративных предложений, то статистическое распределение в них словопорядка SV и словопорядка VS остается приблизительно неизменным. Иными словами, в рассматриваемом случае изменение словопорядка по сути оказывается не изменением словопорядка *вообще*, но изменением словопорядка в *нарративных предложениях*. Если же изменение столь типологически важной, столь многое в языке предопределяющей его характеристики, какой является его доминирующий слово-

Поэтому можно думать, что в примерах наподобие (62—67) уровень индивидуализации обозначенных имперфективами ситуаций повышается просто оттого, что здесь присутствует эксплицитная «событийная цепь».

«Цепное» употребление НСВ1

- (62) *Отказавшись* от насилия, тоталитаризм *гибнет* (В. Гроссман).
 (63) ... *покупаю* «Правду» и *читаю* сообщение о скоропостижной смерти от тройного кровоизлияния в мозг, повредившего черепную коробку верного большевика-ленинца, дорогого товарища утописта Зиновьева... (Юз Алешковский).
 (64) Вновь и вновь она *мазала* легкий мяч — и, смеясь, *пародировала* досаду тем, что склонялась вперед в балетном изнеможении, с повисшим со лба локоном (В. Набоков).

«Цепное» употребление НСВ2

- (65) Впереди шли муравьи-разведчики. Они пытались пробиться наверх и по одному *застревали* и *погибали* в смоле (М. Пришвин).
 (66) Она входила в лифт, кабина уплывала вверх, Петров *отходил* к стене и *прослушивал* набор звуков, отдалявших его от Лены, — мягкий скрип лифта, щелчок остановки, лязг закрываемой двери (А. Азольский).
 (67) От дворника я выведал, что он *увез* с собою всю мебель и очень ее *сохраняет* (И. Ильф, Е. Петров).

По частотности употребления в соотносительных конструкциях вторичный имперфектив обнаруживает колоссальное превосходство над первичным. Такого рода соотносительность присутствовала у НСВ2 в 123 примерах из 340, а у НСВ1 — в 70 примерах из 364, то есть подобных примеров было, соответственно, 36 % и 19 %, так что частотность НСВ2 здесь на 89 % выше, чем частотность НСВ1 (36 %: 19 % = 1,89).

2.9. Предварительные выводы

Итак, мы выделили восемь параметров, в которых проявляет себя уровень индивидуализации ситуаций. Это референциальная определенность/неопределенность субъекта и объекта, их одушевленность/неодушевленность, их лексико-грамматическая конкретность/неконкретность, уровень их дискурсивной «новизны»; частота появления глагола в возвратной форме, наличие/отсутствие в предложении эксплицитных показателей агентивности, конкретность/генеричность передаваемого в нем смысла, наличие в тексте сообщения об иных ситуациях, которые во времени предшествуют и/или следуют за данной.

порядок, происходит раньше в области нарративных, предполагающих секвентную связь предложений, это также не может не свидетельствовать об их центральном месте в языковой системе.

Статистический анализ дал удивительно согласованные результаты и показал, что по всем без исключения показателям вторичный имперфектив имеет перед первичным преимущество, которое в одних случаях невелико, зато в других весьма значительно. К вопросу, откуда идут эти различия, мы обратимся ниже.

3. Обсуждение результатов

3.1. О сходствах между вторичным имперфективом и производящим глаголом совершенного вида

В свете приведенных данных оказывается, что не только по своей результативности (непрерывному присутствию идеи результата в его семантической структуре), но и по целому ряду иных свойств вторичный имперфектив ощутимо ближе к соответствующему глаголу совершенного вида, нежели имперфектив первичный.

Во-первых, как давно известно, при употреблении совершенного вида наше внимание чаще сосредоточено не на субъекте, а на объекте, который, среди прочего, имеет здесь достаточно высокие шансы стать топиком дальнейшего текста, а несовершенный вид в общем случае имеет скорее субъектную ориентацию; см. например [Comrie 1976: 86; Durst-Andersen 1993: 101 и др.]¹³.

Объясняется такое различие в конечном счете тем, что почти все глаголы СВ (кроме делимитативов и, возможно, пердуративов) указывают на результативное действие, а НСВ во многих случаях позволяет мыслить действие в отвлечении от результата. Поскольку прототипический объект в результате действия изменяется (см. например [Croft 1991; Dowty 1991; Ackerman, Moore 2001; Levin, Rappaport Hovav 2005]), он и становится, так сказать, «носителем результата» и потому при употреблении совершенного вида привлекает особое внимание.

Из сказанного понятно, что от прямо выражающих идею результата вторичных имперфективов можно ждать большей, чем у первичного имперфектива, ориентированности на объект — что и подтверждается нашей статистикой, согласно которой по своей индивидуализированности объекты НСВ2 «отрываются» от объектов НСВ1 намного серьезнее, чем субъекты НСВ2 от субъектов НСВ1.

Например, если референциально определенных субъектов у НСВ1 61 %, а у НСВ2 64 % (разница совсем незначительная: определенный субъект встречается у НСВ2 лишь на 5 % чаще ($64 \% : 61 \% = 1,05$)), то референци-

¹³ Разумеется, по ряду причин, которые представлены в [Зельдович 2012: 113—117], эту закономерность ни в коем случае нельзя абсолютизировать, однако ее существование совершенно несомненно.

ально определенных объектов, соответственно, 32 % и 53 %: разница в их частотности 66 %, в тринадцать раз большая ($53 \% : 32 \% = 1,66$).

Аналогичным образом, если доля конкретных по лексико-грамматической принадлежности субъектов у НСВ2 лишь немногим больше, чем у НСВ1 (соответственно, 87 % и 82 %), то доля конкретных объектов выше в полтора раза (соответственно, 54 % и 37 % — $54 \% : 37 \% = 1,46$).

Ниже мы еще в несколько иной связи вернемся к этой теме.

Во-вторых, уже само то, что и субъект (пускай даже эта тенденция и не выражена ярко), и объект вторичного имперфектива тяготеют к большей, чем у НСВ1, референциальной определенности, сближает вторичный имперфектив с глаголами совершенного вида, у которых, как давно известно, наблюдается та же самая тенденция; см. например [Hopper, Thompson 1980]¹⁴.

В-третьих, для совершенного вида естественнее обозначать единичное, а не многократное действие, и этому соответствует некоторая тенденция вторичных имперфективов к употреблению в высказываниях, описывающих не генерическую, а конкретную, хорошо локализованную во времени ситуацию — ибо едва ли не наиболее значительный подкласс генерических ситуаций составляют ситуации повторяющиеся, итеративные, а наиболее прототипическим представителем негенерических являются ситуации единичные.

В-четвертых, как давно отмечалось, в наиболее прототипическом случае русский совершенный вид употребляется с *с е к в е н т н о*: либо отсылает к событию, которое включено в целую повествовательную «цепь» (так происходит в наррации и в сравнительно редких соотносительно-кратных конструкциях), либо обладает перфектным значением, сигнализируя, что прошлое событие мыслится в своей соотнесенности с моментом речи, то есть также в своей *р я д о п о л о ж е н н о с т и* с какой-то иной ситуацией¹⁵.

¹⁴ Это обстоятельство, среди прочих, побудило некоторых исследователей искать аналогию между оппозицией «референциально определенное — референциально неопределенное» и оппозицией «совершенный вид — несовершенный вид глагола»; см. особенно [Мелиг 1998].

¹⁵ См. особенно [Galton 1976] и [Барентсен 1995], где секвентность признается важнейшим, «конститутивным» семантическим свойством совершенного вида.

Добавим, что в свете проведенного Э. Бенвенистом принципиального разграничения между «текстом-историей» и «текстом-дискурсом», то есть между текстом, где автора как бы нет, затерты все признаки его присутствия, и текстом, в котором автор себя обнаруживает, в котором, в частности, описываемое соотносится с фигурой говорящего через лицо и дейксис и соотносится с моментом речи (скажем, через употребление перфектного времени в романских языках), — в свете этого разграничения два обсуждаемых типа употреблений СВ суть не что иное, как проекция одного и того же «секвентного» инварианта в разные модусы текстопостроения; см. особенно многочисленные работы Е. В. Падучевой, например [Падучева 2008: 61—62 и др.]; конкретное содержание упомянутого инварианта, как оно нам видится, представлено в [Зельдович 2012: 34—71].

Поэтому очередным сходством вторичного имперфектива с производящим СВ надо считать его намного более частое, чем у НСВ1, употребление там, где ситуация прямо соотносится с ситуациями, имевшими место прежде или позднее.

Таким образом, подобие между НСВ2 и соответствующим СВ не сводится просто к наличию в обоих случаях представления о результате, но касается также и иных присущих им свойств, которые, по всей вероятности, в конечном счете восходят к представлению о результате, но связь эта не настолько очевидна, и даже прямой их учет заслуживает пристального внимания.

Это, однако, еще далеко не все выводы, которые следуют из нашего статистического материала.

3.2. О величине различий между вторичным и первичным имперфективами

Хотя НСВ2 обнаружил преимущество перед НСВ1 по всем без исключения рассмотренным «параметрам индивидуализации», размер этого преимущества колеблется в очень широких границах. В одних случаях превосходство НСВ2 было мизерно или невелико: например, референциально определенный субъект у НСВ2 встречается лишь на 5 % чаще, одушевленный объект — на 18 %; зато по другим параметрам «отрыв» НСВ2 оказался колоссальным, ср. хотя бы почти вдвое более частую при вторичном имперфективе соотносительность ситуации с предшествующими и/или последующими ситуациями.

Найти объективный критерий, позволяющий отличить «малое» преимущество НСВ2 от «большого», достаточно легко. Посмотрев, насколько «диагностически важные» явления при НСВ2 частотнее, чем при НСВ1, мы заметим, что соответствующие цифры, кроме единственной, о которой мы скажем чуть ниже, группируются в два хорошо дистанцированных друг от друга «кластера».

Определенный субъект у НСВ2, повторимся, на 5 % частотнее, чем у НСВ1. Конкретный по лексико-грамматической принадлежности субъект частотнее на 6 %. Невозвратная форма у изначально переходных НСВ2 встречается на 8 % чаще, чем у соответствующих НСВ1. Одушевленный субъект у НСВ2 на 14 % частотнее. Также на 14 % частотнее при НСВ2 показатели агентивности. Конкретных, не-генерических конструкций с вторичным имперфективом на 15 % больше. На 18 % частотнее у НСВ2 одушевленный объект.

Легко видеть, что разрывы между этими числами весьма невелики: максимум 6 %.

Второй кластер серьезно оторван от первого. Референциально определенный объект у НСВ2 на 66 % частотнее, чем у НСВ1. Соотносительность ситуации с предшествующими и/или последующими обнаруживается при НСВ2 на 89 % чаще. Частотность «преждеупомянутого» субъекта и «преждеупомя-

нутого» объекта по сравнению с дискурсивно «новым» субъектом и объектом у НСВ2, соответственно, на 90 % и 82 % выше, чем у НСВ1. И здесь наибольший числовой разрыв невелик; он составляет всего лишь 16 единиц, в то время как наименьшее число в этой группе отличается от наибольшего в первой группе на 48 единиц (на 18 % частотнее у НСВ2 одушевленный объект, на 66 % частотнее референциально определенный объект). Таким образом, мы имеем право говорить о небольшом преимуществе НСВ2 перед НСВ1, если оно составляет до 19 %, и о большом, если оно свыше 65 %.

Лишь одна цифра, как мы уже говорили, нарушает столь стройную общую картину. Конкретный объект встречается у НСВ2 на 46 % чаще, чем у НСВ1. Это на 20 % меньше наименьшего числа во втором кластере (66 %) и на 28 % больше наибольшего в первом (18 %), то есть данное число находится приблизительно «посередине» между кластерами и однозначно отнести его к тому или другому нельзя. Можно, конечно, сослаться на то, что оно все-таки несколько ближе ко второму кластеру, но с другой стороны, если ориентироваться на среднюю величину в каждом кластере, которая составляет в первом 11 %, а во втором 82 %, то и это преимущество практически исчезает, сводясь к одному проценту ($46 \% - 11 \% = 35 \%$, $82 \% - 46 \% = 36 \%$).

Поскольку, однако, в дальнейшем для нас будет существенно резкое различие между поведением субъекта и объекта вторичных имперфективов и поскольку как раз по частоте конкретных объектов НСВ2 превосходит первичные имперфективы намного серьезнее, чем по частоте конкретных субъектов (46 % против всего лишь 6 %), мы, чтобы отметить этот колоссальный и важный для нас контраст, решили с некоторой долей условности отнести данное различие ко второму кластеру, то есть к значительным.

Другое существенное для наших рассуждений и, вероятно, уже замеченное внимательным читателем обстоятельство состоит в том, что там, где тот или иной «параметр индивидуализированности» напрямую касается не ситуации в целом (как, допустим, темпоральная соотносительность с иными ситуациями), но каждого актанта по отдельности (референциальная определенность, одушевленность, лексико-грамматическая принадлежность, степень дискурсивной «новизны») и где вторичный имперфектив является переходным и имеет два разных актанта, индивидуализация может быть последовательной и непоследовательной. При последовательной индивидуализации, если объект НСВ2 по данному параметру существенно более индивидуализирован, чем объект НСВ1, значительное преимущество по этому параметру обнаруживает также и субъект. При непоследовательной индивидуализации объект у НСВ2 имеет радикальное преимущество перед объектом у НСВ1, а преимущество у субъекта НСВ2 перед субъектом НСВ1 небольшое.

Таким образом, все проявления превосходства вторичных имперфективов над первичными по части индивидуализированности обозначаемых ими ситуаций можно разделить на три группы.

Группа 1. Превосходство НСВ2 невелико, в границах 18 %. Здесь речь идет о более частом (на 8 %) использовании переходного НСВ2 в нерелексивной форме; о большей частоте (соответственно на 14 % и 18 %) у НСВ2 одушевленного субъекта и объекта; о более частом (на 14 %) появлении при НСВ2 показателей агентивности; о более частом (на 15 %) употреблении НСВ2 в конкретных по семантике, негенерических предложениях.

Группа 2. Есть «параметры индивидуализации», по которым значительное превосходство НСВ2 над НСВ1 возможно, однако обнаруживает оно себя непоследовательно, только в объекте, но не в субъекте. Так, референциально определенных субъектов при вторичном имперфективе больше всего лишь на 5 %, а определенных объектов — на 66 %. Конкретных субъектов при НСВ2 больше на 6 %, а конкретных объектов — на 46 %.

Группа 3. В некоторых отношениях превосходство НСВ2 над НСВ1 одновременно значительно в количественном отношении и носит систематический характер, без асимметрии между субъектом и объектом. Сюда отчасти тривиальным образом попадает то проявление высокой индивидуализации, которое просто не связано с субъектом и объектом по отдельности, но характеризует всю ситуацию как целое: НСВ2 на 89 % чаще, чем НСВ1, обозначает ситуацию, явным образом соотношенную с иными ситуациями, предшествующими ей и/или последующими.¹⁶ Кроме того, частотность «преждеупомянутых» субъектов и объектов по сравнению с дискурсивно «новыми» субъектами и объектами у НСВ2 намного выше, чем у НСВ1: для субъектов на 90 %, для объектов на 82 %.

Считать ли такое распределение «примет» высокой индивидуализации сугубой случайностью — или же в нем есть своя, пускай и несколько причудливая, не видная с первого взгляда логика? Думаем, что верно второе, и логика эта такова.

3.3. Референциальный и дискурсивный аспекты высокой индивидуализации ситуаций

Высокая индивидуализированность ситуации может быть связана с двумя причинами: во-первых, с фактическим существом этой ситуации, с референциальным аспектом сообщаемого; во-вторых, с контекстным окружением высказывания, с *структурой дискурса*. В первом случае ситуация оказывается высокодоступной для нашего сознания просто по своей природе, по своему существу, а во втором — ситуацию выдвигают на более близкий план текста те или иные особенности его организации.

¹⁶ Мы сказали «отчасти тривиальным образом» потому, что преимущество НСВ2 перед НСВ1 по касающимся целого предложения параметрам может быть и просто малым (вспомним параметры «конкретность/генеричность предложения» и «присутствие/отсутствие показателей агентивности»), — так что о полной тривиальности, которая сделала бы учет данного обстоятельства совершенно излишним, говорить не приходится.

Поскольку живое мы «замечаем» в мире скорее, чем неживое, причины высокой опознаваемости одушевленного актанта (а с ней сопряжен и более высокий уровень опознаваемости ситуации в целом) носят прежде всего референциальный характер (и уже во вторую очередь, как следствие, одушевленный актант имеет более высокие шансы стать топином и/или подлежащим и занять привилегированное место в собственно дискурсивной структуре текста). В первую очередь референциального, а не дискурсивного характера также источник высокой опознаваемости у конкретного по лексико-грамматическому типу актанта — потому, что предметы как онтологическая сущность выделяемы легче, нежели те или иные «порции» веществ, абстрактные явления или открытые множества предметов, на которые указывает собирательное существительное.

Аналогичную причину имеет и более высокая индивидуализированность конкретных, негенерических ситуаций по сравнению с генерическими: конкретные можно, а генерические нельзя приурочить к тому или иному конкретному интервалу на реальной или воображаемой, но в любом случае внеположной самому тексту как семиотическому феномену временной оси.

Повышающий индивидуализированность ситуации эксплицитный показатель агентивности нужен для того, чтобы указать на те или иные фактические особенности ситуации, — допустим, на то, что кто-то что-то делал *охотно, бережно, с удовольствием, через силу*, ему удалось что-то сделать (то есть он пытался, но не было уверенности в успехе) и т. д.

С другой стороны, если актант, который уже упоминался в тексте, в силу самого этого обстоятельства при прочих равных условиях индивидуализирован лучше нового, впервые вводимого актанта, то такая высокая индивидуализированность не связана с референциальными особенностями данной ситуации, но создается самой структурой дискурса. Точно так же именно контекстное «окружение» повышает индивидуализированность события тогда, когда оно эксплицитно включается в тот или иной событийный ряд.

Что касается возвратности/переходности, то возвратная форма как правило не имеет референциальных отличий от переходной, если это форма страдательного залога: пассивная трансформация является лишь «перестановкой синтаксических ролей», которая необходима, чтобы изменить те или иные дискурсивные свойства предложения, чаще всего чтобы детопикализировать субъект и/или выдвинуть объект в позицию топики; см., например, определение пассива в [Мельчук 2004]; подробный анализ прагматических функций пассива см. в [Siewierska 1984]¹⁷.

¹⁷ Согласно иному взгляду, обосновываемому в ряде работ Т. Гивона (например [Givón 1982]), референциальный аспект у этой трансформации все же есть, ср. хотя бы общеизвестное тяготение пассивных конструкций к результативности и к большей стативности, — но и в таком случае он все же явно второстепенен по отношению к собственно дискурсивному.

С другой стороны, там, где рефлексив имеет не страдательное значение, он уже может существенно отличаться от соответствующего переходного глагола в референциальном плане. Скажем, такое собственно-возвратное действие, как *причесываться* референциально весьма отлично от *причесывать* хотя бы уже потому, что у него меньше необходимых участников. У медиального глагола *открываться* (об окне) по сравнению с *открывать* сокращено число участников действия, и вдобавок здесь устраняется идея каузации: если *открывать* значит ‘каузировать быть открытым’, то *открываться* в указанном употреблении нельзя толковать *‘каузировать себя быть открытым’. У характеризующе-качественного глагола *клеиться* (*бумага клеится, а стекло нет* ‘бумагу можно склеить, а стекло нет’) появляется модальный компонент, который отсутствует в производящем *клеить*: даже употребляясь в наиболее близком характеризующе-качественному потенциальном смысле, как в *Я клею обои* (‘умею клеить’), он указывает на способности субъекта, но не на свойства объекта, так что приведенной фразе нельзя приписать смысл вроде *‘обои по своим свойствам допускают, чтобы их клеили’.

Для дальнейшего изложения существенно, что вторичные имперфективы в возвратной форме имели как правило собственно-возвратное или медиальное, в отдельных случаях характеризующе-качественное, но достаточно редко страдательное значение, а следовательно, при их переходном, невозвратном употреблении индивидуализированность соответствующих ситуаций по сравнению с возвратным оказывается выше главным образом в референциальном, а не в дискурсивном аспекте.

Что касается денотативной определенности референтов, то принято считать, будто она во многом создается дискурсом, однако это скорее обман зрения.

Действительно, есть тексты, где новый референт сначала «представляется» нам в интродуктивной части и при первом упоминании лишен денотативной определенности, а затем ее приобретает, — ибо из самой этой интродукции мы получаем о нем сведения, позволяющие его однозначно идентифицировать. Скажем, в повествовании: *Вчера я встретил одного человека. Он помог мне понять, зачем я живу* — терм *человек* сперва неопределенный, а во второй фразе он становится определенным благодаря той информации, которая заключена в первой.

Однако в подавляющем большинстве реальных текстов такой интродукции нет и денотативно определенный референт обладает таким статусом с самого начала: чаще всего, чтобы начать текст или какой-то относительно самостоятельный фрагмент текста, мы либо (а) делаем его топиком самих себя и/или нашего собеседника или вещи, которые обладают и для говорящего, и для адресата ситуативной определенностью (прошедший мимо человек, сегодняшняя погода и проч.; см. подробно [Yokoama 1986]), либо (б) используем в качестве топика посессивную именную группу типа *мой отец, твоя машина*, где обладатель денотативно опреде-

ленный и где почти всегда предполагается уникальность, определенность «обладаемого» (отец у человека всегда один, машина почти всегда одна; но даже и интерпретируя конструкцию вроде *мой брат* или *мой начальник*, мы скорее решим, что имеется в виду один конкретный брат и один конкретный начальник, — хотя и братьев, и начальников у человека может быть и много; о прагматически обусловленной тенденции «обладателей» в посессивной группе к референциальной определенности см., например, [Ariel 2004]), либо (в) сразу вводим главного персонажа под его собственным именем (это больше касается литературных произведений).

С другой стороны, тот референт, который вводится в текст как денотативно неопределенный, сплошь и рядом оказывается не слишком важным в масштабе целого дискурса и больше просто не упоминается — так что обрести описанным выше «традиционным» способом свою определенность даже в принципе не способен. Ср.:¹⁸

- (62) Над землей стоял туман. На проводах высокого напряжения, тянувшихся вдоль шоссе, отсвечивали отблески автомобильных фар (В. Гроссман, «Жизнь и судьба»).

В самом начале говорится не о земле «вообще», а о земле, которая находится в поле зрения наблюдателя-рассказчика, то есть о вполне определенном ее участке. По той же причине определены и *шоссе* и *провода* (это шоссе и провода, которые в данный момент видит наблюдатель). *Туман*, *отблески* и *фары* не обладают определенностью, но они и не упоминаются позднее, так что определенность получить не способны.

- (63) В первый раз Александра Эрнестовна прошла мимо меня ранним утром, вся залитая розовым московским солнцем (Т. Толстая, «Милая Шура»).

Героиня сразу называется именем собственным, то есть сразу обладает денотативной определенностью; обладает ею и местоимение *я*; *раннее утро* определенности лишено, но к нему автор больше не возвращается; *московское солнце* можно понять как денотативно определенное, но даже если это не так, то и оно повторно не упомянуто.

- (99) Поражало его спокойствие (Ю. Нагибин. «Безлюбий»).

Герой является определенным; как следствие определенность приобретает и (его) *спокойствие*.

Денотативная определенность именной группы обязана своим возникновением тому или иному устройству дискурса лишь в отдельных случаях,

¹⁸ Так же, как мы это делали выше, в п. 2.1, сравнивая частотность референциально определенных субъектов и объектов при НСВ1 и при НСВ2, в комментариях предполагаем, что абстрактное имя может обладать референциальной определенностью или во всяком случае ее близким подобием.

а в целом она представляет собой некоторое (иногда прямо просигнализованное в предложении, например употреблением собственного имени) не зависимое от внутритекстовых связей знание говорящего о референте: знание о том, что лишь один такой референт присутствует в мире или в релевантной его части¹⁹.

Понятно, что в таком случае денотативная определенность референта повышает уровень его индивидуализации прежде всего в референциальном и лишь реже — в дискурсивном плане.

3.4. Вторичный имперфектив как показатель высокой дискурсивной индивидуализированности ситуаций

В свете сказанного, при сопоставлении трех групп, выделенных в п. 3.2, отличие третьей группы от первой и второй становится совершенно прозрачным. С полной последовательностью высокая индивидуализированность ситуаций у НСВ2 обнаруживает себя там, где она связана не с референциальными аспектами предложения, а с его местом в дискурсе: с эксплицитным помещением ситуации в событийный ряд и с «предупомянностью» субъекта и/или объекта.

Отсюда, кстати, следует, что вторичный имперфектив можно трактовать как своеобразный показатель связности текста — черта, также несомненно роднящая НСВ2 с глаголами совершенного вида: вспомним о его «секвентности», предназначенности к таксисному соотношению ситуаций, а также о большей частотности при нем референциально определенных субъектов и объектов.

Наконец, нам надо задуматься еще над тремя вопросами.

Во-первых, если вторичный имперфектив существенно разнится от первичного не по одному, но по целому ряду признаков (здесь и такое качественное отличие от НСВ1, как неперемное присутствие в его семантике представления о результате, и существенно более частое соотношение обозначенной им ситуации с иными ситуациями в тексте, и намного более редкая «новизна» субъекта и объекта), то есть ли среди этих наиболее ярких отличительных черт какая-то главная, предопределяющая наличие остальных? Разумеется, в силу своей «качественности», а не просто статистической частотности самым вероятным кандидатом на эту роль является «результативность».

¹⁹ Анализируя французские посессивные конструкции, К. Ламбрехт также пишет, что определенность именной группы в общем случае представляет собой скорее некую когнитивную установку говорящего и (предположительно) адресата и связана не с объективным статусом референтов и не с их дискурсивной «активированностью», а с нашей «готовностью» однозначно идентифицировать референт — при том, что такая готовность или неготовность может определяться самыми разными, иногда весьма неожиданными обстоятельствами; см. [Lambrecht 1988].

Правда, первичный и вторичный имперфективы отличаются по линии «в семантике НСВ1 результативности нет — в семантике НСВ2 она есть» хоть и весьма регулярно, но отнюдь не всегда, поскольку среди НСВ1 все же встречаются глаголы, так сказать, семантически результативные. Среди обследованных нами первичных имперфективов таковы, по всей видимости, *гибнуть*, *делить* и *расти*. Поэтому наше дальнейшее объяснение может касаться только «образцовых» видовых троек, где соблюдается правило «в семантике НСВ1 идеи результата нет». С другой стороны, так как тройки «необразцовые» ведут себя во многом похоже, обнаруживая приблизительно те же статистические контрасты между НСВ1 и НСВ2²⁰, можно предположить, что здесь действует хорошо известный закон, согласно которому периферийные члены той или иной категории во многих отношениях нередко уподобляются центральным.

Так или иначе, если для «образцовых» троек вероятна связь между общей высокой индивидуализацией соответствующих ситуаций и результативностью НСВ2, то необходимо уточнить, как же конкретно результативность предопределяет высокую индивидуализацию.

Во-вторых, нужно понять, по какой причине высокая индивидуализованность ситуаций у вторичного имперфектива связана прежде всего со структурой дискурса и лишь в сравнительно малой степени — с референциальным содержанием сообщаемого.

В-третьих, интересно, почему высокая индивидуализация референциального плана все-таки возможна и почему она проявляет себя именно в объекте, но не в субъекте.

Нам кажется, все эти три вопроса имеют один и тот же, притом достаточно очевидный ответ.

Повторим то, о чем уже много раз упоминалось: как показал С. Г. Татевосов [2010], вторичный имперфектив отличается от первичного тем, что в его семантику непременно включено представление о результате, а в случае первичного имперфектива мы это представление обычно лишь «домысливаем».

Вместе с тем, в реальной коммуникации подобное «домысливание» происходит систематически. Хотя в школьной грамматике принято говорить, будто несовершенный вид обозначает «незаконченное действие» (и эта же мысль в несколько рафинированной версии встречается даже у известных аспектологов, ср., например, [Rapraort 1985: 200, 206 и др.]), на самом деле независимо от того, употребляем ли мы вторичный имперфектив или имперфектив бесприставочный (здесь речь идет не только о НСВ1 и НСВ2, входящих в видовые тройки, но о всех первичных и вторичных имперфективах вообще), такая интерпретация является сугубо маркиро-

²⁰ К сожалению, объем работы не позволяет представить подробную статистику для каждой такой тройки. Можем лишь заверить читателя, что из общего ряда они не выбиваются.

ванной и возникает лишь в особых случаях. Один случай — когда первичный имперфектив употребляется без прямого объекта и обозначает занятие, деятельность (*Иван сейчас читает, косит*). Здесь, однако, первичный имперфектив уже не является видовой парой к соответствующему СВ и, таким образом, не вступает в сколько-нибудь ясную корреляцию с НСВ2. Другой типичный случай — когда в контексте прямо говорится об отсутствии результата, как, например, в *читал, но не прочитал*.

Там, где такой контекстной поддержки нет, парный по семантике НСВ1 воспринимается как сообщение о результативном действии. Например, если кто-то скажет: *По утрам я жарю яичницу* или *Маша часто шьет себе новые платья*, с итеративным НСВ, то мы по умолчанию поймем, что яичница каждый раз *дожаривается*, а платье шьется *до готовности*. Аналогичным образом дело обстоит в конструкциях с общефактическим НСВ, типа *Я вчера жарил яичницу*, *Я на прошлой неделе шила новое платье* и т. п. Если мы используем НСВ в императиве, как в *Жарь яичницу*, *Шей платье*, то практически всегда хотим, чтобы адресат довел действие до конца, в данном случае, соответственно, пожарил и сшил. Даже при актуально-длительном употреблении НСВ, для которого оппозиция «результативность — нерезультативность» вообще малорелевантна, как, например, во фразах *В этот момент я жарил яичницу*, *Когда я вошел, она как раз шила платье*, мы все равно в отсутствие противоположных указаний со стороны контекста склонны предполагать, что описываемое действие пришло к своему завершению. То же самое верно и для НСВ в модальных контекстах, см. подробнее [Зельдович 2012: 154—194].

Ввиду этих обстоятельств использование вторичного имперфектива вместо первичного в типичном случае оказывается плеонастическим: вторичный имперфектив лишь подчеркивает представление о результате, которое угадывалось бы и само по себе.

Отсюда вытекают два очень важных следствия.

Во-первых, поскольку любой плеоназм, демонстративно нарушая (или скорее — как будто нарушая, ибо за таким нарушением мы всегда ищем какую-то содержательную мотивацию; особенно подробно эта тема разработана в теории релевантности, см., например, [Sperber, Wilson 1995; Carston 2002]) основополагающий принцип языковой экономии, привлекает наше особое внимание, постольку уже само присутствие в семантике НСВ2 представления о результате обуславливает некоторую выделенность соответствующего предложения, а тем самым и более высокую, при прочих равных условиях, индивидуализированность обозначаемой им ситуации.

Во-вторых, употребление НСВ2 вместо более простого НСВ1, не имея в общем случае собственно референциальной мотивации, должно диктоваться прежде всего теми или иными «внутренними» потребностями дискурса. Поэтому представлять ситуацию как высокоиндивидуализированную вторичный имперфектив и должен главным образом в дискурсивном плане.

Осталось ответить, почему признаки высокой индивидуализации, которые связаны с объектом, могут в равной степени быть и «дискурсивными», и «референциальными». Объясняется это тем, что, с одной стороны, при формировании обсуждаемых нами особенностей НСВ2 ключевым, «перводвижущим» обстоятельством является внимание к результату, а с другой стороны, подавляющее большинство вторичных имперфективов — переходные; ср. хотя бы их представительную подборку в [Петрухина 2000: 90—100]. Как хорошо известно, у переходного глагола результат почти всегда связан с изменениями в объекте²¹, а значит, подчеркивая наш интерес к результату, мы выдвигаем в центр внимания и о б ъ е к т.

Поэтому для типичного высказывания с вторичным имперфективом верно следующее. Использование НСВ2 вместо НСВ1 объясняется особым вниманием к результату. В свою очередь, интерес к результату часто связан с тем, что для говорящего заведомо важен объект, так что важность объекта отнюдь не обусловлена появлением вторичного имперфектива, но является очень важным фактором, предрасполагающим к его употреблению. Понятно, что в таком случае источник особого интереса к объекту может быть любым, его выделенность может быть в равной степени обеспечена и предшествующим текстом, и его собственно референциальными, «фактическими» свойствами, в частности его одушевленностью и конкретностью (напомним, что одушевленные и конкретные объекты у вторичного имперфектива встречаются намного чаще, чем у первичного).

Иными словами, из всех референциальных особенностей ситуации склонять говорящих к употреблению плеонастико-эмфатического вторичного имперфектива легче всего способна референциальная «привилегированность» объекта. Это, однако, не противоречит тому, что ситуация оказывается и д и с к у р с и в н о выделенной, как это свойственно для вторичного имперфектива, то есть ее субъект и/или объект обладают высокой степенью дискурсивной «подготовленности» и/или ситуация эксплицитно включается в соотносительный ряд.

Добавим еще, что последние рассуждения *mutatis mutandis* приложимы и к субъекту одновалентных вторичных имперфективов — ибо здесь именно в субъекте обнаруживает себя результат, так что от подобного субъекта можно ждать очень высокой по сравнению с субъектом соответствующего НСВ1 референциально ориентированной индивидуализации.

Действительно, у глагола *погибать*, в отличие от переходных вторичных имперфективов, субъект намного чаще оказывается одушевленным.

²¹ Речь идет, разумеется, о лингвистически релевантных изменениях. Скажем, если *Иван покрасил машину*, таким изменением является новый цвет последней, но не то, что Иван, допустим, утомился или испачкал руки. О прототипическом объекте как «носителе» изменений см., например, [Dowty 1991; Croft 1991; 1994; Ackerman, Moore 2001; Levin, Rappaport Hovav 2005]; о претерпевающих изменения субъектах в результате действия и об их непрототипичности см., например, [Saksena 1980].

Правда, большого преимущества по части конкретности субъекта нет (оно составляет 22 %) и не обнаружено большого преимущества по одушевленности у второго из анализированных нами непереходных НСВ2, глагола *вырастать*, — так что здесь перед нами только тенденция, но не сколько-нибудь последовательная закономерность. Впрочем, конкретный субъект у *вырастать* встречался на 40 % чаще — перевес, который почти всемерно больше среднего шестипроцентного перевеса, обнаруживаемого здесь вторичным имперфективом перед НСВ1²².

Возвращаясь к параметрам индивидуализации, которые ориентированы не на дискурсивный, а на референциальный план высказывания и которые не связаны с только что обсуждавшейся особой, как бы «предшествующей» употреблению НСВ2 выделенностью объекта (к числу таких параметров, напомним, относятся денотативная определенность/неопределенность субъекта, его одушевленность/неодушевленность, его конкретность/неконкретность; конкретность/генеричность предложения как целого; наличие/отсутствие лексических показателей агентивности), резонно спросить: если по описанным выше причинам вторичный имперфектив маркирует ситуацию как сравнительно высоко индивидуализированную в дискурсивном плане и если высокая референциальная индивидуализация объекта в конечном счете не обязана своим появлением вторичному имперфективу, но наоборот, в динамическом плане вторичный имперфектив оказывается употребленным скорее как следствие нашего повышенного интереса к объекту, то почему же и по этим, только что названным, параметрам вторичный имперфектив тоже обнаруживает пусть небольшое, но все-таки превосходство над первичным?

По-видимому, здесь происходит своеобразная «смысловая индукция»: если в предложении появляется один повышающий индивидуализацию элемент, то и все остальные, имеющие к этой индивидуализации отношение, стремятся (так сказать, уже «через голову» вторичного имперфектива) вступить с ним в гармонию.

Этот закон получил многообразные подтверждения в работах П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper, Thompson 1980] и их последователей, которые говорят о так называемой ковариативности (*covariation*) между параметрами индивидуализации: будучи высока по одному параметру, она с достаточно большой вероятностью оказывается высокой и по другим. Скажем,

²² Одушевленный субъект у *погибать* встретился 50 раз на 60 употреблений (83 % употреблений), у *гибнуть* — 45 на 80 (56 % употреблений; у НСВ2 чаще на 48 % — $83 \% : 56 \% = 1,48$); конкретный субъект, соответственно, 56 и 61 (соответственно, 93 % и 76 %; разница в частотности — 22 % в пользу НСВ2, $93 \% : 76 \% = 1,22$). У *вырастать* субъект одушевленный в 9 случаях из 37, у *расти* — в 7 из 36 (соответственно, 24 % и 19 %; преимущество НСВ2 в частотности — 26 %, $24 \% : 19 \% = 1,26$); у *вырастать* субъект конкретный в 30 случаях из 37, у *расти* — в 21 случае из 36 (соответственно, 81 % и 58 %; при НСВ2 конкретный субъект частотнее на 40 % — $81 \% : 58 \% = 1,40$).

такому «индивидуализирующему» обстоятельству, как перфективность глагола, часто сопутствуют также повышающие индивидуализацию референциальная определенность актантов и утвердительная модальность предложения. В отрицательном же предложении более, чем в утвердительном, вероятны неопределенные актанты и несовершенный вид глагола. Ср. в русском языке более частую определенность субъекта и объекта при глаголе СВ, а также редкость (а в придачу и явную маркированность: тут как правило возникает хорошо известный дополнительный оттенок «ожидаемости») совершенного вида в отрицательном контексте.

4. Заключение

Итак, вторичный имперфектив представляет ситуацию как более высоко индивидуализированную, нежели первичный, причем одновременно и статистически значительным, и последовательным это преимущество оказывается лишь там, где «индивидуализирующий фактор» имеет дискурсивный, но не референциальный характер.

Есть причины думать, что эта особенность вторичных имперфективов предопределяется присутствием в их семантике идеи результата, так что может возникнуть впечатление, будто в конечном счете при описании вторичных имперфективов обращаться специально к понятию о предполагаемой ими высокой индивидуализированности вовсе не нужно.

Тем не менее это не так.

Как хорошо известно исследователям текста, дискурсивные свойства той или иной единицы в принципе достаточно слабо связаны с ее семантикой: иногда они предопределены ею напрямую (частный и наиболее тривиальный случай — когда та или иная единица предназначена для выполнения дискурсивных функций, так что уже сама ее семантика всецело «дискурсивна»), иногда — лишь очень косвенно, «вероятностным образом», а иногда какое-либо соответствие, по крайней мере в синхроническом плане, и вовсе отсутствует; см., например, [Плунгян 2008].

Поэтому о соответствии между семантикой вторичных имперфективов (конкретнее, их непременно результативным характером) и их дискурсивными особенностями при их описании все-таки надо сказать прямо, — если только мы наперед не условимся предполагать такое прямолинейное соответствие по умолчанию и особо оговаривать только соответствия более сложные, — однако это лишь технический прием, не меняющий существа дела. На таком фоне обнаруженные нами дискурсивные свойства вторичных имперфективов оказываются не только немного неожиданными, но, вопреки видимости, еще и отнюдь не тривиальными.

Заметим напоследок, что описанные различия между первичным и вторичным имперфективом в тройках имеют в конечном счете прозрачное историческое объяснение. В [Зельдович в печати] мы стремимся показать,

что в древнерусском языке по крайней мере до 15 века оппозиция в (про)видовых парах носила в первую очередь дискурсивный характер: суффиксальный (прото)имперфектив, подобный современным НСВ2 из троек, не только (как это традиционно принимается) обладал процессным либо итеративным значением, но еще и сигнализировал о дискурсивной «выделенности» соответствующих ситуаций, причем можно привести целый ряд свидетельств тому, что эта «выделенность» долгое время была более важна и в большей степени влияла на эволюцию вида, чем оппозиция собственно семантическая. В таком случае ясно, что широко практикуемый в литературе о видовых тройках сугубо синхронический подход к их устройству далеко не достаточен, что тройки — как раз одно из тех явлений языка, где он с особой наглядностью демонстрирует свой панхронизм.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 103—114.

Барентсен 1995 — А. Б а р е н т с е н. Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида. I. Краков, 1995. С. 1—28.

Зализняк, Микаэлян 2010 — Анна А. З а л и з н я к, И. Л. М и к а э л я н. О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка. Доклад на конференции «Диалог 2010» / URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/pdf/21.pdf>.

Зельдович 2012 — Г. М. З е л ь д о в и ч. Прагматика грамматики. М., 2012.

Зельдович в печати — Г. М. З е л ь д о в и ч. О природе видовой оппозиции в древнерусском языке (рукопись).

Мелиг 1998 — Х. Р. М е л и г. Вид, отрицание и референциальный статус глагольной предикации в тексте // Типология вида. Проблемы. Поиски. Решения. М., 1998. С. 289—304.

Мельчук 2004 — И. А. М е л ь ч у к. Определение категории залога и исчисление возможных залогов // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004. С. 286—314.

Падучева 1985 — Е. В. П а д у ч е в а. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.

Падучева 1986 — Е. В. П а д у ч е в а. О референции языковых выражений с непредметным значением // Научно-техническая информация. Серия 2. 1986. № 1. С. 23—31.

Падучева 2008 — Е. В. П а д у ч е в а. Дискурсивные слова и категории: Режимы интерпретации // Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 56—86.

Петрухин 2008 — П. В. П е т р у х и н. К вопросу о дискурсивных функциях древнерусского книжного плюсквамперфекта // Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 213—240.

Петрухина 2000 — Е. В. П е т р у х и н а. Аспектуальные категории глагола в русском языке. В сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.

- Плунгян 2008 — В. А. П л у н г я н. Предисловие: Дискурс и грамматика // Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 7—34.
- Селиверстова 1988 — О. Н. С е л и в е р с т о в а. Местоимения в языке и речи. М., 1988.
- Татевосов 2010 — С. Г. Т а т е в о с о в. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // Труды ИЛИ РАН. Т. VI, часть 2. СПб., 2010. С. 299—321.
- Храковский 2005 — В. С. Х р а к о в с к и й. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. 2005. № 9 (1). С. 46—59.
- Ackerman, Moore 2001 — F. A c k e r m a n, J. M o o r e. Proto-Properties and Grammatical Encoding: A Correspondence Theory of Argument Selection. Stanford, 2001.
- Ariel 2004 — M. A r i e l. Accessibility marking: Discourse functions, discourse profiles, and processing cues // T. J. M. Sanders, M. A. Gernsbacher (eds.). Special Issue of Discourse Processes: Accessibility in Text and Discourse. Routledge, 2004. P. 91—116.
- Aristar Dry 1992 — H. A r i s t a r D r y. Foregrounding: an assessment // Language in Context: Essays for Robert E. Lomgacre. Arlington, 1992. P. 435—450.
- Asher, Lascarides 2003 — N. A s h e r, A. L a s c a r i d e s. Logics of Conversation, Cambridge, 2003.
- Carston 2002 — R. C a r s t o n. Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication. Oxford, 2002.
- Comrie 1976 — B. C o m r i e. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge, 1976.
- Croft 1991 — W. C r o f t. Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information. Chicago, 1991.
- Croft 1994 — W. C r o f t. Voice: beyond control and affectedness // P. Hopper, B. Fox (eds.). Voice: Form and Function. Amsterdam, 1994. P. 89—117.
- Davidson 1980 — D. D a v i d s o n. The individuation of events // Essays on Actions and Events. Oxford, 1980. P. 163—180.
- Dowty 1991 — D. D o w t y. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991. Vol. 67, № 3. P. 547—619.
- Durst-Andersen 1993 — P. D u r s t - A n d e r s e n. Mental Grammar. Russian Aspect and Related Issues. Ohio, 1993.
- Fleischman 1990 — S. F l e i s c h m a n. Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction. Austin, 1990.
- Galton 1976 — H. G a l t o n. The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect. Skopje, 1976.
- Givón 1982 — T. G i v ó n. Transitivity, topicality, and the Ute impersonal passive // Studies in Transitivity. Syntax and Semantics 15 / P. Hopper, S. Thompson (eds.). New York, etc., 1982. P. 143—160.
- Grimshaw 1990 — J. G r i m s h a w. Argument Structure. Michigan, 1990.
- Hitzeman 1992 — J. H i t z e m a n. The selectional properties and entailments of 'almost' // Chicago Linguistic Society 28. Chicago, 1992. P. 225—238.
- Hopper 1979 — P. H o p p e r. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.). Syntax and Semantics. Vol. 12. Discourse and Syntax. New York, 1979. P. 213—241.
- Hopper, Thompson 1980 — P. H o p p e r, S. T h o m p s o n. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. Vol. 56. P. 251—299.
- Hopper, Thompson (eds.) 1982 — Studies in Transitivity. Syntax and Semantics, 15 / P. Hopper, S. Thompson (eds.). New York, etc., 1982.
- Hopper, Thompson 1985 — P. H o p p e r, S. T h o m p s o n. The iconicity of the universal categories 'Noun' and 'Verb' // J. Haiman (ed.). Iconicity in Syntax. Amsterdam/Philadelphia, 1985. P. 51—183.

- Horn 2002 — L. Horn. Assertoric inertia and NPI licensing // *Chicago Linguistic Society* 38, Part 2. Chicago, 2002. P. 55—82.
- Jasinskaja 2009 — E. Jasinskaja. Pragmatics and Prosody of Implicit Discourse Relations. Dissertation. Tübingen, 2009.
- Lambrecht 1988 — K. Lambrecht. Presentational cleft constructions in spoken French / J. Haiman, S. Thompson (eds.). *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam, 1988. P. 135—181.
- Levin, Rappaport Hovav 2005 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. *Argument Realization*. Cambridge, 2005.
- Myhill 1992 — J. Myhill. Word order and temporal sequencing / D. L. Payne (ed.). *Pragmatics of Word Order Flexibility*. Amsterdam/Philadelphia, 1992. P. 265—278.
- Nørgård-Sørensen 1997 — J. Nørgård-Sørensen. Individuation in Russian: Gender semantics and other issues // *Current Approaches to Formal Slavic Linguistics*. Potsdam, 1997. P. 39—61.
- Prince 1981 — E. Prince. Toward a taxonomy of given-new information // *Radical Pragmatics* / P. Cole (ed.). New York, 1981. P. 223—256.
- Rappaport 1985 — G. C. Rappaport. Aspect and modality in contexts of negation // *The Scope of Slavic Aspect* / M. Flier, A. Timberlake (eds.). Columbus, OH, 1985. P. 194—223.
- Sadock 1981 — J. Sadock. Almost // *Radical Pragmatics* / P. Cole (ed.). New York, 1981. P. 257—271.
- Saksena 1980 — A. Saksena. The source of causative contrast // *Lingua*. 1980. Vol. 51. P. 125—136.
- Siewierska 1984 — A. Siewierska. *The Passive*. London, 1984.
- Siewierska 1988 — A. Siewierska. The passive in Slavic // *Passive and Voice* / M. Shibatani (ed.). Amsterdam/Philadelphia, 1988. P. 243-289.
- Sperber, Wilson 1995 — D. Sperber, D. Wilson. *Relevance: Communication and Cognition*. London, 1995.
- The Generic Book 1995 — *The Generic Book* / G. Carlson, F. Pelletier (eds.). Chicago, 1995.
- Yokoyama 1986 — O. Yokoyama. *Discourse and word order*. Amsterdam, 1986.

References

- Ackerman, Moore 2001 — F. Ackerman, J. Moore. *Proto-Properties and Grammatical Encoding: A Correspondence Theory of Argument Selection*. Stanford, 2001.
- Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. *Traktovka izbytochnykh aspektualnykh paradig v tolkovom slovare* // Yu. D. Apresyan. *Izbrannyye trudy. T. II: Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya*. Moskva, 1995. S. 103—114.
- Ariel 2004 — M. Ariel. Accessibility marking: Discourse functions, discourse profiles, and processing cues // T. J. M. Sanders, M. A. Gernsbacher (eds.). *Special Issue of Discourse Processes: Accessibility in Text and Discourse*. Routledge, 2004. P. 91—116.
- Aristar Dry 1992 — H. Aristar Dry. *Foregrounding: an assessment* // *Language in Context: Essays for Robert E. Longacre*. Arlington, 1992. P. 435—450.
- Asher, Lascarides 2003 — N. Asher, A. Lascarides. *Logics of Conversation*, Cambridge, 2003.

Barentsen 1995 — A. Barentsen. Trekhstupenchataya model invariants sovershenogo vida v russkom yazyke // *Semantika i struktura slavyanskogo vida*. I. Krakov, 1995. S. 1—28.

Carston 2002 — R. Carston. *Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication*. Oxford, 2002.

Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge, 1976.

Croft 1991 — W. Croft. *Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information*. Chicago, 1991.

Croft 1994 — W. Croft. Voice: beyond control and affectedness // P. Hopper, B. Fox (eds.). *Voice: Form and Function*. Amsterdam, 1994. P. 89—117.

Davidson 1980 — D. Davidson. The individuation of events // *Essays on Actions and Events*. Oxford, 1980. P. 163—180.

Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. Vol. 67, № 3. P. 547—619.

Durst-Andersen 1993 — P. Durst-Andersen. *Mental Grammar. Russian Aspect and Related Issues*. Ohio, 1993.

Fleischman 1990 — S. Fleischman. *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*. Austin, 1990.

Galton 1976 — H. Galton. *The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect*. Skopje, 1976.

Givón 1982 — T. Givón. Transitivity, topicality, and the Ute impersonal passive // *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics 15* / P. Hopper, S. Thompson (eds.). New York, etc., 1982. P. 143—160.

Grimshaw 1990 — J. Grimshaw. *Argument Structure*. Michigan, 1990.

Hitzeman 1992 — J. Hitzeman. The selectional properties and entailments of ‘almost’ // *Chicago Linguistic Society 28*. Chicago, 1992. P. 225—238.

Hopper 1979 — P. Hopper. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.). *Syntax and Semantics*. Vol. 12. *Discourse and Syntax*. N.Y., 1979. P. 213—241.

Hopper, Thompson (eds.) 1982 — *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics, 15* / P. Hopper, S. Thompson (eds.). New York, etc., 1982.

Hopper, Thompson 1980 — P. Hopper, S. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56. P. 251—299.

Hopper, Thompson 1985 — P. Hopper, S. Thompson. The iconicity of the universal categories ‘Noun’ and ‘Verb’ / J. Haiman (ed.). *Iconicity in Syntax*. Amsterdam/Philadelphia, 1985. P. 51—183.

Horn 2002 — L. Horn. Assertoric inertia and NPI licensing // *Chicago Linguistic Society 38, Part 2*. Chicago, 2002. P. 55—82.

Jasinskaja 2009 — E. Jasinskaja. *Pragmatics and Prosody of Implicit Discourse Relations*. Dissertation. Tübingen, 2009.

Khrakovskiy 2005 — V. S. Khrakovskiy. *Aspektualnyye troyki i vidovyye pary // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2005. № 9 (1). S. 46—59.

Lambrecht 1988 — K. Lambrecht. Presentational cleft constructions in spoken French / J. Haiman, S. Thompson (eds.). *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam, 1988. P. 135—181.

Levin, Rappaport Hovav 2005 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. *Argument Realization*. Cambridge, 2005.

Melchuk 2004 — I. A. Melchuk. *Opredeleniye kategorii zaloga i ischisleniye vozmozhnykh zalogov // 40 let Sankt-Peterburgskoy tipologicheskoy shkole*. Moskva, 2004. S. 286—314.

- Melig 1998 — Kh. R. Melig. Vid, otricanije i referencialnyy status glagolnoy predikacii v tekste // *Tipologiya vida. Problemy. Poiski. Resheniya*. Moskva, 1998. S. 289—304.
- Myhill 1992 — J. Myhill. Word order and temporal sequencing / D. L. Payne (ed.). *Pragmatics of Word Order Flexibility*. Amsterdam/Philadelphia, 1992. P. 265—278.
- Nørgård-Sørensen 1997 — J. Nørgård-Sørensen. Individuation in Russian: Gender semantics and other issues // *Current Approaches to Formal Slavic Linguistics*. Potsdam, 1997. P. 39—61.
- Paducheva 1985 — Ye. V. Paducheva. *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu*. Moskva, 1985.
- Paducheva 1986 — Ye. V. Paducheva. O referencii yazykovykh vyrazheniy s nepredmetnym znacheniyem // *Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Seriya 2*. 1986. N 1. S. 23—31.
- Paducheva 2008 — Ye. V. Paducheva. Diskursivnyye slova i kategorii: Rezhimy interpretacii // *Grammaticheskiye kategorii v diskurse*. Moskva, 2008. S. 56—86.
- Petrukhin 2008 — P. V. Petrukhin. K voprosu o diskursivnykh funkciyakh drevnerusskogo knizhnogo plyuskvamperfekta // *Grammaticheskiye kategorii v diskurse*. Moskva, 2008. S. 213—240.
- Petrukhina 2000 — Ye. V. Petrukhina. *Aspektualnyye kategorii glagola v russkom yazyke. V sopostavlenii s cheshskim, slovackim, polskim i bolgarskim yazykami*. Moskva, 2000.
- Plungyan 2008 — V. A. Plungyan. Predisloviye: Diskurs i grammatika // *Grammaticheskiye kategorii v diskurse*. Moskva, 2008. S. 7—34.
- Prince 1981 — E. Prince. Toward a taxonomy of given-new information // *Radical Pragmatics* / P. Cole (ed.). N.Y., 1981. P. 223—256.
- Rappaport 1985 — G. C. Rappaport. Aspect and modality in contexts of negation // *The Scope of Slavic Aspect* / M. Flier, A. Timberlake (eds.). Columbus, OH, 1985. P. 194—223.
- Sadock 1981 — J. Sadock. Almost // *Radical Pragmatics* / P. Cole (ed.). New York, 1981. P. 257—271.
- Saksena 1980 — A. Saksena. The source of causative contrast // *Lingua*. 1980. Vol. 51. P. 125—136.
- Seliverstova 1988 — O. N. Seliverstova. *Mestoimeniya v yazyke i rechi*. Moskva, 1988.
- Siewierska 1984 — A. Siewierska. *The Passive*. London, 1984.
- Siewierska 1988 — A. Siewierska. The passive in Slavic // *Passive and Voice* / M. Shibatani (ed.). Amsterdam/Philadelphia, 1988. P. 243—289.
- Sperber, Wilson 1995 — D. Sperber, D. Wilson. *Relevance: Communication and Cognition*. London, 1995.
- Tatevosov 2010 — S. G. Tatevosov. Pervichnoye i vtorichnoye v strukture imperfektivov // *Trudy ILI RAN. T. VI, chast 2*. St.-Peterburg, 2010. S. 299—321.
- The Generic Book 1995 — *The Generic Book* / G. Carlson, F. Pelletier (eds.). Chicago, 1995.
- Yokoyama 1986 — O. Yokoyama. *Discourse and word order*. Amsterdam, 1986.
- Zaliznyak, Mikaelyan 2010 — Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelyan. O meste vidovykh troyek v aspektualnoy sisteme russkogo yazyka. Doklad na konferencii «Dialog 2010». / URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/pdf/21.pdf>.
- Zeldovich 2012 — G. M. Zeldovich. *Pragmatika grammatiki*. Moskva, 2012.
- Zeldovich v pechati — G. M. Zeldovich. O prirode vidovoy oppozicii v drevnerusskom yazyke (rukopis).

Резюме

В статье показано, что в видовых тройках вторичный имперфектив представляет ситуацию как высокоиндивидуализированную, и это проявляется в целом ряде характерных для вторичного имперфектива тенденций: в тяготении субъекта и прямого объекта к большей, чем у первичного имперфектива, референциальной определенности, в более частой одушевленности, лексико-грамматической конкретности, активированности соответствующих референтов в предтексте; в более редком употреблении вторичного имперфектива в возвратной форме; в тенденции к более частому появлению при вторичном имперфективе показателей агентивности; в тенденции к эксплицитному соотнесению обозначаемой вторичным имперфективом ситуации с предшествующими и/или последующими ситуациями, а также к ее негенеричности. Делаются выводы о том, что объем сходств между вторичным имперфективом и производящим глаголом совершенного вида существенно больше, чем это обычно предполагается, и о том, что более высокая индивидуализированность соответствующих ситуаций связана не столько с их денотативными особенностями, сколько с собственно дискурсивной структурой текста, так что вторичный имперфектив становится в некотором смысле показателем его связности.

Ключевые слова: глагольный вид, видовые тройки, первичный имперфектив, вторичный имперфектив, дискурс, индивидуализация ситуаций.

Статья получена 08.01.2014

GENNADIJ M. ZELDOVICH (WARSAW UNIVERSITY)

ASPECTUAL TRIPLETS: SECONDARY IMPERFECTIVE AS THE MARKER OF HIGH INDIVIDUATION OF SITUATIONS

The author seeks to show that in aspectual triplets the secondary imperfective attributes to the relevant situation a higher degree of individuation than the morphologically simple imperfective verb, and this fact is responsible for several properties displayed by secondary imperfectives: a greater proportion of referentially definite subjects and objects, of animate subjects and objects, of lexically concrete subjects and objects, as well as of subjects and objects previously activated in the discourse; a relative paucity of reflexive secondary imperfectives as compared to non-reflexive verbs; a greater proportion of secondary imperfectives modified by direct indicators of agentivity; a greater number of secondary imperfectives used in narration or narration-like contexts; their lower frequency in generic utterances. It is concluded that the similarity between secondary imperfectives and the corresponding perfectives extends much further than is usually assumed, and that the relevant situations are higher in individuation in the first place due to the discourse structure of the text, rather than to their referential properties, which renders secondary imperfective a *sui generis* marker of coherence.

Keywords: verbal aspect, aspectual triplets, primary imperfectives, secondary imperfectives, discourse, individuation of events.

Received on 08.01.2014

Е. Н. НИКИТИНА

**ВИДО-ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ РАМОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ
В РУССКОМ НАРРАТИВЕ XIX—XXI вв.**

1. Введение

Категория вида получила широкое освещение в русистике середины XX — начала XXI вв. как в системно-грамматическом (парадигматическом), так и в текстовом аспекте. Как и при интерпретации всех глагольных категорий, встает вопрос о связи вида с фигурой говорящего, т. е. с субъективным, модусным измерением высказывания и текста (см. работы Ш. Балли, Э. Бенвениста о субъективности в языке).

В рамках подхода «от системы» связь грамматической категории с точкой зрения говорящего получила несколько терминологических обозначений. Так, А. М. Пешковский ввел понятие субъективно-объективных категорий [Пешковский (1928) 2001], т. е. категорий, значения которых обращены и к внешней действительности, и к говорящему. Р. О. Jakobson называет категории, связанные с фактом сообщения (моментом речи) или субъектами сообщаемого факта (модусными субъектами — говорящим и адресатом), шифтерными [Jakobson (1957) 1972]. Р. О. Jakobson говорил о не-шифтерной (объективной) природе вида (вид «характеризует сообщаемый факт сам по себе», безотносительно к факту сообщения и к участникам сообщаемого факта). А. В. Исаченко, напротив, при интерпретации вида прибегает к образу говорящего и пространственной метафоре времени-«процесса»: время как движущаяся колонна участников демонстрации. Место говорящего в случае несовершенного вида — «в колонне идущих» («говорящий находится как бы в потоке самого процесса»), место говорящего в случае совершенного вида — «вне колонны, с трибуны» («говорящий стоит вне процесса») [Исаченко (1960) 2003 (т. 2): 133]. Ю. С. Маслов отмечает субъективно-объективный характер категории вида [Маслов 1984]. А. В. Бондарко, возвращаясь к научным позициям Р. О. Jakobsona и пересматривая их, указывает на «переменную актуализационную значимость» глагольного вида [Бондарко 2011].

В рамках Московской семантической школы (в условиях лексемоцентрического подхода) была обнаружена связь граммемы совершенного вида

с модусным субъектом: в толкование глаголов перемещения в совершенном виде, которые в предложении соединяются с подлежащими — предметными именами с семантикой пространственной протяженности, обязательно должна входить сема наблюдателя, или «нетривиальный наблюдатель» (*Тропинка повернула направо* = кто-то идет по тропинке и поворачивает направо — т. е. граммема сов. вида может актуализировать время, в то время как граммема несом. вида нейтральна по отношению к актуальному времени), см. [Апресян 1980]. См. продолжение обсуждения понятия «нетривиальный наблюдатель» в [Падучева 1996], где при опоре на разграничение нарративного и речевого режима интерпретации показано, что в нарративе «нетривиальный наблюдатель» присутствует в контексте обоих видов: *Тропинка повернула / поворачивала направо*¹.

Исследования, ориентированные на текст, соединили категорию вида с категорией времени и с восприятием времени конкретной личностью — субъектом сознания² (роль которого выполняет герой и/ или автор), с которым солидаризируется читатель³. Эта традиция в отечественной русистике восходит к классическому грамматико-стилистическому анализу художественного текста, предложенному В. В. Виноградовым. Так, «Пиковая дама» для В. В. Виноградова стала ключом и к пушкинской эпохе, и к глагольной грамматике: на примере повести были выделены функции-зна-

¹ При этом остается понятна и мысль Ю. Д. Апресяна: наблюдатель в предложении с глаголом сов. вида *повернула* (тропинка) предопределяется семантикой глагола (отсюда и название «нетривиальный»), наблюдатель в предложении с глаголом несом. вида *поворачивала*, напротив, предопределяется семантикой текстового фрагмента (поэтому «тривиальный»). Т. е. есть языковые средства, маркирующие (перцептивный) модус, а есть средства, маркированные модусом, — в нашем случае соответственно сов. вид и несом. вид в описанном типе предложения. Для Е. В. Падучевой оказывается важнее референциальный статус наблюдателя: «нетривиальный наблюдатель» означает конкретно-референтного наблюдателя, который присутствует в актуально-временных текстовых фрагментах, организованных глаголами обоих видов.

² Этот термин Е. В. Падучевой принят и используется в новом значении в коммуникативной грамматике: субъект сознания — субъектная сфера, образуемая в рамках художественного текста в связи с возможностью совпадения/несовпадения субъекта речи и субъекта восприятия и мысли. Обнаруживается по словесно выраженной перцептивной или ментальной деятельности. При интерпретации образа автора в конкретном тексте центральной становится проблема идентификации субъекта этой перцептивной или ментальной деятельности (другими словами — владельца модуса). На сферу субъекта сознания (владельца модуса) претендуют автор и / или герой. Ср. с термином «деконструкция говорящего» (Е. В. Падучева).

³ Предметом данной работы не является исторический обзор западной и отечественной литературы, освещающей проблематику первичного (от говорящего) и вторичного (от наблюдателя) дейксиса. Эта литература включает работы Г. Рейхенбаха, Ч. Филлмора, Э. Бенвениста, Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой, Б. А. Успенского.

чения видо-временных форм в тексте, которые были названы по соответствующим формам древнерусского глагола: аорист (или аористив), имперфект (или имперфектив), перфект (или перфектив)⁴ [Виноградов 1936, Золотова и др. (1998) 2004]. В дальнейшем функции видо-временных форм по Виноградову были соединены в работах Г. А. Золотовой [Золотова 1973, Золотова и др. (1998) 2004] с теорией коммуникативных регистров, из которых для интерпретации нарративного текста наиболее важны три монологических — репродуктивный, информативный, генеритивный. Коммуникативный регистр — это модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативными задачами, располагающая набором языковых средств и реализованная в текстовом фрагменте. Большинство коммуникативных регистров соотносятся с типами модусов (по Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988]) и являются результатом взаимодействия значимых единиц разных уровней (лексика, морфология, синтаксис). Коммуникативный регистр можно рассматривать как результат возведения морфологических категорий наклонения и времени на уровень текста (текстового фрагмента). Репродуктивный регистр — модель речевой деятельности, которая характеризуется тождеством пространства-времени изображаемого (диктума) и субъекта сознания (субъекта модуса), который выступает в роли наблюдателя, что позволяет воплотить в текстовом фрагменте перцептивный модус: *Она села. Он слышал ее тяжелое, громкое дыхание, и ему было невыразимо жаль ее* (Л. Н. Толстой). Информативный регистр — модель речевой деятельности, которая характеризуется рассогласованием диктума и модуса по категории времени: время речи не совпадает со временем действия (соответственно разрушается и пространственное единство). В информативном регистре воплощаются модусы знания, мнения: *Сама княгиня вышла замуж тридцать лет тому назад, по сватовству тетки; ... смутно ему представлялось, что жена давно догадывается, что он не верен ей, и смотрит на это сквозь пальцы* (Л. Н. Толстой). Генеритивный регистр — модель речевой деятельности, которая воплощается в высказывании с всевременным и обобщенноличным значением (характеризуется включенностью субъекта модуса в состав субъектов диктума), воплощается в предложениях: *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по своему* (Л. Н. Толстой).

Наблюдение над видо-временными формами в тексте позволило интерпретировать взаимозаменяемость форм сов. вида (прош.) и несов. вида (наст.) посредством эффекта образительности, удлинения психологического времени наблюдателя. Это показал Д. С. Лихачев, сравнивая прош. сов. и прош. несов., прош. сов. и наст. в былинах [Лихачев 1967]: видо-временная форма может ускорять (прош. сов. вида) или замедлять (наст.

⁴ В современной грамматике существует и традиция называть имперфектив и перфектив «процессом» и «событием» соответственно.

несов. вида) течение сюжета, т. е. интерпретировать диктальную информацию. См. аналогичные наблюдения Б. А. Успенского о времени в былинах [Успенский (1970) 2000]. См. также работу К. В. Чвани о семантике видо-временных форм в «Слове о полку Игореве» [Chvany 1996], монографию М. Я. Гловинской [Гловинская 2001: 187—191], в которой, в частности, рассматривается прошедшее несов. в. «в значении «сказового» действия» в нарративных текстах различного времени (былины, сказки Пушкина, сюжетные произведения XIX—XX вв.). В рамках текста были соотнесены «нарративное прошедшее» и «историческое настоящее» как выражающие «дейктическую» оппозицию дальнего-ближнего [Падучева 1996: 13, 289, 349].

2. Вид и время глаголов речи и восприятия

Глагольные серии и возможность смены вида-времени в нарративе неоднократно привлекали внимание исследователей. Речь идет о контекстах типа *вышла на берег и плачет (заплакала), сели на скамейку и играют, вошел и говорит (сказал)* и т. п.

При этом в центре внимания оказывались конкретные граммемы времени и вида, однако лексическая семантика глаголов оставалась в тени. Так, Д. С. Лихачев применяет одну и ту же объяснительную тактику для глаголов физического и речевого действия: их несов. вид интерпретируется как единый повествовательный прием удлинения времени (изобразительности): «Лексические и грамматические⁵ формы глаголов подчеркивают длительность совершающихся событий: не «вывел», а «выводил», не «написал», а «писал», не «сказал», а «говорил», не «ответил», а «отвечал», не «сел», а «садился», не «взял», а «брал» и т. д.» [Лихачев 1967]. В монографии [Успенский (1970) 2000] наст. и прош. несов. в художественном тексте также интерпретируются независимо от лексической семантики глагола и рассматриваются как средство приближения во времени, позволяющее «производить описание как бы изнутри самого действия — то есть с синхронной, а не ретроспективной позиции, — помещая читателя непосредственно в центр описываемой сцены».

К. В. Чвани обратилась к таким парам предикатов в фольклорных нарративах:

- (1) Вышел старик на берег и говорит...
- (2) Девочка вошла в домик и видит...

В основе ее подхода — идея «фона» (прошедшее совершенного вида — *вышел, вошла*) и «фигуры», «крупного плана» (настоящее время — *говорит, видит*): «Present tense has a foregrounding effect only when contrasted with perfective past. This kind of foregrounding, unusual in written English, is

⁵ Лексическое и грамматическое отнесено, очевидно, к выражению несов. вида.

frequent in Slavic folk tales... Such “dramatic presents” are analogous to cinematic close-up» [Chvany 1996: 294]⁶.

Представляется, что ключом к пониманию выбора формы наст. времени таких глаголов, как *говорит*, *видит*, может стать учет соотношения диктума и модуса в их семантике. Диктум — это объективное содержание высказывания. Под модусом здесь и далее понимается (психическая) установка говорящего по отношению к высказыванию, представленная следующими основными планами (по [Арутюнова 1988]): перцептивный, ментальный, эмотивный, волюнтивный. Данные планы (значения) соответствуют типам модуса и обычно могут быть вербализованы с помощью предикатов (например: *видно, как...* — перцептивный модус, *знаю / сомневаюсь / считаю, что...* — ментальные модусы (модус знания, модус мнения), *хочу, чтобы...* — волюнтивный). В предлагаемой работе к типам модуса отнесен, в соответствии с позициями тексто-ориентированной коммуникативной грамматики, и речевой модус (*утверждают, что..., по словам...; сказал, что...*). Предикаты, с помощью которых вербализуется тип модуса, будут называться модусными, или рамочными, или модусной рамкой; предикаты, изображающие сюжет (повествование) или картинку (описание), — диктальными. Понятно, что есть глаголы, которые могут выступать в функции и диктального, и модусного (рамочного) предиката (*говорить, думать, глядеть, считать* и др.), и есть такие, которым свойственна роль лишь диктальных (*прыгать, шить, наблюдать*) либо лишь модусных (*полагать, считать*).

То, что общеизвестно о поведении видо-временных форм в текстовых фрагментах с актуальным значением времени (т. е. в репродуктивных фрагментах художественных текстов; Е. В. Падучева называет эту сферу бытия видо-временных форм нарративным режимом интерпретации), относится именно к **диктальным** предикатам. Это такие факты: формы наст., прош. сов. и прош. несов. отвечают не за дистанцию во времени по отношению к моменту речи, а за таксисный порядок действий внутри наблюдаемого хронотопа (следование действий или их одновременность); взаимозаменяемость прош. сов. вида / наст. в значении актуального времени (и психологический эффект убыстрения / замедления времени восприятия). В следующих фрагментах диктальные (событийные) предикаты выделены, имеют в контексте актуальное значение времени (репродуктивный регистр):

- (3) Она достала флакончик, обмакнула пальцы и потерла виски. (Шишкин) (3 аориста, временно́е следование).
- (4) (Скоро показались тополи, сад, потом красные крыши амбаров; заблестела река, и открылся вид на широкий плес с мельницей и бе-

⁶ «Настоящее время имеет эффект выделенности, только когда контрастирует с прош. сов. вида. Этот вид выделенности, необычный в письменном английском, часто встречается в славянских народных сказках. Такое «драматическое настоящее» аналогично кинематографическому крупному плану».

лою купальной.) ... Мельница работала, заглушая шум дождя; плотина дрожала. Тут около телег стояли мокрые лошади, понутив головы, и ходили люди, накрывшись мешками (А. П. Чехов) (имперфекты, одновременность);

- (5) (Нарезали мы хлеба, намазали его вареньем и пошли на реку.) Сначала выкупались, потом разлеглись на песке. Греемся на солнышке и хлеб с вареньем жуём. (Потом стали рыбу ловить.) (Н. Носов) (имперфекты, одновременность⁷).

Если вернуться к примерам К. Чвани, то увидим, что одни из предикатов диктальные (*вышел, вошла*), а другие — **модусные** (*видит, говорит*). Разграничение диктума и модуса позволяет увидеть, что в этих отрывках в прош. сов. стоят предикаты диктальные, сюжетные, это глаголы физического действия, их текстовая функция — перфект, т. е. актуальное состояние (присутствие в нашем поле зрения), достигнутое как результат действия в прошлом. А в форме настоящего времени стоят предикаты модусные: они являются рамкой, оформляют содержание речи или восприятия (речевой и перцептивный модус соответственно); действия, обозначаемые ими, хотя и занимают некоторое количество времени, но, однако, не двигают сюжет. Их форма настоящего — «отраженная». Она отражена от того, что следует в тексте за ними, форма настоящего обусловлена временным согласованием модусных предикатов с прямой речью (для *говорит*) и наблюдаемым (для *видит*) и иконически указывает на связь с дейксисом говорящего и наблюдающего субъекта («здесь и сейчас»). Если воспользоваться метафорой К. В. Чвани «крупный план», то в крупном плане оказывается содержание речи и наблюдения, но не сами модусные предикаты, не их значения.

Остановимся на речевых глаголах. Время (и вид) глаголов речи может подстраиваться под прямую речь, тогда выбирается настоящее время (*вошла и говорит*), или под общую повествовательную форму времени — прошедшее нарративное (*вошла и сказала*), ср. у Пушкина:

- (6) «Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна». (А. С. Пушкин. «Сказка о царе Салтане»)
- (7) Умчалась года половина;
Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина. (А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила»)

К. В. Чвани рассматривала форму настоящего времени глаголов *видит, говорит* на фоне предтекста (в котором есть диктальный предикат), наш же анализ показывает, что форма наст. вр. модусного предиката связана с посттекстом (в котором находится содержание, порождаемое субъектом

⁷ О тяготении детского текста к имперфекту наст. вр. (а не несов. прош.) см. [Никитина 2011].

речи либо воспринимаемое субъектом-наблюдателем). По отношению к той части текста, к которой примыкает такой глагол, он является рамкой.

Вид рамочного предиката может являться средством приближения к сюжетному времени, т. е. к диктальному, вещественному содержанию — это форма прошедшего совершенного; несовершенный вид работает на модус — согласуясь с действительными характеристиками говорящего героя и наблюдателя, с их «здесь и сейчас».

Функционально и перцептивные, и речевые глаголы в нарративе примыкают к метатексту, и к речевым рамкам применимо то же, что А. Вежбицкая говорила о роли метатекстовых средств в монологическом письменном (научном) тексте, которые, в нашей терминологии, являются рамками речевого модуса: «Избыточность выражений... очевидна. Они дублируют на метатекстовом уровне действия, которые фактически совершает говорящий (выделено мной. — Е. Н.) самим произнесением остальных предложений текста» [Вежбицка 1978: 418]. И перцептивная рамка, и речевая являются средством членения текста. Употребление речевых рамок почти неизбежно — например, в диалоге, при переходе слова от автора к герою и от одного героя к другому. Перцептивная же рамка обычно избегается — так как смены владельца модуса не происходит, тем самым отсутствие рамки «углубляет» внутреннюю точку зрения, способствует солидаризации героя и читателя, слиянию «без зазоров». Ср.: *Людмила Николаевна подошла к окну. [место рамки «и увидела:»] Штрум шел неторопливой походкой, высокий, сутулый, взмахивая время от времени портфелем, и она знала, что это он думает о своей встрече с Чепыжиным, приветствует его и разговаривает с ним* (В. Гроссман. «Жизнь и судьба»). Рамка наблюдателя пропущена, что создает компрессию текста. В данном примере героиня представлена разными диктальными и модусными ипостасями: субъект действия (диктальный субъект) — *подошла*, субъект наблюдения (модусный субъект) — конструкт «и увидела», субъект мысли (модусный субъект) — с помощью рамки *знала, что...*

Помимо сосуществования форм наст. / прош. сов. речевых рамок в позиции при прямой речи, в русском нарративе отмечается и сосуществование форм прош. *отвечал / ответил* в той же позиции. Форма (лексема) *отвечать* привлекает к себе особое внимание исследователей в связи с тем, что ее квалификация с точки зрения видовой принадлежности в текстах начала XIX в. вызывает затруднение, и в связи с тем, что на протяжении XIX в. в нарративе происходило ее вытеснение за счет *ответить*.

3. Глагол *отвечать* и проблема интерпретации его грамматики вида в словарях и текстах

В русских художественных текстах конца XVIII в. — 1-й трети XIX в., в пору формирования нарративных техник, диалоги, построенные в форме

вопросов — ответов, регулярно сопровождаются рамками *спросил — отвечал* (по данным статистического анализа А. Я. Шайкевича, доклад в ИРЯ РАН 2011 г. — [Шайкевич, интернет-ресурс]). Речь идет о репродуктивных фрагментах и однократном значении. Ср.:

- (8) «Ты продаешь их, девушка?» — спросил он с улыбкою. «Продаю», — отвечала она (Н. М. Карамзин. «Бедная Лиза», 1792).
- (9) «Что же ты хмуришься, брат», — спросил его Кирила Петрович, — «или псарня моя тебе не нравится?» — «Нет», — отвечал он сурово, — «псарня чудная...» (А. С. Пушкин. «Дубровский», 1832—33).

Относительно глагола *отвечать* в русской словарной и грамматической традиции, связанной с художественными текстами XIX в., представлены разные точки зрения. Так, в [Ушаков (ред.) 1939: 904] в отдельное значение 4 выделяется глагол *отвечать* сов. вида в позиции при прямой речи: «сов. То же, что ответить в 1 знач. — «Что твоя голова?» — «Лучше, папенька», отвечала Маша. Пушкин. — «Вы придете?» — «Приду», отвечал он. Тургенев». В [Виноградов (ред.) (1956—1961) 2000] к значению 1 'дать, давать ответ' относится помета «сов. и несов.» (т. е. глагол имеет свойства двувидового глагола)⁸, однако понимание сов. вида *отвечать* затемнено: значение проиллюстрировано рядом примеров в спрягаемых формах и инфинитиве без дальнейшей квалификации того, к какому виду относится глагол в том или ином примере. Здесь приведены не только примеры с прямой речью, но и те, в которых *отвечать* находится в нарративных фрагментах в предикатных сериях с сочинительной связью:

- (10) Умел он весело поспорить, Остро и тупо отвечать, Порой расчетливо смолчать (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»).
- (11) Владимир сухо отвечал и после во весь путь молчал (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»).

Б. А. Успенский относит *отвечать* к несов. виду и рассматривает употребление его в обрамляющей позиции как особый нарративный прием [Успенский (1970) 2000]; М. Я. Гловинская, оговаривая сложившуюся традицию считать формы сов. / несов. вида глаголов речи при прямой речи семантически непротивопоставленными, высказывает мнение, что, в отличие от форм сов. вида, формы несов. вида «концентрируют внимание не

⁸ В современных исследованиях по морфологической парадигматике некоторые авторы возвращаются к обсуждению вида данного глагола, склоняясь к мнению, что в позиции при прямой речи это глагол сов. в. (Такую точку зрения в личном сообщении, адресованном автору статьи, высказал И. Б. Иткин: «“диалогическое” *отвечать* является, конечно, не двувидовым, а “полуторавидовым” глаголом, поскольку в будущем времени замена “ответит” на “отвечает” представляется совершенно немыслимой». См. [Зализняк 2003], где глагол *ответствовать* охарактеризован как сов. — несов.)

только на результате, но и на процессе»⁹ [Гловинская 2001: 191]; А. Я. Шайкевич считает смену глагола *отвечать* глаголом *ответить* в той же позиции в истории русского нарратива переходом от несов. вида к сов. виду.

В многообразии точек зрения на эту проблему важно то, что, с одной стороны, мы связаны культурной и грамматической традицией с интерпретируемыми художественными текстами (они входят в круг нашего чтения, это взгляд на «свое», а не на «чужое»), с другой стороны, все интерпретации осуществляются в XX — XXI вв. (т. е. это взгляд «новых» поколений читателей на «старую» грамматику). Если не братья за решение вопроса о том, был ли глагол *отвечать* двувидовым в пушкинское время, то с позиций интерпретации «из нового времени» можно поставить другую задачу — предложить объяснение того, как и почему произошло вытеснение *отвечать* из позиции при прямой речи на протяжении конца XIX—XX вв. В этом историческом процессе значимыми были такие факторы, как лексическая семантика глагола, семантика вида, текстовая позиция, точка зрения¹⁰, соединяющая героя и автора (с читателем) или разграничивающая их, т. е. **модусное** измерение текста.

Сначала рассмотрим примеры с *отвечать* из [Виноградов (ред.) (1956—1961) 2000] в предикатных сериях в нарративных фрагментах. Аргументом в пользу сов. вида *отвечать* в предикатной серии в примере (10) могла бы стать граммема вида остальных глаголов серии — сов. вид, см. пример: *поспорить* — *смолчать* — *отвечать*. Однако внимательный анализ наречных квалификаторов *остро* и *тупо* и замена на несомненные глаголы сов. вида *ответить*, *сказать* (*умел он остро и тупо сказать*, *ответить*) показывает, что в случае сов. вида два данных квалификатора осмысляются как характеристики одного и того же (однократного) действия: фраза *умел остро и тупо ответить* означает «мог ответить тупо и остро одновременно», что является бессмыслицей. Дистрибутивного значения, как того требует контекст: «мог ответить когда остро, а когда и тупо», не получается (дистрибутивность могла бы создаться либо за счет несов. вида, либо за счет смены союза на *или*, либо за счет повторяющегося союза *и*: *умел ответить тупо или остро; умел ответить и тупо, и остро*). Осмысление же *отвечать* в несов. виде сохраняет смысл высказывания, в отличие от сов. вида, что может быть аргументом в пользу его понимания в данном контексте как глагола несов. вида, т. е. приходится не соглашаться с [Виноградов (ред.) (1956—1961) 2000].

В примере (11) из [Виноградов (ред.) (1956—1961) 2000] представлена пара *отвечал* — *молчал*, в которой второй глагол несомненно несов. вида. Если в (10) выбор вида речевого глагола диктовался контекстом, то в (11)

⁹ Тем самым, точка зрения М. Я. Гловинской сближается с точкой зрения Д. С. Лихачева.

¹⁰ О внутренней и внешней точке зрения в художественном тексте см. [Успенский (1970) 2000].

вид речевого глагола, как представляется, свободный: если «переводить» на современный язык, то одинаково возможны и «*сухо отвечал и потом молчал*», и «*сухо ответил и потом молчал*». При этом к выбору несов. вида располагает наречный квалификатор действия (*сухо*): говорящий как бы намеренно «замедляет» время действия, чтобы точнее охарактеризовать его (ср. также любопытное распределение видов при характеристике ответов на экзамене: *он хорошо ответил / плохо отвечал*). Это тот тип контекста, который выявляет **субъективно-объективную** сущность категории вида: граммема вида не диктуется прямо данным контекстом, напротив, граммема вида позволяют говорящему переключать фокус внимания, помещая в него длительность действия (*отвечал* — имперфект по [Виноградов 1936]) либо факт действия (*ответил* — аорист по [Виноградов 1936]). См. примеры из текстов XX—XXI вв., в которых форму *отвечал* можно интерпретировать в однократном значении, при этом возможна замена *отвечать* (несов. вид) на *ответить* (сов. вид):

- (12) Я покорно вытасила билет. ⟨...⟩
— Что ж, готовьтесь.
Через пятнадцать минут я отвечала. Отвратительно отвечала, честно говоря. (К. Зуден)
- (13) Беки Эсенев вдруг вскочил и закричал по-туркменски с такой дикой горячностью, что все засмеялись от неожиданности. Он кричал и тряс Бяшима за плечи. Бяшим отвечал неуверенно, но Чары Аманов вступил в спор, и вскоре все трое заговорили запальчиво, перебивая друг друга (Юрий Трифонов. «Утоление жажды» (1959—1962) // Ю. В. Трифонов. «Утоление жажды», 1970).

Следующая позиция глагола *отвечать*, в которой он, согласно словарям, может интерпретироваться как глагол сов. вида, либо несов. вида, — это позиция при прямой речи. Решение авторов словарей о сов. виде может быть результатом «симметричного» понимания вида рамочных речевых глаголов в парах: *сказал* — *отвечал*, *спросил* — *отвечал*.

Реальные факты, касающиеся пушкинских текстов, таковы:

- (1) *ответить* встречается в позиции при прямой речи единично:

- (14) «Что это значит?», — спросил я его, «зачем здесь рогатка? кого ты караулишь?» — «Да мы, батюшка, бунтуем», — ответил он, почесываясь (А. С. Пушкин. «Капитанская дочка», черновик);

(2) позиция при прямой речи не накладывала запрета ни на сов. вид, ни на несов. вид речевых глаголов. В пределах одного пушкинского диалога могут встречаться речевые рамки обоих видов:

- (15) «Вот хороший выстрел», — сказал я, обращаясь к графу. — «Да», — отвечал он, — «выстрел очень замечательный. А хорошо вы стреляете?» — продолжал он. — «Изрядно», — отвечал я, обрадовавшись, что разговор коснулся наконец предмета, мне близкого. —

«В тридцати шагах промаху в карту не дам, разумеется, из знакомых пистолетов». — «Право?» — сказала графиня, с видом большой внимательности; — «а ты, мой друг, попадешь ли в карту на тридцати шагах?» — «Когда-нибудь», — отвечал граф, — «мы попробуем. В свое время я стрелял не худо; но вот уже четыре года, как я не брал в руки пистолета». — «О», заметил я ⟨...⟩ «А каково стрелял он?» — спросил меня граф. ⟨...⟩ «Это удивительно!» — сказал граф; — «а как его звали?» — «Сильвио, ваше сиятельство». — «Сильвио!» — вскричал граф, вскочив со своего места... (А. С. Пушкин. «Выстрел»).

- (16) Гаврила Афанасьевич запер все двери, сел на кровать в ногах князя Лыкова и начал вполголоса следующий разговор¹¹:
— Недаром государь ко мне пожаловал; угадайте, о чем он изволил со мною беседовать? (А. С. Пушкин. «Арап Петра Великого»).

Ср. также абсолютное употребление неполнозначительного глагола *начать* в послепушкинское время:

- (17) «Да вы ошибаетесь», — начал я. (Н. С. Тургенев. «Ася»).

При этом есть определенная связанность между лексической семантикой и видом глагола. Анализ показывает, что глаголы речевой семантики индивидуально избирательны в отношении категории вида. У глаголов *начать* и *продолжать* лексическая семантика прямо указывает на позицию в диалоге — открывающую, начальную, или внутреннюю. В глаголе *продолжать* лексическая семантика длительности дублируется семантикой несов. вида («семантическое согласование»), а в глаголе *начать* лексическая семантика взаимодействует с граммемой сов. вида, в чем можно видеть иконизм языкового знака (означающее подобно означаемому): начало диалога осмысливается как точка, ему соответствует сов. вид, развитие диалога — протяженность, ей соответствует несов. вид (т. е. имеется связь вида речевого глагола с количеством времени)¹².

Если текстовые позиции глаголов *сказать* / *спросить* и *отвечать* могут иметь влияние на вид, то приходится принимать в расчет, что первая пара часто открывает диалог, а *отвечать* всегда занимает позицию не инициальную, внутреннюю в диалоге. Открытая и несомненная связанность категории вида, лексической семантики и текстовой позиции в речевых глаголах *начал* — *продолжал* косвенно свидетельствуют о том, что и пара *спросил* — *отвечал* могла осмысливаться в связи с иконизмом знака (точка — начало — сов. вид, длительность — продолжение — несов. вид) — если не в пушкинское время, то на последующих этапах развития текстовых тактик.

¹¹ Ср.: *начал разговор* — *начал говорить* — *заговорил*.

¹² Ср. рамки прош. сов. / наст. *увидел* / *видит*, *сказал* / *говорит*, рассматриваемые в разделе 2.

Помимо композиционного фактора, на понимание *отвечать* как глагола несов. вида могут влиять и контексты с речевыми рамками в наст. вр.: форма *отвечал* как аналог формы *отвечает*, (см. пример 18, ср. также пример 6):

- (18) Князь печально отвечает:
 «Грусть-тоска меня съедает (...)».
 (А. С. Пушкин. «Сказка о царе Салтане»).

Чтобы оценить и сравнить разные возможности соединения глагольной (речевой) лексической семантики с граммемами вида, далее рассмотрим пару *говорить* / *сказать*, которая предъясвляет в этом отношении самые широкие возможности. Глагол сов. вида *сказать* при прямой речи у Пушкина употребляется как в открывающей (начальной) позиции, так и во внутренней (см. пример (15)). Анализ текстов показывает, что в прозаическом нарративе предпочтителен выбор *сказал(а)* — в связи с подстройкой под общую нарративную форму (виноградский «аорист», см. [Виноградов 1936]). Употребление несов. вида *говорить* представлено формами *говорит* и *говорил(а)* и ограничено.

Форма *говорит* (наст. вр.) ограничена в рамках перцептивного модуса (репродуктивного регистра):

- (1) жанрово (стихотворная форма: ранние поэмы, а затем сказки):
- (19) К супругу пленница летит,
 В слезах, трепеща, говорит:
 «Ты здесь... ты ранен... что с тобою?»
 (А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила»);

(2) редкими нарративными фрагментами в форме наст. вр. — см. сон Гринева в «Капитанской дочке». Тем самым, разные «типы» реальности обнаруживают тяготение к тому или иному глагольному виду — обыденная реальность изображается сериями прош. сов. глаголов действия (аористами), сон — глаголами в наст. вр. (имперфектами). Этот прием распределения видо-временных форм создает эффект временной динамики, смены действий в реальности и приближения изображения к субъекту речи при передаче содержания сна (своеобразный гиперреализм).

- (20) Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постеле; матушка приподымает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его» (А. С. Пушкин. «Капитанская дочка» (Сон Гринева)).

Форма *говорил* (прош. вр.) ограничена в рамках перцептивного модуса (репродуктивного регистра):

- (1) изображением особой пространственной позиции наблюдателя (обычно героя) — это дистанцированность, удаленность наблюдателя от изо-

бражаемого во фрагменте¹³, отделенность наблюдателя от сценки некоторой преградой и (возможно) включенность в ситуацию наблюдения не с начала разговора:

- (21) Навстречу Дубровскому попался поп со всем причетом. <...> Он невольно пошел стороною и скрылся за деревом. Они его не заметили и с жаром говорили между собою, проходя мимо его.
— Удались от зла и сотвори благо, — говорил поп попадье, — нечего нам здесь оставаться. Не твоя беда, чем бы дело ни кончилось. (А. С. Пушкин. «Дубровский»).
- (22) Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и посвистывал к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою.
— Вот бог послал свистуна, — говорила она вполголоса, — эк посвистывает, — чтоб он лопнул, окаянный басурман.
— А что? — сказал смотритель, — что за беда, пускай себе свищет.
— Что за беда? — возразила сердитая супруга. — А разве не знаешь приметы? (А. С. Пушкин. «Дубровский»).

Ср. тот же прием у Лермонтова и Тургенева:

- (23) <...> я тихонько подошел сзади, чтоб подслушать их разговор.
— Вы меня мучите, княжна! — говорил Грушницкий, — вы ужасно переменились с тех пор, как я вас не видал...
— Вы также переменились, — отвечала она, бросив на него быстрый взгляд <...>. (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).
- (24) Недалеко от этого места, в стороне от дорожки, находилась небольшая беседка из акаций; я поравнялся с нею и уже прошел было мимо... Вдруг меня поразил голос Аси <...>:
— Нет, я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить — и навсегда.
— Полно, Ася, успокойся, — говорил Гагин <...>.
Голоса их раздавались в беседке. Я увидел их обоих сквозь негустой переплет ветвей. Они меня не заметили. (И. С. Тургенев. «Ася»).

(2) контекстами в рамках модуса знания (итеративный контекст):

¹³ Напротив, рассматривая диалог из «Леди Макбет Мценского уезда» (1864) Лескова, Б. А. Успенский интерпретировал несов. вид как выражение временной протяженности и знак синхронности и помещенности наблюдателя «внутри» времени действия. Однако ряд факторов — большое число участников диалога, продолжительность диалога — на мой взгляд, свидетельствуют в пользу дистанцированного взгляда на довольно обширное пространство, в котором располагается множество участников диалога: наблюдатель охватывает взглядом всю сцену целиком.

(25) С ним приветливо шутила

И, красуясь, говорила:

«Свет мой, зеркальце! Скажи ⟨...⟩».

(А. С. Пушкин. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»).

И, наконец, в текстах Пушкина есть речевые глаголы, которые в рамочной позиции употребляются только в прош. сов. вида: *прервать*, *возразить*, *прибавить*, *вскричать*. Семантика вида здесь тесно связана с особенностями корневой семантики — это не только название речевого действия, но и такие его характеристики, как краткость, неожиданность для субъекта модуса (повествователя), добавочность значения (интерпретационно-перфектная семантика). О выборе вида здесь речи не идет, ни композиционный фактор, ни фактор грамматической аналогии не имеют решающего значения, ведущим является «согласование» лексической семантики и семантики вида¹⁴.

Вероятно, в пору формирования русских текстовых тактик лексическое значение речевого глагола в рамке в целом было теснее связано с видом, а также действовала тенденция к взаимодействию лексического значения, текстовой позиции и вида (*начать*, *продолжать*). Кроме того, можно обнаружить и некоторую связь между выбором видо-временной формы и модусом (*говорил* — маркирование позиции наблюдателя). В этих условиях вид глагола *отвечать* мог осмысляться в паре *спросил* — *отвечал* на фоне вида в паре *начал* — *продолжал*, а также на фоне *отвечает*. Возвращаясь к единственному пушкинскому примеру с *ответил* (см. (14)), следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, принадлежит он черновому варианту текста. Во-вторых, представляет собой неканонический вариант общения социально дистанцированных субъектов; возможно, «неканонический» вид отмечает здесь развязный ответ.

В дальнейшем сложилась тенденция к открытому, явному параллелизму форм сов.в. в паре *спросил* — *ответил*, чем зафиксирован оформляющий, отграничивающий характер этих предикатов, выделяющих диалог в качестве своеобразного микротекста в тексте (ср. «метатекст в тексте» А. Вежбицкой). Такова судьба этой пары речевых рамок в «интернарративной» позиции.

С течением времени вид речевых глаголов, включая глаголы *спрашивать* / *спросить* — *отвечать* / *ответить*, освободился, т. е. выбор грам-

¹⁴ Ср. выбор формы времени речевого глагола в позиции при прямой речи во французском романе конца XVII—XVIII вв.: по-видимому, текстовые тактики в выборе форм речевых глаголов были достаточно свободными, могли иметь авторский характер. При этом, однако, существует связь между лексической семантикой глагола и формой времени при прямой речи: так, глаголы *écrier* 'вскричать', *interrompre* 'прервать' ограничены в выборе формы времени: это Passé Simple, для глагола *répondre* 'отвечать' предпочтительно Passé Simple, глагол *dire* 'говорить' наиболее свободен: встречается в Passé Simple и Imparfait. Благодарю за консультацию Ю. О. Анохину, И. Б. Иткина.

мемы перестал зависеть от позиционного и лексико-семантического факторов. Это означает, что выбор вида становится средством художественной изобразительности и связан с индивидуальными авторскими (переводческими) тактиками.

Речевой глагол в несов. виде уже мог быть употреблен в абсолютном начале текста романа — в качестве своеобразного приема:

- (26) — Что, Петр, не видать еще? — спрашивал 20-го мая 1859 года, выходя без шапки на низкое крылечко постоянного двора на *** шоссе, барин лет сорока с небольшим, в запыленном пальто и клетчатых панталонах, у своего слуги, молодого и щекастого малого с беловатым пухом на подбородке и маленькими тусклыми глазенками (И. С. Тургенев. «Отцы и дети», 1862).

Прямая речь является нетипичным интродуктивным приемом, помещая читателя в изображаемую среду средствами, характерными для драмы. А несовершенный вид рамочного глагола задает неспешный темп классического повествования — вместе с несов. видом деепричастного оборота, вместе с подробными описаниями внешности героев, грамматическими средствами оформления которых являются однородные члены, приложения, множественные эпитеты.

В связи с идеей исторической смены вида в паре *отвечать / ответить* в авторской речи при прямой речи любопытны результаты статистического исследования с учетом прагматического и индивидуально-авторского стилистического факторов [Долгопольский 1963]: в оригинальной русской прозе XX в. (современная тематика) выбирается сов. (95—100%) / несов. (0—5%); в современном переводе западных авторов XV—XVIII вв. в зависимости от индивидуальных предпочтений переводчика несов. (70 (Любимов, Франковский) — 10—20 (Горнфельд, Вольпин) — 0% (другие)).

В русской литературе середины — конца XX в. (связанной с нарративной традицией предыдущих эпох) наблюдается использование видо-временной формы речевого глагола *отвечал* как художественный прием. Видо-временная форма может обнаруживать текстовую тактику. Это может быть, в частности, удаление по линии времени — стилизация под старину в текстах на исторические темы (как в переводах Н. Любимова, отмеченных А. Б. Долгопольским). Это может быть удаление в субъектном пространстве — обнаружение дистанцированного отношения субъекта речи (автора и / или его ипостасей — повествователя, рассказчика) к третьему герою.

- (27) — А вы, Соня, — сказали ей (должно быть, добавили и отчество, но теперь оно уже безнадежно утрачено), — а вы, Соня, что же не кушаете?
— Перцу дожидаюсь, — строго отвечала она ледяной верхней губой. (Т. Толстая. «Соня»).

Выбор формы несов. вида *отвечала* становится средством создания образа: эта форма звучит архаично, «семантически согласуясь» с той характеристикой поведения героини, которая обозначена в авторской речи как «достоинство всех английских королев», а также с «замороженным лошадиным лицом» и с замедленным движением «ледяной губы», и с архаичным родительным партитивным *перцу*. Эти средства создают утрированный портрет героини, что при развитии повествования будет служить эффекту непонимания, неправильной оценки Сони компанией, к которой принадлежит героиня.

Ср., однако, у З. А. Маслениковой (1958—59 гг.), которая лепила скульптурный портрет Б. Л. Пастернака и заодно фиксировала (подобно Эккерману в «Разговорах с Гете») беседы с поэтом в своем дневнике: использование *отвечал(а)* вполне серьезно (как знак высокого, архаизирующего стиля?): *Мои первые слова, когда я увидела Зинаиду Николаевну, были: — Не передумал? — Он пошел гулять и скоро придет, — отвечала она.*

Форма *отвечал* может передавать взгляд на себя и на ситуацию со стороны, самоиронию в случае перволичного героя, см. сценку из советской жизни — ожидание посылки с ценными вещами от заграничного родственника, окончившееся получением огромной сахарной головы (28).

- (28) Через два месяца — извещение на посылку. Вес — десять с половиной килограммов. Пошлина — шестьдесят восемь рублей.
Мой отец необычайно возбудился. Идя на почту, фантазировал:
«Магнитофон... Дубленка... Виски...»
— Сколько, по-твоему, весит дубленка?
— Килограмма три, — отвечал я.
— Значит, он выслал три дубленки... (С. Довлатов. «Наши»)

Интересна авторская тактика в (29) — весь эпизод построен на речевых глаголах в несов. виде, но так, что нельзя точно определить, идет ли речь о реальной многократности речевых действий, обозначенных каждым из глаголов, или же это прием удлинения времени, или же отстранения от ситуации ради комического эффекта. Глагол в сов. виде завершает диалог — точка ставится и буквально, и изобразительно, с помощью граммемы несом. вида:

- (29) Он не отрываясь смотрел на докторскую иглу.
— Отвернись и не смотри, — говорил я ему.
— Я не могу отвернуться, — отвечал он затравленным шепотом.
— Сначала будет не так больно. Главная боль, когда будут впускать лекарство, — подготавливал я его.
— Я худой, — шептал он мне в ответ, едва шевеля белыми губами, — мне будет очень больно.
— Ничего, — отвечал я, — лишь бы в кость не попала иголка.
— У меня одни кости, — отчаянно шептал он, — обязательно попадут.

— А ты расслабься, — говорил я ему, похлопывая его по спине, тогда не попадут.

Спина его от напряжения была твердая, как доска.

— Я и так слабый, — отвечал он, ничего не понимая, — я малокровный.

— Худые не бывают малокровными, — строго возразил я ему (Ф. Искандер. «Тринадцатый подвиг Геракла», 1966 г.).

Здесь же следует остановиться на том факте, что в потоке современной fiction на русском языке встречается прием оформления слов автора формой *отвечал(а)* — по-видимому, без особой художественной или грамматической рефлексии. При этом интересно то, что беглый просмотр подобных примеров по НКРЯ показал, что указанная видо-временная форма в позиции при прямой речи встречается, помимо итеративных контекстов, в контекстах с однократным значением и часто сопровождается квалификаторами действия: *отвечал я, прыгая на одной ноге, чтобы снять вторую штанину; бодро отвечал он; отвечал он, уплывая; почти со злобой отвечал он* (примеры из НКРЯ). Такое употребление несом. вида образует определенную тенденцию, его можно назвать, в отличие от «художественного» несом. вида *отвечал*, «автоматическим». Примеры эти отсылают к знаменитому *сухо отвечал* (безусловно, в другой текстовой позиции) и к разбору этого примера (11), предложенному выше.

4. Писать / написать в нарративах XIX и в наши дни

Можно сравнить особенности употребления в нарративных текстах двух пар¹⁵ речевых глаголов — устной речи *отвечать / ответить* и письменной речи *писать / написать* (видовая принадлежность глаголов этой пары очевидна).

В рамках нарративных фрагментов могут быть употреблены глаголы как сов. вида, так и несом.:

- (30) Сильвио вынул из кармана утром полученное письмо, и дал мне его читать. Кто-то (казалось, его поверенный по делам) писал ему из Москвы, что известная особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой (А. С. Пушкин. «Выстрел»).
- (31) Он написал Акулине письмо самым четким почерком и самым бешеным слогом, объявлял ей о грозящей им гибели, и тут же предлагал ей свою руку (А. С. Пушкин. «Барышня-крестьянка»).

Эти примеры показывают, что несом. вид ставит в фокус внимания содержание речи, содержание того, что написано: ведь в примере (30) выше с

¹⁵ Интересно, что пара *писать / написать* не упоминается в работе [Гловинская 1993], специально посвященной классификации глаголов речи.

несов. видом *писал* речь идет не о продолжительности времени письма, а о продолжительности времени чтения (читает письмо рассказчик), т. е. акцент смещается к субъекту воспринимающему (субъекту модуса). В примере с сов. видом отсутствует воспринимающий содержание письма читающий субъект (есть пересказ письма), само предложение находится в динамическом фрагменте, где действия сменяют друг друга во времени (изображение внешней действительности): *написал письмо, поехал к Муромскому, прыгнул с лошади, пошел в дом, вошел* и т. д. (аористы). Ср. аналогичные тактики в выборе вида речевого глагола *писать / написать* в литературе пушкинского и послепушкинского времени (Тургенев, Чехов), а также в произведениях XX в.

Сов. вид — подчеркнутые глаголы в аористной функции, акцент на сменяющих друг друга действиях, в фокусе внимания — действующий герой, Ванька; видо-временная форма *написал* работает на диктум (движение времени, изображаемое предикатной серией, действия героя):

- (32) Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он умокнул перо и написал адрес: На деревню дедушке. Потом почесался, подумал и прибавил: «Константину Макарычу». (А. П. Чехов).

Особый интерес представляют контексты с *писать* в позиции при прямой речи в рамках перцептивного модуса (ведь это та же позиция, в которой встречается *отвечал*). Несов. вид в таком контексте создает акцент на чтении, восприятии:

- (33) Я развернул ее (записку. — *Е. Н.*) — и узнал неправильный и быстрый почерк Аси. «Я непременно должна вас видеть, — писала мне она, — приходите сегодня в четыре часа к каменной часовне на дороге возле развалин (...)». (И. С. Тургенев. «Ася»).

Глагольная форма *писала* употреблена в рамках перцептивного модуса (репродуктивного регистра), однако она не изображает действия по словарному значению глагола *писать*. В данных текстовых условиях описывается ситуация восприятия записки героем-адресатом¹⁶ (наблюдателем); другими словами, видо-временная форма *писала* «работает на модус».

¹⁶ Ср. невыраженного «нетривиального наблюдателя» Ю. Д. Апресяна (*Тропинка повернула направо*), «наблюдателя» в позиции «за кадром» Е. В. Падучевой (*Тропинка повернула / поворачивала направо*), а также ее идею о том, что «домысливание наблюдателя не ограничивается глаголами с подлежащим — пространственным объектом: *Письмо обрывалось / оборвалось на полуслове*» [Падучева 1996: 101]. Интересно, что (1) в операции «домысливания» при подходе «от текста», а не «от лексем» нет необходимости: герой — читатель письма присутствует в текстовом фрагменте, а в отношении глагола *писал* в изолированном предложении (*писала (мне) она, писала (мне) Ася*) подобное «домысливание», вероятно, невозможно; (2) разница еще и в том, что, в отличие от *Письмо обрывалось на полусло-*

Еще пример — в фокусе читающий субъект (наблюдатель), воспринимающий содержание письма, глагол *писал* не указывает на исполнение действия в изображаемой сцене:

- (34) И тут же Федор Иванович одернул себя. Он не имел права судить того, кто уже узнал тайну смерти. К концу письма пришло и подтверждение: старику было не до красных слов. «Если я туп, — писал он, — если я не понимаю ясных вещей и не имею достаточно глубокого образования <...>» (В. Дудинцев. «Белые одежды», 1987 г.).

Интересно, что выход за пределы репродуктивного регистра отменяет модусное осмысление глагола *писать* — нет фрагмента действительности в актуальном времени, воспринимаемого наблюдателем, и поэтому нет «актуального чтения», см. пример в информативном регистре:

- (35а) 5 декабря уже писал он строгое письмо к Шереметеву, повелевая ему идти на неприятеля с новгородскою и черкасскою конницею. «Болота замерзли, — писал Петр, — людей довольно; отговариваться нечем, разве болезнию, полученной меж беглецами — из коих майор ** на смерть осужден». В Новгороде, когда всё войско туда прибыло, государь наградил свою гвардию, не положившую ружья даже по лишению своих начальников (А. С. Пушкин. «История Петра»).

Два *писал* — в нарративном фрагменте и в рамочной позиции — имеют одно и то же значение, словарное.

Следующий пример из «Пиковой дамы» организован в основном средствами репродуктивного регистра (актуального времени) и, следовательно, обусловлен позицией наблюдателя:

- (35б) Она (Лизавета Ивановна. — Е. Н.) села за письменный столик, взяла перо, бумагу — и задумалась. Несколько раз начинала она свое письмо, — и рвала его: то выражения казались ей слишком снисходительными, то слишком жестокими. Наконец ей удалось написать несколько строк, которыми она осталась довольна. «Я уверена, — писала она, — что вы имеете честные намерения и что вы не хотели оскорбить меня необдуманным поступком; но знакомство наше не должно бы начаться таким образом. Возвращаю вам письмо ваше и надеюсь, что не буду впредь иметь причины жаловаться на незаслуженное неуважение». (А. С. Пушкин. «Пиковая дама»)

Здесь любопытно то, что есть актуальное время (в прозе Пушкина, правда, оно всегда с оговорками: повествователь внедряется и начинает комментировать наблюдаемое происходящее из своего всезнания, из другого временного плана), нет внутритекстового наблюдателя (героя), на

ве, при глаголе *писать* имеется позиция для адресата-наблюдателя, самый главный эффект примера (33) — в переключении значения глагола, а не в именном компоненте «за кадром».

роль наблюдателя претендует повествователь. Из этого вытекает важное следствие: у нас есть возможность осмысления примера (35б) через актуальное восприятие, солидаризацию с наблюдающим повествователем (как в примере (33)), т. е. через изображаемое в отрывке актуальное время-пространство, — и тогда *писала* не означает *писать* (ведь письмо уже лежит перед нами написанное); либо мы можем прочитывать письмо Лизаветы Ивановны как предъявляемое из другого временного плана повествователем («монтажный шов», соединяющий два временных плана, два регистровых фрагмента), т. е. по основному словарному значению глагола *писать*. Ср. с примером (35а), а также с предъявлением письма Татьяны читателям в «Евгении Онегине».

Можно видеть, что пример (35б) — предшественник современного употребления глагола *писать* в рамочной позиции в репродуктивном регистре, т. е. примеров (33, 34). С середины XIX в. условия употребления письменной речевой рамки не изменились — они сходны в тургеневском тексте и в современных текстах (перцептивный модус, позиция при прямой речи, время чтения совпадает со временем наблюдения, несов. видом *писать*), в то время как устная речевая рамка *отвечать / ответить* подвергалась изменениям с течением времени.

Глагол *писать* фиксирует внимание на времени чтения (героя и / или читателя книги), делая время восприятия написанного более реальным в условиях репродуктивного регистра. В случае изображения сцен чтения / написания письма в рамках перцептивного модуса (репродуктивного регистра) вид глагола может маркировать вид деятельности: несов. *писать* — восприятие, чтение, сов. *написать* — действие, написание. Тем самым, данная пара глаголов отвечает за фокус эмпатии, за то, какую позицию занимает читатель художественного произведения относительно героя: сближается ли, солидаризируется ли он с читающим героем (внутренняя точка зрения по Б. А. Успенскому) или выступает наблюдателем действия героя (внешняя точка зрения в пространстве-времени по Б. А. Успенскому), см. [Успенский (1970) 2000]. Если глагол *читать* в рамке создает внутреннюю точку зрения, то замена *писать* на *читать* («Приходите в беседку», — *читал он*) способствует удалению читающего героя от читателя произведения, точка зрения становится скорее внешней.

Подведем итоги. Выбор несов. вида / сов. вида глагола письменной речи (*писать / написать*) меняет роль, т. е. точку зрения читателя (отождествление с героем либо внешний наблюдатель), а при смене вида устных речевых глаголов на сов. вид (от *отвечал* к *ответил*) такой смены роли читателя не происходит: он остается во времени речи, которое синхронно времени восприятия, и выполняет роль внешнего наблюдателя. Здесь интересно то, что речь внешняя, проявляемая в говорении, является физическим действием и дистанцирует читателя от героя, речь внутренняя, проявляемая в письме, становится объектом восприятия внутритекстового субъекта (героя) и соединяет героя-адресата письма и читателя художест-

венного текста. «Совместное» чтение позволяет читателю переместиться во внутренний мир героя. В этом, по-видимому, состоит причина большей релевантности и закреплённости граммем вида глаголов *писать / написать*: они связаны с передачей разных ролей читателя. Напротив, глаголы устной речи *отвечать / ответить* не меняют роль читателя независимо от конкретной граммемы: он остается внешним наблюдателем, поэтому и возможна взаимозамена граммем. Для современного читателя она, как отмечалось выше, может иметь стилистические эффекты: нейтральный сов. вид — архаичный несов. вид. Вероятно, при том, что роль читателя-наблюдателя при восприятии диалога не меняется, стала возможна и эволюция (если она была) граммемы вида глагола *отвечать*.

Семантика вида рамочного глагола *отвечать* осмысливается в связи с внутренней и внешней композицией текстового фрагмента-диалога: взаимодействие между словом автора и словом героя (совпадение / несовпадение по синтаксическому времени), композиционное взаимное соединение окружающего нарративного фона и диалогической части (вписанность диалога по форме вида-времени в общий нарративный фон или выделенность из него). Исторически это был путь от взаимодействия речевого глагола с прямой речью (несов. вид) к взаимодействию речевого глагола с нарративным окружением. Результатом такой эволюции стало освобождение граммем вида от обеих композиционных зависимостей. При нейтральном сов. виде в современной литературе несов. вид стал художественным приемом, экспрессивным средством.

Интересно, что граммемы вида для глаголов перемещения в предложениях с пространственно-протяженным субъектом и речевых глаголов могут обнаруживать связь с модусом. Однако каждый из этих семантических типов выбирает свою граммему. В глаголах перемещения это граммема сов. вида (по МСШ, нетривиальный наблюдатель: *Тропинка повернула направо*), а для речевых глаголов связь с модусом выражается граммемой несов. вида (символ длящейся речи и времени наблюдения).

Л и т е р а т у р а

Апресян — Ю. Д. А п р е с я н. Принципы семантического описания единиц русского языка // Семантика и представление знаний. Тарту, 1980.

Арутюнова 1988 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Бондарко 2011 — А. В. Б о н д а р к о. Актуализационные аспекты грамматической семантики // Вопросы русского языкознания. Сб. XIV. Грамматика и текст. М., 2011. С. 12—30.

Вежицка 1978 — А. В е ж б и ц к а. Метатекст в тексте // НЗЛ. Вып. 8. М., 1978. С. 402—422.

Виноградов (ред.) (1956—1961) 2000 — Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. 3 / Под ред. В. В. Виноградова. М., 2000.

- Виноградов 1936 — В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин. Временник пушкинской комиссии Академии наук СССР. № 2. 1936. С. 74—147.
- Гловинская 1993 — М. Я. Гловинская. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158—218.
- Гловинская 2001 — М. Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Долгопольский 1963 — А. Б. Долгопольский. Категория вида в русском языке и вероятностный характер связи означаемого с означающим // Проблемы структурной лингвистики 1963, М., 1963. С. 266—281.
- Зализняк 2003 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 2003.
- Золотова 1973 — Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса. М., 1973.
- Золотова и др. (1998) 2004 — Г. А. Золотова, Н. К. Онопенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998; 2-е изд.: М., 2004.
- Исаченко (1960) 2003 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. 2-е изд. М., 2003.
- Лихачев 1967 — Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
- Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Никитина 2011 — Е. Н. Никитина. Грамматика детской точки зрения: герой и адресат // Онтолингвистика — наука XXI века: материалы международной конференции. СПб., 2011. С. 345—350.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Пешковский (1928) 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., (1928) 2001.
- Успенский (1970) 2000 — Б. А. Успенский. Поэтика композиции. СПб., 2000.
- Ушаков (ред.) 1939 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939.
- Шайкевич, интернет-ресурс — А. Я. Шайкевич. Лексическая динамика русской прозы XIX в. // http://www.ruslang.ru/doc/seminar_aut_lexicogr_shajkevich.pdf.
- Якобсон (1957) 1972 — Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95—113.
- Chvany 1996 — C. V. Chvany. Selected Essays. Columbus, 1996.

References

- Apresyan — Yu. D. Apresyan. Principy semanticheskogo opisaniya yedinic russkogo yazyka // Semantika i predstavleniye znaniy. Tartu, 1980.
- Arutyunova 1988 — N. D. Arutyunova. Tipy yazykovykh znacheniy: Ocenka. Sobytiye. Fakt. Moskva, 1988.
- Bondarko 2011 — A. V. Bondarko. Aktualizacionnyye aspekty grammaticheskoy semantiki // Voprosy russkogo yazykoznaniiya. Sb. XIV. Grammatika i tekst. Moskva, 2011. S. 12—30.
- Chvany 1996 — C. V. Chvany. Selected Essays. Columbus, 1996.

Dolgopolskiy 1963 — A. B. Dolgopolskiy. Kategoriya vida v russkom yazyke i veroyatnostnyy kharakter svyazi oznachayemogo s oznachayushchim // Problemy strukturnoy lingvistiki 1963, Moskva, 1963. S. 266—281.

Glovinskaya 1993 — M. Ya. Glovinskaya. Semantika glagolov rechi s toчки zreniya teorii rechevykh aktov // Russkiy yazyk v yego funkcionirovanii. Moskva, 1993.

Glovinskaya 2001 — M. Ya. Glovinskaya. Mnogoznachnost i sinonimiya v vidovremennoy sisteme russkogo glagola. Moskva, 2001.

Isachenko (1960) 2003 — A. V. Isachenko. Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v sopostavlenii so slovackim: Morfologiya. 2-e izd. Moskva, 2003.

Likhachev 1967 — D. S. Likhachev. Poetika drevnerusskoy literatury. Leningrad, 1967.

Maslov 1984 — Yu. S. Maslov. Oчерki po aspektologii. Leningrad, 1984.

Nikitina 2011 — Ye. N. Nikitina. Grammatika detskoй toчки zreniya: geroy i adresat // Ontolingvistika — nauka XXI veka: materialy mezhdunarodnoy konferencii. St.-Peterburg, 2011. S. 345—350.

Paducheva 1996 — Ye. V. Paducheva. Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa). Moskva, 1996.

Peshkovskiy (1928) 2001 — A. M. Peshkovskiy. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii. Moskva, (1928) 2001.

Shaykevich, internet-resurs — A. Ya. Shaykevich. Leksicheskaya dinamika russkoй prozy XIX v. // http://www.ruslang.ru/doc/seminar_aut_lexicogr_shajkevich.pdf.

Ushakov (red.) 1939 — Tolkovyy slovar russkogo yazyka: V 4 t. T. 3 / Pod red. D. N. Ushakova. Moskva, 1939.

Uspenskiy (1970) 2000 — B. A. Uspenskiy. Poetika kompozicii. St.-Peterburg, 2000.

Vinogradov (red.) (1956—1961) 2000 — Slovar yazyka Pushkina: V 4 t. T. 3 / Pod red. V. V. Vinogradova. Moskva, 2001.

Vinogradov 1936 — V. V. Vinogradov. Stil «Pikovoy damy» // Pushkin. Vremennik pushkinskoй komissii Akademii nauk SSSR. № 2. 1936. Moskva, S. 74—147.

Wierzbicka 1978 — A. Wierzbicka. Metatekst v tekste // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 8. Moskva, 1978. S. 402—422.

Yakobson (1957) 1972 — R. O. Yakobson. Shiftery, glagolnyye kategorii i russkiy glagol // Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya. Moskva, 1972. S. 95—113.

Zaliznyak 2003 — A. A. Zaliznyak. Grammaticheskiy slovar russkogo yazyka. Slovoizmeneniye. Moskva, 2003.

Zolotova 1973 — G. A. Zolotova. Oчерk funkcionalnogo sintaksisa. Moskva, 1973.

Zolotova i dr. (1998) 2004 — G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Yu. Sidorova. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. Moskva, 1998; 2-e izd.: Moskva, 2004.

Резюме

В работе предлагается объяснение условий выбора вида и времени глаголов речи и восприятия в художественном тексте. Особое внимание уделяется рамочным глаголам *отвечать / ответить, писать / написать* в нарративах XIX—XXI вв. Анализируется вид речевых глаголов в связи с лексической семантикой глагола, текстовой позицией и авторскими тактиками.

Ключевые слова: диктум, модус, перцептивность, глаголы речи и восприятия, наблюдатель, внутренняя и внешняя точка зрения.

Статья получена 18.02.2014

ELENA N. NIKITINA

**TENSE AND ASPECT OF VERBS OF SPEECH AND PERCEPTION
IN RUSSIAN NARRATIVE TEXTS OF 19—21 CENTURIES**

The paper explores conditions determining the choice of tense and aspect of the verbs of speech and perception in literary fiction. Special attention is paid to the frame verbs *otvechat'otvetit'*, *pisat'napisat'* in Russian narrative texts of the nineteenth- through the twenty-first centuries. Their aspectual characteristics are analyzed in connection with lexical semantics, text position, and author's tactics (focus on the action or mental perception).

Keywords: dictum, modus, perception, observer, text tactics, verbs of speech and perceptivity, internal/ external point of view.

Received on 08.01.2014

Д. В. РУДНЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СВЯЗОЧНОГО ГЛАГОЛА *СТАТЬ*

Глагол *стать* относится к числу грамматикализованных лексических средств русского языка, которые используются для выражения начинательности; его отличительной особенностью по сравнению с другими подобными средствами является широкая дистрибуция — глагол *стать* способен реализовывать фазовое значение начинательности как в сочетании с инфинитивом, так и в сочетании с именными предикатами. История грамматикализации глагола *стать* несколько раз становилась объектом внимания историков языка [Демиденко 1963; Камышева 1994; Молдован 2010], тем не менее существует целый ряд спорных вопросов, касающихся хронологии и семантико-синтаксических механизмов развития глаголом *стать* фазового значения. Решению этих вопросов мешает как «состояние изученности письменных источников» [Молдован 2010: 12], так и игнорирование некоторых языковых фактов и в силу этого неправильная постановка проблемы. В рамках настоящей статьи делается попытка осветить историю развития связочного приименного употребления глагола *стать*.

В современном русском языке связка *стать* является средством выражения фазисного значения в составном именном сказуемом. В словарях ее значение определяется как ‘делаться кем-, чем-либо или каким-либо, приходиться в какое-либо состояние’ [БАС, 14: 728]; А. М. Пешковский определял значение *стать* как «переход из одного состояния в другое» [Пешковский 1956: 216]. Это же значение в современном русском языке выражает связочный глагол *(с)делаться*. Можно отметить определенный параллелизм с приинфинитивным употреблением глагола *стать*, который в начинательных конструкциях конкурирует с фазовым глаголом *начать*. Однако если в приинфинитивном употреблении *стать* довольствуется лишь второй ролью, количественно многократно уступая глаголу *начать* [Молдован 2010: 5]¹, то в приименном употреблении значительно опережает связку *сделаться* по частотности употребления.

В словаре И. И. Срезневского перечисляется 29 значений глагола *стать* в древнерусском языке: ‘стать’, ‘встать, подняться’, ‘остановиться,

¹ Аналогичный вывод можно сделать на основании данных, приведенных в [Грудева, Кузьмина 2009].

стать станом’, ‘остановиться, занять помещение’, ‘явиться, предстать’, ‘остаться’, ‘собраться’, ‘занять место, должность’ и др. Выделяет Срезневский и связочное значение ‘сделаться, стать’ в примерах *Съгна оца съ прѣстола, а самъ ѿрѣмъ ста* (Новг. I л. 6712 г.), *А коли Богъ дастъ, стану митрополитомъ* (Зап. Луц. еп. Ю. 1398 г.) [Сл. Срезневского, 3: 507]². К этому употреблению мы еще вернемся ниже.

В научной литературе представлены две точки зрения на происхождение связки *стать*. С. Ю. Камышева видит этот процесс следующим образом. В глаголе *стать* происходит сопряжение семантики функционально-семантических полей «действие» и «состояние», его категориальной семой является «состояние субъекта как результат перемещения в пространстве». Предпосылкой для развития связочного значения глагола *стать* является актуализация в его структуре немаркированного дифференциального признака «перемещение, совершавшееся безотносительно к сфере» при одновременной нейтрализации маркированных дифференциальных признаков. Соединяясь с именем, такой глагол развивает более абстрактное, диффузное значение; у него развивается сема «возникновение признака, модифицирующего сферу субъекта». В результате этого процесса смысловой центр предиката передвигается на лексему, которая конкретизирует этот признак, а глагол берет на себя дейктические функции [Камышева 1994: 8—9]³.

Имя, выражающее признак субъекта, могло выражаться в древнерусском языке тремя способами: а) кратким прилагательным: *оумоленъ ста посредѣ ѿрѣкве* (ГБ XIV, 77а), *сташа днье зли* (ЛН XIII—XIV, 15 об.); б) существительным в Им. п.: *мои были слуги и тиѣ стали намъ ворогъ* (ГР 1393, I, ю.-р.); в) существительным в Тв. п.: *ен(с)нмъ стати* (ГА XIII—XIV, 78 об.), *аще кто не оженився станеть прозвутером* (КР 1284, 66б-в), *братъ своего же слѣпнивъ а самъ ѿрѣмъ ста* (ЛН XIII—XIV, 66 об.)⁴ [Камышева 1994: 13—16]. Приведенные примеры из работы Камышевой показывают редкость употребления глагола *стать* в связочной функции в древнерусском языке.

В представленной точке зрения связочное употребление глагола *стать* возводится к глубокой древности. Недостаточно ясными остаются два существенных момента. Во-первых, глагол *стать* в разных примерах имеет разное значение, в связи с чем неизбежен вопрос о том, как эти значения связаны друг с другом, какое из них первично, а какое вторично. Напри-

² В Словаре русского языка XI—XVII вв. выделяется 32 значения [СлРЯ XI—XVII, 28: 22—27].

³ К этой точке зрения на происхождение связочного значения глагола *стать* присоединяется Л. В. Попова [Попова 2013: 24—25].

⁴ С. Ю. Камышева пользовалась Картотекой Словаря древнерусского языка XI—XIV вв., и указания на источники приведены в соответствии с сокращениями, принятыми в данном словаре.

мер, первый из приведенных примеров показывает связочное употребление полнозначного глагола *стать* (*оумоленъ ста посредѣ цр̑кве*), тогда как в остальных случаях можно говорить о фазисном значении связочного глагола *стать*.

Во-вторых, столь же неизбежно возникает вопрос о сочетаемости глагола *стать* в разных примерах, и прежде всего вопрос о соотношении употребления существительного в Им. п. и в Тв. п.: если основываться на приведенных примерах, то возникает впечатление, что в древнерусском языке творительный предикативный существительного употреблялся в сочетании со связкой *стать* не только шире, чем именительный предикативный, но и распространился раньше. Это, однако, полностью противоречит трактовке творительного предикативного как новообразования.

Скорее всего, употребление глагола *стать* в сочетании с существительным в Тв. п. в древнерусском языке, которое в научной и учебной литературе (в том числе и у Срезневского) оценивается как связочное, не является таковым. Здесь мы имеем случай модернизации оценки языкового материала под влиянием современного русского языка. Творительный падеж имени может быть квалифицирован в этих примерах не как предикативный, а как «творительный образа» (А. А. Потебня), творительный «временного признака» (К. И. Ходова). Такая трактовка этих примеров тем более возможна, что у глагола *стать* выделяется значение ‘занять место, должность’: *Недостойнѣ юсть сталь, оже не блѣнѣ юсть ѿ великаго сбора, ни ставленѣ* (Новг. I л. 6657 г.), *А которыи поповичь... въсхочеть стати в попы или въ діаконы, ино ему волно стати* (Уст. гр. Вас. Дм. 1392 г.) [Сл. Срезневского, 3: 506]. В пользу этого говорит, наконец, то, что в русском языке более позднего времени (XVI—XVII вв.) в качестве присвязочного имени безраздельно господствует краткое прилагательное или причастие, а существительное если и встречается, то форма Тв. п. у него отсутствует.

Наконец, не все из приведенных Камышевой примеров являются достаточно убедительными случаями связочного употребления глагола *стать*: во втором примере (*сташа днье зли*) речь идет, по-видимому, об употреблении глагола *стать* не в качестве связки двусоставного предложения, а в значении ‘настать, наступить, начаться’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 25].

Вторая точка зрения связывает развитие связочного употребления глагола *стать* с историей конструкции «*стать* + инфинитив». Как отмечает Л. П. Демиденко, широкое распространение сочетания «*стать* + инфинитив» в качестве синонима сочетания «*начать* + инфинитив» наблюдается не ранее второй половины XVI в., причем главным образом в произведениях деловой письменности и в произведениях, отражающих народно-разговорную речь. В текстах, ориентирующихся на письменно-книжную традицию, они встречаются редко или вообще не встречаются. В XVII в. происходит дальнейшее распространение сочетания «*стать* + инфинитив» за счет «*начать* + инфинитив», вместе с тем его явно избегают в произведе-

дениях религиозного характера. Наоборот, в произведениях, ориентирующихся на народно-разговорный язык, в сочетании с инфинитивом глагол *стать* употребляется чаще, чем глагол *начать* (в некоторых произведениях сочетание с *начать* полностью отсутствует).

Распространение сочетания «*стать* + инфинитив» сопровождалось расширением его функций. Важным следствием развития у глагола *стать* абстрактного значения явилась возможность его употребления с XVII в. в конструкциях с неодушевленным субъектом: «... *саван шевелитца стал*, устрашая меня» [Ж. Авв.], а также в безличных предложениях: «**Стало** у меня в те поры *кости-те щемить* и *жилы-те тянуть*, и сердце зашлось, да и умирать *сталь*» [Там же]. Расширение сочетаемости глагола *стать* приводит к возможности образования сочетания с инфинитивом *быть*: «... меж нами прях велика **стала быть**» [Ж. Авв.]. Такие сочетания были возможны и в составном именном сказуемом — их достаточно много отмечается в языке И. Посошкова: «**Плох** де лов **стал быть** рыбе» [Пос., Кн. о скуд. и богат.]. Именно в рамках составного именного сказуемого образовалось вводное сочетание *стало быть*: происходило это в конструкциях с подлежащим, выраженным местоимением *то*; например: «**И то стало быть** худой суд, и того ради надлежит всячески потщатися о правом суде...» ([Демиденко 1963: 26—32]; примеры взяты из указанной статьи).

Таким образом, согласно второй точке зрения, связочное употребление глагола *стать* является, во-первых, поздним явлением (не ранее конца XVI в.) и, во-вторых, является результатом развития приинфинитивного употребления глагола *стать* в конструкциях со значением начинательности⁵. Этой точке зрения противоречат языковые факты: памятники письменности показывают широкое приименное употребление глагола *стать* в русском языке XVI в. Например:

... и, *роспоровъ то платно и загнутае отправит, опять платно хорошо станет*... [Дом., 110]; *Нынѣ же конечно хоцещи противен стати богу своим гнилымъ буйствомъ*... [Пов. о новг. бел. кл., 218]; *А как возьмутъ християнѣ из рукъ его [патриарха] свещи, и в християнскихъ руках [благодатный огонь] **станеть какъ и протчии огни**, — все от него горитъ* [Хожд. В. Позд.]; ... а как учили торговати большими своими товары, и промыслы их **стали велики**; и государь наш велел с них имать свое пошлыны половину... [Ст. сп. Писем., 144]; *И на тотъ камень возѣхъ Господь наш и позна камень Создателя своего, и **ста** камень под жребцомъ **мякокъ**, аки воскъ* [Хожд. В. Позд.]; *И егда исполнится 40 дней, то об одну ночь тѣло его земля будетъ, а кости **наги станут*** [Там же].

⁵ По мнению А. М. Молдована, наоборот, употребление *стать* в составе составного именного сказуемого послужило «основанием для развития приинфинитивного употребления связки *стать*» [Молдован 2010: 6].

Примеры употребления глагола *стать* в сочетании с конструкцией «*быть* + предикативное имя» были очень редки. Они встречаются в языке конца XVI в. (более ранние примеры нам не встретились) и являются, видимо, результатом контаминации приименного и приинфинитивного употребления глагола *стать*:

... как деи яз **стал быти в пашах**, и изо всех деи земель у нашего государя послы при мне бывали, одного деи московского не было... [Ст. сп. Новос., 72]; ... а **стал деи о том Крымской быти в великой кручине**, что государь мимо его послал к Турскому... [Там же, 71]; ... и Турской деи тому **стал быти весел** [Там же, 83].

Аналогичную картину связочного употребления глагола *стать* можно видеть в языке XVII в.: в подавляющем большинстве случаев он употребляется в сочетании с предикативным именем, например:

В те поры отчаяли уже мы весь животъ свой и в Азове городе и о выручке своей **безнадежны стали** от человек, толко себе и чая помощи от вышняго бога [Пов. об Азов. сид., 150]; ... и тогда бы тело мое **чисто стало**, аки ихъ младенческое [Пов. о семи мудр., 258]; И пришед Дружневна к реке и умылась чернаго зелья и **стала черна**, что уголь [Пов. о Бове, 296]; И **стал царь Далматъ кручиноват**... [Пов. о Ер. Лаз., 312]; И тут Рохлей **жив сталъ**, и с Еруслономъ поцеловались, и назвали другъ друга братомъ [Там же, 317]; И цари тому **ради сташа**, что надбютца на мочь своихъ воинов, приказали сходитися на мѣсто [Сказ. о ц. Вас. Конст., 444]; Царь Салтанъ Салтановичъ **стал велми яростень**, аки зверь... [Там же, 444]; И от тех местъ **сталъ царь милостив и правосуден**, и лготу сталъ давать, и дани поубавил, и опять **стало все жило**... [Пов. о раз. чел., 486].

Примеры сочетания глагола *стать* с конструкцией «*быть* + предикативное имя» встречаются гораздо реже; достаточно много таких примеров встретилось в «Книге о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова (начало XVIII в.): И тот суд **далек стал быть и труден**... [Пос., Кн. о скуд. и богат., 53]; И от мала даже и до велика все **стали быть поползновенны**... [Там же, 93]; И таковое начертание **стало быть** образу святому **поругание** [Там же, 145]; ... и которой крестьянин **станет** мало **посытее быть**, то на него и подати прибавит [Там же, 177]; ... и по такому их озорничеству **стали они быть** государю своему **противники**, а не **слуги** [Там же, 221]; И от тоя свободности питейные сборы весьма **стали быть плохи** [Там же, 229] и пр.⁶ Изредка такие примеры встречаются и в середине XVIII в., например: ... с Илдарю навек я уж разлучился / И в последние

⁶ Ср., впрочем, единичные случаи без «*быть*» у Посошкова: И то **стала** самая явная ворам и ябедникам **потачька** [Пос., Кн. о скуд. и богат., 105]; И сие **стало** не [ве]сьма **добро**, что так деется... [Там же, 26].

тогда весь в слезах простился; / Отнят стал быть от нее чрез страны далеки, / И неверные моря, купно многи реки... [Тред., Нов. и кр. сп., 397]; **Стал Коршун быть Павлин**, / *В его он перьях был великий господин* [Сум., Коршун, 211]. В начале XIX в. такое употребление прекращается.

Представленные точки зрения на происхождение связки *стать* заслуживают внимания, однако они не могут удовлетворительно объяснить некоторые особенности семантики связки *стать* в старорусский период и связанные с этим особенности его сочетаемости. Прежде чем мы перейдем к изложению нашей точки зрения, вернемся к вопросу о начале связочного употребления глагола *стать*, поскольку этот вопрос связан с вопросом о причине появления этой связки и механизме формирования связочного значения.

Возникновение фазовой связки *стать* относится, по-видимому, к праславянскому периоду, на что указывает ее употребление в различных славянских языках. К сожалению, судить о времени ее возникновения более определенно не представляется возможным из-за ее слабой фиксации в письменных памятниках. Говоря о слабой письменной фиксации древнерусскими текстами глагола *стать* в приинфинитивном употреблении, А. М. Молдован отмечает: «Ясно лишь, что решающим в данном случае было воздействие книжного узуса, в разные исторические периоды допускавшего в этих конструкциях одни связочные глаголы и не допускавшего другие» [Молдован 2010: 12]. В случае с приименным употреблением глагола *стать* ситуация осложнялась отсутствием стилистически нейтральной синонимичной связки с фазисным значением.

Длительное время это значение выражал аорист глагола *быть*. Способность аориста глагола *быть* выражать значение приобретения признака восходит, по мнению исследователей, к глубокой древности и обусловлена этимологией этого глагола: его разные формы восходили к двум корням **es-* и **bhu-*, из которых первый обозначал 'бытие в покое', а второй — 'бытие в становлении'. От второго корня, имевшего первоначально значение 'расти, возрастать, возникать', образованы формы глагола *быть* с корнями *бы-* / *буд-*, в том числе и формы аориста [Потебня 1958: 132—134; Бондаренко 2002: 40]. Такое употребление аориста глагола *быть* сохранилось в письменных текстах до конца XVII — начала XVIII в. Например:

Тут опять Брунцвик в великой печали бысть, понеже бо тот драк начал его жечи, а з другой стороны начал бояться лва... [Пов. о Брунц., 378]; *И увиде Бова в углу в темнице меч-кладенець и взя Бова меч-кладенець, бысть Бова радощен* [Пов. о Бове, 288]; *Услышав же от Александра слово се, Лодвикъ аки от сна возбудився, и воста, и здрав бысть* [Пов. о семи мудр., 243]; *И в томъ часѣ скоро бысть Александръ здравъ и чистъ весь тѣломъ своим, яко бы и никогда болѣлъ есть* [Там же, 258] и т. д.

В разговорной речи эта форма не могла оставаться способом выражения фазового значения в составном именном сказуемом в связи с выходом

аориста из употребления. Таким образом, расширению связочного употребления глагола *стать* способствовали не только стилистические факторы, влияние переводческой деятельности, «в частности переводы с польского языка, сближавшие русский письменный узус с разговорным языком» [Молдован 2010: 13], но и семантические — необходимость выражать значение начинательности в составном именном сказуемом. На протяжении многих веков язык предлагал разнообразные способы выражения начинательности, но практически ни один из них так и не вышел за пределы письменной речи.

Самым вероятным кажется возникновение связочного употребления глагола *стать* на основе значения ‘явиться, предстать’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 23]. Это значение, развившееся из значения ‘расположиться, остановиться где-л.’, содержит указание на фигуру наблюдателя, то есть содержит в своей семантике эмергенциальный смысловой компонент (значение обнаружения, выявления), сближающий его со связочными глаголами типа *оказаться*. Эта версия позволяет удовлетворительно объяснить длительное сохранение у фазисной связки *стать* модального значения обнаружения, которое было утрачено ею лишь к XIX в., и особенности сочетаемости, нетипичные для других фазисных связок.

Наиболее близкой оказывается аналогия с современным связочным глаголом *выйти*, который также развил фазисное значение на основе исходного значения движения; фазисное значение, как у связки *стать* в древности, осложнено модальным значением обнаружения. Первые случаи связочного употребления глагола *выйти* относятся к XVIII в. По-видимому, в обоих случаях произошел метонимический сдвиг в семантике глаголов движения: результат движения предмета переосмыслился как его возникновение, появление в перцептивном поле наблюдателя⁷. Вполне возможно, что семантика глагола *стать* не отличалась от семантики глагола *статься*. В современном русском языке глагол *статься* имеет значение ‘произойти, случиться, сделаться’ и характеризуется разговорной окраской [БАС, 14: 801—802]. Широкое распространение этого глагола происходит в старорусский период, когда он употребляется в двух главных значени-

⁷ Этот путь развития связочного значения у глаголов *стать* и *выйти* не является чем-то исключительным. Так, в испанском языке фазисное связочное значение развилось у глагола *ponerse* на основе исходного значения ‘расположиться, устроиться, встать, сесть, лечь, усесться, улечься, растянуться’. Подобно глаголу *стать* в древности, глагол *ponerse* сочетается главным образом с прилагательным и может использоваться в сочетании с инфинитивом для выражения начала действия (*ponerse a + inf.*). В романских языках глаголы *salir* (исп.), *sortir* (франц., катал.) с исходным значением ‘выходить, выезжать’ развили связочное значение ‘оказаться, получиться, сделаться’. Подобно связочному глаголу *выйти* в русском языке, эти глаголы в связочном употреблении сохраняют разговорную или просторечную окраску. О связочном употреблении глагола *выйти* в русском языке см. [Апресян 1995: 485—502].

ях — ‘случиться, произойти, совершиться’ и ‘оказаться, обнаружиться’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 28—29], то есть в фазовом и эмергенциальном. Параллельное сосуществование глаголов *стать* и *статься* напоминает аналогичную ситуацию с глаголами того же корня *остать* и *остаться*. Однако результаты сосуществования этих двух пар глаголов оказались противоположными: в одном случае конкурентную борьбу выиграл невозвратный глагол (*стать*), а другом случае — возвратный (*остаться*). В словарях не фиксируется связочное употребление глагола *статься*, но, судя по более поздним письменным памятникам, такое употребление было возможно. Например, в произведениях А. Кантемира встречаются подобные случаи:

*Вначале сделался он [Тимаген] поваром, потом в носилках людей нашивал и напоследок **стался витием** [Кант., Перев. Горац., 508]; Скупой или притворной доброты человек изменил добродетели, как малодушной воин ружье свое положил и сдался неприятелю, уже **стался полоненик** [Там же, 484].*

Предложенная гипотеза происхождения связочного употребления глагола *стать* позволяет дать удовлетворительное объяснение целому ряду особенностей его сочетаемости как в старорусский период, так в современном русском языке. Для употребления *стать* в качестве связки в XVI—XVII вв. и отчасти в XVIII в. характерна сочетаемость с предложно-падежными формами существительного. Первые случаи такого употребления относятся к XV в., глагол *стать* в этом случае реализует значение ‘оказаться (в каком-л. состоянии, положении)’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 24]. Например:

*И Аннушка **стала в великом страхе** [Пов. о Фр. Скоб., 57]; И Аннушка на то **стала в радости** великой... [Там же, 58]; *Како таковая великая и преславная земля во всѣхъ земляхъ **стала в разорении**, и такое Великое царство в запусѣнии, и таковая великая царьская ризница **в расточении!** [Нов. пов. о пресл. Росс. цар., 176]; И рече ей кралевиць Василий: «Виждь, страдница, како мне твои безумныя слова **стали за досаду...**» [Пов. о Вас. Злат., 402]; ... а царь Соломан **сталъ в велицей славе** и **высокъ** [Пов. о ц. Сол., 461]; Он, де, мнѣ не умел росказати, а мне то **стало за кручину** [Пов. о раз. чел., 485]; ...и та церковь **стала в забытии** до сѣхъ мѣсть [Ж. Дион., 414].**

Подобная сочетаемость в целом не характерна для фазисных связок со значением возникновения признака (*сотвориться, учиниться, сделаться*), зато типична для связочных глаголов с эмергенциальным значением, например: *Аз же, яко от сна убудихся, и **обрѣтохся** вмѣсто печали в великой радости, и прославих Христа и богородицу-сѣта* [Ж. Епиф., 316]; *А буде кто в таковой же **вине явится** впредь, то чинить ему указ уложенный* [Пос., Кн. о скуд. и богат., 66]; *В то-то время мы **найдемся в состоянии** принести наичистейшую и горящую жертву благодарности Всевысочай-*

шему Существо, нас создавшему... (Золотницкий, Доказательство бес-
смертия души человеческой... [НКРЯ]); *Посчитаться не трудно, кто у*
кого окажется в долгу (Данилевский, Россия и Европа [НКРЯ]). Уход из
употребления предложно-падежных форм существительного в конст-
рукциях со связкой *стать* в XVIII в. был связан с постепенной утратой этой
связкой модального значения обнаружения. По-видимому, с этим же зна-
чением глагола *стать* связано значение ‘обойтись в какую-л. сумму, сто-
ить’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 26]⁸, которое сохранилось и в современном рус-
ском языке [БАС, 14: 798].

Наличие в течение длительного времени в значении связки *стать*
эмергенциального оттенка объясняет и ее способность сочетаться с при-
частиями страдательного залога вплоть до конца XVIII в.:

Сего деи эрль Эксетцкому суд был, и судили деи его вотчинные большие
двадцать четыре князи; и по суду деи Эксетцкой стал виноват и
осужден на смерть [Ст. сп. Микул., 180—181]; *Как скоро я в нее всту-*
пил, то отверстие ее тотчас затворилось, и я стал окружен и по-
крыт землею, и вселилось в меня превеликое отчаяние... [Чул., Пересм.,
134]; *Тогда малым числом все объято стало; оно овладело вселенною,*
и человеческий род стал лишен наследия (Фонвизин, Слово похвальное
Марку Аврелию [НКРЯ]); *Я взглянул окрест меня — душа моя страда-*
ниями человечества уязвлена стала (Радищев, Путешествие из Пе-
тербурга в Москву [НКРЯ]); *Роды дворянския стали разделены по*
службе так, что иной однородцов своих и век не увидит (Щербатов,
О повреждении нравов в России [НКРЯ]).

Ср. подобное употребление связочных глаголов со значением обнару-
жения: *А буде в пересмотре явится кто в роспись не вписан, то кто его*
посадил без записки, надлежит жестоко наказать, дабы впредь так не
делали [Пос., Кн. о скуд. и богат., 58—59]; *Говорили на другой день, что*
меховая шапка некоего Абдула Сабитуллина оказалась простреленною
дробинами и что только густо вышитая тюбетейка спасла его лысую го-
лову (Короленко, Марусина заимка [НКРЯ]).

Особенность семантики глагола *стать* позволяет объяснить его упо-
требление и в целом ряде других конструкций, не имеющих отношения к
составному именному сказуемому. Так, особенностью употребления гла-
гола *стать* в фазовом значении в XVII — начале XVIII в. является спо-
собность выступать в качестве самостоятельного сказуемого в сочетании с
существительными процессуальной семантики. Например: *Уже у нас ста-*
ла стрельба из града осадного... [Пов. об Азов. сид., 147]; *От пушек их*
страшный громь сталь... [Там же, 149]; *И ту ночь немного отошли, и на*

⁸ Ср. аналогичное употребление с глаголом *обрестись*: *Купиль... мерин сѣръ,*
грива направо, обрѣлась цена три рубли. Там. кн. Тихв. м., № 1326, 20. 1662 г.
[СлРЯ XI—XVII, 12: 151].

зоре **сталь** *вѣтръ великъ* [Хожд. Л., 109]; *Потомъ доведался митрополит, что стала из города измена, да в церкви и проклял ихъ, тѣхъ изменниковъ, и род ихъ* [Там же, 69]; *А когда мы под тѣмъ городом стояли, и в те поры на одном корабле моръ **сталь*** [Там же, 112].

В этом случае реализуются значения ‘возникнуть, появиться, создаться’, ‘настать, наступить, начаться’ или ‘произойти, случиться’ [СлРЯ XI—XVII, 28: 25]. Аналогичное употребление характерно и для глаголов обнаружения:

*Какая перемена пришествием всем Христовым в науках **явилась**?* [Тат., Разг. дву прият., 76]; ... *мрачность и влага вся исчезла, и на место их **явились** свет и сухость, стены уподобились белизною ярине, а на место тусклой лампы отворились окна, получающие свет с земной поверхности* [Чул., Пересм., 284]; *Скоро **оказались** тлетворные следствия его присутствия* (Бестужев-Марлинский, Страшное гаданье [НКРЯ]).

В словарях это значение описывается как ‘обнаруживаться, выступать, проступать’ [БАС, 17: 2029] или ‘давать себя знать, обнаруживаться, сказываться’ [БАС, 8: 767]. Думается, что во всех этих случаях, включая и употребление глагола *стать*, реализуется значение ‘оказаться (иметься) в наличии’. Это значение может реализовываться не только в двусоставном, но и в безлично-отрицательном предложении, например:

*Хлѣбу **не обрѣстися**, инѣх же потребнихъ муки и соли... что и глаголати* (Ж. Ант. С. ц., 51. 1579) [СлРЯ XI—XVII, 12: 152]; *А за тѣмъ именем то столовое мѣсто на оброка, и того въ приходной книге **не нашлось*** (Калуж. а., 36. 1652 г.) [СлРЯ XI—XVII, 10: 108]; *И кроме того своего пошпорта **не явилось**, и видя, что иной вины никакой нет, то бросили его в тюрьму* [Пос., Кн. о скуд. и богат., 111]; *Уфимского уезда татарин привез ныне землю синюю вместо руды, ис которой по пр[обам ни]какой метали **не явилось**...* [Тат., Дон. Анне Иоанн., 197]; ... *наконец, при вскрытии трупов людей, об отравлении которых существовали сильнейшие подозрения, **не оказалось** и тени отравления, а обнаружили только известные и обыкновенные признаки обыкновенных болезней* (Одоевский, Импровизатор [НКРЯ]).

Безличное употребление глагола *стать* в современном русском языке имеет, по-видимому, ту же природу. Например: *И отплыли от Родоса версть з десять, а ветру и **не стало*** [Хожд. Л., 64]; *И какъ Карлова рода **не стало**, избранъ на цѣсарство фрянкольский князь Кондратъ* (Козм., 40. 1670 г.) [СлРЯ XI—XVII, 28: 25].

Для глагола *стать*, как и для связочных глаголов со значением обнаружения, типичным является употребление в составе безличного предложения в сочетании со словами категории состояния (предикативными наречиями). Например:

Услыша князь Петр жалостныя слова кравлены Магилены и вельми жалостно ему стало, и показалось ему, что сердце его от жалости распалилось, и рекль к ней... [Пов. о П. Злат. ключ., 345]; Уже гораздо поздно стало, азъ же збло пьянь и не могу до двора своего дойти, боюсь, дабы мнѣ не розбити гусли [Пов. о Вас. Злат., 395]; ... а в кѣлейце моей стало свѣтло в полунощи [Ж. Епиф., 314]; Тайно послал к ним воды святыя, велел их умыть и напоить, и им, бедным, легче стало [Ж. Авв., 34]; И мне ево стало жалъ [Там же, 37].

По нашим подсчетам, в XVII в. безличное употребление связки *стать* составляет 22% относительно общего числа связочных конструкций с ней. К безличному употреблению примыкают такие случаи, как *Вопрошающу же ему опаснѣ игумену, прилично стало игуменни и о Феодорѣ воспоминанути* [Пов. о б. Мороз., 469], а также *Помышляю лежа: «Христе, свете истинный, аще не ты меня от безгоднаго сего и нечаемого времени избавишь, нечева мне стало делать: яко червь исчезаю»* [Ж. Авв, 74].

Ср. с подобным употреблением глагола *оказаться* (все примеры из [НКРЯ]): *И оказалось ясно, какого рода создание человек...* (Гоголь, Мертвые души); *Сколько раз достаточная глубина заманит на такую дорожку, что и выхода нет: дальше окажется мелко, надо сворачивать* (Гончаров, Фрегат «Паллада»); *Как только оказалось возможным, Нежданов отправился к себе в комнату и заперся* (Тургенев, Новь); *От нее перенимать мне труднее: насчет англиского языка совсем оказалось неудобно* (Эртель, Гарденины, их дворня, приверженцы и враги); *Да, трудно оказалось венскому инструменту победить хохлацкую дудку* (Короленко, Слепой музыкант).

По аналогии со связкой *стать* с конца XVIII в. безличное употребление развивается у связки *сделаться*. В XVII — первой половине XVIII в. встречается сочетание *сделалось ведомо*, однако такое употребление было идиоматичным и развилось, по-видимому, под влиянием аналогичного сочетания с глаголом *учиниться*.

Таким образом, целый ряд особенностей сочетаемости глагола *стать* в современном русском языке и в его истории получает удовлетворительное объяснение, если принять во внимание эмергенциальный оттенок этого глагола в начале процесса его грамматикализации. По-видимому, и отмечаемая исследователями особенность глагола *стать* в инфинитивных конструкциях называть не начальную фазу действия (в отличие от *начать*), а сам факт возникновения ситуации, ранее не имевшей места, восходит к этому же эмергенциальному оттенку глагола *стать*⁹.

В связи с приинфинитивным употреблением глагола *стать* еще раз вернемся к конструкциям, промежуточным между приинфинитивным и приименным употреблением *стать*, типа *Шведы и датчане, несмотря что у них грамота едва ли не позже нашего стала быть в употреблении*,

⁹ Аналогичный оттенок имеет конструкция *ponerse a + inf.* в испанском языке.

первых своих королей прежде рождества Христова начинают, описывая их домашние дела и походы [Лом., Др. росс. ист., 214].

На развитие подобных конструкций, которые применительно к XVIII—XIX вв. иногда оцениваются как синтаксический галлицизм [Шведова 1964: 116—118], вполне могло повлиять развитие у глагола *стать* приинфинитивного употребления и влияние со стороны синонимичных конструкций с глаголом *начать* или *учать*. Например:

Егда убо жена зача въ чревѣ, и нача готова ей быти... [Пов. о ц. Дин., 42]; ... и [Шигалей] *нача* у них *быти царем* на Казани, и *царицу хотѣ* поняти [Каз. ист., 408]; И [Иван IV] *кротокъ, и смиренъ быти нача, и праведенъ в судѣ, и неуклоненъ...* (там же, 360); И *королевна учала быти весела...* [Ст. сп. Писем., 116]; *Он же, оставаяся, начал слушати, звук же и гром начат болши быти* [Пов. о Брунц., 377]; *И не даша ему кралевны, он же начат быти смущен...* [Там же, 387].

Однако возможно и иное объяснение: такие конструкции могли быть вызваны оттенком обнаружения в семантике глагола *стать*, что сближало его сочетаемость с модальными связками. Для модальных связок со значением мнимости и обнаружения употребление в сочетании с конструкцией «*быть* + предикативное имя» в древнерусский и старорусский период было вполне обычным явлением. Например:

*Нынѣ же врази животу — мраз, студен снѣгъ и дымъ разумъ смущаютъ, перѣсты стѣсняють, очи слезити понуждаютъ, чернило мрѣзнетъ, харатью сажею опорочают, коя вся писцу *спротивна быти видятся** [Карп., Посл. митр. Дан., 514]; И [казанцы] *мнящися быти мудры, и объюродѣвши, ослепи бо их злоба и лукавство их* [Каз. ист., 504]; *Сей убо благочестивый самодержецъ праведный и досточюдный и крестоносный царь и великий князь Федоръ Ивановичъ всеа Руси ... не токмо единыя Росийския богохранимыя державы, но всея подсолнечныя *пречестнѣйши быти явися** [Пов. о жит. ц. Фед. Ив., 56]; *Такое молодых человек житие *кажется быти стужительное* и заключению пленническому *подобное** (Регламент или устав духовной коллегии [НКРЯ]); *Полученную от Вас Гисторию или прожект о ассирийской царице Семирамисе ея высочество изволила прочеть и *довольна быти явилась*...* [Тат., П. Шум., 140].

В пользу такого решения этого вопроса склоняет наличие в русском языке вводного оборота *стало быть*, который возник, судя по всему, в составе подобных конструкций и в современном русском языке употребляется в значении ‘следовательно, таким образом’ [БАС, 14: 799]; например: *Это, **стало быть**, не весело именины празднованы, а скучно* (Львов, Роза и Любим [НКРЯ]). Развитие вводной функции — типичная черта модальных связок [Руднев 2011]. Параллельно вводному обороту *стало быть* в русском языке XVIII—XIX вв. употреблялось в качестве вводного слово *стало*:

[Здравомысл.] *Когда в российских городах заводят университеты, то, стало, намерение есть готовить к службе людей просвещенных* [Фонв., Стародум, 557]; *Стало, я это заслужил, так я и накажу себя — кто презрен, тому возвращает право на почтение единая смерть* (Клушин, Несчастный М-в [НКРЯ]); *Пустая отговорка: если хочу, стало, не скучно* (Титов, Уединенный домик на Васильевском [НКРЯ]); *Стало, вы портные?* (Григорович, Антон-горемыка [НКРЯ]); *Они, говорят, потом в департаменте спрашивали-с: там не знают, стало, дела не служебные-с* (Тургенев, Холостяк [НКРЯ]).

Не вполне понятно, в каких отношениях находились между собой вводные единицы *стало* и *стало быть*. Возможно, *стало* является результатом компрессии оборота *стало быть*, что в целом присуще вводным оборотам, однако возможно и то, что *стало* и *стало быть* образовались параллельно и сосуществовали на протяжении нескольких веков. В пользу последнего свидетельствует отмечаемый словарями просторечный оттенок вводного слова *стало* [Сл. Ушакова, 4: 497; СРЯ, 4: 255], которого лишено вводное сочетание *стало быть*.

В конце нашей статьи еще раз вернемся к связочному употреблению глагола *стать* в современном русском языке. Длительное сохранение в семантике фазисной связки *стать* эмергенциального оттенка и стилистическая ограниченность ее употребления разговорной сферой способствовали возникновению в составном именном сказуемом связочных глаголов, которые выражали фазисное значение в более «чистом» виде и были лишены оттенка разговорности. Основой для формирования таких связок были глаголы со значением созидания — *(со)творить*, *(у)чинить*, *деять*. С 1730—1740-х гг. на основе этой модели начинается распространение связочного глагола *делаться—сделаться*¹⁰. Особенно широкое распространение получила форма *сделаться*: судя по данным НКРЯ, в первой половине XIX в. она употреблялась в 2 раза чаще, чем связка *стать*. Связка *делаться* не получила такого распространения и даже в первой половине XIX в. употреблялась в 2,5 раза реже, чем связка *становиться* (и в 6 раз реже, чем связка *сделаться*). К концу XIX в. связка *стать* занимает доминирующие позиции в составном именном сказуемом, значительно потеснив связку *сделаться* (в последнее десятилетие XIX в. связка *стать* употреблялась в 2 раза чаще, чем *сделаться*; связка *становиться* — в 3,5 раза чаще, чем *делаться*). Эти данные свидетельствуют о том, что связка

¹⁰ Первые случаи связочного употребления глагола *(с)делаться* встретились в переводном памятнике второй половины XVI в. «Назирателе»: ... и **нерадостны дѣлаются** сего ради смущени и врежени мокроты ихъ... (л. 4 об.); ... **таковака нива бывает и дѣляется** песчана **солена и дика** ... (л. 109). Близкое к связочному употребление встретилось и в некоторых других текстах, например: ... а в **Помѣсномъ приказе худенка дѣляетца** потому подячие за роботу **хотят**... [Пам. рус. яз. XVII ст., 37].

стать во второй половине XIX в. прошла процесс стилистической нейтрализации.

Однако даже в XVIII и XIX вв. можно отметить некоторые особенности в сочетаемости связки *стать*, обязанные, как представляется, ее былой связи с эмергенциальными связками. Так, согласно данным Национального корпуса русского языка связка *стать* на всем протяжении этого времени преимущественно сочеталась с адъективами, а связка *сделаться* — с субстантивами. Это можно видеть из двух таблиц, которые приведены в *Приложении*. Если проанализировать сочетаемость связки *стать* в XVII в., то можно увидеть много общего с более поздними данными. Подавляющее большинство примеров употребления связочного глагола *стать* в XVII в. обнаруживает использование в качестве присвязочной части краткого прилагательного: оно составляет 58% от числа всех способов выражения присвязочной части в двусоставном предложении. Имя существительное в позиции именной части сказуемого почти не встречается, а если и употребляется, то в Им. п.; например: *И ездил к другу своему Илариону игумну: он просвиру вынял за брата; тогда добро жил, — что ныне архиепископ резанской, мучитель стал христианской* [Ж. Авв., 66].

Особенности значения и связанные с этим особенности употребления были характерны только для *стать*: форма *становиться* не имела эмергенциального оттенка, поскольку глаголы обнаружения относятся к числу моментальных глаголов, употребляемых преимущественно или исключительно в форме совершенного вида. Распространение связочного употребления *становиться* происходит значительно позже, чем *стать*, и, возможно, было обусловлено усилением у формы *стать* фазисного значения и ослаблением значения обнаружения. Эмергенциальное значение *стать* всегда характеризовалось разговорным оттенком, неся печать той среды, в которой оно сформировалось. Отсутствие этого значения у формы *становиться* объясняет не только ее более ограниченные сочетательные возможности (невозможность употребляться в целом ряде конструкций и в частности в сочетании с инфинитивом, где возможна лишь форма *стать*), но и отсутствие разговорного оттенка при связочном употреблении. Стилистическая нейтральность предопределила доминирование связки *становиться* над связкой *делаться* на протяжении всего периода их сосуществования.

Приложение¹¹

Таблица 1

Сочетаемость связки *стать* в XVIII—XIX вв.

<i>Стать</i>			
	XVIII в.	1800—1850 гг.	1890-е гг.
<i>существительное</i>			
Тв. п.	18,5%	18,5%	27,5%
Им. п.	9%	2,5%	менее 1%
Предл.-пад. формы	7%	1,5%	менее 1%
<i>прилагательное</i>			
Краткая форма	37,5%	20%	14%
Компаратив	9,5%	15%	12,5%
Полная форма в Тв. п.	5%	5,5%	14,5%
Полная форма в Им. п.	3%	2%	4%
<i>Слова категории состояния</i>	6,5%	26,5%	21%
Слова категории состояния в сравн. степ.	1,5%	6,5%	4%
<i>Прочее</i>	2,5%	3%	1%

Таблица 2

Сочетаемость связки *сделаться* в XVIII—XIX вв.

<i>Сделаться</i>			
	XVIII в.	1800—1850 гг.	1890-е гг.
<i>существительное</i>			
Тв. п.	48,5%	47%	53%
Им. п.	1,5%	1%	менее 1%
Предл.-пад. формы	1%	менее 1%	менее 1%
<i>прилагательное</i>			
Краткая форма	14,5%	13,5%	5,5%
Компаратив	5%	9%	6%
Полная форма в Тв. п.	24,5%	18,5%	20,5%
Полная форма в Им. п.	нет	2%	2%
<i>Слова категории состояния</i>	2%	6,5%	11,5%
Слова категории состояния в сравн. степ.	менее 1%	1%	1%
<i>Прочее</i>	1%	1,5%	1,5%

¹¹ Подсчеты проведены на основе сплошной выборки примеров из Национального корпуса русского языка. Если пример извлечен из текста, который не имеет точной датировки и может быть отнесен к двум выборкам, то он учитывался в обеих выборках. При подсчете учитывались все формы связки (личные и атрибутивные); число извлеченных примеров из трех выборок (XVIII в. / 1800—1850 гг. / 1890-е гг.) составило: для связки *стать* — 746 / 1292 / 2634, для связки *сделаться* — 481 / 2761 / 1509.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965.

Бондаренко 2002 — О. В. Б о н д а р е н к о. Функционирование древнерусского глагола БЫТИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2002. Вып. 2. С. 38—41.

Грудева, Кузьмина 2009 — Е. В. Г р у д е в а, Ю. Ю. К у з ь м и н а. Фазовые глаголы в современном русском языке (корпусное исследование) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 3. С. 36—43.

Демиденко 1963 — Л. П. Д е м и д е н к о. Грамматическая и семантическая эволюция словосочетания типа «начать + инфинитив» и «стать + инфинитив» в русском языке // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. XXV. Вып. 1. С. 18—46.

Камышева 1994 — С. Ю. К а м ы ш е в а. Формирование семантической структуры модуляционно-связочных глаголов в древнерусском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1994.

Молдован 2010 — А. М. М о л д о в а н. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5—17.

Пешковский 1956 — А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.

Попова 2013 — Л. В. П о п о в а. Связка в грамматической системе русского языка. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Архангельск, 2013.

Потебня 1958 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.

Руднев 2011 — Д. В. Р у д н е в. Модальные глаголы-связки и их роль в формировании семантики опорных слов сложноподчиненного предложения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2011. Вып. 1. С. 128—133.

Сл. Срезневского — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Сл. Ушакова — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1935—1940.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2008.

СРЯ — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1—4. М., 1981—1984.

Шведова 1964 — Н. Ю. Ш в е д о в а. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX в. // Раздел «Изменения в системе простого предложения». М., 1964. С. 20—368.

И с т о ч н и к и

Дом. — Домострой // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С. 70—173.

- Ж. Авв. — Житие протопопа Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 351—454.
- Ж. Дион. — Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 356—463.
- Ж. Епиф. — Житие Епифания // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 310—336.
- Каз. ист. — Казанская история // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С. 300—565.
- Кант., Перев. Горац. — А. Д. Кантемир. Письма Квинция Горация Флакка // А. Д. Кантемир. Сочинения, письма и избранные переводы. Т. 1. Сатиры, мелкие стихотворения и переводы в стихах. СПб., 1867. С. 384—559.
- Карп., Посл. митр. Дан. — Ф. Карпов. Послание митрополиту Даниилу // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 504—519.
- Назиратель — Назиратель. М., 1973.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (www.ruscorgo.ru).
- Лом., Др. рос. ист. — М. В. Ломоносов. Древняя российская история // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765 гг. М.; Л., 1950—1983. С. 163—286.
- Нов. пов. о пресл. Росс. цар. — Новая повесть о преславном Российском царстве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 150—179.
- Пам. рус. яз. XVII ст. — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова). М., 1965.
- Пов. о б. Мороз. — Повесть о боярыне Морозовой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 455—484.
- Пов. о Бове — Повесть о Бове королевиче // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 275—300.
- Пов. о Брунц. — Повесть о Брунцвике // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 374—388.
- Пов. о Вас. Злат. — Повесть о Василии Златовласом // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 389—406.
- Пов. о Ер. Лаз. — Повесть о Еруслане Лазаревиче // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 301—322.
- Пов. о жит. ц. Фед. Ив. — Повесть о житии царя Федора Ивановича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 54—103.
- Пов. о новг. бел. кл. — Повесть о новгородском белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С. 198—233.
- Пов. о П. Злат. ключ. — Повесть о Петре Златых ключей // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 323—373.
- Пов. о раз. чел. — Повесть о разуме человеческом // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 484—486.
- Пов. о семи мудр. — Повесть о семи мудрецах // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 192—266.
- Пов. о Фр. Скоб. — Повесть о Фроле Скобееве // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 55—64.
- Пов. о ц. Дин. — Повесть о царице Динаре // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 36—47.

- Пов. о ц. Сол. — Повесть о рождении и похождениях царя Соломона // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 455—461.
- Пов. об Азов. сид. — Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 139—154.
- Пос., Кн. о скуд. и богат. — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве // И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие произведения. СПб., 2004. С. 11—244.
- Сказ. о ц. Вас. Конст. — Сказание о царе Василии Константиновиче // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 442—447.
- Ст. сп. Писем. — Статейный список Ф.А. Писемского (1582—1583) // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008. С. 100—155.
- Ст. сп. Новос. — Статейный список И. П. Новосильцева (1570) // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008. С. 63—99.
- Ст. сп. Микул. — Статейный список Г. И. Микулина (1600) // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008. С. 156—205.
- Сум., Коршун — А. П. Сумароков. Коршун (1760) // А. П. Сумароков. Избранные произведения. Большая серия библиотеки поэта, вступительная статья, подготовка текста и примечания П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 210 — 211.
- Тат., Дон. Анне Иоанн. — В. Н. Татищев. Доношение Анне Ивановне об изготовлении и отпуске медных кружков, строительстве новых заводов, обнаружении богатых залежей железной руды в Верхотурских горах, о переписи раскольников и по другим вопросам (26 июня 1735) // В. Н. Татищев. Записки. Письма. М., 1990. С. 194—197.
- Тат., П. Шум. — В. Н. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру (22 марта 1731) // В. Н. Татищев. Записки. Письма. М., 1990. С. 140.
- Тат., Разг. дву прият. — В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // В. Н. Татищев. Избранные произведения. Л., 1979. С. 51—132.
- Тред., Нов. и кр. сп. — В. К. Тредиаковский. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий (1735) // В. К. Тредиаковский. Избранные произведения (Библиотека поэта. Большая серия). М.; Л., 1963. С. 365—420.
- Фонв., Стародум — Д. И. Фонвизин. Друг честных людей или Стародум // Русская проза XVIII века. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 540—564.
- Чул., Пересм. — М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки // Старинные диковинки: Т. 3. Кн. 2: Волшебно-богатырские повести XVIII века. М., 1992. С. 5—306.
- Хожд. В. Позд. — Хождение на Восток гостя Василия Позняка с товарищи // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. С. 48—93. (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5142>).
- Хожд. Л. — Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701—1703. М., 2008.

References and sources

- Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. Izbrannyye trudy. T. 2. Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moskva, 1995.
- BAS — Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 1—17. M.; Leningrad, 1950—1965.

- Bondarenko 2002 — O. V. Bondarenko. Funkcionirovaniye drevnerusskogo glagola BYTI // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2002. Vyp. 2. S. 38—41.
- Chul., Peresm. — M. D. Chulkov. Peresmeshnik, ili Slavenskiye skazki // Starinnyye dikovinki: T. 3. Kn. 2: Volshebno-bogatyrskiy povesti XVIII veka. Moskva, 1992. S. 5—306.
- Demidenko 1963 — L. P. Demidenko. Grammaticheskaya i semanticheskaya evolyuciya slovosochetaniya tipa «nachat + infinitiv» i «stat + infinitiv» v russkom yazyke // Uchenyye zapiski Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. T. XXV. Vyp. 1. S. 18—46.
- Dom. — Domostroy // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Seredina XVI veka. Moskva, 1985. S. 70—173.
- Fonv., Starodum — D. I. Fonvizin. Drug chestnykh lyudey ili Starodum // Russkaya proza XVIII veka. T. 1. Moskva; Leningrad, 1950. S. 540—564.
- Grudeva, Kuzmina 2009 — Ye. V. Grudeva, Yu. Yu. Kuzmina. Fazovyye glagoly v sovremennom russkom yazyke (korpusnoye issledovaniye) // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 3. S. 36—43.
- Kamysheva 1994 — S. Yu. Kamysheva. Formirovaniye semanticheskoy struktury modulyacionno-svyazochnykh glagolov v drevnerusskom yazyke. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 1994.
- Kant., Perv. Gorac. — A. D. Kantemir. Pisma Kvinciya Goracia Flakka // Kantemir A. D. Sochineniya, pisma i izbrannyye perevody. T. 1. Satiry, melkiye stikhotvoreniya i perevody v stikhakh. St.-Peterburg, 1867. S. 384—559.
- Karp., Posl. mitr. Dan. — F. Karpov. Poslaniye mitropolitu Daniilu // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Konec XV — pervaya polovina XVI veka. Moskva, 1984. S. 504—519.
- Kaz. ist. — Kazanskaya istoriya // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Seredina XVI veka. Moskva, 1985. S. 300—565.
- Khozhd. L. — Khozhdeniye v Svyatuyu zemlyu moskovskogo svyashchennika Ioanna Lukyanova. 1701—1703. Moskva, 2008.
- Khozhd. V. Pozd. — Khozhdeniye na Vostok gostya Vasiliya Poznyakova s tovarishchi // Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 10. S. 48—93. (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5142>).
- Lom., Dr. ross. ist. — M. V. Lomonosov. Drevnyaya rossiyskaya istoriya // M. V. Lomonosov. Polnoye sobraniye sochineniy. T. 6: Trudy po russkoy istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii. 1747—1765 gg. Moskva; Leningrad, 1950—1983. S. 163—286.
- Moldovan 2010 — A. M. Moldovan. K istorii fazovogo glagola stat v russkom yazyke // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2010. № 1 (19). S. 5—17.
- Naziratel — Naziratel. Moskva, 1973.
- NKRYA — Nacionalnyy korpus russkogo yazyka. (www.ruscorpora.ru).
- Nov. pov. o presl. Ross. car. — Novaya povest o preslavnom Rossiyskom carstve // Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 14. St.-Peterburg, 2006. S. 150—179.
- Pam. rus. yaz. XVII st. — Pamyatniki russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII stoletiya (Iz fonda A. I. Bezobrazova). Moskva, 1965.
- Peshkovskiy 1956 — A. M. Peshkovskiy. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii. Izd. 7-e. Moskva, 1956.
- Popova 2013 — L. V. Popova. Svyazka v grammaticheskoy sisteme russkogo yazyka. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Arkhangelsk, 2013.

Pos., Kn. o skud. i bogat. — I. T. Pososhkov. *Kniga o skudosti i bogatstve* // I. T. Pososhkov. *Kniga o skudosti i bogatstve i drugiye proizvedeniya*. St.-Peterburg, 2004. S. 11—244.

Potebnya 1958 — A. A. Potebnya. *Iz zapisok po russkoy grammatike*. T. I—II. M.: Prosveshcheniye, 1958.

Pov. o b. Moroz. — *Povest o boyaryne Morozovoy* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga vtoraya*. Moskva, 1989. S. 455—484.

Pov. o Bove — *Povest o Bove koroleviche* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga pervaya*. Moskva, 1988. S. 275—300.

Pov. o Brunc. — *Povest o Bruncvike* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga pervaya*. Moskva, 1988. S. 374—388.

Pov. o c. Din. — *Povest o carice Dinare* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*: Konec XV — pervaya polovina XVI veka. Moskva, 1984. S. 36—47.

Pov. o c. Sol. — *Povest o rozhdenii i pokhozhdeniyakh carya Solomona* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga pervaya*. Moskva, 1988. S. 455—461.

Pov. o Fr. Skob. — *Povest o Frole Skobeyeve* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga pervaya*. Moskva, 1988. S. 55—64.

Pov. o novg. bel. kl. — *Povest o novgorodskom belom klobuke* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*: Seredina XVI veka. Moskva, 1985. S. 198—233.

Pov. o P. Zlat. klyuch. — *Povest o Petre Zlatykh klyuchey* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga pervaya*. Moskva, 1988. S. 323—373.

Pov. o raz. chel. — *Povest o razume chelovecheskom* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga pervaya*. Moskva, 1988. S. 484—486.

Pov. o semi mudr. — *Povest o semi mudrecakh* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga pervaya*. Moskva, 1988. S. 192—266.

Pov. o Vas. Zlat. — *Povest o Vasilii Zlatovlasom* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga pervaya*. Moskva, 1988. S. 389—406.

Pov. o Yer. Laz. — *Povest o Yeruslane Lazareviche* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga pervaya*. Moskva, 1988. S. 301—322.

Pov. o zhit. c. Fed. Iv. — *Povest o zhitii carya Fedora Ivanovicha* // *Biblioteka literatury Drevney Rusi*. T. 14. St.-Peterburg, 2006. S. 54—103.

Pov. ob Azov. sid. — *Povest ob Azovskom osadnom sidenii donskikh kazakov* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga pervaya*. Moskva, 1988. S. 139—154.

Rudnev 2011 — D. V. Rudnev. *Modalnyye glagoly-svyazki i ikh rol v formirovaniy semantiki opornykh slov slozhnopodchinennogo predlozheniya* // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 9. 2011. Vyp. 1. S. 128—133.

Shvedova 1964 — N. Yu. Shvedova. *Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka. Izmeneniya v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke XIX v. // Razdel «Izmeneniya v sisteme prostogo predlozheniya»*. Moskva, 1964. S. 20—368.

Skaz. o c. Vas. Konst. — *Skazaniye o care Vasilii Konstantinoviche* // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*. XVII vek. *Kniga pervaya*. Moskva, 1988. S. 442—447.

Sl. Sreznevskogo — I. I. Sreznevskiy. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam*. T. 1—3. St.-Peterburg, 1893—1912.

Sl. Ushakova — *Tolkovyy slovar russkogo yazyka / Pod red. D. N. Ushakova*. T. 1—4. Moskva, 1935—1940.

SIRYa XI—XVII — *Slovar russkogo yazyka XI—XVII vv*. Vyp. 1—28. Moskva, 1975—2008.

SRYa — Slovar russkogo yazyka / Pod red. A. P. Yevgenyevoy. Izd. 2-e, ispr. i dop. T. 1—4. Moskva, 1981—1984.

St. sp. Mikul. — Stateynny spisok G. I. Mikulina (1600) // Puteshestviya russkikh poslov XVI—XVII vv. Stateynnye spiski. St.-Peterburg, 2008. S. 156—205.

St. sp. Novos. — Stateynny spisok I. P. Novosilceva (1570) // Puteshestviya russkikh poslov XVI—XVII vv. Stateynnye spiski. St.-Peterburg, 2008. S. 63—99.

St. sp. Pisem. — Stateynny spisok F.A. Pisemskogo (1582—1583) // Puteshestviya russkikh poslov XVI—XVII vv. Stateynnye spiski. St.-Peterburg, 2008. S. 100—155.

Sum., Korshun — A. P. Sumarokov. Korshun (1760) // Sumarokov A. P. Izbrannyye proizvedeniya. Bolshaya seriya biblioteki poeta, vstupitelnaya statya, podgotovka teksta i primechaniya P. N. Berkova. Leningrad, 1957. S. 210 — 211.

Tat., Don. Anne Ioann. — V. N. Tatishchev. Donosheniye Anne Ivanovne ob izgotovlenii i otpuske mednykh kruzhkov, stroitelstve novykh zavodov, obnaruzhenii bogatykh zalezhey zheleznoy rudy v Verkhoturkskikh gorakh, o perepisi raskolnikov i po drugim voprosam (26 iyunya 1735) // V. N. Tatishchev. Zapiski. Pisma. Moskva, 1990. S. 194—197.

Tat., P. Shum. — V. N. Tatishchev. Pismo I. D. Shumakheru (22 marta 1731) // V. N. Tatishchev. Zapiski. Pisma. Moskva, 1990. S. 140.

Tat., Razg. duv priyat. — V. N. Tatishchev. Razgovor duv priyateley o polze nauki i uchilishchakh // V. N. Tatishchev. Izbrannyye proizvedeniya. Leningrad, 1979. S. 51—132.

Tred., Nov. i kr. sp. — V. K. Trediakovskiy. Novyy i kratkiy sposob k slozheniyu rossiyskikh stikhov s opredeleniyami do sego nadlezhashchikh zvaniy (1735) // Trediakovskiy V. K. Izbrannyye proizvedeniya (Biblioteka poeta. Bolshaya seriya). Moskva; Leningrad, 1963. S. 365—420.

Zh. Avv. — Zhitiye protopopa Avvakuma // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga vtoraya. Moskva, 1989. S. 351—454.

Zh. Dion. — Zhitiye arkhimandrita Troice-Sergiyeva monastyrya Dionisiya // Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 14. St.-Peterburg, 2006. S. 356—463.

Zh. Yepif. — Zhitiye Yepifaniya // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. Kniga vtoraya. Moskva, 1989. S. 310—336.

Резюме

В статье рассматривается путь формирования связочного значения глагола *стать*. На основании различных прямых и косвенных данных делается вывод, что при образовании связки *стать* значение начинательности было осложнено оттенком обнаружения (эмергенциальным). Эмергенциальный оттенок сохранялся у связки *стать* очень долгое время, предопределив особенности ее сочетаемости в составном именном сказуемом и ее очень широкое употребление в разнообразных синтаксических конструкциях. Многие случаи употребления глагола *стать* в современном русском языке сохраняют указание на эмергенциальный оттенок этого глагола и на разговорную сферу их употребления. Именно разговорная речь была той средой, в которой сформировалась связка *стать*.

Ключевые слова: русский язык, историческая грамматика, синтаксис, семантика, связка, связочный глагол, составное именное сказуемое.

Статья получена 12.12.2013

DMITRY V. RUDNEV

ON THE ORIGIN OF THE COPULAR VERB *STAT'*

The article deals with the formation of the copular meaning of the verb *stat'*. The analysis of direct and indirect data allows to conclude that originally the initialization semantics of the copula *stat'* was combined with the connotation of discovery (emergentiality). This connotation, maintained for quite a long time, influenced the usage of the copular verb, and this explains certain peculiarities of its usage in the compound nominal predicate and in a wide range of other syntactic structures. In the modern Russian the verb *stat'* often retains the emergential connotation. Since such cases are mostly found in colloquial usage, which shows that it was in the colloquial language that the copular verb *stat'* originated.

Keywords: The Russian language, historical grammar, syntax, semantics, copular verb, compound nominal predicate.

Received on 12.12.2013

Д. А. СТАФЕРОВА

**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ВАРИАТИВНОСТИ ТВЕРДОСТИ [Т] ИЛИ [Т']
ПЕРЕД ГЛАСНЫМ [Е]¹**

1. Введение

В русском литературном языке вариативность свойственна в высокой степени заимствованным словам, которые подвергались влиянию как произношения в языке-источнике (в момент заимствования), так и в русском языке (при их освоении в речи). Большинство заимствованных слов вошло в речь с русским произношением, однако существует достаточное количество слов из технической, культурной, научной областей, произношение которых варьировалось от поколения к поколению [Аванесов 1984: 209]. Причем в некоторых словах до сих пор нет преобладающего варианта произношения.

В словах иноязычного происхождения перед *e* могут произноситься как мягкие согласные, так и твердые. Существует гипотеза о том, что вначале заимствованное слово имеет тенденцию произноситься с твердым согласным из-за влияния иностранного языка, однако затем происходит его освоение в речи, и вариант произношения с твердым согласным становится менее употребительным с годами [Краснова, Смирнова 2012: 316]. Однако Р. Ф. Касаткина отмечает, что с возрастанием количества заимствованных слов увеличивается возможность появления как мягкого, так и твердого варианта в позиции перед *e*, причем твердость согласных может зачастую сохраняться, несмотря на активное освоение заимствованных слов [Каленчук, Касаткина 2013: 108—109].

Наблюдения показывают, что произнесение согласного в заимствованных словах перед *e* может сильно варьироваться. Во-первых, некоторые слова дольше сохраняют твердость. Тенденция к сохранению или к утрате твердости может объясняться как использованием оппозиционных признаков твердости и мягкости для смысловозначения (ср. *[mʲ]ста*, род. пад.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году. Автор выражает особую благодарность Н. Р. Добрушиной за помощь в работе над статьей, а также П. В. Иосаду и анонимному рецензенту, которые прочитали статью и высказали ряд ценных замечаний.

ед. ч. к *тест* — [т'э]сто), так и фонетическим составом слов: в работе С. В. Князева было показано, что зубные и взрывные согласные противопоставляются по твердости и мягкости сильнее, чем губные и шелевые, а также что произнесение твердого согласного ожидается больше в ударном слоге и в морфологически неосвоенных словах [Князев 1987: 9]. Л. Л. Касаткин также отмечает, что во многих заимствованных словах, в которых нормативным считалось в 1950-е гг. произношение твердого согласного перед *e*, произошел переход к произношению с мягким согласным, и обуславливает этот процесс фонетической позицией «перед *e*» [Касаткин 2000: 24]. В то же время в работе М. Я. Гловинской была найдена зависимость твердости — мягкости разных групп согласных от положения согласного в слове, где существенную роль играет количество гласных, перед которыми противопоставлены твердые — мягкие согласные [Гловинская 1971: 90].

Во-вторых, в определенный момент времени в конкретном сообществе то или иное слово может произноситься то с твердым, то с мягким согласным. В этом случае можно предположить, что выбор варианта произнесения зависит от таких социальных факторов, как возраст или пол респондента, либо от речевой ситуации, в которой находится респондент.

Целью данного исследования является:

- выявление корреляций между вариантами произношения изучаемых слов в речи информантов и социальными переменными, такими как возраст и пол;
- выявление корреляций между вариантами произношения изучаемых слов и особенностями речевой ситуации, моделируемой экспериментами.

В данном исследовании рассматривается явление вариативности твердости *t* перед *e* в словах *термин*, *термос*, *теракт*, *терапевт*, *бутерброд*, *террариум*, *термометр*, *свитер*, *стратегия*, *компьютер*. Выбор слов отвечал следующим условиям:

- 1) изучаемые слова должны с высокой вероятностью провоцировать у респондента их спонтанное произнесение с помощью специально разработанных методов, а именно — легко представляться с помощью картинок или объясняться словесно;
- 2) слова должны относиться к разным типам с точки зрения того, какой из вариантов произношения согласного характерен для них сегодня — преимущественно твердый, преимущественно мягкий или оба варианта.

2. Методы и материалы исследования

Спонтанная устная речь является наиболее значимой для исследования, так как она меньше всего подвержена влиянию искусственных норм. Чем меньше внимания говорящий уделяет своей речи, тем более системной она

является, и в ней «фундаментальные соотношения, определяющие ход языковой эволюции, выступают наиболее отчетливо» [Лабов 1975: 120].

В формальной ситуации говорящий уделяет своей речи гораздо больше внимания, чем в повседневной спонтанной речи. Чтобы выявить, отличается ли произнесение переменной при более и менее осознанном произнесении, У. Лабов использовал в своих исследованиях два эксперимента — интервью и чтение слов. Можно ожидать, что во время чтения слов респондент будет задумываться над их произношением гораздо больше, чем во время интервью, в котором речь респондента приближена к спонтанной. Однако метод интервью работает только в тех случаях, когда изучаемое явление с высокой частотностью проявляется в речи респондента вне зависимости от темы разговора (например, некоторые диалектные особенности речи), либо когда существует конечный список вопросов, задаваемых респондентам, которые могут с не менее чем девяностопроцентной вероятностью спровоцировать у респондента произнесение изучаемой переменной. В тех случаях, когда эти условия не выполняются, разрабатываются специальные эксперименты, воссоздающие речевую ситуацию с минимальным вниманием респондента к своей речи.

В рамках данного исследования было разработано два эксперимента: кроссворд² и чтение с листа. Первый эксперимент представляет собой разгадывание кроссворда, составленного из исследуемых слов и слов-обманок (филлеров), в котором слова объясняются с помощью либо определений, либо картинок. При этом респондент провоцируется к тому, чтобы во время разгадывания кроссворда проговаривать вслух все размышления и сами отгадки для отвлечения внимания от исследуемой переменной. Так как информанты во время отгадывания слов методом кроссворда задумываются не столько над произношением слов, сколько над их значением и ассоциациями, связанными с картинками или определениями, данный метод можно назвать спонтанным.

После того как информант разгадал кроссворд, он переходит ко второму эксперименту: ему выдается листок с отгаданными словами, перед которыми стоит пропуск. Задача респондента — прочитать вслух словосочетание, добавив вместо пропуска любое прилагательное. Данный метод также претендует на исследование спонтанной речи, так как внимание испытуемого отводится от изучаемых слов и концентрируется на прилагательных, однако ожидается, что респондент начнет уделять своей речи большей внимания, нежели при первом эксперименте.

Чтобы респондент не догадался об истинной цели опроса и не скорректировал свою речь, к выборке слов были добавлены три слова, в которых не наблюдается исследуемого явления: *ракета*, *лента*, *рупор*. Респондентам говорилось, что в исследовании проверяется, какими понятиями и описательными средствами пользуются носители языка при объяснении слов.

² Идея эксперимента принадлежит Марии Мазаевой.

Наличие нескольких методов позволяет выявить вариативность в речи информанта, а также проследить языковые явления при разной степени внимания к речи.

В качестве информантов брались люди, которые живут в Москве на протяжении всей жизни или переехали с малого возраста (не больше 5—7 лет) в Москву. Причем преимущественно опрашивались информанты с высшим образованием (незаконченным в том числе), поскольку не планировалось исследовать корреляцию типа произношения с уровнем образования. Однако среди опрошенных старшей группы 10% не имеют высшего образования, а 64% опрошенных младшей группы являются студентами.

2.1. Эффективность методов опроса

Оба метода дали стопроцентную вероятность употребления информантами исследуемых слов, однако некоторым респондентам требовалось немало времени, чтобы вспомнить некоторые слова, загаданные при первом эксперименте (например, слова *термин*, *рупор* и *террариум*), а тем респондентам, которые не могли самостоятельно угадать слово, давались подсказки. Например, если человеку не удавалось вспомнить слово *терапевт*, ему давалась подсказка: «Арома...», предполагающая, что он ее мысленно продолжит словом «терапия», а затем ассоциативно вспомнит загаданное слово. В редких случаях приходилось дописывать некоторые буквы для слов *термин* и *террариум*, однако это не могло сильно повлиять на произношение этих слов респондентом, так как он был больше увлечен правописанием.

Было несколько случаев (два—три), когда человек начинал догадываться об исследуемой переменной, но тогда ему говорилось, что слова специально объединены общим признаком, чтобы было проще отгадывать.

В тех случаях, когда информант во время одного метода несколько раз употреблял разные варианты, фиксировалась вариативность. В том числе было замечено, что при одном методе информант мог произнести исследуемое слово со звуком, отличным от произнесенного при другом методе, и в таком случае также отмечалась вариативность уже во время анализа данных. Подробный разбор таких случаев будет приведен ниже.

2.2. Нормативные варианты для изучаемых слов

Стандартный литературный язык имеет норму, которая определяет, какой из вариантов является более престижным. Принято считать, что большинство людей с высоким социальным статусом выбирает стандартный вариант, таким образом утверждая свой статус в обществе [Вахтин, Головкин 2004: 44].

Нормы, развивающиеся в обществе, кодифицируются в специальных словарях и грамматиках. При этом кодификация языковых явлений допускает случаи вариантности: могут существовать как равноправные варианты того или иного явления, так и варианты, отличающиеся по стилистической

окраске: высокого стиля, книжного, поэтического, разговорного, просторечного [Аванесов 1984: 10].

На основе работы с орфоэпическими словарями мы отметили изменение нормы для исследуемых слов. Однако не все изучаемые слова были найдены: в некоторых словарях не было обнаружено словарного входа для слов *теракт*, *термин* и *термометр*. В этих случаях проверялась норма для слов *террор*, *терминология* и для слов с началом *термо-*. Эти лексемы связаны с исследуемыми словами, но норма их произнесения может отличаться от той, что наблюдается у исследуемых слов. Распределение нормативных вариантов по словарям в различные годы показано в Таблице 1.

Для слова *террор* (слово *теракт* имеет вхождение лишь в одном словаре с разрешением вариативного употребления) раньше была закреплена норма с произношением как твердого [т], так и мягкого, однако в одном из словарей 2012 года [7] отмечено, что вариант с твердым согласным является уходящим. Слово *террариум* отмечено во всех словарях с твердым согласным. Для слова *термометр* во всех словарях отмечен нормативным вариант произношения с мягким [т'], при этом в словаре 1985 года [1] отмечается, что вариант с твердым согласным не рекомендуется, а в одном из словарей 2012 года [6] этот же вариант считается просторечным. Норма для слова *термос* во всех словарях считается с твердым согласным, однако в словаре 2012 года [7] отмечается, что нормативным является вариант с мягким согласным, а вариант с твердым является уходящим. Для слова *термин* во всех словарях отмечается нормативным вариант с мягким согласным [т'], а в словаре 2012 года [6] имеется также информация о том, что в слове *терминология* вариант с твердым согласным является просторечным. В шести словарях отмечено, что слово *терапевт* нормативно произносить как с твердым согласным, так и с мягким, однако в последнем словаре [7] принимается вариант только с мягким согласным. Для слова *стратегия* раньше вариант с твердым согласным являлся допустимым [1, 2], а затем стал считаться нормативным наравне с мягким согласным [3, 4, 5], однако в одном из словарей 2012 года отмечается, что форма с твердым согласным является разговорной [6], а в другом — что данная форма является уходящей [7]. Во всех рассматриваемых словарях отмечено, что за словом *свитер* закреплена норма произношения с твердым согласным, причем в одном из них [6] отмечается, что вариант произношения с мягким согласным является просторечным. Слово *бутерброд* было принято раньше произносить с твердым согласным, такая же норма сохранилась во многих рассмотренных словарях 2012 года, однако в одном из словарей [7] отмечается, что нормативным является мягкое произношение, а твердое произношение является уходящим. Для слова *компьютер* во всех словарях нормативным считается произношение твердого согласного, а в двух словарях 2012 года отмечается, что произношение мягкого согласного не рекомендуется [5] или является разговорным [6].

Таблица 1. Литературная норма, закрепленная в словарях

	[1] 1985	[2] 2001	[3] 2003	[4] 2012	[5] 2012	[6] 2012	[7] 2012
теракт	—	—	[т'] и [т]	—	—	—	—
террор	[т] и [т']	[т'] и [т]				[т] и [т']	[т'], уход. [т]
террариум	[т]	[т]	[т]	[т]	[т]	[т]	[т]
термометр	! не рек. [т]	[т']	[т']	[т'], неправ. [т]	[т'], неправ. [т]	простореч. [т]	—
термо...							[т']
термос	[т]	[т]	[т]	[т]	[т]	[т]	[т'], уход. [т]
термин	неправ. [т]	[т'], неправ. [т]	[т']	[т'], неправ. [т]	[т'], неправ. [т]	—	[т']
терминология						простореч. [т]	
терапевт	[т] и [т']	[т'], и [т]	[т'] и [т]	[т'] и [т]	[т'] и [т]	[т] и [т']	[т']
стратегия	допуст. [т]	[т'], допуст. [т]	[т'] и [т]	и [т'] и [т]	и [т'] и [т]	разг. [т]	[т'], уход. [т]
свитер	[т]	[т]	[т]	[т]	[т]	[т], простореч. [т']	[т]
бутерброд	[т]	[т], не рек. [т']	[т]	[т]	[т], не рек. [т']	[т], простореч. [т']	[т'], уход. [т]
компьютер	[т]	[т]	[т]	[т]	[т], не рек. [т']	[т], разг. [т']	[т]

[1] — Аванесов и др. 1985

[2] — Каленчук, Касаткина 2001

[3] — Резниченко 2003

[4] — Асланова 2012

[5] — Касаткин и др. 2012

[6] — Введенская 2012

[7] — Соловьев 2012

Таким образом, согласно большинству рассмотренных словарей, исследуемые слова можно разделить на следующие группы:

- 1) с нормативным твердым вариантом: *terrариум, термос, свитер, бутерброд, компьютер*;
- 2) с нормативным мягким вариантом: *термометр, термин*;
- 3) с нормативными как твердым, так и мягким вариантами: *теракт, терапевт*;
- 4) с колебаниями в норме³: *стратегия*.

3. Результаты опросов

Всего было опрошено 80 человек, которые составили три группы, распределенные по возрасту: 17—33 (25 человек), 38—54 (24 человека), 56—77 (31 человек). Гендерное распределение внутри каждой группы показано в Таблице 2.

Таблица 2

Гендерное распределение произносительных вариантов по возрастным группам

Возраст, лет \ Пол	муж.	жен.
	17—33	12 чел.
38—54	10 чел.	14 чел.
56—77	14 чел.	17 чел.

3.1. Корреляция с возрастом

Время является центральным экстралингвистическим фактором для изучения языковой вариативности и прогнозирования будущего состояния исследуемой переменной. Фактор времени проявляется, главным образом, в языковых различиях в речи людей разных поколений.

Считается, что речь старшего поколения зачастую более консервативна, чем речь младшего, которая легче поддается языковым изменениям; младшее поколение быстрее осваивает новые слова и следует новым тенденциям их произношения [Вахтин, Головки 2004: 79].

Основным подходом к изучению корреляций с возрастом, на который опирается настоящее исследование, является синхронический метод исследования видимого времени (*apparent time study*), заклю-

³ В большей части словарей нормой является произношение с мягким согласным, в то время как твердый согласный является допустимым или разговорным, однако в трети словарей нормативными являются и твердый, и мягкий варианты.

чающийся в выявлении языковых различий у респондентов разного возраста в определенный момент времени [Chambers 2013: 297]. На основе обнаруженных тенденций можно сделать предсказания о том, как эта вариативность будет проявляться в будущем.

Существует также и диахронический подход — исследование реального времени (real time study), сопоставляющий состояние вариативного явления в разные моменты времени [Chambers 2013: 234]. Этот подход реализован в настоящем исследовании в качестве эксперимента и будет рассмотрен в п. 3.6.

По данным исследования видимого времени, была выявлена зависимость выбранного варианта от возраста информанта. Для каждого метода были составлены диаграммы, отражающие процент людей в каждой возрастной группе, употребивших исследуемые слова с мягким согласным. Так, Рисунок 1 показывает анализ данных по первому методу, а Рисунок 2 — по второму.

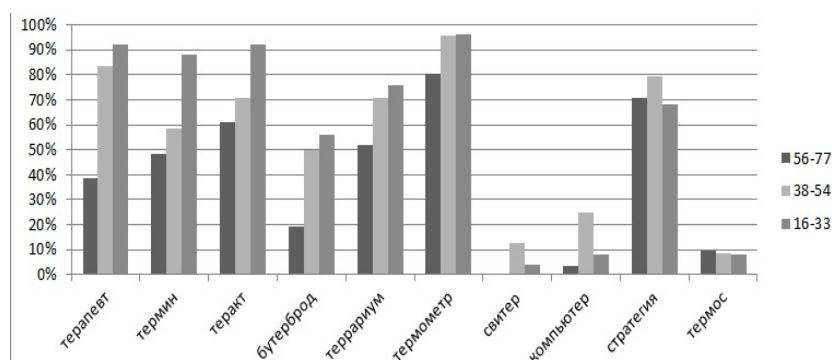

Рис. 1. Процент употреблений [т'] в каждой возрастной группе при первом методе: корреляция с возрастом

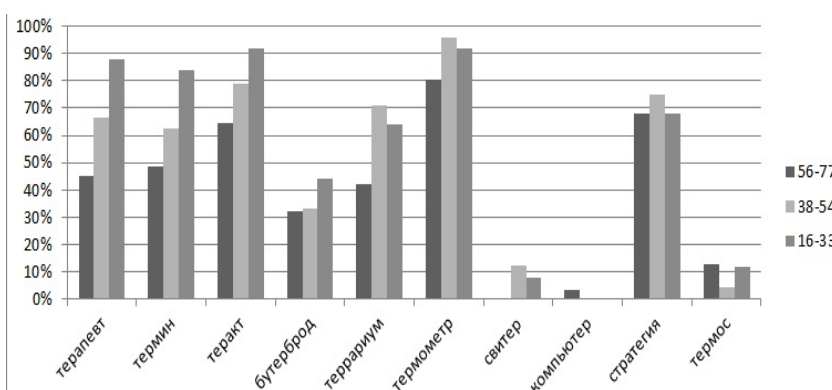

Рис. 2. Процент употреблений [т'] в каждой возрастной группе при втором методе: корреляция с возрастом

Как показывают диаграммы, в большинстве слов процент употребления мягкого согласного повышается от старшего поколения к младшему. Оба проведенных эксперимента продемонстрировали данную тенденцию в словах *терапевт*, *термин*, *теракт* и *бутерброд*. Интересно, что для слов *террариум* и *термометр* при первом методе опроса замеченная тенденция присутствует, а при втором — наблюдается небольшой спад употреблений с мягким согласным в самом молодом поколении. При этом в остальных словах — *свитер*, *компьютер*, *термос* и *стратегия* — данной тенденции не замечено.

Согласно данным, представленным на диаграммах, в словах *свитер*, *компьютер* и *термос* в целом закрепился твердый согласный, однако при первом эксперименте обнаружилось 25% употреблений мягкого согласного у средней группы (38—54) в слове *компьютер* и 13% — в слове *свитер*. При этом при втором эксперименте ни один из информантов из младшей и средней групп не произнес мягкого согласного в слове *компьютер*.

В слове *стратегия* при обоих методах преобладает вариант с мягким произношением, в особенности в средней группе — 79% при первом методе и 75% при втором. Но при этом не наблюдается заметных колебаний в зависимости от поколения.

В остальных словах при обоих методах в среднем поколении преобладает вариант с мягким согласным, за исключением слова *бутерброд*, в котором отмечен спад употребления [т'] при втором методе.

В целом в словах *терапевт*, *термин*, *теракт* и *бутерброд*, а также в словах *террариум* и *термометр* при первом эксперименте наблюдается зависимость выбранного варианта от возраста информанта: чем старше информант, тем меньше процент использования мягкого варианта. Во всех словах на сегодняшний день преобладает мягкий вариант, за исключением слова *бутерброд*, в котором может произноситься как мягкий, так и твердый вариант. При произнесении слов *свитер*, *компьютер* и *термос*, а также слова *стратегия* не обнаружилось зависимости от возраста респондента. При этом в первых трех словах преобладает твердое произношение, а в слове *стратегия* — мягкое.

Итак, для большинства исследуемых слов было замечено, что количество вариантов с согласным [т'] возрастает от старшего поколения к младшему. Однако в словах *свитер*, *компьютер*, *термос* и *стратегия* не замечено данной тенденции. Возможно, слово *компьютер* может произноситься с твердым согласным по аналогии со словами на *-тер*, обозначающими устройства: *адаптер*, *постер*, *принтер*, *тостер*; а на произношение слова *свитер* также могли оказать влияние слова на *-тер*, большинство которых произносится с твердым согласным (как группа устройств, так и группа иноязычных профессий типа *спринтер*, *спичрайтер*, *скейтер*), хотя его нельзя отнести ни в одну из регулярных групп по значению.

3.2. Динамика изменения тенденции

В большинстве исследуемых слов было замечено, что количество употреблений мягкого согласного [т'] увеличивается от старшего поколения к младшему. Однако далеко не для всех слов наблюдается большой разрыв между старшим и младшим поколениями в употреблении мягкого варианта. Чтобы определить, в каких словах разрыв между поколениями проявляется сильнее, была составлена диаграмма, представленная на Рисунке 3; она показывает среднее значение разности между количеством употреблений варианта с мягким согласным в младшем поколении для каждого слова, в младшем и старшем поколении соответственно (выражено в %, расположено по убыванию).

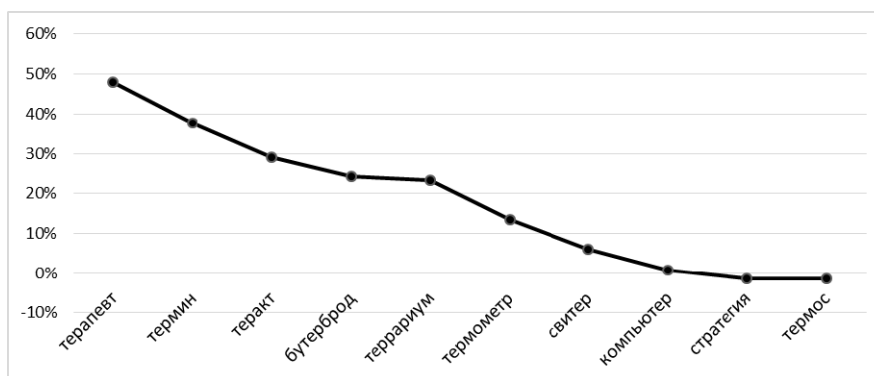

Рис. 3. Процентный разрыв в употреблении [т'] между младшим и старшим поколением (в %)

Как показывает график, наибольшая разница (> 20 %) в употреблении [т'] прослеживается в словах *терапевт* (48 %), *термин* (38 %), *теракт* (29 %), *бутерброд* (24 %) и *террариум* (23 %). Разницу от 5 % до 15 % демонстрируют слова *термометр* (13 %) и *свитер* (6 %). В остальных словах — *компьютер*, *стратегия*, *термос* — разрыв составляет 1 % по модулю.

Полученная картина может демонстрировать, с какой скоростью исследуемые слова меняли тип произношения. Наиболее резкие изменения происходили со словами *терапевт* и *термин*, чуть менее ярко выраженные изменения наблюдались в словах *теракт*, *бутерброд* и *террариум*. В остальных словах — *термометр*, *свитер*, *компьютер*, *стратегия*, *термос* — резких изменений не происходило.

Важно отметить, что именно в словах с наименее резкими изменениями (*свитер*, *компьютер*, *термос* и *стратегия*) не было замечено четко выраженного направления изменения — ни движения от твердости (в старшем поколении) к мягкости (в младшем), ни обратного движения.

Скорость изменения произношения слов связана с процессом их освоения. Если изменений почти не происходило, то это может говорить либо об

установившемся преобладании одного варианта (как в словах *термометр*, *свитер*, *компьютер* и *термос*), либо о постоянно присутствующей вариативности (как в слове *стратегия*, для которого и словарями допускаются оба варианта произношения).

3.3. Корреляция с полом

Социолингвистические исследования зачастую показывают, что мужское речевое поведение может отличаться от женского. Однако не для каждой исследованной переменной вариант, выбираемый респондентами, зависит от их пола.

По материалам 10 изучаемых слов было проанализировано, в каких словах существует зависимость варианта, выбираемого респондентами, от их пола, а в каких ее нет. Для каждой возрастной группы по каждому слову была выявлена разница в количестве употреблений [т'] между респондентами разных гендерных групп. На Рисунке 4 представлены слова с разницей в количестве употреблений мягкого согласного не менее 20 % при первом методе, а на Рисунке 5 — при втором методе, причем слова в каждой возрастной группе расположены начиная от наибольшей гендерной разницы.

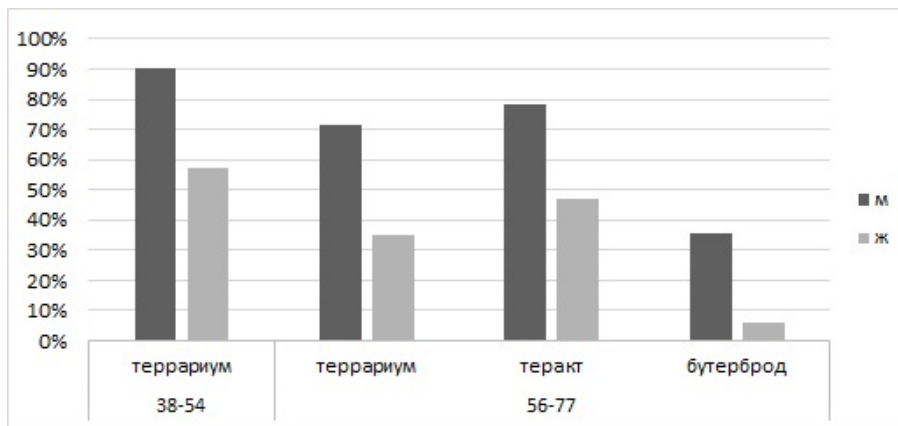

Рис. 4. Процент употреблений [т'] в разных возрастных группах при первом методе: корреляция с полом

При первом методе гендерные зависимости нашлись в средней и старшей возрастных группах, причем во всех словах, показанных на Рисунке 4, мужчины употребили мягкий согласный чаще женщин. В обеих группах в слове *террариум* наблюдается наибольший разрыв в употреблении [т'] в пользу мужчин — 33% в средней группе и 36% в старшей группе. В то же время в старшей группе значительное преобладание мягкого согласного в речи мужчин было замечено в словах *теракт* (32%) и *бутерброд* (30%).

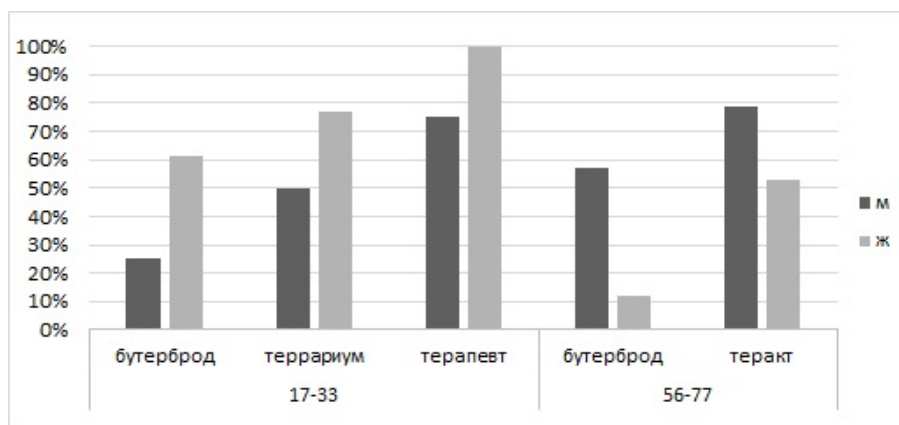

Рис. 5. Процент употреблений [m'] в разных возрастных группах при втором методе: корреляция с полом

При втором методе опроса гендерные корреляции не нашлись в средней группе. При этом в младшей группе во всех трех словах — *бутерброд*, *террариум*, *терапевт*, — представленных на Рисунке 5, женщины чаще смягчали согласный, нежели мужчины, с разницей в 37 %, 27 % и 25 % соответственно. В то же время в старшей группе наблюдается обратная тенденция: в словах *бутерброд* и *теракт* мужчины произнесли [т'] чаще женщин на 45 % и 26 % соответственно.

Таким образом, наличие гендерной корреляции во многом зависело от возраста информанта и метода исследования.

3.4. Явления вариативности

Некоторые респонденты во время опроса произносили слова с разными вариантами, то есть то с мягким, то с твердым согласным, а также наблюдались случаи, когда информант при втором методе опроса выбирал вариант, отличный от варианта, который он употребил при первом методе. Графики, представленные ниже, демонстрируют, в речи какого количества респондентов внутри каждой возрастной группы наблюдались данные явления вариативности при произношении одного и того же слова.

На Рисунке 6 отображено, как процент вариативных употреблений повышается от старшего поколения к младшему — (по возрастанию) *свитер* (от 0 % до 12 %), *стратегия* (от 3 % до 12 %), *бутерброд* (от 19 % до 24 %); в последнем слове респонденты часто меняли свой тип произношения, хотя словарная норма предполагает исключительно твердый согласный. Интересно то, что в слове *свитер* ни один представитель старшей группы не произнес разных вариантов.

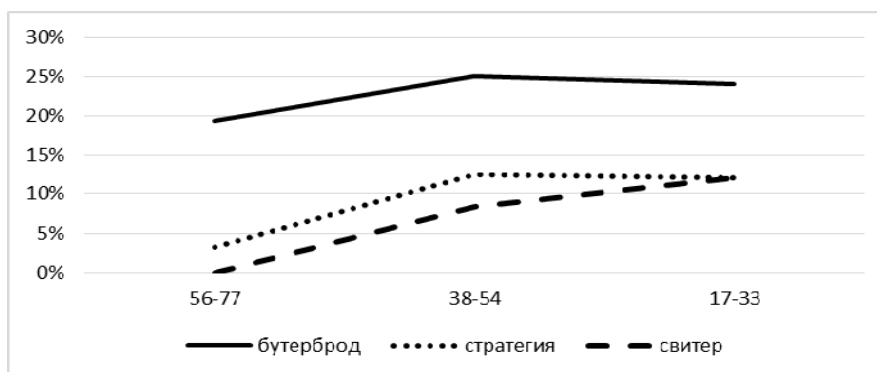

Рис. 6. Явление вариативности в словах *бутерброд*, *стратегия* и *свитер*: процентное распределение по возрастным группам

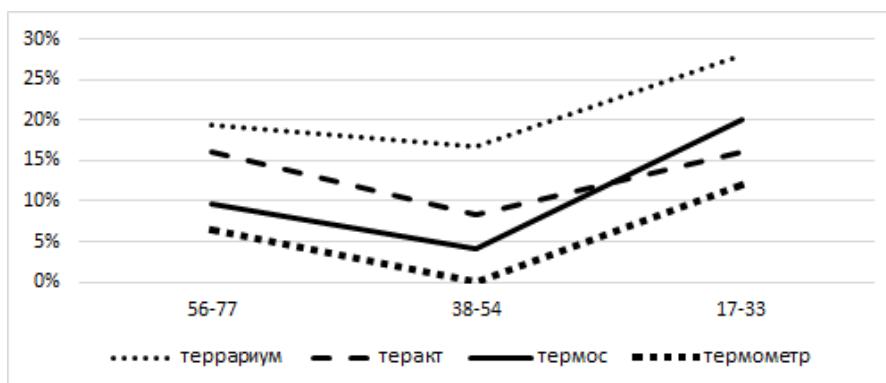

Рис. 7. Явление вариативности в словах *террариум*, *термос*, *теракт* и *термометр*: процентное распределение по возрастным группам

Рисунок 7 показывает те случаи, когда процент вариативных употреблений повышается от старшего поколения к младшему, но в средней возрастной группе насчитывается наименьшее число вариативных употреблений — такие случаи встретились (по возрастанию числа вариативных употреблений в средней группе) в словах *термометр* (0%), *термос* (4%), *теракт* (8%) и *террариум* (17%). При этом в словах *термометр* и *термос* процент вариативных употреблений в средней группе ниже 5%, из чего можно сделать вывод о том, что данные слова прочно установили свою норму в речи среднего поколения. Вариативность (> 10%) в словах *теракт* и *террариум* говорит о том, что носители зачастую не уверены в правильности выбора того или иного варианта при произношении данных слов.

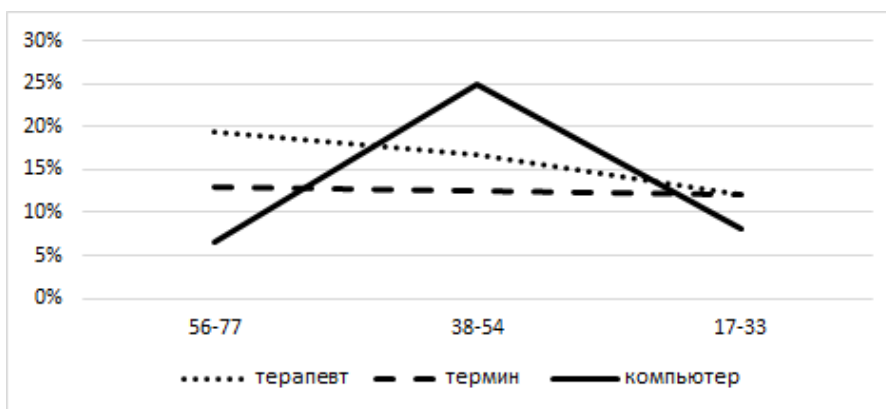

Рис. 8. Явление вариативности в словах *терапевт*, *термин* и *компьютер*: процентное распределение по возрастным группам

Рисунок 8 иллюстрирует явления, отличные от уже рассмотренных, причем различающиеся для всех трех оставшихся слов. В слове *термин* было замечено сохранение примерно одинаковой степени вариативности (12—13 %) во всех трех возрастных группах. В слове *терапевт* наблюдается небольшое уменьшение вариативных употреблений от старшего поколения к младшему (с 19% до 12%). А в слове *компьютер* процент вариативных употреблений значительно выше в средней возрастной группе — 25%, по сравнению с 6% и 8%, наблюдаемыми в старшей и младшей группах соответственно.

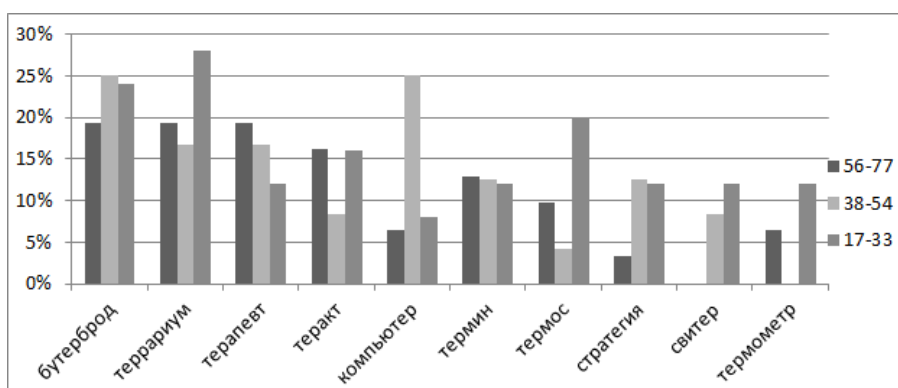

Рис. 9. Явление вариативности для исследуемых слов: процентное распределение респондентов по возрастным группам (общая диаграмма)

На Рисунке 9 показано общее распределение вариативных употреблений по разным словам для каждого поколения. Так, наибольшее количество

во вариативных употреблений наблюдается в словах *бутерброд* и *террариум* во всех трех возрастных группах. В словах *терапевт*, *теракт* и *термин* встретилось меньше 20 % вариативных употреблений. В то же время слово *компьютер* в 25 % случаях представители средней группы произносили то с мягким, то с твердым согласным, а в слове *термос* 20 % вариативных употреблений было замечено в младшей возрастной группе. Наименьшее число вариативных употреблений было замечено в словах *стратегия*, *свитер* и *термометр*.

Таким образом, младшее поколение в среднем чаще варьирует произношение одного и того же слова на протяжении двух экспериментов. Низкий процент вариативных явлений в речи среднего и старшего поколения, по сравнению с младшим, в большинстве слов может говорить о большей стабильности речи в этом возрасте. Единственное исключение составило слово *компьютер*, в котором многие носители среднего поколения произносили мягкий согласный при первом методе, а затем могли исправиться сразу же или при втором методе. Можно предположить, что в слове *компьютер* начинали произносить [т'], согласно общей тенденции, однако затем эта тенденция была прекращена из-за того, что молодое поколение сильнее ощущает связь этого слова с его английским вариантом.

Рассмотрим также корреляции между уровнем вариативности и полом информанта. Рисунок 10 показывает те слова и те возрастные группы, в которых разница в процентном количестве вариативных употреблений между мужчинами и женщинами больше 15 %.

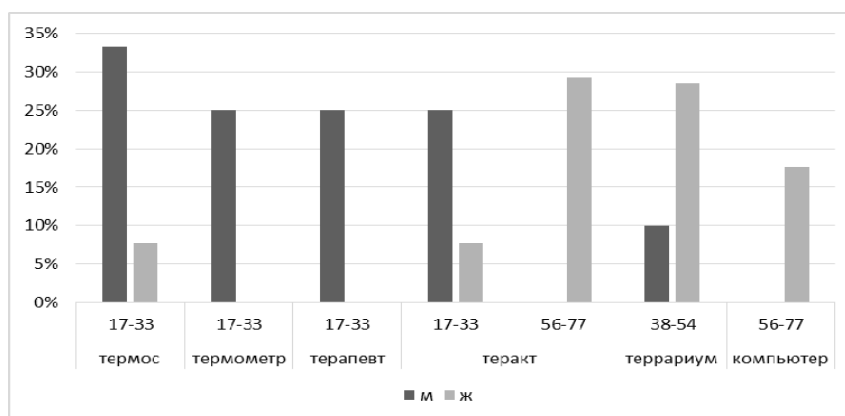

Рис. 10. Явление вариативности для исследуемых слов: процентное распределение респондентов по возрастным группам — корреляция с полом

Как видно из диаграммы, наибольшее число корреляций было выявлено в младшей группе, в которой процент вариативных употреблений в речи мужчин значительно выше в словах *термос* (на 26 %), а также *термометр*, *терапевт* и *теракт* (на 25 %). В средней и старшей группах, наоборот, ва-

риативность произношения больше проявлялась у женщин — в слове *террариум* (на 19 %) в средней группе и в словах *теракт* (на 29 %) и *компьютер* (на 19 %) в старшей группе.

3.5. Соответствие норме

Возвращаясь к литературной норме, зафиксированной в словарях, отметим, что преобладающий вариант произношения многих исследуемых слов соответствует нормативному: как произношение с мягким согласным слов *термин*, *термометр*, *теракт* и *терапевт*, которые в словарях допускаются с обоими вариантами, так и произношение с твердым согласным слов *термос*, *свитер* и *компьютер*. При этом в слове *террариум*, по данным исследования, преобладает мягкий вариант, хотя нормативным является твердый вариант. Здесь необходимо отметить, что при исследовании данного слова в старшем поколении при втором эксперименте стал преобладать твердый вариант, однако в среднем поколении, наоборот, процент употребления [т'] увеличился. При этом в слове *террариум* наибольший процент употреблений мягкого варианта наблюдается у младшей группы при первом методе, а именно 76 %, что более чем на 10 % ниже процента преобладания мягкого варианта в других словах (за исключением слова *стратегия*). Это может говорить о том, что тип произношения слова *террариум* стал меняться не так давно, и этот процесс еще не был замечен авторами словарей. В то же время в слове *стратегия* преобладает мягкий вариант, но словари расходятся во мнении по поводу нормативного варианта. В слове *бутерброд*, по полученным результатам, не установилось преобладающего варианта, однако нормативным является твердый вариант, что также говорит о несоответствии нормы сегодняшней картине.

3.6. Исследование реального времени

Исследования реального времени предполагают фиксирование языковых изменений в разные периоды времени. В качестве попытки проведения такого исследования в настоящей работе был проанализирован материал Мультимедийного русского корпуса (МУРКО). Предполагалось, что благодаря наличию в МУРКО старых записей устной речи (преимущественно старых фильмов) можно проследить, как произносили интересующие нас слова те поколения, которые были исследованы методом видимого времени. Иными словами, из проведенного эксперимента известно, как произносят слово *свитер* люди, которым сегодня от 56 до 77 лет, то есть 1936—1957 гг. рождения. Мы предполагаем, что их сегодняшняя речь отражает более старое состояние языка, то есть сегодня они говорят примерно так же, как в юности. Однако, чтобы проверить эту гипотезу, нужно послушать, как произносили слово *свитер* люди 1936—1957 гг. рождения тогда, когда они были младшим поколением. То же самое можно сделать и для сегодняшнего среднего поколения, то есть людей, которым сегодня от 38 до 54 лет.

После отбора видеоматериалов, сделанных не позднее 2000 года, достаточное количество данных (от 4 до 15 вхождений) нашлось только для респондентов группы 55-80 (границы группы были расширены из-за нехватки данных), родившихся в промежутке 1933—1958 гг. для трех изучаемых слов: *бутерброд*, *компьютер* и *свитер*. Для данных слов было подсчитано, как люди этих годов рождения произносили эти слова, когда они входили в младшую группу 15—34 лет (то есть примерно в 1965—1985 гг.) и среднюю группу 35—54 лет (то есть примерно в 1975—1998 гг.), и эти данные были сопоставлены с результатами проведенного нами эксперимента в 2013—2014 году, когда эти люди входили в старшую группу. Таким образом, мы наблюдаем одно и то же поколение в разном возрасте. При этом только для слова *бутерброд* удалось найти достаточно случаев произнесения на тот период, когда говорящим было 15—34 года, два других слова сравниваются только по двум периодам. На Рисунке 11 отображено процентное распределение респондентов 1933—1958 гг. рождения, употребивших мягкий согласный в словах *бутерброд*, *компьютер* и *свитер*, по данным мультимедийного корпуса, в 1965—1985 гг. (возраст 15—34, младшая группа), в 1975—1998 гг. (возраст 35—54, средняя группа) и, по данным первого метода проведенного нами опроса, в 2013—2014 гг. (возраст 55—80 лет, старшая группа).

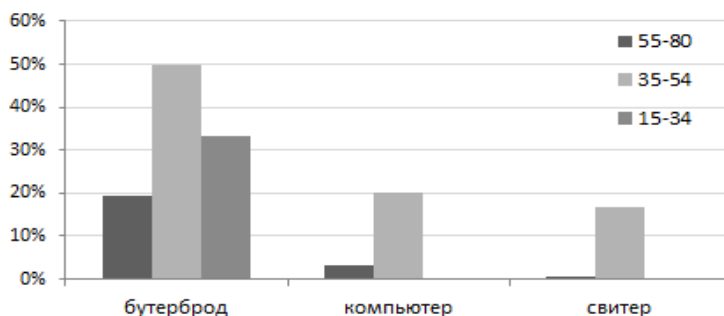

Рис. 11. Процент употреблений [т'] при исследовании реального времени для людей, родившихся в 1933—1958 гг.

Как показывает график, во всех трех словах наблюдается повышение процента употребления мягкого согласного от старшего поколения к младшему. Так, наибольший разрыв между старшим и средним поколением наблюдается для слова *бутерброд* — 31 %, и чуть меньший разрыв для слов *компьютер* и *свитер* — 17 %, причем в слове *свитер* ни один представитель старшей возрастной группы не употребил мягкого согласного. Можно заметить, что в слове *бутерброд* в младшем поколении процент употребления мягкого согласного ниже, чем в средней группе, на 17 %, но в то же время выше, чем в старшей группе, на 14 %.

Таким образом, данные, проанализированные по мультимедийному корпусу, иллюстрируют уже ранее отмеченное явление увеличения употребления [т'] от старшего поколения к младшему, за исключением слова *бутерброд*, в котором обнаружена нестабильность рассматриваемого явления. Однако для получения полноценного результата необходимо значительно больше данных, чем в настоящее время может предоставить МУРКО.

4. Заключение

Проведенное исследование показало, что для большинства слов произношение согласного [т] или [т'] перед гласным *e* зависит от возраста: чем моложе респондент, тем выше вероятность, что он употребит в своей речи вариант с мягким согласным. Корреляция с возрастом при обоих методах опроса, а также динамика изменения данной тенденции были найдены для слов (по убыванию разрыва между старшим и младшим поколениями): *терапевт*, *термин*, *теракт* и *бутерброд*. В словах *террариум* и *термометр* данная зависимость прослеживается только в первом эксперименте, что говорит о том, что при большем внимании к речи произношение данных слов вызывает у информантов больше сомнений. Корреляций с возрастом не обнаружилось в словах *свитер*, *компьютер* и *термос*, в которых прочно закрепилась норма с твердым согласным, и в слове *стратегия*, в котором преобладает произношение с [т'], и среднее поколение использовало этот вариант чаще.

Важным результатом является также тот факт, что не было зафиксировано ни одного случая обратного развития — от мягкого согласного к твердому.

После проведения сравнительного анализа данных словарных норм, было найдено:

а) совпадение с рекомендованной словарями нормой в словах *термин*, *термометр*, *теракт*, *терапевт* — [т'], в словах *термос*, *свитер*, *компьютер* — [т];

б) несовпадение с рекомендованной словарями нормой в словах *террариум* — [т] (норма — [т']), *бутерброд* — [т'] (норма — [т]).

Найдены корреляции с полом в разных возрастных группах, причем зачастую на выбор влияла степень внимания, уделяемого информантом речи. Было обнаружено следующее:

(а) мужчины употребляют [т'] чаще женщин при минимальном внимании к речи

— в средней группе — в слове *террариум*;

— в старшей группе — в словах *террариум*, *теракт* и *бутерброд*;

(б) женщины употребляют [т'] чаще мужчин при увеличенном внимании к речи

— в младшей группе — в словах *бутерброд*, *террариум* и *терапевт*;

(в) мужчины употребляют [т'] чаще женщин при увеличении внимания к речи

— в старшей группе — в словах *бутерброд* и *теракт*.

Помимо возрастных корреляций, было выявлено, что вероятность вариативности в речи одного информанта может также зависеть от пола, в частности:

а) мужчины больше подвержены вариативности:

— в младшей возрастной группе — в словах *термос*, *термометр*, *терапевт* и *теракт*;

б) женщины больше подвержены вариативности:

— в средней возрастной группе — в слове *террариум*;

— в старшей возрастной группе — в словах *теракт* и *компьютер*.

Анализ количества вариативных употреблений по разным возрастным группам (то есть такого поведения говорящего, когда он меняет произношение слова на протяжении двух экспериментов) показал, что в младшей группе степень вариативности выше, чем в средней и старшей, что говорит о большей стабильности речевых явлений у среднего и старшего поколений. Исключение составило слово *компьютер*, в котором обнаружился большой процент вариативности в речи носителей среднего поколения. В целом, наиболее высокая вариативность в речи респондентов всех возрастных групп наблюдалась в словах *бутерброд* и *террариум*, при произнесении которых в среднем преобладает мягкий вариант, не являющийся нормативным.

В качестве эксперимента был проанализирован мультимедийный корпус русского языка, на основе чего подтвердилась гипотеза об увеличении употреблений мягкого согласного с уменьшением возраста в словах *бутерброд*, *компьютер* и *свитер*.

Проведенное исследование может не полностью отображать языковую картину. Во-первых, на некоторых информантов могли оказать сильное влияние такие факторы, как место рождения и профессия родителей, что можно было бы исследовать при большей выборке. Во-вторых, разработанные эксперименты не были нацелены на выявление вариативности в речи информантов, из-за чего вариативность не была исследована систематично. В-третьих, волнение некоторых респондентов во время исследования могло повлиять на результат. Наконец, для более сбалансированной выборки необходимо производить более тщательный отбор респондентов, однако для этого требуется большой массив данных.

Л и т е р а т у р а

Аванесов 1984 — Р. И. А в а н е с о в. Русское литературное произношение, 6-ое изд. М., 1984.

Аванесов и др. 1985 — С. Н. Б о р у н о в а, В. Л. В о р о н ц о в а, Н. А. Е с ь - к о в а. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы // Под ред. Р. И. Аванесова. 2-ое изд., стереотип. М., 1985.

Асланова 2012 — Л. А. Асланова. Новейший школьный орфоэпический словарь русского языка. М., 2012.

Вахтин, Головкин 2004 — Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. Учебное пособие. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004.

Введенская 2012 — Л. А. Введенская. Словарь ударений для работников радио и телевидения, 5-ое изд., доп. и перераб. Ростов-на-Дону, 2012.

Гловинская 1971 — М. Я. Гловинская. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М., 1971. С. 54—97.

Каленчук, Касаткина 2001 — М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. Словарь трудностей русского произношения. Изд. 2-ое. М., 2001.

Каленчук, Касаткина 2013 — Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина, М., 2013.

Касаткин 2000 — Л. Л. Касаткин. Парадокс П. С. Кузнецова — М. В. Панова. Фонема или морфонема? // Фортунатовский сборник: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы 1897—1997 гг. М., 2000.

Касаткин и др. 2012 — М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка // Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2012.

Князев 1987 — С. В. Князев. Корреляция согласных по твердости/мягкости в современной орфоэпической норме // Русский язык как иностранный в отраслевом вузе. М., 1987. С. 5—10.

Краснова, Смирнова 2012 — Е. В. Краснова, Н. С. Смирнова. Региональные предпочтения в произношении некоторых русских и заимствованных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2012. С. 307—318.

Лабов 1975 — У. Лабов. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике VII; пер. с англ. Ю. Д. Апресяна / Под ред. Н. С. Чомоданова, М., 1975. С. 96—181.

Резниченко 2003 — И. Л. Резниченко. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. М., 2003.

Соловьев 2012 — Н. В. Соловьев. Три главных словаря русского языка в одной книге: Орфографический, орфоэпический, грамматический словарь с комментариями. М., 2012.

Chambers 2013 — J. K. Chambers. Patterns of Variation including Change // J. K. Chambers, N. Schilling-Estes (eds.). The handbook of language variation and change. Vol. 80. 2013.

References

Aslanova 2012 — L. A. Aslanova. Noveyshiy shkolnyy orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka. Moskva, 2012.

Avanesov 1984 — R. I. Avanesov. Russkoye literaturnoye proiznosheniye. 6-e izd. Moskva, 1984.

Avanesov i dr. 1985 — S. N. Borunova, V. L. Voroncova, N. A. Yeskova. Orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka: Proiznosheniye, udareniye, grammaticheskiye formy // Pod red. R. I. Avanesova. 2-e izd., stereotip. Moskva, 1985.

Chambers 2013 — J. K. Chambers. Patterns of Variation including Change // J. K. Chambers, N. Schilling-Estes (eds.). The handbook of language variation and change. Vol. 80. 2013.

Glovinskaya 1971 — M. Ya. Glovinskaya. Ob odnoy fonologicheskoy podsysteme v sovremenном russkom literaturnom yazyke // Razvitiye fonetiki sovremenного russkogo yazyka: Fonologicheskiye podsystemy. Moskva, 1971. S. 54-97.

Kalenchuk, Kasatkina 2001 — M. L. Kalenchuk, R. F. Kasatkina. Slovar trudnostey russkogo proiznosheniya. 2-e izd. Moskva, 2001.

Kalenchuk, Kasatkina 2013 — Russkaya fonetika v razvitii. Foneticheskiye «otcy» i «deti» nachala XXI veka / Otv. red. M. L. Kalenchuk, R. F. Kasatkina. Moskva, 2013.

Kasatkin 2000 — L. L. Kasatkin. Paradoks P. S. Kuznecova — M. V. Panova. Fonema ili morfonema? // Fortunatovskiy sbornik: Materialy nauchnoy konferencii, posvyashchenoy 100-letiyu Moskovskoy lingvisticheskoy shkoly 1897—1997 gg. Moskva, 2000.

Kasatkin i dr. 2012 — M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. Bolshoy orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka // Pod red. L. L. Kasatkina. Moskva, 2012.

Knyazev 1987 — S. V. Knyazev. Korrelyaciya soglasnykh po tverdosti/myagkosti v sovremennoy orfoepicheskoy norme // Russkiy yazyk kak inostranny v otraslevom vuze. Moskva, 1987. S. 5—10.

Krasnova, Smirnova 2012 — Ye. V. Krasnova, N. S. Smirnova. Regionalnyye predpochteniya v proiznoshenii nekotorykh russkikh i zaimstvovannykh slov // Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii. Moskva, 2012. S. 307—318.

Labov 1975 — U. Labov. Issledovaniye yazyka v yego socialnom kontekste // Novoye v lingvistike VII; per. s angl. Yu. D. Apresyana / Pod red. N. S. Chemodanova, Moskva, 1975. S. 96—181.

Reznichenko 2003 — I. L. Reznichenko. Orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka: Proiznosheniye. Udareniye. Moskva, 2003.

Solovyev 2012 — N. V. Solovyev. Tri glavnykh slovarya russkogo yazyka v odnoy knige: Orfograficheskiy, orfoepicheskiy, grammaticheskiy slovar s kommentariyami. Moskva, 2012.

Vakhtin, Golovko 2004 — N. B. Vakhtin, Ye. V. Golovko. Uchebnoye posobiye. Sociolingvistika i sociologiya yazyka. St.-Peterburg, 2004.

Vvedenskaya 2012 — L. A. Vvedenskaya. Slovar udareniy dlya rabotnikov radio i televideniya. 5-e izd., dop. i pererab. Rostov-na-Donu, 2012.

Резюме

В данной статье исследуется произношение [т] или [т'] перед гласным на месте *e*. В ходе опроса были выявлены тенденции в реализации [т] как твердого или мягкого в зависимости от возраста, пола и ситуации произнесения слова. Анализ полученных данных показывает, что наиболее яркой является корреляция с возрастом.

Ключевые слова: социолингвистика, вариативность, заимствования, зубные согласные, мягкость, твердость.

Статья получена 29.04.2014

DARYA A. STAFEROVA

**A STUDY IN SOCIOPHONETIC VARIATION:
PALATALIZED VS. NON-PALATALIZED [T] FOLLOWED BY [E]**

This paper studies sociophonetic variation of palatalized vs. non-palatalized [t] followed by [e] in Russian. It is shown that the choice of palatalized vs. non-palatalized [t] depends on the age and gender of the speaker as well as on the speech situation. Our data show that the most salient correlation is with the age of the speaker.

Keywords: sociolinguistics, variation, loanwords, dental consonants, palatalization.

Received on 29.04.2014

Н. В. ГАТИНСКАЯ

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЛЕКСЕМЫ *ПОЖАЛУЙ*

Лингвистами давно отмечено, что из глагольных форм 2 лица повелительного наклонения сформировался целый класс разнофункциональных служебных слов (*пусть, пускай, почитай, пожалуй, пожалуйста, небось, кажись, спасибо, хоть, вишь*) [Богородицкий 1935: 196—197; Виноградов 1972: 559]¹. Из-за того, что связь со вторым лицом исчезла, эти формы слов (каждая в свое время) оказались вне структуры предложения. Одни глагольные формы перешли в частицы (*хоть, вишь* и др.)², другие — в союзы (*пускай, пусть*). Третьи — стали принадлежать сфере модуса и модальности. К этому третьему разряду относится слово *пожалуй*, которое является предметом настоящей статьи.

История слова прослеживается по лексикографическим источникам (словарям и научным статьям), по собственной выборке из текстов XVIII—XIX вв., которые в связи с этим словом до сих пор не обсуждались³, использовались также материалы НКРЯ. Однако, поскольку семантика слова *пожалуй* принадлежит уровню текста, диалогу, то словарные примеры, а также примеры из НКРЯ необходимо было проанализировать в расширенном контексте, возвращаясь к бумажному варианту текстов. Но иногда и расширенного контекста было недостаточно, следовало представить образ автора, прочесть текст от начала до конца.

Исследование лексико-грамматической истории слова предполагает соединение сведений из разных лингвистических областей: исторической лексикографии, лексической семантики, морфологии и синтаксиса. В связи с этим статья делится на три части.

¹ Позже Ю. Д. Апресян в статье о словарных статьях глаголов «первого плана» отметил тенденцию к сокращению парадигмы в процессе лексикализации форм в современном русском языке и последующее «превращение полнозначных слов в служебные — частицы, предлоги, союзы, междометия». Привилегированной в этом отношении он назвал форму ПОВЕЛ [Апресян 2002: 15, 16].

² В картотеке СлРЯ XI—XVII (КДРС) представлены три лексемы со сходными значениями: 1) *хотя*, происходящая из деепричастной формы; 2) *хоть* и 3) *хоти* — из формы 2 лица повелительного наклонения (См. [Николаева 2002: 34]).

³ Например, в главе о *пожалуй* Е. Э. Разлоговой в [ДС 1998: 331—336].

В первой части статьи рассматривается историко-лексикографическая характеристика глаголов *жаловати / пожаловати*, которые и являются производящими для лексемы *пожалуй*. Во второй части (2.1. — 4.3) представлена, во-первых, лексикографическая история слова *пожалуй*, и, во-вторых, анализ языкового материала XVIII—XIX вв., демонстрирующий текстовые функции слова *пожалуй*.

1. Историко-лексикографическая характеристика глаголов

1.1. Глаголы жаловати / пожаловати в деловой письменности

П. Я. Черных разбил семантическую историю глагола *жаловати* на четыре периода: с XI в. он использовался в значении ‘жалеть’; с XIII в. — фиксируется также значение ‘оказывать милость’; с XIV в. — добавляется значение ‘щадить’; с XV в. — прибавляется значение ‘дарить, одарять’ [Черных 2004: 291]⁴.

Анализ текстового материала памятников показывает, что изменение значений глагола связано с его функционированием в текстах определенных речевых жанров: текстах-просьбах (например, в челобитных) и текстах-распоряжениях (например, в наказах и жалованных грамотах). Соответственно субъектом при глаголе *жаловати* в деловых памятниках XVI—XVII вв. становится лицо, облеченное властью. Это — царь, или патриарх, или феодал — господин просителя. Так, в царском наказе ленским воеводам читаем: *Государь ... ихъ служилыхъ людей, за ихъ службу и за новоприискные земли пожалуетъ своимъ государевымъ жалованьемъ, денгами и сукны* (№ 100, 10 февраля 1644) [ДАИ/II: 271]. В текстах-просьбах глагол употреблялся в форме повелительного наклонения (*пожалуй*), в текстах-распоряжениях — в первом или в третьем лице.

При исходной неакциональной⁵ семантике глагола *жаловати* императивная форма второго лица *пожалуй* выражала уничижительную просьбу, направленную от нижестоящего, зависимого, к вышестоящему. Например, в челобитной Буяна Панова царю Михаилу Федоровичу 3 ноября 1621 г. он просит, чтобы на разбирательстве конфликтного дела был сам ответчик Василий Кишкин, который сказался больным и прислал вместо себя слугу: *Вели, государь тому Василью стать к ответу самому, царь, государь, смилуйся, пожалуй* [Д. холоп: 331].

Челобитье начинается устойчивой формулой: ... *пожалуй* (кого) *нас, меня...* (чем)⁶: *Милосердый государь царь и великий князь Алексѣй Михай-*

⁴ [СлДРЯ/ III: 231; СлДРЯ/ VI: 563], [СлРЯ XI—XVII /5: 73; СлРЯ XI—XVII/ 16: 93].

⁵ Под акциональным понимается глагол, обозначающий действие, наблюдаемое извне, контролируемое изнутри.

⁶ [Волков 1974: 23, 86].

ловичь, **пожалуй** насъ [иконописцев], холопей своихъ своего великого государя **жалованьемъ** (1673 г.) [ДАИ VI: 197]. На оборотной стороне челобитной обычно писалась резолюция. Так, на челобитную Д. П. Дернова (1648 г.): *Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй* меня, холопа своего, вели, государь, мне тот оклад поместной справить в Розряде — ответ был таков: *157 генваря 6 день государь пожаловал, велел оклад ему справить* (ЦГАДА, ф. Разр. приказ, Приказн. стол. стб. 147, л. 524) [Вайнберг 1953: 69].

В соединении двух глагольных форм (*смилуйся, пожалуй; вели, пожалуй*), форма *пожалуй* десемантизируется и становится знаком этикетного почтения; например, в письме окольного Б. М. Хитрово к боярину Б. И. Морозову (1654 г.): *Государю моему Борису Ивановичю Богдашко Хитровъ челомъ бьетъ. Пожалуй, Государь, вели ко мне писать о своем многолѣтномъ здоровѣ, какъ тебя Государя моего Богъ милуетъ*⁷ [Временник 1849. Смесъ: 16].

Форма *пожалуй*, утратив управление (*меня*), обособляется от парадигмы глагола *пожаловать*. Так образуется просительная частица. Например: *И я тому же дивлюсь, отписку пишешь ко мне, а посылаешь сына боярского и велишь делать, и к стрельцам посылаешь память мимо меня, а здесь указал великий государь город ведать мне (...). Да и о том дивлюсь, (...)* — *не нашел ты меня хуже: бог тебе простит, пожалуй, меня прости* [Люцидарская: 264].

Позднее, в лексикографических источниках XVIII в., слово *пожалуй* дано в словниках отдельно или представлено отдельной словарной статьей, следовательно, эта форма была лексикализована раньше — в XVII в.

1.2. Лексикография глаголов жаловать / пожаловать в XVIII в.

Лексикография XVIII в. фиксирует глагол *жаловать / пожаловать* в лексиконах, затем в первом толковом словаре [САР¹]. В «Лексиконе трехъязычном...» Федора Поликарпова (1704) глагол представлен в форме *жалую*. В этом лексиконе две статьи *жалую*: первая **жалѹю** имеет ссылку: зри **милѹю**; к ней в другой части лексикона есть вокабула **пожалованѹ**, зри **помиллованѹ** [Лекс. 1704: зѹ]; вторая статья: **жалѹю**, жалованіе даю [Лекс. 1704: рѹ].

В «Российском лексиконе» Ф. Гельтергофа (1778) в словнике представлены разные формы: инфинитив *пожаловать* и финитные формы *жалую*,

⁷ «Известно, что в древнерусском языке глагол *пожаловать* в значении ‘соизволить’ согласовался с другим глаголом, обозначающим то или иное конкретное действие. Ср. в надписи на народной картине “Лисица”: “Журавля усердно просила, чтоб он **пожаловал** покушал” (Ровинский. Русские народные картинки)» [Виноградов 1972: 511]. Это значение отмечено и в СлРЯ XI—XVII, например: *Посланы, государь, мы... бити челом, чтобы он, государь, **пожаловалъ** шоль на свой богомъ данный престол въ Великий Новгородъ государемъ и великимъ княземъ*. ДАИ. II, 35/ 1614 [СлРЯ XI—XVII/ 16: 94].

*пожалуй*⁸. В Лексиконе Вейсмана (1731) и в Лексиконе С. Волчкова (1778—1779) немецкие и французские синонимичные выражения истолкованы с помощью высказываний со словом *пожалуй*⁹. В САР¹ (1789—1794) глагол *жаловать* / *пожаловать* организует большое гнездо словарных статей ЖАЛУЮ¹⁰. Просительная частица *пожалуй* в этом гнезде имеет отдельную статью.

В двух других Словарях Академии — в САР² и в Словаре церковнославянского и русского языка (СЦРЯ 1847) глагол *жаловать* в словнике представлен инфинитивом. Форма *пожаловать* в САР¹ в отдельную статью не выделяется, а в САР² дана отдельной статьей; в [СЦРЯ 1847] словарная статья *пожаловать* приведена со ссылкой к *жаловать*. Оба Словаря Академии отмечают у глагола *жаловать* три значения 1) ‘наградить кого-либо чинами, деньгами, деревнями’; 2) ‘любить, оказывать благосклонность, содержать в милости’ (*Государь его жалуетъ. Сосѣдъ не очень жалуетъ бедныхъ*); 3) ‘ходить к кому-либо, посещать кого-либо’ (*Вы очень рѣдко сюда жалуете. Жалуйте къ намъ почаще*) [САР¹/II: 1043¹¹; СЦРЯ 1847/ I: 398]. Что касается глагола *пожаловать*, то в Словарях Академии (САР¹, САР²) и в таких словарях XX в., как Словарь Ушакова и МАС [СЛУ/ 2: 458; МАС/ 1: 471] он входит в словарную статью *жаловать*. Если же он и выделяется в отдельную словарную статью [ССРЛЯ/ 10: 730—731], то особых семантических отличий, по сравнению с *жаловать*, в ней не обнаруживается.

В первом значении глагол имеет пару: активный / пассивный — *жалую кому, что* / *жалуется что, кому*. Глагол в пассивном залоге выделен в малую словарную статью с примером в виде высказывания¹².

⁸ *Пожалуй* в «Российском лексиконе» Ф. Гелтергофа дана как просительная форма, синоним нем. *beliebe* ‘соизволь, соблаговоли’ [Рос. Лекс. 1778/ 2: 594—595; БНС/ I: 231].

⁹ По данным картотеки СлРЯ XVIII: *es braucht keine Ceremonien, пожалуй отставь церемонію; лучше без всяких церемоній, безчинов, безкомплементов* [Лекс. Вейсм. 1731: 120]. Этот материал дан в словарной статье *Ceremonien* [Там же]. По данным [Кс XVIII], в Лексиконе С. Волчкова выражением *Жди пожалуй, дожидайся хотя въкъ напрасно станешь ждать* [Лекс. Волчк. 1755. ч. 1, с. 167] объяснен оборот *attendez vous u.*, расположенный отдельной вокабулой после статьи к глаголу *attendre quelqu’un* — ждать, дожидаться кого [Лекс. Волчк. I: 120—121 (1778—1779)].

¹⁰ См. об этом [Биржакова 2010: 121].

¹¹ **ЖАЛУЮ** 1) Относительно къ вышшимъ значить: награждаю за оказанныя услуги. *Жаловать чинами, деньгами, деревнями*. 2) Въ пространѣйшемъ смыслѣ значить: люблю, оказываю кому благосклонность; в милости содержу. *Его многіе знатные господа жалуютъ*. 3) Употребляется такъ же изъ учтивости вмѣсто: хожу къ кому. *Вы очень рѣдко сюда жаловать изволите. Жалуй къ намъ почаще. Добро жаловать или пожаловать*. Родъ привѣтственнаго выраженія при приѣмѣ гостей [САР¹ / II: 1043].

¹² **Жалуется** кому что. Дается кому что въ награжденіе. *За отмѣнные заслуги жалуются такому-то деревни* [САР¹ / II].

Обращает на себя внимание тот факт, что значение глагола *жаловать*, стоящее в Словарях Академии первым, не является исторически первичным. Однако в Словаре Даля исторический порядок восстанавливается. У Даля на первом месте отмечается ‘любить, чтить, держать в милости’: *Виноватыхъ прощаютъ, а правыхъ жалуютъ* [Даль/1: 525]; на втором — значение (*жаловать* кому что; кого чем) — ‘дарить, награждать подарком’. Например: *Государь жалуетъ тебя землею*. [Даль/1:525]. *Пожаловать* что кому, кого чѣмъ; дать, подарить, почтить, наградить. *Ему пожалована земля* [Даль/3: 221]¹³.

1.3. Перформативное употребление глаголов жаловать / пожаловать

Глагол *жаловать* имеет перформативное употребление¹⁴: высказывание, содержащее форму *жалую*, является осуществлением акта дарения. В примере: *Жалую твоего сына в камер-пажи* — глагол обозначает однократное речевое действие, локализованное в настоящем времени речи-действии.

Перформативное употребление глагола *жаловать* находим в документах разных эпох: например, в жалованной грамоте царя Алексея Михайловича постельничему Ф. М. Ртищеву 6 января 1656 г. или в письме Николая II¹⁵.

¹³ В Словаре Грота — Шахматова эти значения представлены в том же порядке: *жаловать* в первом значении определено как ‘оказывать милость, расположение, благоприятствовать’: *Великій царь казнить И жалуетъ, его святая воля* (Остр. Вас. Мел.) [Сл. Грота—Шахм.: 204]. Через знак || дано значение ‘награждать, дарить чем-либо’: *Жалую вас крестом (старым), бородой и вечной волей* (слова Пугачева). Послов. Даля [там же].

¹⁴ Подобные высказывания, «равносильные самому осуществлению этого действия» [Падучева 1985: 19], уже привлекали внимание ученых. Дж. Остин назвал их перформативными, Э. Бенвенист определил как автореферентные [Падучева 1985: 20; Бенвенист 1974: 299; Дж. Остин 1986: 26—27]. Дж. Серль привел в своей статье [Серль 1986] классификацию иллокутивных актов. Е. В. Падучева показала, какие именно высказывания в русском языке можно считать перформативными [Падучева 1985: 22, 44], Ю. Д. Апресяном представлены полные списки русских перформативных глаголов и рассмотрены языковые проявления перформативности [Апресян 1995а: 200—203]. В статье [Гловинская 1993] проанализирована семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. Однако глагол *жаловать / пожаловать* в этих работах не отмечен.

¹⁵ *Постельничей Федор Михайлович! Великій государь, царь и великій Князь Алексей Михайлович (...)* велѣлъ тебѣ говорить: въ нынешнемъ, во 164 (17164) году, посыланъ ты от насъ, великого государя, къ полному гетману Гасевскому и, переехавъ реку Нѣмонь, приходили на тебя, постелничаго нашего, Полскіе и Литовскіе люди и учинили бой, и ты их уговорилъ и нашихъ государевыхъ людей уберегъ и имъ не выдалъ (...). *И милостію Божіею, а нашимъ государскимъ, (...)* а твоимъ промысломъ и радѣніемъ у гетмана великого нашу государеву короткую титулу с новоприбылою титулою всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России взялъ, (...) къ намъ, великому государю, привезъ. *И мы, великій государь, за тое твою великую*

Обычно лингвисты строго ограничивают перформативность употребления формой первого лица¹⁶. Однако если рассматривать этот глагол в рамках письменной речи, деловой переписки, то сфера перформативной семантики расширяется. При отсутствии сообщения от прямого субъекта перформативного высказывания (того, кто жалуется) награждаемому адресату, высказывание должно иметь характер документа, в котором о награде, милости адресату сообщает посредник. В этом случае перформативно читается и форма пассивного залога настоящего времени — *жалуется кому, что*¹⁷, при этом в высказывании нет указания на личность того, кто награждает. Как перформативные могут интерпретироваться и высказывания с глаголами или пассивными причастиями прошедшего времени в примерах типа: *Император пожаловал (жалует) вам титул графа. Сим сообщаем: ...он пожалован именем и 2х-стами душами*. В этом случае высказывание не будет простым сообщением о факте, а настоящее и прошедшее время сближаются семантически.

Глагол *жаловать* относится к глаголам 3 класса (на *-овать*), среди них отмечено большое количество двувидовых глаголов. Некоторые из них имеют приставочные корреляты совершенного вида, и при этом у них наблюдается нестандартное видовое поведение¹⁸.

и прямую службу жалуюмь тебя, постелничего нашего, велѣли быть в околничихъ, да тебя жа, околничего нашего, пожаловали мы, великій государь, за твою службу именную къ намъ, великому государю, безъ твоево челобитья, велѣли учинить 400 четвертей окладъ не во образецъ, сверхъ околического окладу, потому что и служба твоя к нам, великому государю, отмѣнна, потому что у насъ, великого государя, с Полскимъ королемъ миръ не учиненъ, (...) и в предкахъ твою не бывало, что въ ратной брани, межъ великими государи и не учиня миру, титулъ сполна послы и посланники не имывали. И мы, великій государь, тебя, околничего нашего, присно похваляем. Генваря в 6 день [Козловский 1906: 171—172]. См. также отрывок из письма императора: «Снисходя к вашей просьбе об увольнении вас от должности военного министра, отмечаю с особой признательностью целесообразность многих из ваших начинаний. (...) Выражая Монархию Мою благодарность за ваши труды, жалую вас кавалером ордена Святого благоверного великого князя Александра Невского. (...) Пребываю к вам неизменно благосклонный и благодарный Николай. Царское Село, 11 марта 1909 года» (А. Ф. Редигер. История моей жизни, 1918) (НКРЯ).

¹⁶ В соответствии со схемой полной субъектной перспективы Н. К. Онипенко перформативным будет такое высказывание, которое соединяет в одном лице и в одном времени говорящего, авторизатора (субъекта сознания) и каузатора (субъекта воздействия): *Я прошу вас уйти, требую ответа* [Золотова и др. 2004: 232].

¹⁷ Как пишет Ю. Д. Апресян, перформативным употреблением следует считать и «третье и второе лицо настоящего времени пассивного залога индикатива» [Апресян 1995а: 203].

¹⁸ «Иногда просто невозможно определить, имеем мы дело с глаголом грамматически двувидовым или с контекстно-обусловленным употреблением глагола не-

Глагол *пожаловать* часто передает дескриптивную семантику. Так, в высказывании из письма царя Алексея Михайловича (11 июня 1650 г.): *А естли уберезжете* [кречетов], *я вас милостиво пожалую, а сокольниковъ также пожалую* (Письма к Матюшкину, 28)¹⁹ — форма *пожалую* не является перформативной. Во-первых, в силу того, что это — форма будущего времени²⁰; во-вторых, потому что условное придаточное вносит значение потенциальной модальности.

Временные рамки перформативного употребления глагола *жаловать* / *пожаловать* ограничены исторически. Перформативное употребление уходит, когда исчезает персона, которая жалуется. Сейчас перформативы употребляются в исторических романах или в сказках²¹, типичным остается дескриптивное употребление в формах 3-го лица и прошедшего времени²².

Первый раздел нашей работы, посвященный истории глаголов, предваряет анализ лексемы *пожалуй*, так как она в ходе своего формирования как служебного показателя не изменила своего облика, не затемнила внутренней формы, как, например, частицы *вряд ли* или *вроде*. Тем самым она сохранила свою связь с производящим глаголом и унаследовала некоторые черты его семантики.

совершенного вида в значении совершенного» [Кнорина 1976: 69]. Среди таких глаголов Л. В. Кнорина называет «глаголы говорения в широком смысле слова» с приставочными коррелятами *советовать* (*посоветовать*), *требовать* и старые двувидовые глаголы типа *приветствовать*. К этому же семантическому типу она относит «старые двувидовые глаголы иного морфологического оформления *велеть*, *отвечать*, *обещать* (давать / дать обещание) (...)» «У отдельных глаголов не удастся связать видовое поведение непосредственно с семантикой. Так, у глаголов *жаловать* (награждать), *жертвовать* (отдавать), *наследовать* (получать наследство), *именовать* (давать имя), *миловать* (прощать) преимущественное образование результата при помощи приставок (что характерно для некоторых глаголов типа II — ср. *советовать*) (есть признак обусловленности длительности действия, но отсутствует связь с переменной состояния — *Н. Г.*) сочетается с семантикой типа III («четвертовать») (в наличии оба признака — *Н. Г.* — и «доминирование результата над процессом» *амнистировать*, *образовать*, *даровать*), в котором приставочные образования невозможны» [Там же: 77].

¹⁹ Пример в статье *пожаловать* [СлРЯ XI—XVII /16: 93].

²⁰ Ср. значение будущего времени в примере: *Кто поймает Михельку, тому жалую триста рублей* (В. Шишков. Емельян Пугачев, 1934—1945) (НКРЯ).

²¹ Принцесса. *Господа, этот юноша — мой лучший друг*. Король. *Жалую ему титул принца!* Придворные низко кланяются Медведю, он озирается с ужасом. Принцесса. *Спасибо, папа!* (Е. Шварц. Обыкновенное чудо, 1956) (НКРЯ).

²² Типично и ироничное употребление: Феона — *Как тебе можно со мной разговаривать! Больно высок стал. Каким чином пожаловали, не слышать ли?* Ипполит. — *При чине я всё при том же* (А. Островский. Не все коту масленица).

2. Лексикография слова *пожалуй*. *Пожалуй* и *пожалуйста*

2.1. Форма *пожалуй* в САР¹ представлена в отдельной словарной статье²³. В толковании этой речевой частицы первое значение — просительное — иллюстрируется примерами с двумя формами: ед. ч. и мн. ч. (*пожалуй* и *пожалуйте*). Во втором значении ('разрешение') даны только примеры со словом *пожалуй*. Первое значение представлено в иницирующих репликах диалога, второе — в ответных речевых реакциях.

Первая дефиниция в САР¹ отражает смысл каузирующей реплики²⁴ (— *Дождись, пожалуй, меня здесь*. Е. Дашкова. 1786. (НКРЯ)). *Пожалуй* дополняет императивную форму 2-ого лица. Значение формулируется как выражение прошения или моления, в САР² в дефиницию добавлено слово «увѣщание» [САР²/ 4: 1369—1370]. Во втором значении в САР¹ («разрешение») отражена реакция другой стороны диалога — человека, который разрешает собеседнику сделать что-либо (*пожалуй поди*). Заметим, что эти два значения слова *пожалуй* чаще всего не являются частью одного диалога — просьбы. Они отражают разные диалоги.

В текстах, современных Словарям Академии, собственно ответные реплики со значением 'разрешаю' однотипны: — *пожалуй, поди; пожалуй, ступай себе*. Формулировка «разрешение» в СЦРЯ 1847 была изменена на дефиницию «согласие на что-либо» и удачно дополнена примером — ответной утвердительной репликой (*по мне / пожалуй*)²⁵, в которой согласие усилено сочетанием *по мне* 'что касается меня'.

Интересно, что в САР¹ (1789—1794) есть один пример со словом *пожалуй*, выражающий особый смысл (в САР² это формулируется как «неуважение чем»). Он реализуется в высказывании, имеющем двухчастную структуру: *Пожалуй сердись, я на это не смотрю*. Думается, составитель дал образец устойчивого выражения с выражением пренебрежения гово-

²³ **Пожалуй.** Реченіе, употребляемое при глаголе повелительного наклонения для означенія 1) прошения или моленія. *Пожалуйте постарайтесь сіе исправить. Пожалуй не осердись на меня, ежели я вам буду говорить правду. Пожалуйте придите ко мнѣ. Скажите пожалуйста мнѣ, какъ сіе происходило.* 2) Разрешенія. *Пожалуй поди. Пожалуй сердись, я на это не смотрю* [САР¹/II: 1046].

²⁴ В письменной речи диалог часто разорван во времени. Ответ на просьбу автор должен еще получить в письме. Таким образом, мы не можем полностью восстановить картину употребления речевых показателей, поскольку русские тексты периодов, близких по времени созданию САР, даны лингвисту чаще в эпистолярной, где автор непосредственно выражает себя и искренен, а также в комедиях и диалогах из прозы, имитирующих речь.

²⁵ Смысл «согласие» выражен и в комедиях XVIII века, например: Матвей. ... *мне жениться хочется, Влас Потапьевич!* Влас [работнику, бобылю]. *По мне пожалуй, коли ты сладил; да позови, брат, и нас на свадьбу-та попировать* (П. Плавильщиков. Бобыль, 1790).

рящего к адресату²⁶: ‘думай, как хочешь, делай что хочешь — я тебя в расчет не беру’. Например: — *я-то спорить не буду... пожалуй себе, говори какие хочешь нелепости* (Я. Княжнин).

В высказываниях подобного типа выражается особая семантика — условно-уступительная, при этом есть и прагматика — говорящий соглашается со сложившимся положением вещей. Такое употребление приближает форму *пожалуй* к сфере текстовых коннекторов.

2.2. Грамматические характеристики лексемы *пожалуй* в словарях

Обратимся к грамматическим пометам, сопровождающим форму *пожалуй*. В САР¹ слово *пожалуй* квалифицировалось как *речение*²⁷, которое в сочетании с императивной формой глагола выражает: а) просьбу (мольбу, увещевание); б) позволение (разрешение). В СЦРЯ 1847 *пожалуй* получает грамматическую помету *наречие*, отмечено, что оно употребляется в качестве согласия. Тем самым сделан шаг к признанию его отдельной лексемой.

Изменения, произошедшие с лексемой *пожалуй* за период с середины XVIII до середины XIX в., были отражены позднее — в словарях XX века, когда в русистике лексикографическая техника стала совершеннее.

Статус лексемы *пожалуй* как служебного слова был признан основными толковыми словарями. В словаре Ушакова и в ССРЛЯ²⁸ *пожалуй* квалифицируется как *вводное слово*, хотя отдельным значением представлено употребление *пожалуй* как одиночной реплики согласия²⁹. В МАС *пожалуй* названо и *вводным словом* и *частицей*.

²⁶ По мнению А. А. Шахматова: «*Пожалуй* может означать и предоставление говорящему того или иного действия» [Шахматов 1925: 418]. Его пример из «Женитьбы» Гоголя: Кочкарев (вставая, в сердцах). — *Свинья! Подколесин. — Пожалуй, бранись себе*. Но вместо оттенка явного пренебрежения, можно предполагать глубокое равнодушие, что как речевая тактика не менее действенно.

²⁷ Обычно в Словарях Академии служебные слова с модальным значением квалифицировались как наречия (*авось, очевидно, конечно*) или, реже, — как союзы (*будто*).

²⁸ **Пожалуй**, вводное слово. Вероятно, должно быть, может быть. *Иногда такая брала его тоска по жене, что он ... все бы отдал, даже пожалуй... простил бы ее, лишь бы услышать ее ласковый голос.* Тург. Дв. гн. 16. Окоемов. — *Она совсем не воспитана, такая простушка. Это немножко странно..., но ничего, пожалуй, даже мило.* Остр. Красавец-мужчина, IV, 6. *Ерофей Кузьмич подумал, что выросший без него Андрей, пожалуй, не потерпит больше суровой отцовской власти.* Бубен. Бел. б. || При выражении нерешительного согласия: так и быть, могу (можно согласиться) с тем, что; не возражаю против того, что... [Хлестаков] *Я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь».* Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец». Гоголь. Ревизор III, 6. — *Чайку не желаете ли? — Пожалуй, — согласился Егорушка с неохотой.* Чех. Степь [ССРЛЯ/10: 732].

²⁹ **ПОЖА'ЛУЙ**, вв. сл. 1. Вероятно, должно быть, можно предположить. *Вот как вакансия откроется, так, пожалуй, местом и обойдут.* А. Остр. *У тебя, я*

3. Грамматические омонимы *пожалуй* в XIX в.

Пожалуй и пожалуйста

Таким, образом, на протяжении трех столетий форма *пожалуй* расширяет свои семантико-прагматические возможности и оказывается ярким примером грамматической омонимии: эта форма употребляется и (1) как повелительное наклонение знаменательного глагола³⁰, и (2) как «просительная частица», и как (3) слово-согласие (разрешение), и как (4) текстовый коннектор, близкий союзу *пусть* в уступительной конструкции, а также (5) как вводно-модальное слово. Эта омонимия частично преодолевается, когда для «просительного и разрешительного значений» начинает использоваться новая лексическая единица — слово *пожалуйста*. В Словаре Даля форма *пожалуй* еще имеет толкование ‘прошу; покорно прошу, сделай одолжение’ [Даль /1:525]. Но в речевой практике уже используется и вторая просительная форма (*пожалуйста*)³¹.

Откуда взялось наращение *ста*? Эта частица использовалась в повестях и комедиях XVIII века для имитации речи крестьян или купцов. Считается, что эта усилительная частица выражала почтение. В «Истории села Горюхина» мы читаем: — *Все ли-ста здесь?* — повторил староста. — *Все-ста, — отвечали граждане* [Пушкин VII: 129]³².

Позднее Словарь Даля фиксирует два варианта: *пожалуй* и *пожалуйста* в одном и том же значении просьбы ‘прошу, покорнейше прошу’: *Пожалуй постарайся о моем дѣль. Пожалуйста не забудь* [Даль/3: 221]. Слово *пожалуй* в значении просьбы затем устаревает. А. Грибоедов в письмах использует просительную форму *пожалуй* (*пожалуй, сообщу*), наряду с

знаю, мягкая душа: ты, пожалуй, и по гривеннику станешь отваливать. Гонч. Под дверьми, пожалуй, подслушивают. Тург. 2. Можно согласиться с тем, что..., не возражаю против того, что... Пожалуй, ты прав. И, пожалуй, — силен сатана, — натворил бы я бед. Некрас. ◊ По мне пожалуй (разг.) — согласен, не возражаю [Сл У/ 2: 458].

³⁰ Знаменательная форма выражала: (а) приглашение — *Мы тебя забыли в радости; пожалуй, барин, пожалуй к нам откушать нашего хлеба-соли и наших овощей* (В. Измайлов. 1804) (НКРЯ); (б) почтение = ‘соблаговолити + инфинитив’ *Пожалуй мне свой пульс пощупать* (А. Сумароков. Приданое обманом, 1769) (НКРЯ).

³¹ По данным НКРЯ, она появляется в текстах в последнюю четверть XVIII в. Например, у Н. Новикова: *...от немцев житья нет. Пожалуйста, Фалалеюшка, не погуби себя, не заводи с ними знакомства* (Н. Новиков. Живописец, 1775). *Покуда моей Марьи Алексеевны здесь нет, поклонись, пожалуйста, моей милостивой и милой губернаторше; а то ведь при жене будет нельзя: она так же ревнива, как и ты, который, когда хочешь, заснешь. Уведомь меня, братец, спишь ли ты ходя?* (Н. А. Львов — Г. Р. Державину, 1786).

³² Происхождение этой частицы неясно, рассматривались разные гипотезы. Л. И. Булаховский пишет: «возможно также, что она результат перерождения «стало быть» [Булаховский 1950: 353].

этим в художественном тексте он использует и форму *пожалуйста* (равно как и *пожалуй*). Так, Фамусов просит Чацкого: *Пожало-ста, сударь, при нем остерегись* (...). *Пожало-ста при нем веди себя скромненько; Пожалуй, пощади!* (А. Грибоедов. *Горе от ума*, 1824). В письмах Пушкина просьба выражается словом *пожалуйста*³³.

Таким образом, просительной частицей стало слово *пожалуйста*, а для выражения согласия стало использоваться слово *пожалуй*. Однако четкого разделения не было; ср.: (1) Печорин (княжне Мэри) — *Впрочем, я не прошу вас разделять мое мнение: если моя выходка вам кажется смешна — пожалуйста, смейтесь: предупреждаю вас, что это меня не огорчит ни мало* (М. Лермонтов. *Герой нашего времени*, 1838—1841). Ср. у Грибоедова: *Пожалуй, смейся надо мною*.

(2) *Теперь ваша очередь торжествовать!* — сказал я, только — я на вас надеюсь: вы мне не измените. Я ее не видел еще, но уверен, узнаю в вашем портрете одну женщину, которую любил в старину... Не говорите ей обо мне ни слова; если она спросит, отнеситесь обо мне дурно. — **Пожалуй!** — сказал Вернер, пожав плечами. Когда он ушел, то ужасная грусть стеснила мне сердце (М. Лермонтов. *Герой нашего времени*).

Итак, постепенно в языке были разведены одноименные выразители разных диалогических интенций: согласия и просьбы.

4. Текстовые функции лексемы *пожалуй*

4.1. Пожалуй в роли уступительного союза

Становление вводно-модальной единицы *пожалуй* принято относить к первой половине XIX в. Анализируя тексты первой половины XIX в., Л. И. Булаховский пишет: «Фразу, в которой налицо переход к нынешнему употреблению *пожалуй*, можно указать в «Горе от ума» Грибоедова (1824): *Пожалуй, смейся* надо мною, Что Репетиллов врет, что Репетиллов прост, — А у меня к тебе влечение, род недуга, Любовь какая-то и страсть «Пожалуй смейся», равное «сделай милость — смейся», в контексте полураспространенности истолкования в смысле «допустим, что ты смеешься» [Булаховский 1948, II: 310].

Этот пример можно трактовать как уступительную конструкцию: в высказывании нет прямого побуждения, хотя налицо обращенность ко второму лицу и сочетаемость с императивом знаменательного глагола. Ср.: *нускай ты смеешься надо мною, (говоришь), что Репетиллов врет..., а я тебя люблю*.

Если же назвать выражаемый смысл «допущением» в современном смысле этого слова: «я допускаю, что», значит нельзя сказать «я знаю».

³³ *Пожалуйста, не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. (...)* Все слажу — и сломя голову к тебе прискачу (А. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, не позднее 26 июля 1834) [Пушкин X: 395].

А ведь Репетиллов после своего страстного признания слышит реплику Чацкого: *Да полно вздор молоть*, — и отвечает: *Не любишь ты меня, естественное дело*.

В этом примере смысл «допущение» выражен, только его надо понимать не как логический — в значении единиц *допустим*, (*что*); *положим*, (*что*). Допущение понимается нами как переходный смысл от реплики «разрешаю» к «пускай» (*пускай его себе куролесит*); в текстах иногда используется сочетание *пожалуй себе*³⁴. Такое употребление мы обнаруживаем в более ранних текстах — в комедиях Я. Б. Княжнина (1770—1790 гг.): Например: Г-н. Кутерьма. *Я теперь никогда уже не буду прав перед тобой, чтобы только не спорить*. Г-жа Кутерьма. *Чтобы только не спорить?.. Так верь же мне, что я-то спорить не буду... пожалуй себе, говори какие хочешь нелепости*. Г-н. Кутерьма. *Нелепости... увидим, кто больше их вытерпит; я ни слова не буду говорить* (Я. Княжнин. Неудачный примиритель...) [Княжнин 2003: 163].

В примерах представлено свободно-речевое построение, обращенное к адресату, с уступительно-противительной семантикой³⁵. В современном русском языке вместо этого выражается пожелание «за глаза» — к 3-ему лицу, например: *Пускай она говорит, какие хочет нелепости, я-то спорить не буду*.

Рассмотрим другой пример: *...командиру прислано именно повеление, чтобы не выпускать из Москвы никакого хлеба. Это было страшное, никогда не бывалое дело; и потому тотчас весть сия загремела. Твердили все, что в Москву пожалуй себе вези и продавай, а из Москвы — ни одного воза* (А. Т. Болотов. «Памятник претекших времен...», дневник 1796 г.). [Болотов: 183].

³⁴ В таких примерах *себе* квалифицируется как Дательный заинтересованного лица, или «Дательный этический» [Шахматов 1925: 334]. Позже Дат. беспредложный падеж местоимений в подобных высказываниях стал квалифицироваться как имеющий отношение к модусу (*Я тебе покурю!*) [Машовец 2000: 10]; с помощью дательного этического часто выражается негативная оценка, которую дает говорящий [Клобуков 1988: 45]. Высказывания с императивом или с формой условного наклонения в побудительном значении, как отмечает И. Заичкова, «обозначают равнодушие, даже равнодушно-презрительное отношение к чьей либо деятельности» [Заичкова 1972: 68]. Например: *Иди себе; пускай себе болтают; пусть себе трясетя* [Там же].

³⁵ См. также: Фетинья. *Сколько хочешь, пусть он вздорит, / А меня не переспорит: / Дворянин мне будет зять*. Анкудин. *Пой, пожалуй, что я вздорю, А тебя я переспорю: / Мне крестьянин будет зять* (А. Аблесимов. Мельник, колдун, обманщик и сват. Комич. опера, 1782). См. также с инверсией частей: Матвей. *Да ты взаправду разозлилась, Анюта! да что я тебе сделал? Анюта. Что он сделал? Моей мочи нет, не ты ли хотел на мне жениться? Матвей. Я и теперь хочу. Анюта. Да я другой-та женой быть не хочу; ты, пожалуй, рад и на трех жениться, кабы лъзя тебе да можно было* (П. Плавильщиков. Бобыль, 1790).

Стоящее в середине высказывания сочетание *пожалуй себе* хоть и употребляется с императивом второго лица (*пожалуй себе вези и продавай*), но имеет обобщенно-личное значение (= ‘*хоть кто* в Москву вези и продавай = пускай *любой* в Москву везет и продает).

В комедиях Княжнина обнаружен пример и с несколько иной — условно-уступительной семантикой, — где слово *пожалуй* выступает в роли союза, синонимичного сочетанию *даже если*: Пролаз (в сторону). *Нас никто нейдет разнять*. Высонос (в сторону). *Как люди нонече немилосерды стали! Мы кровь лием, а к нам не выглянет никто! Я стану-ка шуметь, авось поможет то*. Оба вместе (друг на друга издали выпадая) *Ге! ге! ге!* Пролаз. *Никого. Как будто все пропали. Вот люди каковы: пожалуй, ты умри, — никто из них тебе не скажет добра слова* (Я. Княжнин. Чудаки, 1794) [Княжнин 2003: 294—295].

Сохраняя форму второго лица глагола, *пожалуй* здесь выступает как риторический (иллокутивный) союз в понимании Л. Иорданской — выражает смысл ‘говорящий указывает на речевой акт’ [Иорданская, Мельчук 2007: 421]³⁶.

Рассмотренные нами примеры свидетельствуют о том, что на определенном этапе слово *пожалуй* в части своих употреблений следовало в русле развития значений уступки как бы вслед за другими бывшими императивными формами *пусть* и *пускай*, ставших уступительными союзами. Именно об этих двух единицах в текстах XIX в. пишет В. В. Виноградов: «Экспрессивные оттенки, связанные с различием видовых форм, отражаются и в значениях модальных частиц *пусть* и *пускай*. *Пусть* выражает волю более решительную, крепко и повелительно. *Пускай* означает скорее допущение, позволение. Ср. у Островского в пьесе “За чем пойдешь, то и найдешь”: “А он, **пожалуй**, подумает, что ты в него влюблена. — **Пускай** его думает, убытку-то мне немного”» [Виноградов 1972: 454]³⁷. Интересно, что в том же примере мы встречаем и слово *пожалуй*, но уже в привычной для нас функции вводного слова: оно не соотносится ни с формой повелительного наклонения (императивной семантикой), ни с формой второго лица. *Пожалуй* не входит в структуру предложения и обозначает мнение говорящего о мыслях, чувствах третьего лица.

Возможно, благодаря тому, что в слове *пожалуй* сохраняется связь с речевым действием, идущая от глагола *жаловать* / *пожаловать*, это помешало ему стать уступительным союзом. Тогда как для *пусть* и *пускай* такой помехи не было: семантика глагола *пустить* / *пустить* такого компонента не содержит.

³⁶ О делении подчинительных союзов на дескриптивные и недискрепитивные (риторические) см. [Иорданская, Мельчук 2007: 414]. «Говорящий предлагает обоснование, выводит заключение, сравнивает, противопоставляет, подает один факт как следствие другого» [Там же: 425].

³⁷ В словарных статьях поля «уступительность» В. Ю. Апресян отмечает, что различий между *пусть* и *пускай* в текстах XX века нет [Перспект 2010: 202, 204].

К употреблению же эмоционально-волевому, выражению экспрессивности самим словом *пожалуй* можно отнести примеры типа: *пожалуй ты умри, никто тебе не скажет добра слова* (Я. Княжнин, 1794)³⁸ — или редкие, более поздние³⁹. Думается, *пожалуй* как союз уступительный или уступительно-противительный закончил свою историю в XIX в. Пример из Панаева в современном русском языке выглядел бы примерно так: «Эти девушки — куколки. **Пожалуйста**, люби их как художник, **но** влюбляться в них всерьез не советую — ошибка непростительная».

4.2. Пожалуй в парентетической позиции. Выражение речевого модуса

Рассмотрим те признаки, которые позволили слову *пожалуй* стать вводно-модальной единицей. От апеллятивности⁴⁰, обращенности к адресату форма *пожалуй* постепенно перешла к выражению точки зрения повествователя или персонажа.

Для этого сама лексема *пожалуй* должна была получить модальные значения, а глагольная словоформа, употребляющаяся с этим словом, — временные значения индикатива, которых не могло быть у императивной формы.

Можно видеть, как слово *пожалуй* отрывается от императивных значений — от выражения просьбы, побуждения. Этот процесс начинается уже в тех случаях, когда *пожалуй* соединяется с формами повелительного наклонения от неакциональных глаголов, не связанных с семой контроля⁴¹. Например, в уже рассмотренных уступительно-противительных конструкциях: (1) **Пожалуй**, сожалею, **пожалуй**, волнуясь, **пожалуй**, надеюсь, **но** ничему не поможешь⁴².

В этих примерах глагол в императивной форме вместе со словом *пожалуй* означает возможность (= можно сожалеть, волноваться, надеяться...),

³⁸ «Форма повелительного наклонения служит средством выражения подчинительной связи преимущественно в условных и уступительных конструкциях, придавая особый модальный оттенок высказыванию» [Виноградов 1972: 456].

³⁹ — *Эти княжны по большей части отличные куколки, нарядные, красивые. Пожалуй, люби их, но чистою любовью художника, как любишь отличные картины в богатой галерее. Влюбляться же в них, как влюбляются молодые и пылкие люди, сохрани боже и помилуй! Притворяться влюбленным, для какой-либо цели, почему не так, — против этого я ни слова. Эта длинная тирада взбесила меня* (И. Панаев. Белая горячка, 1840) (НКРЯ).

⁴⁰ «Ориентация на адресата — конативная функция — находит свое чисто грамматическое выражение в звательной форме и повелительном наклонении, которые синтаксически, морфологически, а часто и фонологически отклоняются от прочих именных и глагольных категорий» [Якобсон 1975: 200].

⁴¹ Признак контролируемости / неконтролируемости положения вещей был введен Т. В. Булыгиной в ее типологии предикатов [Булыгина 1982: 68—82].

⁴² Высказывание составлено автором из примеров НКРЯ (М. Салтыков-Щедрин, 1847, 1848).

но...). Таким образом, от значений повелительного наклонения слово *пожалуй* переходит к выражению модального значения возможности⁴³. См. пример: Наташа: — Ну, если не пойдут никак они [родня мужа] на лад, / Я, пусть они меня расценят, как хотят, / Скажу им наотрез: **пожалуй, мной гнушайтесь**, / Для мужа все стерплю (А. Грибоедов. Своя семья или замужняя невеста, 1817).

Чтобы стать вводно-модальной единицей, *пожалуй* должна была совершить еще один переход: утратив связь с парадигмой императива, выйти в парентезу за пределы структуры предложения, из диктальной структуры — в сферу модуса. Этому способствуют следующие изменения, которые можно видеть в текстах: *пожалуй* перестает употребляться в паре с императивной формой (*пожалуй, скажи*) и сочетается с глагольными формами будущего времени 1 лица, реже 3 лица, в примерах типа: *Скажу, пожалуй, чтобы сейчас же все ушли*⁴⁴; *Пожалуй, скажут, что невоспитан*⁴⁵.

По употреблением в НКРЯ начала—середины XIX в. можно наблюдать результат: *пожалуй* превратилось во вводно-модальное слово, выделяемое запятыми.

От знаменательной лексемы *жаловать / пожаловать* слово *пожалуй* унаследовало семантику речевого действия. Благодаря этому *пожалуй*, во-первых, обладает способностью в парентетической позиции выражать речевой модус говорящего⁴⁶: *Пожалуй, он о себе высокого мнения*⁴⁷ и, во-вторых, оно способно соединяться с союзом *что*: *Пожалуй, что так*.

⁴³ Ю. Д. Апресян, рассматривая нетривиальные функции глагольных лексем, отметил, что в синтаксически связанных конструкциях: *думай что хочешь, понимай как хочешь* — глагол *понимать*, как и глагол *думать* в императиве, «выражает вместе с модальностью возможности (разрешения) еще и авторское безразличие к тому, что именно подумает адресат» [Апресян 1995б: 150].

⁴⁴ Так могла бы звучать реплика Агафьи Тихоновны в ответ на предложение Кочкарева — выгнать всех женихов. В примере мы убрали слово *пожалуй* из инициальной позиции, потому что такое высказывание в целом может прочитываться неоднозначно, так, инициальное *пожалуй* может быть расценено как отдельная реплика согласия говорящего в ответ на предложение.

⁴⁵ Глаголы будущего времени 3 лица с обобщенно-личным значением выражают предположение говорящего о мнении со стороны: *У новичка чешется язык сказать что-нибудь, да впадет ли это будет? А будешь молчать, назовут, пожалуй, дураком* (И. Гончаров. Светский человек или руководство..., 1847) (НКРЯ). Или: *Всякий, пожалуй, назовет дураком*.

⁴⁶ Обычно речевой модус выражается модусной речевой рамкой: глаголом (*Сказал, что у меня соперниц нет*. А. Ахматова) или предикативом, «при помощи которых говорящий обнаруживает характер ментальных и/или речевых действий субъекта речи по отношению к содержанию диктума» [Золотова и др. 2004: 75]. Без союза *что* модусная рамка пунктуационно выражена: *Сказано: в случае чего — убью*.

⁴⁷ В современных текстах *пожалуй* в этой роли сопровождается оценочное высказывание: *В конце XX века в России разумному человеку быть религиозным —*

Рассмотрим *пожалуй* в функции выражения речевого модуса, которая лингвистами пока не была отмечена. *Пожалуй* часто сопровождает речевые глаголы. См. пример из эпистолярия: ... *намерен я отправиться в деревню. Там надеюсь отогреться душою — пожалуй, скажу тебе: припала мне охота развить в драматической форме «Баядеру» Гёте. Не знаю, удастся ли? Не говори никому о моем намерении* (Н. В. Станкевич. Письма Я. М. Неверову, 1833) (НКРЯ)⁴⁸.

О том, что слово *пожалуй* уже использовалось для выражения речевого модуса в текстах XVIII в., свидетельствует следующий пример: Волдырев. *Бездельник! Проклят тот день, в который мне сбить твой полюбился. Вперед его никогда пить не буду.* Степан. **Пожалуй, я тебе прощаю и то, что ты в долг напил** (Я. Княжнин. Сбитеньщик, 1789) [Княжнин 2003: 433]. Слово *пожалуй* сопровождает форму *прощаю* (тебе твой долг), которая как перформатив употребляется в форме настоящего времени.

Как выражение речевого модуса можно трактовать смысл *пожалуй* в двух примерах из ранней комедии Грибоедова⁴⁹. Синонимами *пожалуй* могут служить такие реплики, как *решено, хорошо*. Персонажи ведут конфликтный диалог и все время говорят другу колкости, поэтому *пожалуй* в этих примерах никак нельзя расценивать как выражение согласия с мнением собеседника. *Пожалуй* употребляется в таких ответах, когда говорящий вынужден под давлением партнера принять решение: изменить образ жиз-

пожалуй что несколько стыдно, несерьезно, смешно. Стыдно — потому что придерживаться православия сейчас стало модно, стало конформизмом и общим местом. Несерьезно, потому что (...) никакого прямого отношения к сущности веры не имеет. Смешно же то, что человек может полагать в другом человеке посредника и ходатая меж собой и Богом (М. Веллер. Всё о жизни, 2010).

⁴⁸ В современных примерах типа: *Было очень много добрых и отзывчивых людей, пожалуй, скажу — больше чем сейчас* (В. Розов) (НКРЯ) — глагол при слове *пожалуй* чаще не употребляется.

⁴⁹ (1) Арист (в сторону). *Веселый разговор.* / (Вслух) *Скажи, ужли опять / Ты не намерена сегодня выезжать? / Как взаперти пробыть весь день — не понимаю.* Эльмира. *Свой дом всем прочим я домам предпочитаю. Арист. Но прежде отчего езжала всюду ты? И ныне способы к тому не отняты.* Эльмира. *Веселость светская меня к себе манила, / Когда я дней моих тебе не посвятила; / Большой же ныне свет мне стал казаться мал.* Арист. *Но отчего же я от света не отстал, А дорожку тобой всё более и боле?* Эльмира. **Пожалуй, выезжать я буду поневоле** (Грибоедов. Молодые супруги, 1817). (2) Эльмира. *Нрав самый беспокойный. / Мне, право, кажется, что вы больны — в жару. Не сами ль ныне вы твердили поутру, Чтоб одевалась я нарядней, выезжала, Чтоб дарованьями не столь пренебрегала? По воле вашей я за это принялась, И вышло невпопад; — как угодить на вас? Откуда прихотей вы набрались?* Арист. *Откуда? Я впрямь несправедлив, и был, и есмь, и буду! Подайте мне письмо.* Эльмира. *Пора об нем забыть.* Арист. *Как можете еще такой спокойной быть?* Эльмира. *Да это оттого, что нрав имею ровный.* Арист. **Пожалуй, говорить я стану хладнокровно. Письмо я требую; прошу его от вас** (Грибоедов. Молодые супруги, 1817).

ни (*выезжать поневоле*); поменять тон в разговоре. Ср. неконфликтный диалог из той же комедии: Сафир. *Не совестно ль тебе с женою столько нежной / Вести себя, как ты, так сухо, так небрежно?* Арист. *Да, очень совестно; пожалуй, побрани.*

Как выражение речевого модуса рассматривается нами и пример из повести Пушкина: — *Что, ваше благородие? — сказал смеясь Пугачев [Гриневу]. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженным отцом, Швабрин дружкою; закутим, запьем — И ворота запрем!* (А. Пушкин. Капитанская дочка, 1836) (НКРЯ).

Смысл *пожалуй* в этом примере нельзя определить как согласие, потому что в предтексте нет просьбы, на которую мог согласиться Пугачев. Произнося: *пожалуй...*, он тем самым принимает решение взять под свою защиту Гринева и Машу от тех, кто его окружает, от восставших⁵⁰.

Наряду с новым вводно-модальным *пожалуй*, просительное *пожалуй* продолжали использовать до середины XIX в.⁵¹, поэтому во многих примерах смысл *пожалуй* не всегда можно определить однозначно.

4.3. Пожалуй как показатель гипотетичности

Вводное *пожалуй* в текстах первой половины XIX в. употреблялось также как выразитель предположительности. Глагол-сказуемое в таких высказываниях чаще всего имеет форму будущего времени. В отличие от других показателей гипотетичности (*авось, вероятно, должно быть, наверное* и др.), которые в современном русском языке выражают разные степени вероятности⁵², слово *пожалуй* обозначает прогноз события без указания на степень вероятности его осуществления, смысл этого слова эксплицируется с помощью модального предиката *может*⁵³.

⁵⁰ Ср. в Словаре языка Пушкина этот пример среди других дан как иллюстрация нескольких дефиниций: ПОЖАЛУЙ. 2. Согласен, пусть будет так, так и быть [СЯП/3: 460].

⁵¹ В Очерках по ИГ-3 отмечено, что сочетание императива с формами *пожалуй, пожалуйте*, отмеченное в текстах XVIII—первых десятилетий XIX в., по словам С. П. Обнорского, «устарело уже в первой четверти прошлого столетия» [Обнорский 1953: 171] «Позднее сочетания типа *пожалуй скажи* распадаются: форма *пожалуй (пожалуй-ста)* перерождается в модальное слово» [Шведова 1964: 227—228].

⁵² См. об этом [Беляева 1990: 163—166; Гатинская 2005: 257—259]. См. тж. о градуальности вероятности, выраженной лексическим способом (*по всей вероятности, весьма вероятно, вероятность этого невелика, равна нулю*) [Шатуновский 1996: 189—190].

⁵³ В Словаре языка Пушкина у лексемы *пожалуй*, в том числе, отмечено значение: «возможно, вероятно, можно предположить» *Одному ехать страшно, пожалуй, побьют* (Письма.). *Надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свиньин продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков* (Ж1) [СЯП/3: 460].

Высказывание с показателем гипотетичности *пожалуй* представлено двумя типами: а) прогноз будущего события делает субъект речи (сознания) — сам говорящий или другое лицо (1); б) (реже) в высказывании говорящий прогнозирует чужое мнение — возможную реакцию со стороны третьих лиц (2) или от адресата (собеседника) (3). Например:

(1) *Кусков продолжает жаловаться, что [индейцы] гишпанцам дают потачку: «Эдак, пожалуй, дойдут они до того, что и выгонят нас». Гишпанский же губернатор продолжает изъявлять надежду, что Кусков добровольно оставит сие место, ибо выгнать его не имеет силы (Ф. П. Литке. Дневник, ... во время кругосветного плавания, 1817) (НКРЯ). Звездава (Полюбину) — Сперва я хотела было напугать его [мужа] тем, чтоб Беневольский после женитьбы остался у нас в доме, но теперь он [муж в деревню] едет и, пожалуй, еще мне его навяжет: это уж не годится (А. Грибоедов. Студент, 1817) (НКРЯ). Фамусов. [Софье и Молчалину] — Да вместе вы зачем? Нельзя чтобы случайно. София. — Вот в чем однако случай весь: Как давеча вы с Лизой были здесь, Перепугал меня ваш голос чрезвычайно, И бросилась сюда со всех я ног... Фамусов. — **Пожалуй**, на меня всю суматоху сложит. Не в пору голос мой наделал им тревог! (А. Грибоедов, Горе от ума, 1824).*

Купцы, которые под миродатным владычеством русских давным-давно отвыкли от оружия, оглядывались назад и поговаривали, что русских здесь чересчур мало, что микелляры городские в сношениях с Кази-муллою, что они, пожалуй, впустят его ночью, что и у половины взрослых нет ружей! (А. Бестужев-Марлинский. Письма из Дагестана, 1831) (НКРЯ).

Ср. Они могут нас выгнать. Муж может его мне навязать, оставить в доме. Софья может свалить вину на меня. Микелляры могут впустить врагов.

(2) *Вы говорите, что я пощадил их чересчур (романистов то есть), — это правда крещеная, но я сделал это потому, что сам пишу; скажут, пожалуй, будто я мощу себе дорогу по чужим хребтам, что я завистлив. (А. Бестужев-Марлинский. Письма (1830—1837)⁵⁴ (НКРЯ).*

(3) *Что с Вами, что с Вами? Болезнь, хандра, самоненавидение — и все оттого, что спутались в счете своей жизни и своих лет. Порываетесь как в 20 лет, затеваете как в 18, страдаете как в 25, ужасаетесь как в 50; а в свою точку никогда не попадаете. Да, Бог с Вами — пожалуй, еще рассердитесь, как гимназист, и обругаете меня (П. В. Анненков — И. Тургеневу, 28 февр. 1857) (НКРЯ).*

Как видно из примеров, *пожалуй* в этот период чаще всего обозначает прогноз нежелательного события⁵⁵.

⁵⁴ См. более поздний пример: *Постное есть вредно, а скоромное нельзя, так как, пожалуй, скажут, что Беликов не исполняет постов, и он ел судака на коровьем масле, — пища не постная, но и нельзя сказать, чтобы скоромная (А. Чехов. Человек в футляре, 1898).*

⁵⁵ См. *И покойник (царство ему небесное) обещал со мною по-свойски перевестись, а сынок, пожалуй, сдержит слово батюшкино. Доселе Бог миловал*

Нереализованность нежелательного события представлена в конструкциях альтернативной мотивации «от противного»: — *Спасибо, что разбудил. А то бы я, пожалуй, опоздала. Начались сборы в дорогу* (А. Фет. Вне моды, 1889) (НКРЯ). *Хорошо, что я же нашла жениха, а то, пожалуй, и теперь бы сидела в девках... никто бы и не заметил* (А. Писемский. Тюфяк, 1850) (НКРЯ).

Как выразитель речевого модуса и предположительности *пожалуй* активно использовалось в текстах XIX и начала XX в., об этом свидетельствуют данные нашей выборки и НКРЯ. Современные же тексты — конца XX—XXI вв. — не дают интересного материала для анализа: *пожалуй* в этих значениях представлено редкими примерами⁵⁶. Это слово в современных текстах частотно в роли частицы, акцентирующей один из компонентов высказывания, и в качестве реплики некатегоричного⁵⁷ согласия в диалоге. Отдельная, сложная исследовательская задача — рассмотреть все оттенки прагматических смыслов *пожалуй* в диалоге на материале современных текстов — еще ждет своего решения.

Подведем некоторые итоги.

Настоящая статья продолжает традицию работ в области истории русского литературного языка, начатую, например, «Очерками по исторической грамматике русского литературного языка XIX века» (в 5 т., 1964). Надобность в подобных работах остро ощущается, поскольку употребление некоторых модальных слов в современных текстах часто обеднено, клишировано, и поэтому некоторые значения неполнозначных слов квалифицируются лингвистами как уходящие.

История слова *пожалуй* — это сложное взаимодействие знаменательного и служебного значений, взаимодействие значений дескриптивного и перформативного типа, дескриптивной и иллокутивной семантики.

(А. Пушкин. Дубровский, 1833) [Пушкин VI: 175—176]. [Сафир-Али] — *Прах на голову этого проводника, — сказал он. — Черт знает, куда ведет и куда заведет он нас! Пожалуй, еще продаст лезгинам ради богатого выкупа... Не верю я этим косым! — Я и прямоглазым мало верю, — отвечал Аммалат. — Но этот косой прислан от друга* (А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек, 1831) (НКРЯ).

⁵⁶ Так, при попытке проверить, какой именно прогноз обозначает *пожалуй* в текстах XX—XXI вв., в (НКРЯ) (подкорпус: 1900—2014 гг., в художественных текстах — 1 815 док., 8 392 вхождения) обнаружено в первой тысяче — 8 примеров с *пожалуй* — выразителем нежелательного прогноза и только 1 пример со смыслом благоприятного прогноза: — *У тебя неплохой рост — сказал я. — Пожалуй, возьмут в баскетбольную команду. У нас там все такие жирафы. Он ничуть не обиделся* (В. Железников. Каждый мечтает о собаке, 1966).

⁵⁷ Смысл, выражаемый частицей *пожалуй*, формулируется в толковых словарях как выражение «неуверенного» [ОШ 2007: 678], «нерешительного, неопределенного» согласия [МАС/ III: 234].

История слова *пожалуй* встраивается в общую историю вводно-модальных слов — эгоцентриков⁵⁸. Они формировались в русском литературном языке на протяжении XVIII—XIX вв. До той поры такого разряда служебных слов не существовало, хотя соответствующие модальные смыслы могли выражаться отдельными единицами. Как и другие единицы именного (*конечно, вероятно* и др.) и глагольного происхождения (*разумеется, кажется* и др.)⁵⁹, форма *пожалуй* была вовлечена в этот процесс. Особый путь ее обусловлен происхождением из императива. Становление вводно-модальной единицы было также затруднено грамматической омонимией императива с просительной частицей и словом-репликой, выражающим согласие (разрешение).

Форма *пожалуй* постепенно утратила связь с парадигмой знаменательного глагола: из парадигматики глагола перешла в сферу иллокутивных эгоцентриков. Из формы, функционирующей исключительно в сфере диалога и направленной на адресата, от 2 лица — к обозначению мнения говорящего (автора), а также мнения 3 лица, как оно передано повествователем.

Думается, в современном описании вводно-модальных единиц необходимо учитывать их семантическую историю, а также их системные связи — отношения с лексемами знаменательными и лексемами дискурсивными. Так, семантика речевого действия, свойственная производящему глаголу *жаловаться / пожаловаться*, была унаследована лексемой *пожалуй*, и в парентетической позиции она стала обозначать речевой модус, а также выражать предположительность.

Литература и источники

Апресян 1995а — Ю. Д. А п р е с я н. Перформативы в грамматике и в словаре // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Том II. М., 1995. С. 199—218.

Апресян 1995б — Ю. Д. А п р е с я н. Прагматическая информация для толкового словаря // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Том II. М., 1995. С. 135—155.

Апресян 2002 — Ю. Д. А п р е с я н. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 10—29.

Беляева 1990 — Е. И. Б е л я е в а. Достоверность. Микрополе вероятности // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Под ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.

⁵⁸ К эгоцентрическим элементам языка Е. В. Падучева, кроме средств дейксиса, относит и вводные слова, модальные слова и частицы, «которые подразумевают говорящего» [Падучева 1996: 258].

⁵⁹ По наблюдениям Н. С. Поспелова, большинство отыменных и отглагольных модальных слов, прежде чем стать вводным словом к концу XIX в., прошло предварительный этап употребления в виде предикатива в функции опорного слова изъяснительной конструкции (*вероятно, что; разумеется, что; кажется, что* и др.) [Поспелов 1964: 63, 71, 80].

- Бенвенист 1974 — Э. Бенвенист. О субъективности в языке // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974. С. 292—300.
- Биржакова 2010 — Е. Э. Биржакова. Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010.
- Богородицкий 1935 — В. А. Богородицкий. Общий курс грамматики (из университетских чтений). 5-е изд. М.; Л., 1935.
- БНС — Большой немецко-русский словарь: В 2-х т. / Сост. Е. И. Лепинг, Н. Н. Страхова, Н. Н. Филичева и др. / Под рук. О. И. Москальской. 2-е изд., стереотип. М., 1980. Т. 1. А—К.
- Болотов 1796 — А. Т. Болотов. «Памятник претекших времен...», дневник за 1796 г. // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 6—276.
- Булаховский 1948 — Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в. Том II. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Киев, 1948.
- Булаховский 1950 — Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 3-е изд., испр. и доп. Киев, 1950.
- Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85.
- Вайнберг 1953 — Е. И. Вайнберг. Челобитные смоленского помещика — участника похода против Болотникова // Исторический архив. Том VIII. М.; Л., 1953.
- Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972.
- Волков 1974 — С. С. Волков. Лексика русских челобитных XVII в. Л., 1974.
- Временник 1849 — Письмо окольничего Б. М. Хитрово к боярину Б. И. Морозову (1654 г) / И. Забелин (публикатор) // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 1. Смесь. М., 1849.
- Гловинская 1993 — М. Я. Гловинская. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Ред. Е. А. Земская. М., 1993. С. 158—218.
- Гатинская 2005 — Н. В. Гатинская. Квантификация в сфере модальных оценок в русском языке // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2005. С. 254—264.
- Грибоедов 1959 — А. С. Грибоедов. Сочинения / Подгот. текста, предисл. и коммент. В. Орлова. М.; Л., 1959.
- ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. (ДАИ II) Т. II. СПб., 1846. (ДАИ VI) Т. VI. СПб., 1857.
- Даль — В. И. Даль. Словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. 1995.
- Д. холоп — А. Яковлев. Холопство и холопы в московском государстве XVII в. Т. 1. М.; Л., 1943.
- ДС 1998 — Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
- Заичкова 1972 — И. Заичкова. Дателный беспредложный падеж в современном русском литературном языке. Прага, 1972.
- Золотова и др. 2004 — Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- КДРС — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. ИРЯ РАН, Москва.
- Иорданская, Мельчук 2007 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Клобуков 1988 — Е. В. Клобуков. Шкала модальной значимости русских падежных форм // Актуальные проблемы русской морфологии. М., 1988. С. 39—47.

Кнорина 1976 — Л. В. Кнорина. Семантическая классификация и виды глагола (на материале глаголов на -овать) // Семиотика и информатика. Вып. 7. М., 1976. С. 62—78.

Княжнин 2003 — Я. Б. Княжнин. Комедии и комические оперы / Сост., вступ. ст., коммент. Ю. А. Веселовой и Н. А. Гуськова. СПб., 2003. (Российская драматическая библиотека. III).

Козловский 1906 — Царская (жалованная грамота) Э. М. Ртищеву (Гос. Архив, Дѣла Приказа Тайныхъ дѣлъ) // И. П. Козловский. Ф. М. Ртищев. Историко-биографическое исследование. Киев, 1906.

КС XVIII — Картотека Словаря русского языка XVIII века. Институт лингвистических исследований РАН, СПб.

Лекс. Вейсм. 1731 — Э. Вейсманн. Немецко-латинский и русский лексикон... СПб., 1731.

Лекс. Волчк. — С. Волчков. Французской подробной лексикон, содержащий в себе все слова... немецким и латинским предложенный на российской язык, ... вновь просмотренный и исправленной. Ч. I—II. СПб., 1778—1779.

Лекс. 1704 — Ф. П. Поликарпов. Лексиконъ трехъязычный, сиречь речений славенскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище. М., 1704.

Люцидарская — А. А. Люцидарская. Челобитные XVII в. в контексте коммуникативной культуры своего времени (на материалах документов Сибирского Приказа) // <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>.

МАС — Словарь русского языка: в 4-х тт. 4-е изд. М., 1999. Т. 1—4.

Машовец 2000 — Е. Н. Машовец. Конструкции с дательным этическим в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000.

Николаева 2002 — Т. М. Николаева. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // ВЯ. № 4. 2002. С. 22—41.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН // www.ruscorgora.ru.

Обнорский 1953 — С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Остин 1986 — Дж. Остин. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Вып. XVII. М., 1986. С. 22—129.

ОШ 2007 — Толковый словарь с включением сведений о происхождении слов / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

Поспелов 1964 — Н. С. Поспелов. Развитие предложений «одночленной структуры» // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. (Очерки по ИГ-5) Кн. 5. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М., 1964. С. 20—82.

Проспект 2010 — Проспект активного словаря русского языка. Коллект. монография. / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2010. С. 195—208.

Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. VI, VII, X. Л., 1978.

- Рос. Лекс. 1778 — Ф. Гельтергоф. Российской лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом, изданный М. Франциском Гельтергофом в Имп. Моск. университет. Печатан при Имп. Моск. у. Ч. I—II. М., 1778.
- САР¹ — Словарь Академии Российской. Ч. II. Спб., 1790.
- САР² — Словарь Российской Академии по азбучному порядку расположенный. 2-ое изд. Ч. 1—6. Спб., 1806—1822.
- Серль 1986 — Дж. Р. Серль. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 170—194.
- Сл Грота-Шахм. — Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. СПб.; Л., 1895—1937. Т. 2. Вып. 1 (Е—Железный). Спб., 1897.
- СлДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XVI вв.): в 10 т. Т. III. М., 1990. Т. VI. М., 2000.
- СлРЯ XI-XVII — Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып 5 (Е—Зинутие). М., 1978. Вып. 16 (Поднавѣсь—Помянути). М., 1990.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. Т. 10. М., 1960.
- СЛУ — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков. М., 2000.
- СЦРЯ 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Т. I—IV. СПб., 1847.
- СЯП — Словарь языка Пушкина: в четырех томах: в 4-х т. М., 1956—1961. Т. 3. М., 1959.
- Черных 2004 — П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 тт. М., 2004.
- Шатуновский 1996 — И. Б. Шатуновский. Семантика предположения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М., 1996.
- Шахматов 1925 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Вып. 1. Учение о предложении и о словосочетаниях. Л., 1925.
- Шведова 1964 — Н. Ю. Шведова. Изменения в системе простого предложения // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. (Очерки по ИГ-3) / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М., 1964. С. 20—368.
- Якобсон 1975 — Р. О. Якобсон. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей. М., 1975. С. 193—230.

References

- Apresyan 1995a — Yu. D. Apresyan. Performativny v grammatike i v slovare // Yu. D. Apresyan. Izbrannyye trudy. Tom II. Moskva, 1995. S. 199—218.
- Apresyan 1995b — Yu. D. Apresyan. Pragmaticheskaya informatsiya dlya tolkovogo slovaryu // Yu. D. Apresyan. Izbrannyye trudy. Tom II. Moskva, 1995. S. 135—155.
- Apresyan 2002 — Yu. D. Apresyan. Vzaimodeystviye leksiki i grammatiki: leksiko-graficheskiy aspekt // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2002. № 1 (3). S. 10—29.

Belyaeva 1990 — E. I. Belyaeva. Dostovernost. Mikropole veroyatnosti // Teoriya funkcionalnoy grammatiki. Temporalnost. Modalnost. / Pod. red. A. V. Bondarko. Leningrad, 1990.

Benvenist 1974 — E. Benvenist. O subyektivnosti v yazyke // E. Benvenist. Obshchaya lingvistika. Moskva, 1974. S. 292—300.

Birzhakova 2010 — Ye. E. Birzhakova. Russkaya leksikografiya XVIII veka. St.-Peterburg, 2010.

BNS — Bolshoy nemecko-russkiy slovar: V 2-kh t. / Sost. Ye. I. Leping, N. N. Strakhova, N. N. Filicheva i dr. / Pod ruk. O. I. Moskalskoy. 2-e izd., stereotip. Moskva, 1980. T. 1. A—K.

Bogorodickiy 1935 — V. A. Bogorodickiy. Obshchiy kurs grammatiki (iz universitetskikh chteniy). 5-e izd. Moskva, Leningrad, 1935.

Bolotov 1796 — A. T. Bolotov. «Pamyatnik pretekshikh vremyan...», dnevnik za 1796 g. // Zapiski ochevidca: Vospominaniya, dnevnik, pisma. Moskva, 1990. S. 6—276.

Bulakhovskiy 1948 — L. A. Bulakhovskiy. Russkiy literaturnyy yazyk pervoy poloviny XIX v. Tom II. Fonetika. Morfologiya. Udareniye. Sintaksis. Kiyev, 1948.

Bulakhovskiy 1950 — L. A. Bulakhovskiy. Istoricheskiy kommentariy k russkomu literaturnomu yazyku. 3-e izd., ispr. i dop. Kiyev, 1950.

Bulygina 1982 — T. V. Bulygina. K postroyeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke // Semanticheskiye tipy predikatov. Moskva, 1982. S. 7—85.

Chernykh 2004 — P. Ya. Chernykh. Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka. V 2 tt. Moskva, 2004.

D. kholop — A. Yakovlev. Kholopstvo i kholopy v moskovskom gosudarstve XVII v. T. 1. Moskva; Leningrad, 1943.

DAI — Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannyye i izdannyye arkhograficheskoy komissiiyey. (DAI II) T. II. St.-Peterburg, 1846. (DAI VI) T. VI. St.-Peterburg, 1857.

Dal — V. I. Dal. Slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. Moskva, 1995.

DS 1998 — Diskursivnyye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya / Pod red K. Kiselevoy i D. Payara. Moskva, 1998.

Gatinskaya 2005 — N. V. Gatinskaya. Kvantifikaciya v sfere modalnykh ocenok v russkom yazyke // Logicheskii analiz yazyka. Kvantifikativnyy aspekt yazyka / Otv. red. N. D. Arutyunova. Moskva, 2005. S. 254—264.

Glovinskaya 1993 — M. Ya. Glovinskaya. Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov // Russkiy yazyk v yego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt / Red. Ye. A. Zemskeya. Moskva, 1993. S. 158—218.

Griboyedov 1959 — A. S. Griboyedov. Sochineniya / Podgot. teksta, predisl. i koment. V. Orlova. Moskva; Leningrad, 1959.

Iordanskaya, Melchuk 2007 — L. N. Iordanskaya, I. A. Melchuk. Smysl i sochetayemost v slovare. Moskva, 2007.

Jakobson 1975 — R. O. Jakobson. Lingvistika i poetika // Strukturalizm: “za” i “protiv”: Sb. statey. Moskva, 1975. S. 193—230.

KDRS — Kartoteka Slovarya russkogo yazyka. 11 — 17 vv. IRYA RAN, Moskva.

Klobukov 1988 — Ye. V. Klobukov. Shkala modalnoy znachimosti russkikh padezhnykh form // Aktualnyye problemy russkoy morfologii. Moskva, 1988. S. 39—47.

Knorina 1976. — L. V. Knorina. Semanticheskaya klassifikaciya i vidy glagola (na materiale glagolov na -ovat) // Semiotika i informatika. Vyp 7. Moskva, 1976. S. 62—78.

Knyazhnin 2003 — Ya. B. Knyazhnin. Komedi i komicheskiye opery / Sost., vstup. st., komment. Yu. A. Veselovoy i N. A. Guskova. St.-Peterburg, 2003. (Rossiyskaya dramaticheskaya biblioteka. III).

Kozlovskiy 1906 — Carskaya (zhalovannaya gramota) F. M. Rtishchevu (Gos. Arkhiv, Dela Prikaza Taynykh del) // I. P. Kozlovskiy. F. M. Rtishchev. Istoriko-biograficheskoye issledovaniye. Kiyev, 1906.

KS XVIII — Kartoteka Slovarya russkogo yazyka XVIII veka. Institut lingvistichekikh issledovaniy RAN, St-Peterburg.

Leks. 1704 — F. P. Polikarpov. Leksikon treyazychnyy, sirech recheniy slavenskikh, yellinogrecheskikh i latinskikh sokrovishche. Moskva, 1704.

Leks. Veysm. 1731 — E. Weismann. Nemecko-latinskiy i russkiy leksikon... St.-Peterburg, 1731.

Leks. Volchk. — S. Volchkov. Francuzskoy podrobnoy leksikon, sodержashchiy v sebe vse slova... nemeckim i latinskim prelozhenny na rossiyskoy yazyk,... vnov prosmotrenny i ispravlennoy. Ch. I—II. St.-Peterburg, 1778—1779.

Lyucidarskaya — A. A. Lyucidarskaya. Chelobitnyye KhUP v. v kontekste kommunikativnoy kultury svoego vremeni (na materialakh dokumentov Sibirskogo Prikaza) // <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>.

MAS — Slovar russkogo yazyka: v 4-ch tt. 4-e izd. Moskva, 1999. T. 1-4.

Mashovec 2000 — Ye. N. Mashovec. Konstrukcii s datelnym eticheskim v sovremennom russkom yazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2000.

Nikolayeva 2002 — T. M. Nikolayeva. «Skrytaya pamyat» yazyka: popytka postanovki problemy // Voprosy jazykoznanija. № 4. 2002. S. 22—41.

NKRYa — Nacionalnyy korpus russkogo yazyka / Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN // www.ruscorpora.ru.

Obnorskiy 1953 — S. P. Obnorskiy. Ocherki po morfologii russkogo glagola. Moskva, 1953.

OSh 2007 — Tolkovyy slovar s vklucheniym svedeniy o proiskhozhdenii slov / Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN / Otv. red. N. Yu. Shvedova. Moskva, 2007.

Ostin 1986 — J. Ostin. Slovo kak deystviye // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17. Moskva, 1986. S. 22—129.

Paducheva 1985 — Ye. V. Paducheva. Vyskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu. Moskva, 1985.

Paducheva 1996 — Ye. V. Paducheva. Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa). Moskva, 1996.

Pospelov 1964 — N. S. Pospelov. Razvitiye predlozheniy «odnochlennoy» struktury // Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka. (Ocherki po IG-5) Kn. 5. Izmeneniya v stroye slozhnopodchinennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke XIX veka / Pod red. V. V. Vinogradova i N. Yu. Shvedovoy. Moskva, 1964. S. 20—82.

Prospekt 2010 — Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka. Kollekt. monografiya / Otv. red. Yu. D. Apresyan / Moskva, 2010. S. 195—208.

Pushkin — A. S. Pushkin. Polnoye sobraniye sochineniy. T. VI, VII, X. Leningrad, 1978.

Ros. Leks. 1778 — F. Geltergof. Rossyskoy leksikon po alfavitu, s nemeckim i latinskim perevodom, izdannyy M. Franciskom Geltergofom v Imp. Mosk. universitet. Pechatan pri Imp. Mosk. Un-te. Ch. I—II. Moskva, 1778.

SAR1 — Slovar Akademii Rossiyskoy. Ch. II. St.-Peterburg, 1790.

SAR2 — Slovar Rossiyskoy Akademii po azbuchnomu poryadku raspolozhenny. 2-e izd. Ch. 1—6. St.-Peterburg, 1806—1822.

Serl 1986 — J. R. Serl. Klassifikaciya illokutivnykh aktov // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. XVII. Moskva, 1986. S. 170—194.

Shakhmatov 1925 — A. A. Shakhmatov. Sintaksis russkogo yazyka. Vyp. 1. Ucheniye o predlozhenii i o slovosochetaniyakh. Leningrad, 1925.

Shatunovskiy 1996 — I. B. Shatunovskiy. Semantika predpolozheniya i nereferentnyye slova (znachenkiye, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika). Moskva, 1996.

Shvedova 1964 — N. Yu. Shvedova. Izmeneniya v sisteme prostogo predlozheniya // *Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka. Izmeneniya v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke XIX veka. (Ocherki po IG-3)* / Pod red. V. V. Vinogradova i N. Yu. Shvedovoy. Moskva, 1964. S. 20—368.

SI Grota—Shakhm. — Slovar russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniyem Imperatorskoy akademii nauk. St.-Peterburg, Leningrad, 1895—1937. T. 2. Vyp. 1 (E—Zheleznyy). St.-Peterburg, 1897.

SIDRYa — Slovar drevnerusskogo yazyka (11—14 vv.): B 10-ti t. T. 3. Moskva, 1990. T. 6. Moskva, 2000.

SIRYa XI—XVII — Slovar russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp 5 (E—Zinutiye). Moskva, 1978. Vyp. 16 (Podnaves—Pomyanuti). Moskva, 1990.

SIU — Tolkovyy slovar russkogo yazyka: v 4 t. / Pod red. prof. D. N. Ushakova. Sost. G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskiy, D. N. Ushakov. Moskva, 2000.

SSRLYa — Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: B 17-ti t. T. 10. Moskva, 1960.

SCRYa 1847 — Slovar cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniyem Imperatorskoy akademii nauk. T. I—IV. St.-Peterburg, 1847.

SYaP — Slovar yazyka Pushkina: v chetyrekh tomakh: v 4-kh t. Moskva, 1956—1961. T. 3. Moskva, 1959.

Vaynberg 1953 — Ye. I. Vaynberg. Chelobitnyye smolenskogo pomeshchika — uchastnika pokhoda protiv Bolotnikova // *Istoricheskiy arkhiv*, Tom VIII. Moskva; Leningrad, 1953.

Vinogradov 1972 — V. V. Vinogradov. Russkiy yazyk. Moskva, 1972.

Volkov 1974 — S. S. Volkov. Leksika russkikh chelobitnykh XVII v. Leningrad, 1974.

Vremennik 1849 — Pismo okolnichego B. M. Khitrovo k boyarinu B. I. Morozovu (1654 g.) / I. Zabelin (publikator) // *Vremennik imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh*. Kn. 1. Smes. Moskva, 1849.

Zaichkova 1972 — I. Zaichkova. Datelnyy bespredlozhnyy padezh v sovremennom russkom literaturnom yazyke. Praha, 1972.

Zap. ochevidca 1989 — Zapiski ochevidca: vospominaniya, dnevniki, pisma / Sost. M. Vostryshev. Moskva, 1989.

Zolotova i dr. 2004 — G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Yu. Sidorova. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. Moskva, 2004.

Резюме

Рассматривается поэтапное формирование вводно-модального слова *пожалуй* из императивной формы глагола. История слова прослеживается по лексикографическим источникам, по собственной выборке примеров из текстов XVIII—XIX вв. и по материалам Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: глагол, императивная форма, перформатив, лексема, вводно-модальное слово, эгоцентрики.

Статья получена 23.04.2014

NINA V. GATINSKAYA

LEXICAL-GRAMMATICAL HISTORY OF THE LEXEME *POZHALUY*

The article examines formation of modal adverb *pozhaluy* 'perhaps', originally a verb imperative form. The history of this word is outlined according to lexicographical sources and eighteenth- and nineteenth century texts. The material was partly selected by the author, partly taken from the National corpus of Russian language.

Keywords: verb, imperative form, performative verb, lexeme, modal adverb, ego-centrics.

Received on 23.04.2014

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

**ВТОРИЧНЫЕ ИМПЕРФЕКТИВЫ С СУФФИКСОМ *-ИВА-/-ИВА-*
В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ¹**

1. Настоящая статья продолжает (и, очевидно, завершает) серию опубликованных в журнале «Русский язык в научном освещении» работ, посвященных истории восточнославянской модели имперфективации с суффиксом *-ива-/-ива-* по данным летописных источников (см. [Шевелева 2010; 2013]). В предшествующих публикациях были представлены материалы связанных с разными диалектными зонами летописей XII—XVI вв.: южнорусских Киевской летописи XII в. (КЛ) и Галицко-Волынской летописи XIII в. (ГВЛ); новгородских летописей — Новгородской I летописи старшего и младшего изводов (НПЛст и НПЛмл), Новгородской II (Архивской) летописи и Новгородской IV летописи; псковских летописей — Псковской 1 летописи, Псковской 2 летописи и Псковской 3 летописи; северо-восточных Суздальской летописи XII — начала XIV вв. (СЛ) и Типографской летописи за XII—XV вв. (ТЛ), а также составленной в Москве Никоновской летописи за XII—XVI вв. (НЛ) (см.: [Шевелева 2010; 2013]). Данные названных летописных памятников указывают на существование на восточнославянской (вост.-слав.) территории ранних диалектных различий, связанных с представленностью суффикса имперфективации *-ива-/-ива-*, и различий в его последующей судьбе в разных вост.-слав. диалектных зонах. Эти данные подтверждаются и материалами других источников — как бытовых и деловых грамот, так и книжных памятников, в том числе переводных, а также современных говоров. Все они свидетельствуют о том, что в диалектах Южной Руси модель имперфективации на *-ива-/-ива-* была уже продуктивна в XII в., в то время как на северо-западе — в раннем древненовгородском диалекте и особенно в древнепсковском — она была малоупотребительна и связана преимущественно с влиянием киевской письменной традиции, рост ее продуктивности в Новгороде отмечается только к концу древнерусской эпохи и, очевидно, шел от восточноновгородских говоров, близких к северо-восточным [Там же]. В псковской

¹ Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «История восточнославянского лингвистического ландшафта»).

диалектной зоне *-ыва-* модель так и не получает продуктивности; в северо-восточной зоне в раннедревнерусскую эпоху *-ыва-* модель была, видимо, более употребительной, чем в Новгороде, но все же не столь продуктивной, как в Киеве и Галицко-Волынской земле (где она впоследствии тем не менее вытеснилась моделью на *-ова-*) [Шевелева 2013].

О ранней продуктивности суффикса *-ыва-/-ива-* в южнодревнерусских диалектах свидетельствуют данные КЛ и ГВЛ, других памятников XII—XIII вв. киевского и галицко-волынского происхождения — переводных Пчелы, Истории Иудейской войны и др. (см. [Пичхадзе 2011: 151—152 и др.]), примеры *-ыва-*имперфективов встречаются в Сказании о Борисе и Глебе по списку Успенского сборника, в «Слове о полку Игореве» [Шевелева 2013: 207]. Обнаружение старейшего на сегодняшний день примера имперфектива с суффиксом *-ыва-/-ива-* в заключительной части Изборника 1076 г., содержащей статьи, переведенные на Руси (**сѣни оубо тѣжци и зѣли въходаште отагъчивають отъ оупиваниа** Изб.1076, л. 266 — см.: [Шевелева 2013: 205]), не оставляет сомнения в том, что в южнодревнерусской диалектной зоне модель имперфективации на *-ыва-/-ива-* уже была в употреблении во второй половине XI в. Вполне вероятно, что она была здесь известна и ранее, возможно — и в дописьменную эпоху (ср. гипотезу С. Л. Николаева, рассматривающего *-ува-* и *-ъва-* модели имперфективации как праславянские архаизмы [Николаев 1994: 44], см. об этом: [Шевелева 2010: 201—202]).

Однако относительно начального периода русской письменности данных пока крайне мало. Необходимо исследование в интересующем нас аспекте старейшего памятника русского летописания — Повести временных лет (ПВЛ). Данные ПВЛ могут пролить свет на ситуацию с имперфективами на *-ыва-/-ива-* в предшествующий составлению КЛ период — в самом начале XII в. и даже в XI в. Ведь пока от XI в. у нас есть один, хотя совершенно надежный, пример из Изборника 1076 г., но была ли в конце XI—начале XII в. эта модель здесь столь же употребительна, как в более позднем XII в., — неясно. С другой стороны, данные ПВЛ необходимы для воссоздания полной картины употребления имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* в языке древнерусского летописания — ведь последующая летописная традиция основывается на традиции ПВЛ.

В свое время П. С. Кузнецов указывал на единичные примеры имперфективов на *-ыва-/-ива-* в старших списках ПВЛ и высказывал предположение, что они могли быть свойственны и протографу летописи [Кузнецов 1959: 188]. Имеется в виду время составления ПВЛ (начало XII в.) или даже предшествующих ей летописных сводов? Теоретически возможны и самые смелые предположения, тем более что теперь фиксация имперфектива на *-ива-* в Изборнике 1076 г. доказывает наличие этих образований в южнодревнерусской диалектной системе второй половины XI в.

Обращаясь к материалам ПВЛ, необходимо иметь в виду ее сложную текстологическую историю, текстологическую «многослойность» этого

источника (см. реконструкцию А. А. Шахматова в [Шахматов 1908]; обзор дискуссии последних десятилетий и новейшая концепция текстологической реконструкции ПВЛ с опорой на лингвистические данные см.: [Гиппиус 2012]).

Общеизвестно, что примеры имперфективов на *-ыва-/-ива-* в ПВЛ весьма немногочисленны (см. [Кузнецов 1953: 262; 1959: 188; Ружичка 1957/1962: 314]), однако важно пронаблюдать их распределение по тексту летописи и представленность в нескольких старших списках, репрезентативных для реконструкции исконного текста.

Текст ПВЛ исследован по следующим спискам:

- Лаврентьевскому списку (Лавр.) — с учетом чтений по Академическому (А., Акад.) и Радзивиловскому (Р., Радз.) спискам, а также, где это возможно, Троицкому списку (Т., Троиц.);
- Ипатьевскому списку (Ипат.) — с учетом чтений по Хлебниковскому (Х.) и Погодинскому (П.) спискам;
- Новгородской первой летописи младшего извода по Комиссионному списку (НПЛмл) — с учетом чтений по Академическому (Акад.) и Толстовскому (Толст.) спискам.

2. Сразу же обращает на себя внимание значительное число колебаний по старшим спискам ПВЛ, касающихся примеров с имперфективами на *-ыва-/-ива-*. Приведем полный список имперфективов с суффиксом *-ыва-/-ива-*, представленных в старших списках ПВЛ, с указанием чтений всех исследованных списков — см. Таблицу 1.

Материал приводится по хронологии представленности соответствующих глаголов в тексте ПВЛ — для большего удобства сопоставительного анализа соответствующих чтений. В случае представленности данного глагола в тексте более одного раза (реально это касается только глагола *показывати*) он выделен в списке глаголов затемнением и снабжен отсылкой к другим его употреблениям в ПВЛ.

В случае соответствия *-ыва-*имперфективу в одном списке имперфектива другой модели (на *-а-*, *-ова-*, *-ва-*) или какого-то иного образования в другом списке это соответствие указывается в скобках. Отсутствие соответствующего чтения отмечено знаком «-».

Как мы видим, сложившееся представление о крайней редкости имперфективов на *-ыва-/-ива-* в ПВЛ несколько преувеличенно: всего по данным исследованных списков здесь зафиксировано 16 таких глаголов, из них в версии Лавр. летописи — 11 глаголов в 13 употреблениях, в версии Ипат. летописи — 9 глаголов в 10 употреблениях, в НПЛмл — всего 3 глагола в 3-х употреблениях. Безусловно, это существенно меньше, чем в Киевской летописи XII в., где фиксируется 41 вторичный имперфектив на *-ыва-/-ива-* в 63 употреблениях (см. [Шевелева 2010: 203—212]), однако с данными других летописных памятников XII—XIV вв. эти цифры вполне сопоставимы, ср. в Суздальской летописи (СЛ) — 6 имперфективов на *-ыва-/-ива-*

Таблица 1

Глагол	Датировка чтения	Лавр.	Ипат.	НП.Дмл
оумывивати (Обычай вост.-слав. племен)	Введение	оумывиваху оу воды двѣдѣ, л. 5 (Р.А. оумываху)	(оумываху, л. 6 об.)	—
сѣставивати (Сказание о славянской грамоте)	898 г.	начаста сѣставивати писмена, л. 9 (А.сѣставляти)	(начаста сѣставляти писмена, л. 11)	—
свѣзыватьи (О походе Игоря на греков)	941 г.	олаки руцѣ свѣзыватьхуть, л. 10 (Р. связываху, А. свезаху)	(олаки руцѣ свѣзавише, л. 17 об.)	(изъломающе опаки руцѣ и связавише — под 920 г., л. 30 об.)
показывати (Договор Игоря с греками) — см. также 986 г., 1019 г., 1100 г.	945 г.	показывает иреу мужю, л. 12 (Р.А. показывает)	(показаетъ, л. 19 об.)	—
привѣзыватьи объртыывати повързыватьи (4-ая месьць Ольги)	946 г.	привѣзыватьи ибрь обертыывающе в платки малы ни/тъкою поверзыватьи, л. 16 об.—17; Р. обертыываючи, перевѣзыватьи; А. перевѣзыватьи	(привѣзати ибрь) обертыываючи в плитки м ^л лы (нитькою повѣрзаваючи), л. 23 об.	—
пристраивати са (О походе Владимира против Ярополка на Киев)	980 г.	пристра[и]ваиса противу битьса, л. 23 об. — Р.А. пристраиваиса	пристраиваиса противу битса, л. 30 (Х.П. пристраиваиса)	пристраиваиса противу на бои, л. 42
показывати (Речь Философа) см. также 945 г., 1019 г., 1100 г.	986 г.	показываши, л. 36 об. (А. показаваше)	— Х.П. показываши	(показаше, л. 59 об.)
исправлявати (Обличение латинской веры)	988 г.	(исправляху вбру, л. 40) Р.А. исправляваху	(исправляху вбру, л. 43 об.)	и тако исправляваху вбру, л. 65

Таблица 1 (продолжение)

Глагол	Датировка чтения	Лавр.	Ипат.	НП.Лмл
вскладывати (Пирь Владимира)	996 г.	(вскладше, л. 43 об.)	вскладываше хлѣбы мяса рыбы, л. 47 (Х.П. вьскладше)	(накладше, л. 73 об.)
показывати (Гибель Святополка Окаянного) — см. также 945 г., 986 г., 1100 г.	1019 г.	(показоваше, л. 49 об. А. показаваше) Р. показываше	показываше навѣ, л. 54 об. (Х.П. показоваше)	—
наказывати оутѣшивати (Преставление Феодосия Печерского)	1074 г.	тако наказывати меница (и оутѣшати я), л. 62	и тако наказывати и мѣниаца оутѣшивати, л. 68 (Х.П. оутѣшати)	и тако наказывати меница (А.Т. наказовати меница)... (и утѣшати я), л. 96 об.
поостривати (Повесть об ослеплении Василька Теребовльского)	1097 г.	(нача подѣшати на ослѣпленье, л. 87 об.) Р.А. нача поостривати	нача поостривати на ослѣпленье, л. 89	—
приискывати (Повесть об ослеплении Василька Теребовльского)	1097 г.	ины земли приискываху, л. 89	(ины земли приискаху, л. 90 об.)	—
вписывати (Установление поминовения Феодосию Печерскому)	1108 г.	и повесть вписывати (в синодик), л. 95 об. (Р.А. писати)	(повель... вписати Феодосыя в сбѣникъ, л. 97 об.)	—
показывати — (Рассуждение о явлении ангела) — см. также 945 г., 986 г., 1019 г.	1100 г.	явленье нѣкоторое показываше, л. 96	явленье которое показываше, л. 98	—
выполоскывати (Рассказ летописца о своей поездке в Ладугу)	1114 г.	—	выполоскываетъ вода, л. 104	—

в 7 употреблениях [Там же: 213—215], в части Никоновской летописи (НЛ) за XII—XIII вв. — 7 глаголов в 7 употреблениях, в части НЛ за XIV в. — 14 глаголов в 22 употреблениях [Шевелева 2013: 228—232], в Типографской летописи (ТЛ) в части XII-XIII вв. — 4 *-ыва-*имперфектива, в части ТЛ за XIV в. — 13 *-ыва-*имперфективов [Там же: 225—228], в НПЛст — всего 4 примера, в НПЛмл в следующем после ПВЛ тексте вплоть до конца памятника, т. е. включая записи XV в., — 4 примера [Там же: 210—215].

Приведенный перечень показывает, что имперфективы на *-ыва-/-ива-* встречаются на протяжении всего текста ПВЛ, больше всего таких образований отмечается в Лавр. списке, известном наилучшей сохранностью текста ПВЛ, меньше всего — в НПЛмл, отражающем Начальный свод 1090-х гг. [Шахматов 1908; Гиппиус 2012: 47—49 и др.].

Ни в коей мере не беря на себя смелость точной текстологической стратификации имеющихся примеров *-ыва-*имперфективов, попытаемся поставить более общий вопрос о их возможной хронологической атрибуции: могут ли данные чтения восходить ко времени составления ПВЛ или к предшествующим ей сводам XI в.

2.1. Первый пример, хорошо известный и наиболее часто цитируемый исследователями, читается в недатированном этногеографическом Введении — в рассказе об обычаях восточнославянских племен: *а Древлане живаху звѣриньскимъ образомъ. жиоуще скотьски. оубиваху другъ друга. кадаху вса нечисто. и брака оу нихъ не бываше. но оумыкиваху оу воды дѣца. и Радимичи. и Ватичи. и Свѣрь одинъ обычаи имаху* (Введ., Лавр., л. 5 — *Т. оумыкаваху, Р.А. — оумыкаху*).

Эта часть Введения, включающая рассказ о нравах и обычаях славянских и других народов, большинством исследователей, начиная с А. А. Шахматова, трактуется как вставка составителя ПВЛ в первоначально более краткий текст Введения, восходящий к своду 1072 г. (см.: [Шахматов 1908: 97—99; Гиппиус 2006: 86—88]). Имперфектив *оумыкиваху* читается в Лавр. и Троиц. списках, представляющих текст 1-ой редакции ПВЛ, в то время как в Ипат. летописи, представляющей 2-ую редакцию ПВЛ 1117 г., и в представляющих на значительном протяжении контаминированный текст Радз. и Акад. списках (см. [Гиппиус 2007: 34; 2008: 2, 22—23]) читается имперфектив на *-а-* *оумыкаху* — та же форма, которую мы находим несколькими строками ниже и в версии Лавр.-Троиц.: *... браци не бываху в ни^х. и игрища межю селы. схожахуса на игрища на пласанье. и на вса бѣсовьская игрища. и ту оумыкаху жены собѣ* (Лавр., л. 5 — так же в Ипат.: *... и ту оумыкаху жены собѣ*, л. 6 об.).

Совпадающее чтение Лавр.-Троиц. списков с имперфективом на *-ыва-* позволяет предполагать в нем исконное чтение 1-ой редакции ПВЛ (ок. 1115 г.), в которой в рассказе о языческих обычаях соседствующих с полянами славян представлено характерное для ранних вост.-слав. памятников варьирование *-ыва-/-а-* имперфективов (*оумыкиваху//оумыкаху*).

Чтение в обоих случаях с имперфективом на *-а-*, совпадающее в Радз.-Акад. списках со списками ипатьевской группы (ИХ), может восходить ко 2-й редакции ПВЛ, хотя не исключена возможность его отнесения и к более позднему времени — в зависимости от того, когда была произведена отразившаяся в РА правка по ИХ: либо в раннее время по 2-й редакции 1117 г. [Гиппиус 2008: 23; Михеев 2011: 36—41], либо позднее уже по протографу самой Ипат. летописи [Вилкул 2004: 180; Гиппиус, в печати]. Последняя текстологическая гипотеза, разделяемая сейчас и А. А. Гиппиусом, позволяет отнести замену *оумыкиваху* на *оумыкаху* и ко времени составления Киевского свода на рубеже XII—XIII вв. или даже к своду конца XIII в., объединившему КЛ с ГВЛ. Впрочем, и при ранней, и при более поздней датировке эта правка явно не была направленным устранением имперфектива на *-ива-*: *-ива-*-глаголы, как мы увидим ниже, вводились и составителем 2-ой редакции ПВЛ (см. ниже 2.3. — 2.4.), и тем более широко использовались в КЛ и ГВЛ (см. выше 1. — в связи с этим, заметим, принадлежность правки редакции 1117 г. кажется все-таки более вероятной) — эта замена, как и колебания *оумыкиваху* // *оумыкаху* в Лавр., отражает характерное для южнодревнерусской системы всего периода XII—XIII вв. свободное варьирование имперфективов на *-ива-* и на *-а-*.

Итак, рассматриваемый пример Лавр. (= Троиц.) с имперфективом *оумыкиваху* можно с высокой степенью вероятности атрибутировать составителю ПВЛ — но не ранее. Напомним, что в НПЛмл, отражающей Начальный свод начала 1090-х гг., данный фрагмент отсутствует. Возводить его к древнему слою Введения из свода 1072 г., по мнению исследователей (см. обзор в [Гиппиус 2006: 85—88]), как уже говорилось, нет оснований.

Добавлениями составителя ПВЛ к тексту Начального свода являются также Сказание о славянской грамоте (под 898 г.) и рассказ о четвертой мести Ольги (под 946 г.) [Шахматов 1908: 108—110; Гиппиус 2001: 155—156; 2006: 87] — в НПЛмл, отражающей Начальный свод, они отсутствуют. В этих рассказах по версии Лавр. (= Троиц.) списков представлены *-ыва-*-имперфективы *съставлявати*, *привазывати*, *обертывати*, *поверзывати*; большинство из них читается и в Р.А. списках (исключением в двух случаях оказывается только А. список, где в одном случае вместо *съставлявати* читается, как и в Ипат. летописи, *съставляти*, а во втором — в соответствии с *поверзывающе* другой *-ыва-*-имперфектив — *перевязывающе* — явно вторичное чтение). Совпадение этих контекстов дает все основания возводить их ко времени составления 1-ой редакции ПВЛ. В отражающей же 2-ую редакцию ПВЛ Ипат. летописи имперфектив на *-ыва-* сохранен только в одном из этих четырех случаев, в то время как в остальных трех заменен имперфективом на *-а-*, ср.:

*Сима же пришедъшема. начаста съставлявати писмена азъ//буковъ-нака Словѣньски. и преложиста Анп^сль и Еу^л (898 г., Лавр., л. 9—9 об. — А. *съставляти*, Ипат.: ... на//часта съставляти писмена Азъбуковнака Словенъски, л. 11);*

... и повелѣ [къ] комуждо голуби и къ воробьеви привязывати чѣрь. обертывающе въ платки малы ни/тѣкою поверзывающе (946 г., Лавр., л. 16 об.—17 — ср. Ипат.: ... привязати чѣрь. и обѣртываючи в платкы м^алы нитѣкою. повѣрзаючи, л. 23 об.).

Третий по порядку следования в тексте ПВЛ имперфектив на *-ыва-* читается в Лавр. (=Р.) списках в рассказе о победоносном походе Игоря на греков под 941 г.:

*И всю страну Никомидиискую поплѣнившие и Судь весь пожгоша. и^х же емше овѣхъ растинаху. другиа аки странѣ поставл^ающе. и стрѣлаху въ н.а. изимахуть. опакы руцѣ связывахуть. гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть ихъ. много же стѣхъ црквиши огнемъ (А. огневи) предаша. манастырѣ и села пожгоша. и имѣнья немало [ѿ]обою страну вз^а (941 г., Лавр., л. 10 — А. связаху). В редакции Ипат. летописи здесь читается перфектив *связати*, ср.: ... другиа же сторожи поставляюще стрѣлами растрѣлаху и изломлаху опакы руцѣ связавше. и гвозды желѣзныи посредѣ головъ въбивахуть има. много же и стѣхъ црквиши огневи предаша и имѣнье немало обою сторону взаша (941 г., Ипат., л. 17 об.).*

Этот фрагмент, описывающий жестокости руси в завоеванных греческих областях, является вставкой из Хронографа, введенной составителем Начального свода 90-х гг. XI в. [Шахматов 1908: 98—99; Гиппиус 2006: 78, 85]. При этом в Начальном своде, отраженном в НПЛмл, это хронографическое описание жестокостей русских завоевателей помещено под 920 г., где рассказывается о походе Олега на Царьград при царе Романе, причем читается там имперфектив на *-а-*, ср.: *И приплыша ко Цесарюграду, и много зла створиша Русь: Суд бо весь пожгоша огнемъ, а ихъже емше плѣнники, овѣхъ растинаху, инья же къ землѣ посѣкаху, другиа же поставляюще стрѣлами стрѣлаху, елико же ратниши творя(т), изломяще опакы руцѣ и связавше, гвозды желѣзныи посрѣде главъ вбивающе, и многыи церкви огневи предаша (920 г., НПЛмл, л. 30 об.).* ПВЛ в этой части опирается на Начальный свод, но при этом хронология походов Руси на Царьград оказывается смещенной из-за неверно вычисленной даты воцарения Михаила III [Гиппиус 2006: 85]. В НПЛмл текст этого фрагмента явно более исправен, чем в Лавр., но при этом *-ыва-*имперфектива там нет — судя по всему, имперфектив *связывахуть* возник в этом контексте именно под пером составителя 1-ой редакции ПВЛ, редакция же Ипат. летописи скорее всего исходит из чтения, отраженного в НПЛмл, с заменой *опакы руцѣ связавше* на *опакы руцѣ связавше*.

Интересно, что это восходящее к Хронографу описание жестокостей завоевателей воспроизводится и в последующей летописной традиции, причем, как и в 1-й редакции ПВЛ, с имперфективом на *-ыва-* — ср. в рассказе о взятии татарами Рязани под 1237 г. в СЛ: ... и до Проньска. поплѣнившие Рязань весь пожгоша и княза ихъ оубиша. ихъже емше. овѣ растинахуть. другиа же стрѣлами растрѣлаху в н.а. а ини опакы руцѣ связавше

вахуть. много же стхъ ѿрки огневи предаша. и монастырь и села пожгоша (СЛ, 1237 г., л. 159 об. — см. [Шевелева 2013: 229—230]¹).

Еще один имперфектив на *-ыва-* читается в Лавр. летописи в тексте договора Игоря с греками 945 г.: *и ѿ тѣхъ наволокъ аще кто крьнетъ* (Р.А. *купить*) *да показываетъ ѿрву мужу. и то е запечатаетъ и дастъ имъ* (945 г., Лавр., л. 12 — Р.А. *показует*). В Радз. и Акад. списках читается форма *показует* от основы на *-ова-* *показовати* — чтение, очевидно, вторичное, поскольку имперфективы на *-ова-/-уј-* в ранней вост.-слав. письменности редки и уже тогда имели книжную маркированность [Шевелева 2010: 208, 222], в XV в. со вторым южнославянским влиянием они активизируются как специфически книжные образования. Обратим также внимание, что в Р.А. списках в этом контексте вместо архаичного *крънетъ* читается явно вторичное *купить* (как и в Ипат. летописи, см. ниже).

В редакции Ипат. летописи мы находим в данном контексте имперфектив на *-а-*, а не на *-ыва-*, ср.: *и ѿ тѣхъ наволокъ аще кто купить. да показаетъ ѿрву мужеве. и тѣ на запечатаетъ и дастъ имъ* (Ипат., л. 19 об.).

Договоры русских князей с греками, по общему мнению, вставлены в текст летописи составителем ПВЛ [Шахматов 1908: 12; 1916: XXIV; Истрин 1925; Обнорский 1936; Якубинский 1953: 89—91; Хабургаев 1994: 135—136, Успенский 2002: 39—40 и др.]. В тексте Начального свода они отсутствовали (см. отсутствие соответствующего чтения в НПЛмл). Наиболее вероятно, что именно Лавр. летопись сохраняет исконный для ПВЛ вариант рассматриваемой статьи — с древним глаголом *крънетъ*, замененным во 2-ой редакции ПВЛ на *купить*, и, очевидно, с имперфективом *показываетъ*. Есть основания возводить его к тексту составителя 1-ой редакции ПВЛ (ср. также другие употребления имперфектива *показывати* под 986, 1019 и 1100 гг. — см. Таблицу 1, см. об этом ниже), однако читался ли он в первоначальном тексте самого договора, которым располагал составитель ПВЛ, или представляет редактуру составителя — неясно.

Еще один пример имперфектива *показывати* читается в статье 986 г. в следующем после «Речи Философа» рассказе о диалоге Владимира с Философом — в самом его конце:

и се рекъ показа Володи/меру запону. на неуже бѣ напи^ѣно судище Г^ѣне. показываше ему одесну прѣдныа в весельи прѣдъидуца въ раи. а ошююю грѣшники идуца в муку (986 г., Лавр., л. 36—36 об. = Радз.). В Ипат. списке в этом месте утрачен лист, однако в Хлебн. и Погод. списках то же чтение *показываше*, что и в Лавр. (= Радз.), что позволяет предполагать, что этот имперфектив читался в обеих редакциях ПВЛ.

Заключительная часть «Речи Философа» не входила в древнейший слой этого текста, включенного в состав летописи тоже не на самом первичном

¹ На воспроизведение в этом описании СЛ фрагмента из ПВЛ указал мне А. А. Гиппиус.

этапе [Гиппиус 2001: 167—168, 171]², однако в Начальном своде этот диалог Владимира с Философом уже был, при этом в отражающей Начальный свод НПЛмл в соответствующем контексте читается имперфектив не на *-ыва-*, а на *-а-*: *И се рекъ, показа ему запону, на неуже написано судище господне; и показаше* (А.Т. *показаша*) *ему одесную праведныя в веселии предъиду//ща в раи, а ошюю грѣшником мука вѣчная* (986 г., НПЛмл, л. 59 об.—60)³.

Имперфектив *показывати*, по всей видимости, введен здесь составителем ПВЛ.

Таким образом, все рассмотренные выше примеры с имперфективами на *-ыва-/-ива-* возводятся ко времени составления ПВЛ — и ни один из них не читается в Начальном своде и не может быть с достаточными основаниями возведен к предшествовавшим ему сводам XI в. или более ранним текстам.

2.2. Первый пример *-ива-*имперфектива в НПЛмл обнаруживается под 980 г. — в самом начале рассказа о походе Владимира против Ярополка на Киев и его последующем вокняжении в Киеве. То же самое чтение представлено и во всех остальных старейших списках ПВЛ, ср.: *И прииде Володимиръ съ Варягы к Новугороду и рече посадником Ярополчимъ: «идѣте къ брату моему и тако рцѣте ему: идет Володимиръ на тя, пристраиваюся противу на бои»* (980 г., НПЛмл, л. 42) — Лавр.: ... *идѣте къ брату моему и рцѣте ему. Володимиръ ти иде[тъ]на т.а. пристра[и]ваюса* (Р.А. *пристраиваюся*) *противу битъса* (980 г., л. 23 об.⁴); Ипат.: *Володимиръ идетъ на т.а. пристраиваюса* (Х.П. *пристроиваюса*) *противу битса* (980 г., л. 30).

Перед нами первый случай, где *-ива-*имперфектив (*пристраиваюса*) можно с уверенностью признать читавшимся уже в тексте Начального сво-

² Обратим внимание, что именно в этом контексте представлена конструкция с причастием прошедшего времени *рекъ* от глагола *речи*, являющаяся, как установил А. А. Гиппиус, маркером вторичных добавлений к первоначальному «ядру» в составе ПВЛ [Гиппиус 2001: 166—168; 2012: 54].

³ В А. и Т. списках НПЛмл вместо *показаше* находим *показаша* — чтение, видимо, вторичное, порожденное переосмыслением *-а-*имперфектива *показати* как омонимичного ему перфектива *показати*_{св} ‘показать’, ср. аналогичное переосмысление при замене *связающе* на *связавше* в Ипат. (см. выше) — об омонимии имперфективов на *-а-* и соответствующих перфективов см. [Кукушкина, Шевелева 1991: 43—44].

⁴ В Лавр. списке в этом примере, как и в нескольких примерах из КЛ и ГВЛ по Ипат. списку, данный глагол представлен с отражением фонетической, видимо, утраты *-и-* в суффиксе *-ива-* (*-ајива->-ајва->-а(ј)ва-*): *пристраиваюса* Лавр., 980 г., л. 23 об. — ср. в Ипат.: *нача пристравати са* (Х.П. *пристроиватиса*) ГВЛ, 1264 г., л. 287 об.; *а самъ пристраваяюса* (Х. *пристроиваяюся*) ГВЛ, 1289 г., л. 305 об. и др., в некоторых случаях буква *-и-* подписана сверху, т. е. отражена правка на *-ива-*: *начаша са пристра^ивати князи Роусѣи* (Х.П. *пристроивати*) ГВЛ, 1274 г., л. 290 и др. (см. [Шевелева 2010: 220]).

да 90-х гг. XI в. и оттуда перешедшим в ПВЛ. При этом вполне правомерен вопрос, не восходит ли это чтение к более раннему времени — к предшественникам Начального свода. Рассказ о вокняжении Владимира на киевском столе очень архаичен — он входил, по мнению исследователей, в состав первоначального «ядра» ПВЛ (см. [Гиппиус 2001: 171]). Обратим внимание на характерное для всего этого рассказа введение прямой речи формами *рече* (многократно) и *рѣша* (л. 25), отсутствие нового аориста типа *рекоша*, причастий типа *рекъ*, *рекъши* и других маркеров вторичных вставок (см. об этих лингвистических признаках [Гиппиус 2001; 2012: 54]). Таким образом, вполне вероятно, что этот контекст в статье 980 г. с имперфективом *пристраиваиса* восходит к более раннему, чем Начальный свод, XI в.

Этот пример с имперфективом на *-ива-* оказывается, видимо, старейшим примером *-ива-*-глагола в ПВЛ.

Помимо данного примера в тексте ПВЛ по НПЛмл обнаруживаются только 2 случая имперфективов на *-ыва-/-ива-*. Следующий после рассмотренного примера 980 г. — в обличении латинской веры в статье 988 г.:

На первомъ сборѣ, еже на Ария, в Никии, от Рима прииде Селивестръ, посла прозвуте//ры. епископы от Александрѣя Афанаси, а от Цесаряграда Митрофанъ посла епископы от себе; и тако исправливаху вѣру (988 г., НПЛмл, л. 64 об.—65).

При этом и в Лавр., и в Ипат. списках ПВЛ читается *такое исправлаху вѣру* (Лавр., л. 40 = Ипат., л. 43 об.) — имперфектив на *-а-*, — хотя в Р. и А. списках лаврентьевской группы обнаруживается то же чтение, что и в НПЛмл: *и тако исправливаху вѣру*. По всей видимости, *-ива-*-имперфектив *исправливаху* восходит здесь к отраженному в НПЛмл Начальному своду конца XI в. Именно к этому своду 90-х гг., известному своей антилатинской направленностью (см. об этом [Гиппиус 2012: 55] и др.), восходит весь рассказ о церковных соборах и обличении «латынства» в статье 988 г. о крещении Владимира. Обратим также внимание на то, что в НПЛ вообще *-ива-*-имперфективы чрезвычайно редки — как в части ПВЛ (как мы уже говорили, всего 3 случая), так и в следующей за ней собственно Новгородской летописи, причем столь же редки они и в старшем изводе Новгородского владычного свода (см. выше, см. об этом [Шевелева 2013: 210—215]). Есть все основания предполагать, что для новгородских летописцев эти образования были связаны прежде всего с киевской летописной традицией с характерными для нее стереотипами — были чертой «киевского языка» [Там же]. Поэтому появление в ПВЛ по НПЛмл имперфектива на *-ива-* следует связывать именно с киевским Начальным сводом кон. XI в. Замена *исправливаху* на *исправлаху*, отраженная в Лавр. и Ипат., может принадлежать как составителю ПВЛ (для киевского диалекта XII в. как мы уже говорили, была характерна свободная вариативность *-ыва-/-а-* моделей имперфективации — см. выше), так и более поздним переписчикам текста 1-й редакции ПВЛ. Сохранение совпадающего с НПЛмл чтения с

имперфективом на *-ива-* (а также с сохраненным союзом *и* перед *тако*, отсутствующим в Лавр.) в более поздних Р.А. списках 1-й редакции ПВЛ делает последнее предположение даже более вероятным.

Последний пример *-ыва-*глагола в ПВЛ по версии НПЛМл обнаруживается в самом конце восходящей к Начальному своду части летописи — под 1074 г. в рассказе о кончине Феодосия Печерского. Этот имперфектив *наказывати* читается в данном контексте во всех старших списках ПВЛ, при этом в версии Ипат. летописи наряду с ним появляется еще *-ива-*имперфектив *оутѣшивати*, ср.:

... и образъ показати собою въздержаниемъ и бдѣниемъ, и хождениемъ и смирениемъ; и тако наказывати меншая, и наказати, и утѣшати я, и тако проводити пост (1074 г., НПЛМл, л. 96 об. — в списках А.Т. *наказовати*),

так же в Лавр., где контекст в целом, видимо, сохранен лучше, ср.: ... и обра^ѣ бывати собою въздержанье^и и бдѣнемь. хоженье^и и смѣренье^и. тако наказывати менша (А. *меншая*, Р. *меншия*) и оутѣшати я. и тако проводити постъ (1074 г., Лавр., л. 62 — нет явно избыточного и *наказати* НПЛМл), *-ыва-*имперфектив читается во всех списках Лавр. группы —

ср. в Ипат.: ... образъ бывати собою въздержаниемъ и бдѣнемь. и хоженемь смиренемь (Х.П. *смирением*). и тако наказывати. и мѣншаа оутѣшивати (Х.П. *оутѣшати*) я. и тако проводити постъ (1074 г., Ипат., л. 68).

Как отмечали исследователи, текст НПЛМл на данном участке (с 6553 по 6582 г., куда входит рассматриваемое чтение 1074 (6582) г.) восходит, очевидно, не к Начальному своду конца XI в., а к первой редакции (оригиналу) ПВЛ, которой он практически идентичен [ср. Алешковский 1971: 31, где допускается и более поздняя атрибуция этого фрагмента; Гиппиус 2007: 25—26 и др.]. Соответственно, читающийся во всех старших списках имперфектив *наказывати* может быть возведен к 1-ой редакции ПВЛ, *оутѣшивати* же введен составителем 2-й редакции 1117 г. или одним из ее переписчиков (ср. употребительность глагола *оутѣшивати* в сходных контекстах «некрологов» в КЛ: ... и любовь имаше ко всимъ. паче же мл^ѣтни прилежааше. монастырь набда чѣрныѣ оутѣшиваю и всѣ игоумены оутѣшиваю КЛ, 1179 г., л. 215, похвала князю Мстиславу; монастыря набда и черныци оутѣшиваю КЛ, 1197 г., л. 241 об., похвала князю Давиду Смоленскому; ср. в рассказе о игумене Печерского монастыря Поликарпе: и тако оучрь//жаше всю бра^ию. а в Лазореву субботу. вси Печераны взимаше и по вси^и монастыре^и зваше. а во ины дни въ сре^{дѣ} и в па^{мѣ}къ оутѣшиваше бра^ию Печерскую КЛ, 1168 г., л. 189 об.).

Таким образом, из трех случаев *-ыва-*имперфективов в ПВЛ по НПЛМл один может с высокой степенью вероятности восходить к первоначальному «ядру» ПВЛ, второй — к Начальному своду конца XI в., а последний в статье 1074 г. скорее всего восходит к первой редакции ПВЛ. Как мы видим, только два примера могут быть возведены к предшествующим ПВЛ сводам XI в., однако наличие имперфективов на *-ыва-/ива-* в составе этих сводов XI в. данные примеры тем не менее явно доказывают.

2.3. Оставшиеся примеры *-ыва-*имперфективов читаются в списках либо Лавр., либо Ипат. групп. Совпадающее чтение всего одно под 1100 г. — в известном рассказе о явлении огненных столпов в Печерском монастыре и рассуждении об ангелах, которым завершается текст ПВЛ 1-й редакции (версии списков Лавр. группы):

... не мощно бо зрѣти члѣкмъ. естъства анѣльскаго. како и Моси великыи не возможе видѣти анѣлкаго естъства. водашетъ бо на въ днь столпъ облаченъ. а в ноци столпъ огнень. то се не столпъ водаше ихъ но анѣль идаше пре^д ними в ноци и въ дне. тако и се явленье нѣкоторое показываше. емуже бо быти (1110 г., Лавр., л. 96 — так же в Ипат., л. 98). Как отмечалось исследователями, этот рассказ в статьях 1110—1111 гг. (в Лавр. обрывается в статье 1110 г. перед завершающей ПВЛ записью Сильвестра) содержит разные текстологические пласты, при этом данный контекст входит во фрагмент текста, атрибутируемый составителю ПВЛ (см.: [Гиппиус 2008: 13—19] — по А. А. Гиппиусу, фрагмент В). Есть все основания возводить чтение с имперфективом *показываше* к 1-ой редакции ПВЛ.

Из прочих (несовпадающих) примеров два мы находим в версии Лавр. летописи. Первый — в «Повести об ослеплении Василька Теробовльскаго» (под 1097 г.):

... моли^м са княже тобѣ и братама твоима. не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. аще бо възмете рать межю собою. // погании имуть радоватиса. и возмутъ землю нашу иже бѣша стажали оѣци ваши и дѣди ваши. трудо^м велики^м и храбрѣствомъ. побарающа (Р. побарающе) по Русьскыи земли. ины земли приискываху. а вы хочете погубити землю Русьскую (1097 г., Лавр., л. 88 об.—89) — ср. в Ипат.: ... ины земли приискаху. а вы хочете погубити Русьскую землю (1097 г., л. 90 об.).

Как уже давно отмечалось исследователями, текст «Повести об ослеплении Василька» тоже «многослоен» (см. об этом [Гиппиус 2005; 2008: 6—12]): первоначальная основа восходит к Киево-Печерской погодной летописи, продолжившей Начальный свод нач. 90-х гг., дополнения сделаны составителем ПВЛ, редактору же 1117 г. (2-я редакция ПВЛ) принадлежит перестановка фрагментов рассказа и вставка панегирика Мономаху [Там же]. Рассматриваемый контекст, читающийся в списках Лавр. группы с глаголом *приискываху*, по мнению исследователей, принадлежит составителю ПВЛ — «второму слою» текста (по А. А. Гиппиусу, фрагмент С — см. [Гиппиус 2005: 15—16; 2008: 9—12]). Заметим также, что этот контекст развернутой прямой речи с характерной для ПВЛ и киевских воинских повестей риторикой, фразеологией и устойчивыми стереотипами очень хорошо соответствует летописной манере составителя ПВЛ (ср., например, не раз встречающееся в ПВЛ *хочете (-мъ, -ть) погубити: не верема веснѣ воевати. хочем погубити смерды и ролью имъ ПВЛ, 1103 г., Ипат., л. 95; *хочеть погубити смерды* ПВЛ, 1111 г., Ипат., л. 99 и др.). Таким образом, данный пример с имперфективом на *-ыва-* можно атрибутировать составителю ПВЛ.*

Второй не совпадающий с версией Ипат. летописи пример читается только в Лавр. списке — под 1108 г. в рассказе о событиях в Киево-Печерском монастыре (завершении строительства трапезной, установлении поминовения Феодосию Печерскому и др.):

В се^м же лѣ^т вложи Бѣ в сер^дце Феоклісту игумену Печерьскому. и нача възвѣщати князю Стополку. дабы вписалъ Феодосѣя в сѣнаникъ. и радъ быѣвъ обѣщася и створи. повелѣ митрополиту вписати в синодикъ. и повелѣ вписывати (Р.А. писати) по все^м еп^скпамъ и вси же еп^спи с радостью вписаши (1108 г., Лавр., л. 95).

Запись эта, видимо, восходит к Печерской погодной летописи, но при этом в версии Ипат. летописи, где нет имперфектива на *-ыва-*, она представлена в более подробном варианте, ср.: *Того же лѣта вложи Бѣ въ ср^дце анхимандриту игумену Печерьскому. нача понужати Феоклість Стополка кнѣзѣ. вписати Феодосѣя в синаникъ. боу тако изволюю. Стополкъ же радъ бы^ѣ вообѣщася створити се. и се вѣды житье его. и нача Стополкъ оувѣщати житье Феодосѣево. и велѣ и вписати в сѣнаникъ. еже створи митрополитъ вписа его в сѣнаникъ. повелѣ же митрополитъ по все^м епискупьямъ вписати Феодосѣя в сѣнаникъ. вси же еппи с радостью вписаши (1108 г., Ипат., л. 97 об.)* — в Лавр. отсутствует весь фрагмент «*митрополитъ вписа его в сѣнаникъ. повелѣ же митрополитъ*» (в Лавр. на месте его читается сразу: ... *и повелѣ вписывати по все^м еп^скпамъ* — см. выше). Вряд ли имперфектив *вписывати*, читающийся только в Лавр. списке, восходит к первоначальному тексту этой погодной записи, лучше сохраненной, видимо, в Ипат. летописи — скорее он был введен составителем ПВЛ или каким-то переписчиком ее 1-й редакции.

В нескольких случаях *-ыва-*имперфектив мы находим в версии Ипат. летописи при его отсутствии в версии Лавр. летописи. Помимо рассмотренного выше глагола *оутѣшивати* под 1074 г. (см. 2.2.) в Ипат. представлено еще 4 примера имперфективов на *-ыва-/ива-*, отсутствующих в Лавр. Самый старший из них — под 996 г. в рассказе о пирах Владимира, следующие — под 1019, 1097 и 1114 гг. Большая часть этих примеров, видимо, принадлежит 2-й редакции ПВЛ.

Так, пример 996 г. входит в древнейшую часть ПВЛ, однако он не читается ни в списках Лавр. группы, ни в НПЛмл, ср.: ... *повеле оустроити кола. и въскладываше хлѣбы маса рыбы. и овоць разноличьнии. и медъ в б^чкахъ. а въ другыхъ квасы возити по градомъ. въпрашающе кде болнии ници не могы ходити и тѣмъ раздаваху на потребу (996 г., Ипат., л. 47 — Х.П. *въскладаше*)* — ср. в Лавр.: ... *повелѣ пристроити кола [и] въскладше (Р.А. *въскладъ*) хлѣбы. маса. рыбы овоць разноличьнии медъ въ б^челка^х. а въ други^х квась возити по городу...* (996 г., л. 43 об.); НПЛмл: ... *накладше хлѣбъ и мясь, рыбъ, овоць различныхъ* (л. 73 об.). По всей видимости, в первоначальном тексте, восходящем к Начальному своду, читалось причастие *накладше* или *въскладше*, в 1-й редакции ПВЛ — *въскладше*, которое составитель 2-й редакции ПВЛ трансформирует в имперфект. Он ли

ввел здесь имперфектив на *-ыва-* *въскладываше* или кто-то из последующих переписчиков, а изначально во 2-й редакции читалось представленное в X. и П. списках *въскладаше* с имперфективом на *-а-*, неясно (последнее, впрочем, даже более вероятно).

В следующем примере из рассказа о гибели Святополка Окаянного под 1019 г. «разнобой» внутри списков Лавр. и Ипат. групп оказывается еще более значительным. Имперфектив на *-ыва-* *показываше* здесь читается только в Ипат. списке и Радз. списке лаврентьевской группы при имперфективе на *-ова-* в Хлебн. и Погод. списках ипатьевской группы и в Лавр. летописи (в НПЛмл соответствующий текст отсутствует):

... по ѿшествиу сего свѣта. приаша муки сего ѡканьнаго Сѣтополка. показываше (X.П. показоваше) *кавъ посланака пагубнака рана въ смѣрть немлѣтно въгна. и по смѣрти вѣчно мучимъ естъ* (1019 г., Ипат., л. 54 об.) — ср.: ... показоваше *кавъ посланака пагубнака рана въ смѣрть немлѣстивно въгна* (1019 г., Лавр., л. 49 об. — Р. показываше, А. показаваше).

Как указал мне А. А. Гиппиус, это описание смерти Святополка представляет собой испорченную цитату из Хроники Георгия Амартола, в оригинале которой имперфектива на *-ыва-* нет⁵ — читается причастие от основы СВ на *-а-*, ср. в описании смерти Ирода: ... по ѿшествиу сего свѣта приаша моукы ѡканьна² показавше (в др. списках показавша) *кавъ образъ. абѣ приатъ сего ѡ ба послана рана пагоубнака въ смѣрть немлѣтивно въгна* [Истрин 1920: 215—216]. Как и в предыдущем примере, причастие прошедшего времени здесь заменяется в ПВЛ на имперфект от основы НСВ. При этом чтение с имперфективом на *-ыва-* Ипат. и Радз. списков противопоставлено чтениям Лавр. и Хлебн.: такое соотношение чтений списков лаврентьевской и ипатьевской версий ПВЛ (ЛХ//ИР) более всего, кажется, соответствует гипотезе о влиянии на Радзивилловскую летопись протографа самой Ипатьевской летописи, уже отделившегося от Хлебн. (см. [Вилкул 2004: 180; Гиппиус, в печати] — см. выше 2.1.). В таком случае *-ыва-* имперфектив *показываше* в этом контексте может восходить ко времени составления Киевского свода 1198 г. или даже свода конца XIII в., объединившего КЛ и ГВЛ, однако исключать возможность появления этого имперфектива во 2-й редакции ПВЛ 1117 г. все-таки нельзя — ср. употребительность глагола *показывати* в чтениях ПВЛ, восходящих к 1-й редакции 1114—1115 гг., и свободную вариативность суффиксов имперфективации в обеих редакциях ПВЛ 10-х гг. XII в. (см. выше).

Еще один пример обнаруживается в «Повести об ослеплении Василька Теремовльского» (ср. выше об имперфективе на *-ыва-* *приискываху* в той же «Повести» по Лавр. летописи при отсутствии его в списках Ипат. группы). Как уже говорилось, в этом тексте выделяются три текстологических «слоя» (см. выше). Данный фрагмент принадлежит древнейшему слою

⁵ Приношу глубокую благодарность А. А. Гиппиусу за важные текстологические замечания, учтенные при подготовке окончательного варианта данной статьи.

«Повести», восходящему к Печерской летописи конца XI в. (по А. А. Гиппиусу, фрагмент В [Гиппиус 2005: 15—16; 2008: 9]): *Дѣдъ же се въвѣдавъ нача поостривати на ослѣпленье. аще ли сего не створиши. и его пустиши. тѣ ни тобѣ княжити ни мнѣ* (1097 г., Ипат., л. 89) — ср. в Лавр.: ... *оувѣдѣ же [се — из Р.А. списков] Дѣдъ нача пощати на ослѣпленье. аще ли сего не створиши а пустиши и. то ни тобѣ княжи[ти] (-ти из Ипат. и Хлебн.) ни мнѣ* (1097 г., Лавр., л. 87 об.), при этом в Радз. и Акад. списках читается, как и в Ипат., *нача поостривати*. Текст этого пассажа, как мы видим, в Лавр. списке имеет ряд дефектов, тогда как в Ипат. он вполне сохранен, при этом только в Лавр. *поостривати* заменен на *-а-имперфектив* от другой основы *пощати* — в Р.А. списках лаврентьевской группы этот *-ыва-имперфектив* сохранён, т. е. чтение Лавр. без *-ыва-* глагола оказывается противопоставленным остальным спискам обеих групп (Л//РАИХ). При таком соотношении и с учетом дефектов Лавр. списка в этом контексте более вероятно, что чтение *нача поостривати* здесь первично, а значит восходит к тексту печерского летописца конца XI в. (об авторе первоначального рассказа об ослеплении Василька и его литературной манере см. [Гиппиус 2005: 16]). Заметим в связи с этим, что *-ыва-* имперфектив здесь хорошо соответствует стилистике киевских летописных повестей, ср. в КЛ: *Тогда же Изаславъ нача понуживати зачати рать на Гюрьга* (КЛ, 1155 г., л. 172); *и ту начаста скупливати дружину* (КЛ, 1154 г., л. 169 об.) и др.; ср. также *-ыва-*имперфектив *поощивати*, вариантное образование к которому на *-а-* *пощати* читается в Лавр. в нашем контексте: *Галичане велаче ему всѣсти на конѣ. и тѣмъ словомъ поощиваютъ его к собѣ. рекуче толико кави^и стагы. и мы ѿступимъ ѿ Юрослава* (КЛ, 1159 г., л. 179).

Таким образом, какие-то из этих примеров, читающихся в Ипат. летописи при их отсутствии в Лавр., с наибольшей вероятностью восходят ко 2-й редакции ПВЛ или даже более раннему времени, где-то *-ыва-* глагол мог быть внесен как составителем 2-й редакции, так и ее переписчиком, а возможно, где-то и составителями более поздних южнорусских сводов XII—XIII вв. — в любом случае большинство этих примеров относится, по всей видимости, ко времени конца XI — первой половины XII в.

Последний пример имперфектива на *-ыва-* в версии Ипат. летописи, несомненно, принадлежит составителю 2-й редакции ПВЛ — имперфектив читается в рассказе летописца о своей поездке в Ладогу под 1114 г. (в 1-й редакции ПВЛ, представленной в Лавр., текст ПВЛ заканчивается статьей 1110 г.):

Пришедю ми в Ладогу повѣдаша ми Ладожане. како сдѣ есть егда будетъ туча велика нахо^отъ (Х.П. беру^м) дѣти наши глазкы стекланыи и малыи великыи провертаны. а дрыа (Х.П. другые) подлѣ Волховѣ берутъ. еже выполоскываетъ вода ѿ нихъ же взахъ боле ста (1114 г., Ипат., л. 104).

Этот имперфектив *выполоскываетъ* читается во всех списках Ипат. группы и несомненно принадлежит исконному тексту 2-й редакции ПВЛ.

2.4. Подведем некоторые итоги.

Представленные в старших списках ПВЛ имперфективы на *-ыва-/-ива-*, несмотря на значительное число разночтений, в большинстве своем могут быть возведены к периоду конца XI — начала XII в.

Большая их часть, видимо, принадлежит составителю ПВЛ. Им введены, очевидно, *-ыва-*глаголы в добавленных при составлении ПВЛ рассказах: об обычаях и нравах восточнославянских племен (*оумыкиваху* Введ., Лавр., л. 5), о создании славянской грамоты (*съставлявати* 898 г., Лавр., л. 9), о четвертой мести Ольги (*привазывати, обертывающе, поверзывающе* 946 г., Лавр., л. 16 об.—17). Составителем ПВЛ введены, видимо, имперфективы на *-ыва-/-ива-* и в некоторых рассказах, перешедших из Начального свода 90-х гг. XI в., но читавшихся там с другими образованиями: в рассказе о походе Игоря на греков под 941 г. (*съвазывахуть* 941 г., Лавр., л. 10), в заключительной части «Речи Философа» (*показываше* 986 г., Лавр., л. 36 об.). Скорее всего, составителю ПВЛ принадлежит и *-ыва-*имперфектив в тексте договора Игоря с греками 945 г. (*показывает* 945 г., Лавр., л. 12), хотя не исключено, что он восходит и к более раннему времени. В поздней части ПВЛ ее составителю атрибутируются *-ыва-*имперфективы в «Повести об ослеплении Василька Тербовльского» (*приискываху* 1097 г., Лавр., л. 89), в рассуждении об ангелах (*показываше* 1110 г., Лавр., л. 96 = Ипат., л. 98), в рассказе о Феодосии Печерском под 1074 г. (*наказывати* 1074 г., Лавр., л. 62 = НПЛмл, л. 96 об. = Ипат., л. 68) и, возможно, в сообщении об установлении памяти Феодосию Печерскому (*вписывати* 1108 г., Лавр., л. 95).

Несколько имперфективов на *-ыва-/-ива-* могут быть возведены к предшествующим составлению ПВЛ этапам формирования её текста — к XI в. Один пример есть все основания возводить к первоначальному «ядру» ПВЛ, т. е. датировать не позднее середины XI в. — это *-ыва-*глагол в рассказе о вокняжении Владимира в Киеве под 980 г. (*пристраиваиса* 980 г., НПЛмл, л. 42 = Лавр., л. 23 об. = Ипат., л. 30).

По всей видимости, к Начальному своду начала 90-х гг. XI в. восходит имперфектив на *-ива-* в обличении латинской веры под 988 г. (*исправливаху* 988 г., НПЛмл, л. 65).

К концу XI в., видимо, восходит *-ыва-*глагол в древнейшей части «Повести об ослеплении Василька Тербовльского» (*посоштивати* 1097 г., Ипат., л. 89).

Некоторые имперфективы на *-ыва-/-ива-* введены, по всей видимости, составителем 2-й редакции ПВЛ 1117 г. К ним относятся, возможно, *-ыва-*глаголы в восходящем к Начальному своду рассказе о пирах Владимира в Киеве (*вскладываше* 996 г., Ипат., л. 47) и в рассказе о гибели Святополка Окаянного (*показываше* 1019 г., Ипат., л. 49 об. = Радз.). Несомненно составителю 2-й редакции ПВЛ атрибутируется второй *-ыва-*имперфектив в рассказе о Феодосии Печерском под 1074 г. (*оутъшивати* 1074 г., Ипат., л. 68) и имперфектив в рассказе летописца о собственной поездке в Ладогу под 1114 г. (*выполоскывает* 1114 г., Ипат., л. 104).

Таким образом, данные исследованных списков ПВЛ показывают, что модель имперфективации на *-ыва-/-ива-* уже использовалась киевскими летописцами XI в. — и даже, вероятно, создателями первоначального «ядра» ПВЛ, т. е. в первой половине XI в. (!), — при этом в конце XI — начале XII в., т. е. ко времени составления Начального свода нач. 90-х гг. XI в. и особенно собственно ПВЛ в 10-х гг. XII в., употребительность *-ыва-* модели возрастает. В начале XII в. эта модель имперфективации в Киеве уже, очевидно, была продуктивна. Частые колебания *-ыва-//-а-* образований по спискам Лавр. ⇔ Ипат. групп отражают, по всей видимости, реальную вариативность этих моделей имперфективации в киевской диалектной системе начала XII в. — подобная вариативность фиксируется и по данным КЛ XII в., несомненно свидетельствующей о продуктивности *-ыва-* модели имперфективации в диалектной зоне Киева в XII в. (см. [Шевелева 2010: 204—212, 239]). Сравнительно с КЛ употребительность *-ыва-* модели в ПВЛ оказывается меньшей, но при этом ко времени составления ПВЛ в начале XII в. она растет.

3. Постскрипtum: о Повести временных лет и Поучении Владимира Мономаха

Показательными в связи с результатами исследования ПВЛ оказываются данные Поучения Владимира Мономаха (ПВМ), дошедшего до нас в составе Лавр. списка ПВЛ (под 1096 г.).

ПВМ, как известно, представляет собой некий комплекс сочинений Мономаха, создание которого проходило несколько этапов. Как показано в новейшем лингвотекстологическом исследовании А. А. Гиппиуса, первые два этапа формирования текста ПВМ могут быть отнесены к рубежу XI—XII вв. (1099—1101 гг.), окончательная редакция полного текста относится к 1117 г. [Гиппиус 2003; 2004; 2006а]. Таким образом, создание этого памятника относится к периоду с последних годов XI в. по 1117 г. — последняя дата синхронна составлению 2-й редакции ПВЛ.

Обращает на себя внимание высокая употребительность имперфективов на *-ыва-/-ива-* в ПВМ — не меньшая, чем в КЛ, и явно превышающая употребительность этих образований в «окружающем» тексте ПВЛ. В ПВМ фиксируется 5 *-ыва-* глаголов на 7 листов текста (ср. в КЛ — 63 примера на 139 листов, в ВЛ — 12 примеров на 25 листов [Шевелева 2010: 217], в ПВЛ, как мы видели, употребительность *-ыва-* имперфективов существенно меньше). При этом три из этих глаголов фиксируются также в КЛ, один — также и в ГВЛ (в приведенном ниже списке отмечены пометами «= КЛ», «= ГВЛ»). Список имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* в ПВМ таков (приведены в алфавитном порядке):

<i>выискывати</i>	<i>да не выискывати было чюжего</i> (л. 84)
<i>нарэживати</i> (= КЛ)	<i>сторожѣ сами нарэживайте</i> (л. 80 об.)

<i>оуправливати</i> (= КЛ)	или люди <i>оуправливати</i> (л. 81)
<i>сваживати</i> (= КЛ, = ГВЛ)	<i>дьяволъ бо... сваживает ны</i> (л. 83 об.)
<i>оуганивати</i>	<i>по сту оуганива[лъ]</i> (л. 82 об.)

Имперфективы на *-ыва-/-ива-* встречаются в разных частях ПВМ, однако в большинстве своем в тех, которые могут быть возведены к старейшим «пластам» памятника.

Так, к исходному тексту дидактической части ПВМ (наставления Мономаха детям, где излагается кодекс поведения князя) относят исследователи контекст с имперфективом *нараживати* — в наставлении о воинском труде (см. [Гиппиус 2003: 73, 78—82, 89]):

На воину вышедъ не лѣнитеса. не зрите на воеводы. ни пѣтью ни ѣдѣню не лагодите ни спанью. и сторожѣ сами нараживайте. и ночь ѡвсюду нарадивше ѡколо вои тоже лазите. а рано встанѣте (ПВМ, л. 80 об.). Этот глагол встречается и в КЛ, ср.: *Михальку же достѣваюцю с братомъ Всеволодомъ. нараживаюци полкы своа поидоша* (КЛ, 1176 г., л. 211 об.).

Описание охотничьих трудов Мономаха («ловов») в автобиографической части ПВМ тоже, несомненно, восходит к древнейшей редакции текста [Гиппиус 2003: 89—90; 2004: 146, 150, 170], ср. контекст с *-ыва-*имперфективом:

А се тружахъ сѧ ловы дѣа. понеже сѣдо^ѣ в Черниговѣ. а и-Щернигова выше^ѣ и д[о се]го лѣта по сту оуганива[лъ] (Би)имь даро^ѣ. всею силою кромѣ иного лова. кромѣ Турова. иже со ѡцмь ловилъ ксѣмь всакъ звѣрь (ПВМ, л. 82 об.)⁶.

Два *-ыва-*имперфектива читаются в Письме Мономаха к Олегу Святославичу, написанном Владимиром Мономахом, видимо, еще ранее — как полагают, в 1096 г. — и вставленном в летописную подборку при её формировании в дошедшем до нас виде в 1117 г. (см. [Гиппиус 2003: 62, 90—92]). Пример с имперфективом *сваживати*:

Но все дьяволе надчене. то бо были рати при оумны^ѣ дѣте^ѣ наши^ѣ. при добры^ѣ и при блѣжныхъ ѡцихъ наши^ѣ. дьяволъ бо не хоче добра роду челоувѣчскому сважива(жива)ет ны (ПВМ, л. 83 об.). Ср. тот же имперфектив в КЛ: ... и тако ѡблоста хр^ѣтъ оу стою мѣнку на гробѣ. на томъ Изславу имѣти ѡцмь Вячеслава. а Вячеславу имѣти сѣмъ Изслава. на томъ же и моужи ею ѡблваша хр^ѣтъ ако межи има добра хотѣти. и

⁶ В рукописи Лавр. прорван пергамен на середине листа, в результате чего утрачены последние буквы в рассматриваемой форме и плохо читаются следующие. Конъектура издателя Лавр. летописи Е. Ф. Карского *оуганива[лъ]* представляется вполне надежной (видеть здесь аорист **оуганива* нет оснований в том числе по грамматическим соображениям: аорист в ранний период не образуется от вторичных имперфективных основ, да и итеративное значение данной формы плохо соответствует значению аориста). Реконструкция А. А. Гиппиуса: *по сту оуганивалъ (Би)имь даро^ѣ* [Гиппиус 2004: 170].

чѣти ею стеречи. а не сваживати ею (КЛ, 1150 г., л. 145); ... *и рѣци има. ю крѣтъ ѡблую к вама. тако лиха на ваю не замысливъ а вы ми выдаита кто ны сваживаетъ* (КЛ, 1170 г., л. 193 об.). Обратим внимание на то, что, как и в письме Мономаха, глагол *сваживати* употреблен здесь в контексте заключения мира, обращения к противоположной стороне с призывом отложить вражду.

Второй пример из того же Письма к Олегу Святославичу — с глаголом *выискывати*:

... *дивно ли оже мужь оумерль в полку ти лѣпше суть измерли и роди наши. да не выискывати было чюжего. ни мене в соромъ ни в печаль ввести* (ПВМ, л. 84). Глагол *выискывати* не встречается в КЛ, однако с другой приставкой мы видели эту имперфективную основу в «Повести об ослеплении Василька Тербовольского» в составе ПВЛ — в той части текста, которая атрибутируется составителю ПВЛ, ср.: ... *землю нашу иже бѣша стажали оѣци ваши и дѣди ваши. трудо^м велики^м и храбрьствомъ. побарающ(е) по Русьскѣи земли. ины земли приискываху. а вы хочете погубити землю Русьскую* (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 89 — см. выше, 2.3.). Контекст употребления этого глагола *приискывати* схож с нашим контекстом употребления *выискывати* (с учетом различия семантики приставок) — перед нами явно сходные текстовые стереотипы.

Один контекст с имперфективом на *-ива-* не входил, вероятно, в текст первоначальной редакции ПВМ — это контекст с глаголом *оправливати*: *Тако похвалю бѣа и сѣдше думати с дружиною. или люди оправливати. или на ловъ ѣхати. или поѣздити. или лечи спати. спанье есть бѣ бѣа присужено полудне* (ПВМ, л. 81). Этот контекст А. А. Гиппиус считает вставленным в окончательной редакции 1117 г., однако, как убедительно показано в [Гиппиус 2003: 83—88, 90], данный отрывок с наставлением об утренней и дневной молитве является частью некоего целостного текста — великопостной «Беседы» Мономаха, разбитой при редактировании 1117 г. на фрагменты и вставленной этими фрагментами внутрь «Поучения». Время составления великопостной «Беседы» с определенностью не устанавливается, однако «[с] большой осторожностью можно предположить, что той же весной 1101 г., когда было создано П2, Мономахом была написана и «Беседа»» [Гиппиус 2003: 91], т. е. не на последнем, а на втором этапе формирования текста ПВМ. Если это так, то все *-ива-*имперфективы в ПВМ оказываются принадлежащими ранним этапам формирования текста на рубеже XI—XII вв., если нет — то абсолютное большинство из них.

Обратим при этом внимание на сходство по употребительности имперфективов на *-ыва-/ива-* ранних частей ПВМ с КЛ — это сходство, как мы видели, проявляется даже на уровне представленности конкретных глаголов. По всей видимости, такое сходство с КЛ объясняется регистровой спецификой ПВМ, менее книжного, чем ПВЛ, и с точки зрения отражения особенностей живого языка (и синтаксических, и морфологических) сближающегося с КЛ.

На близость ПВМ живому древнерусскому языку, отличающую его от «окружающего» текста ПВЛ, давно обращалось внимание исследователей, ср. замечание П. С. Кузнецова: «По языку, в значительной мере близкому к живому древнерусскому, “Поучение” отличается от окружающей летописи» [Кузнецов 1953: 238], см. также [Якубинский 1953: 309—315]. Отмечались и различия в степени насыщенности некнижными элементами разных частей ПВМ: наибольшая близость к живому языку описания охотничьих подвигов Мономаха, что может объясняться спецификой содержания и, соответственно, стилистики данного фрагмента [Якубинский 1953: 314—315], при этом П. Я. Якубинский специально отмечает «такую характернейшую живую древнерусскую форму, как *уганивать* (с суффиксом *-ива-*)» [Там же: 313]⁷.

Именно потому, видимо, *-ыва-*имперфективов оказывается больше в ранних частях ПВМ, что эти части отличаются меньшей книжностью и по типу языка ближе всего к КЛ, в то время как редакторские дополнения 1117 г., часто включающие материал литературных источников, в том числе прямые цитаты, лингвистически имеют некоторые отличия от исходного текста (см. [Гиппиус 2003: 86; 2004: 149 и др.]) и несколько более книжные. Как мы видим, имперфективы на *-ыва-/-ива-* употребляются в первоначальном тексте Владимира Мономаха, созданном на рубеже XI—XII вв.

Особо надо обратить внимание на лингвистическую (в основе своей регистровую) близость ПВМ к КЛ, составленной, как известно, несколько позднее. Сходство языка этих двух памятников проявляется и в других очень показательных признаках. Так, нет необходимости подробно останавливаться на временной системе ПВМ, где широко используется перфект, свободно варьирующийся с аористом, — об этом много писали (см. [Якубинский 1953: 313—315; Кузнецов 1953: 238 и др.]), — и прежде всего в тех же ранних частях ПВМ. Похожая картина (правда, с более определенным распределением аориста / перфекта между нарративом и прямой речью) обнаруживается и в КЛ (см. [Шевелева 2009]). В ПВМ наряду с книжным плюсквамперфектом в исходной автобиографической части встречается форма нового некнижного плюсквамперфекта, причем в архаичном результативном значении [Шевелева 2014], — тоже как и в КЛ (см. [Шевелева 2007; 2009]). Показательно сходство ПВМ с КЛ и по некоторым деликатным синтаксическим признакам. Так, как установил А. А. Гиппиус, исходная часть «летописи путей и ловов» Мономаха отличается от вторичных вставок использованием иных средств синтаксической связи: только в ранней части употребляется редко встречающийся в памятниках некнижный союз *та*, помимо ПВМ систематически представленный только в КЛ (!), причем контексты его использования в КЛ и в ПВМ оказываются поразительно сходны (см. [Гиппиус 2004: 149—150]). Сходство ПВМ и КЛ обнаруживается и в соблюдении характерных для живого древнерусского языка

⁷ Надо сказать, что «русские... образования на *-ыва-*, *-ива-*» в ПВМ указывались и в [Обнорский 1946: 76].

правил расположения энклитик: по этому показательному для характеристики древнерусского текста признаку ПВМ вместе с прямой речью в КЛ, где эти правила выдержаны еще строже, приближаются к некнижным текстам [Зализняк 2004: 63; 2008: 201—205].

Как мы видим, сходство ПВМ с КЛ в употреблении имперфективов на *-ыва-/-ива-* не случайно — оно обусловлено общим сходством языка этих памятников, в значительной степени отражающем черты киевской диалектной системы своего времени. Уже в конце XI в., как свидетельствует ПВМ, формируется литературная традиция такого языкового узуса — гибридного регистра письменного языка [Живов 2004: 64—68], причем последователем его столь «русифицированного» варианта, какой представлен в исходном тексте ПВМ рубежа XI—XII вв., становится КЛ XII в.

Таким образом, данные ПВМ свидетельствуют о том, что уже к началу XII в. в живом языке Киева модель имперфективации на *-ыва-/-ива-* была продуктивна и употребительна. Ко времени составления ПВЛ в 10-х гг. XII в. ситуация в живом языке в Киеве была уже, видимо, такой же, как во время написания КЛ, т. е. в более позднем XII в. Однако ПВЛ, памятник сложнейшей текстологической истории и в целом летопись более книжная, чем КЛ, в силу этого рассматриваемые образования отражает не столь широко, хотя составители обеих редакций ПВЛ все-таки не так уж редко имперфективы на *-ыва-/-ива-* в свой текст вводят.

Литература, источники, сокращения

Алешковский 1971 — М. Х. Алешковский. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.

Вилкул 2004 — Т. Вилкул. Текстология и Textkritic. Идеальный проект... По поводу: Повесть временных лет: Міжрядкове співставлення і парадокс. Склад і відредагував Доналд Островскі, Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Text: Vol. X. P. 1—3. 2003 // *Paleoslavica*. Cambridge. 2004. Vol. 12. № 1. P. 171—203.

ВЛ — Волынская летопись в составе Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

ГВЛ — Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Гиппиус 1997 — А. А. Гиппиус. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 3—72.

Гиппиус 2001 — А. А. Гиппиус. Рекоша дружина Игореві. К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25. P. 147—181.

Гиппиус 2003; 2004; 2006а — А. А. Гиппиус. Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. I; II; III // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 60—99; 2004. № 2 (8). С. 146—170; 2006. № 2 (12). С. 186—203.

Гиппиус 2005 — А. А. Гиппиус. «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» в составе Повести временных лет: к стратификации текста // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. 3 (21). С. 15—16.

Гиппиус 2006 — А. А. Г и п п и у с. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 56—96.

Гиппиус 2007 — А. А. Г и п п и у с. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20—44.

Гиппиус 2008 — А. А. Г и п п и у с. К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3—24.

Гиппиус 2012 — А. А. Г и п п и у с. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37—63.

Гиппиус, в печати — А. А. Г и п п и у с. К реконструкции оригинала Повести временных лет: продолжение дискуссии (в печати).

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Живов 2004 — В. М. Ж и в о в. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.

Изб. 1076 — Изборник 1076 года. Второе издание, переработанное и дополненное. Изд. подготовили М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Гольщенко. Т. I—II. М., 2009.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 1998. Т. II.

Истрин 1920 — В. М. И с т р и н. Книги времени и образныя Георгия Амартола Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исслед. и словарь. Т. I. Текст. Пг., 1920.

Истрин 1925 — В. М. И с т р и н. Договоры русских с греками X в. // Изв. ОРЯС. 1925. Т. 29. С. 383—393.

КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Кукушкина, Шевелева 1991 — О. В. К у к у ш к и н а, М. Н. Ш е в е л е в а. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1991. № 6. С. 38—49.

Кузнецов 1953 — П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Кузнецов 1959 — П. С. К у з н е ц о в. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Вып. 1—3. М., 1997. Т. I.

Михеев 2011 — С. М. М и х е е в. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.

Николаев 1994 — С. Л. Н и к о л а е в. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ. 1994. № 3. С. 23—49.

НЛ — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. X. СПб., 1885; Т. XI. СПб., 1897; Т. XII. СПб., 1901; Т. XIII. СПб., 1904 (Репринт: М., 2000).

НПЛст — Новгородская первая летопись старшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л., 1950.

НПЛмл — Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л., 1950.

Обнорский 1936 — С. П. О б н о р с к и й. Язык договоров русских с греками // Язык и мышление, VI—VII. М.: Л., 1936. С. 79—103.

Обнорский 1946 — С. П. О б н о р с к и й. Очерки по истории русского литературного языка. М.: Л., 1946.

ПВЛ — Повесть временных лет.

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

Ружичка 1957/1962 — Р. Ружичка. Глагольный вид в «Повести временных лет». Глава XI. Заключение // Вопросы глагольного вида. Сборник. Составление и ред. Ю. С. Маслова. М., 1962. С. 308—317 (R. Ruzicka. Der Verbalaspekt in altrussischen Nestorchronik. Berlin, 1957).

СЛ — Суздальская летопись (см. Лавр.).

ТЛ — Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Типографская летопись. Т. XXIV. М., 2000.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Хабургаев 1994 — Г. А. Хабургаев. Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М., 1974.

Шахматов 1908 — А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов 1916 — А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. СПб., 1916.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214—252.

Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 144—174.

Шевелева 2010 — М. Н. Шевелева. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва/-ива-* в летописях XII—XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 200—242.

Шевелева 2013 — М. Н. Шевелева. Имперфективы с суффиксом *-ыва/-ива-* в севернорусских летописях // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 205—240.

Шевелева 2014 — М. Н. Шевелева. «...и не лѣнива ма былъ створилъ» (к вопросу о семантической эволюции древнерусского некнижного плюсквамперфекта) // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Междунар. конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. МГУ, 2014.

Якубинский 1953 — Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.

References

Aleshkovskiy 1971 — М. Kh. Aleshkovskiy. Povest vremennykh let. Sudba literaturnogo proizvedeniya v drevney Rusi. Moskva, 1971.

Gippius 1997 — А. А. Gippius. K istorii slozheniya teksta Novgorodskoy pervoy letopisi // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. Vyp. 6 (16). St.-Peterburg, 1997. S. 3—72.

Gippius 2001 — А. А. Gippius. Rekoshia družhina Igorevi. K lingvotekstologicheskoy stratifikacii Nachalnoy letopisi // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 147—181.

Gippius 2003; 2004; 2006a — А. А. Gippius. Sochineniya Vladimira Monomakha: opyt tekstologicheskoy rekonstrukcii. I; II; III // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2003. № 2 (6). S. 60—99; 2004. № 2 (8). S. 146—170; 2006. № 2 (12). S. 186—203.

Gippius 2005 — A. A. Gippius. «Povest ob osleplenii Vasilka Terebovlskogo» v sostave Povesti vremennykh let: k stratifikacii teksta // *Drevnyaya Rus: Voprosy medievistiki*. 2005. 3 (21). S.15—16.

Gippius 2006 — A. A. Gippius. Dva nachala Nachalnoy letopisi: k istorii kompozicii Povesti vremennykh let // *Verenica liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova*. Moskva, 2006. S. 56—96.

Gippius 2007 — A. A. Gippius. K probleme redakciy Povesti vremennykh let. I // *Slavyanovedeniye*. 2007. № 5. S. 20—44.

Gippius 2008 — A. A. Gippius. K probleme redakciy Povesti vremennykh let. II // *Slavyanovedeniye*. 2008. № 2. S. 3—24.

Gippius 2012 — A. A. Gippius. Do i posle Nachalnogo svoda: rannaya letopisnaya istoriya Rusi kak obyekt tekstologicheskoy rekonstrukcii // *Rus v 9—10 vekakh. Arkheologicheskaya panorama*. Moskva; Vologda, 2012. S. 37—63.

Gippius, v pechati — A. A. Gippius. K rekonstrukcii originala Povesti vremennykh let: prodolzheniye diskussii (v pechati).

GVL — Galicko-Volynskaya letopis po Ipatyevskomu spisku (sm. Ipat.).

Ipat. — Polnoye sobraniye russkikh letopisey. Ipatyevskaya letopis. Moskva, 1998. T. II.

Istrin 1920 — V. M. Istrin. Knigy vremennyya i obraznyya Georgiya Amartola Mni-kha. Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode. Tekst, issled. i slovar. T. 1. Tekst. Petrograd, 1920.

Istrin 1925 — V. M. Istrin. Dogovory russkikh s grekami 10 v. // *Izv. ORYaS*. 1925. T. 29. S. 383—393.

Izb. 1076 — Izbornik 1076 goda. Vtoroye izdaniye, pererabotannoye i dopolnennoye. Izd. podgotovili M. S. Mushinskaya, Ye. A. Mishina, V. S. Golysheiko. T. I—II. Moskva, 2009.

Khaburgayev 1994 — G. A. Khaburgayev. Pervyye stoletiya slavyanskoy pismennoy kultury: Istoki drevnerusskoy knizhnosti. Moskva, 1974.

KL — Kiyevskaya letopis po Ipatyevskomu spisku (sm. Ipat.).

Kukushkina, Sheveleva 1991 — O. V. Kukushkina, M. N. Sheveleva. O formirovaniy sovremennoy kategorii glagolnogo vida // *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya*. 1991. № 6. S. 38—49.

Kuznecov 1953 — P. S. Kuznecov. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Moskva, 1953.

Kuznecov 1959 — P. S. Kuznecov. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. Moskva, 1959.

Lavr. — Polnoye sobraniye russkikh letopisey. Lavrentyevskaya letopis. Vyp. 1—3. Moskva, 1997. T. I.

Mikheyev 2011 — S. M. Mikheyev. Kto pisal «Povest vremennykh let»? Moskva, 2011.

Nikolayev 1994 — S. L. Nikolayev. Ranneye dialektnoye chleneniye i vneshniye svyazi vostochnoslavyanskikh dialektov // *Voprosy jazykoznavaniya*. 1994. № 3. S. 23—49.

NL — Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopisyu // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 10. St.-Peterburg, 1885; T. 11. St.-Peterburg, 1897; T. 12. St.-Peterburg, 1901; T. 13. St.-Peterburg, 1904 (Reprint: Moskva, 2000).

NPLml — Novgorodskaya pervaya letopis mladshogo izvoda // *Novgorodskaya pervaya letopis starshogo i mladshogo izvoda*. Moskva; Leningrad, 1950.

NPLst — Novgorodskaya pervaya letopis starshogo izvoda // *Novgorodskaya pervaya letopis starshogo i mladshogo izvoda*. Moskva; Leningrad, 1950.

Obnorskiy 1936 — S. P. Obnorskiy. Yazyk dogovorov russkikh s grekami // Yazyk i myshleniye, VI—VII. Moskva; Leningrad, 1936. S. 79—103.

Obnorskiy 1946 — S. P. Obnorskiy. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka. Moskva; Leningrad, 1946.

Pichkhadze 2011 — A. A. Pichkhadze. Perevodcheskaya deyatelnost v domongolskoy Rusi: lingvisticheskiy aspekt. Moskva, 2011.

PVL — Povest vremennykh let.

Ruzhichka 1957/1962 — R. Ruzhichka. Glagolnyy vid v «Povesti vremennykh let». Glava 11. Zaklyucheniye // Voprosy glagolnogo vida. Sbornik. Sostavleniye i red. Yu. S. Maslova. Moskva, 1962. S. 308—317 (R. Ruzicka. Der Verbalaspekt in altrussischen Nestor-chronik. Berlin, 1957).

Shakhmatov 1908 — A. A. Shakhmatov. Razyskaniya o drevneyshikh russkikh letopisnykh svodakh. St.-Peterburg, 1908.

Shakhmatov 1916 — A. A. Shakhmatov. Povest vremennykh let. T. I. Vvodnaya chast. Tekst. Primechaniya. St.-Peterburg, 1916.

Sheveleva 2007 — M. N. Sheveleva. «Russkiy plyuskvamperfekt» v drevnerusskikh pamyatnikakh i sovremennykh govorakh // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2007. № 2 (14). S. 214—252.

Sheveleva 2009 — M. N. Sheveleva. «Soglasovaniye vremen» v yazyke drevnerusskikh letopisey // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2009. № 2 (18). S. 144—174.

Sheveleva 2010 — M. N. Sheveleva. Vtorichnyye imperfektivy s suffiksom *-yva-/-iva-* v letopisyakh 12—16 vv. // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2010. № 2 (20). S. 200—242.

Sheveleva 2013 — M. N. Sheveleva. Imperfektivy s suffiksom *-yva-/-iva-* v severnorusskikh letopisyakh // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2013. № 2 (26). S. 205—240.

Sheveleva 2014 — M. N. Sheveleva. «...i ne leniva mya byl stvoril» (k voprosu o semanticheskoy evolyucii drevnerusskogo neknizhnogo plyuskvamperfekta) // Russkiy yazyk: istoricheskiye sudby i sovremennost. V Mezhdunar. kongress issledovateley russkogo yazyka. Trudy i materialy. MSU, 2014.

SL — Suzdalskaya letopis (sm. Lavr.).

TL — Tipografskaya letopis // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. Tipografskaya letopis. T. 24. Moskva, 2000.

Uspenskiy 2002 — B. A. Uspenskiy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (11—17 vv.). Moskva, 2002.

Vilkul 2004 — T. Vilkul. Tekstologiya i Textkritic. Idealnyy proyekt... Po povodu: Povist vremennikh lit: Mizhryadkove spivstavleniya i paradosis. Sklav i vidredaguvav Donald Ostrovski, Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Text: Vol. 10. P. 1—3. 2003 // Paleoslavica. Cambridge. 2004. Vol. 12, № 1. P. 171—203.

VL — Volynskaya letopis v sostave Galicko-Volynskoy letopisi po Ipatyevskomu spisku (sm. Ipat.).

Yakubinskiy 1953 — L. P. Yakubinskiy. Istoriya drevnerusskogo yazyka. Moskva, 1953.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. «Slovo o polku Igoreve»: vzglyad lingvista. Moskva, 2004.

Zaliznyak 2008 — A. A. Zaliznyak. Drevnerusskiye enklitiki. Moskva, 2008.

Zhivov 2004 — V. M. Zhivov. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka 17—18 vekov. Moskva, 2004.

Резюме

Статья посвящена употреблению вторичных имперфективов с восточнославянским суффиксом *-ыва-/-ива-* в старейшем памятнике древнерусского летописания Повести временных лет (ПВЛ), текстологическая «многослойность» которой позволяет ставить вопрос о наличии данных образований в языке летописания XI — начала XII в. Сопоставление данных старших списков ПВЛ показало, что имперфективы на *-ыва-/-ива-* уже использовались киевскими летописцами XI в. — они известны в первоначальном «ядре» ПВЛ сер. XI в. и в Начальном своде 90-х гг. XI в., а ко времени составления собственно ПВЛ в 10-х гг. XII в. их употребительность растет. Еще более частотны *-ыва-*глаголы в Поучении Владимира Мономаха, свидетельствующем о продуктивности этой модели имперфективизации уже на рубеже XI–XII вв. и не столь широком её распространении в ПВЛ только в силу традиции.

Ключевые слова: суффикс имперфективизации *-ыва-/-ива-*, Повесть временных лет, Начальный свод, киевская диалектная система XI—XII вв., летописная традиция.

Статья получена 09.03.2014

MARIA N. SHEVELEVA

DERIVED IMPERFECTIVE VERBS WITH THE SUFFIX *-YVA-/-IVA-* IN THE *POVEST' VREMENNYKH LET*

The paper deals with imperfective verbs formed with the suffix *-yva-/-iva-* in the oldest Russian chronicle *Povest' vremennykh let* (PVL), which contains different textual strata and therefore allows us to examine the question of whether these derivatives were present in the eleventh—early-twelfth centuries Kievan chronicles. Comparison of the oldest PVL copies shows that the imperfective verbs with the *-yva-/-iva-* suffix were already used in the initial part of the PVL (mid-11th century) and in the *Nachalny svod* (1090s), while early in the twelfth century when the PVL was compiled they became more frequent. In Vladimir Monomakh's Homily, written in 1099-1101 but more colloquial than the PVL, they are as common as in the Kievan chronicle of the twelfth century, which proves that this pattern of imperfectivization was productive in Kiev already at the end of the eleventh century and its relative rarity in PVL should be attributed to the restraining influence of literary tradition.

Keywords: suffix of imperfectivization *-yva-/-iva-*, *Povest' vremennykh let*, *Nachalny svod*, Kievan dialect system of the 11th—12th c., chronicle tradition.

Received on 09.03.2014

А. В. ПТЕНЦОВА

**ДАЖЬ ВЪ НА ПОА ОБРАЩЕ КРИВО...
О СОЮЗЕ ДАЖЕ И СТАТУСЕ КОНСТРУКЦИИ ДА + ПРЕЗЕНС
В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ**

Дорогому А. Гиппиусу —
в честь недавнего юбилея.

0. Статья представляет собой изложение некоторых предположений о происхождении и семантике условного союза **даже** — в том виде, в каком он употребляется в нескольких известных памятниках новгородского ареала.

1.1. Рассмотрим прежде всего два фрагмента Мстиславовой грамоты, древнейшего русского акта, датируемого временем ок. 1130 г. (цит. по: [Обнорский, Бархударов 1999: 41]):

- (1) **Даже** который князь по моему княжению почынетъ хотѣти ѿати оу стго георгия. а бгъ боуди за тѣмъ и стага бца и тѣ стын георгини оу него то ѿтимають (строка 5—8) — «Если какой-нибудь князь после моего княжения захочет отнять [дарованное], то будь за этим Бог, и святая Богородица, и тот святой Георгий, у которого [князь] отнимает»;
- (2) **Даже** кто запъртити или тоу дань и се блюдо. да соудити кмоу бѣ въ днь пришьствия свокго и тѣ стын [г](еу)ргини (строка 19—21) — «Если кто-нибудь нарушит предписание, связанное с той (указанной выше) данью или с этим блюдом, пусть судит его Бог в день пришествия Своего и тот святой Георгии».

Эти фрагменты представляют собой так называемые санкции — угрозы в адрес того, кто посмеет нарушить установленное грамотой; первая их часть указывает на условия, при которых Божий гнев обрушится на голову нарушителя. Оба раза указание на эти обстоятельства вводится посредством союза **даже**, которому словари в подобных случаях приписывают условное значение¹.

Аналогичным образом используется **даже** в приписке писца Домки на полях Новгородских служебных миней 1095—1097 гг:

¹ См. [Срезневский 1958: 624; Словарь XI—XIV: 422]; нужно заметить, однако, что в [Словарь XI—XVII] этого значения для **даже** не выделяется.

- (3) ... **даждь въ на поа обраще криво а** (...) — «Если [кто-нибудь], служа по ним (этим книгам), найдет ошибку, то...»² (Сент., л. 176; цит. по: [Обнорский, Бархударов 1999: 37]).

То же значение **даже** находим и в Новгородской I летописи по Синодальному списку (НЛ):

- (4) ... **тврдиславъ же позрѣ на стѣою соѣню и рече дажде боуду виноватъ да боуду тоу мертвъ боуду ли правъ а ты ма оправнѣди** (НЛ по Синод. сп., л. 90 об., 1218 г; цит. по: НЛ 1950); — «Твердислав же сказал перед Святой Софией: «Если окажусь виноват, пусть и умру здесь, а если прав, то Ты меня оправдай, Господи».

Нет сомнения, что во всех перечисленных случаях **даже** выступает в функции условного союза.

Нельзя, однако, не отметить некоторый избыток условных союзов в древнерусском языке: **аще, аже, оже, аче, али**; все они находятся в отношениях очень близкой, если не точной, синонимии; причем все союзы, кроме первого, являются некнижными, то есть не противопоставлены друг другу и в отношении регистров, в которых используются. В связи с этим факт наличия еще одного союза с той же семантикой требует специального объяснения.

Кажется возможным предложить здесь следующее решение: весьма вероятно, что условность первоначально передавалась в этих контекстах при помощи хорошо известной по книжным памятникам и традиционно считающейся принадлежностью именно книжных древнерусских текстов конструкции **да + презенс** (выражающей в центральных своих употреблениях идею оптативности), а частица **же** была вставлена в эту конструкцию, так сказать, вторым шагом³.

Попробуем доказать правильность этого предположения. Уберем мысленно частицу **же**, например, из первого контекста — и получим следующее:

- (1') **Да котрый князь по мокмь княжении почьнетъ хотѣти ѿати...**

Может ли этот контекст сам по себе вводить условие? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, как ведет себя семантически близкая конструкция в современном русском языке.

² Далее обрыв текста.

³ При этом сочетание **да же** должно было представлять собой проклитико-энклитический комплекс; ср.: «В особых случаях тактовая группа может [...] состоять только из проклитики и энклитики» [Зализняк 2004: 186]; см. также о возможности реализации в языке новгородских берестяных грамот модели **не ли еси далъ**, «где начальная тактовая группа вообще не содержит акцентно самостоятельного слова, а складывается из проклитик и энклитик» [Там же: 188]; далее отмечается, что данная модель ограничена лишь небольшим количеством проклитико-энклитических сочетаний — но **да же** входит в этот список.

1.2. Поскольку *да + презенс* соотносится в современном русском в первую очередь с сочетанием частиц *пусть (пускай)* с личной формой глагола, обратим внимание на то, что высказывания с этими частицами, наряду с передачей оптативного смысла (например, *Пусть / Пускай он придет*), могут указывать также и на условие.

Рассмотрим толкования двух значений слова **ПУСТЬ**, словарная статья которого представлена в [Перспектив АС 2010: 203—204]. **Пусть 1.1:** *пусть А1* ‘Говорящий выражает желание, чтобы имела место А1’ (*Пусть всегда будет солнце!*); при этом важно отметить, что в условиях задач данная лексема имеет значение *спец.* ‘предположим, что’ (*Пусть прямая АВ параллельна прямой CD*); кроме того, **пусть 1.1**, будучи произнесено с некоторой специальной интонацией, может выражать угрозу или предостережение (*Пусть только попробует!*). **Пусть 2.1:** *А1, пусть А2* ‘Говорящий уверен, что ситуация А1 имеет или будет иметь место, даже если имеет место очень значительное А2; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа А2, то имеет место ситуация типа не-А1’ (*Мы не вправе его осуждать, пусть он и виноват*).

Аналогичным образом описывается в словаре и частица **ПУСКАЙ**⁴ [Перспектив АС 2010: 204—206].

Приведем еще одно толкование значения, соответствующего указанному **пусть 2.1**, предложенное в [Санников 2008: 454]: *Пускай / пусть X, (но / а) Y*⁵ = ‘1) Реально существует (или возможно) событие X или: 2) существует мнение, что для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие X и степень его реальности; я не оспариваю это мнение, которое считаю ошибочным или сомнительным, и надеюсь, что будет проявлено внимание и к моему мнению; 3) при любых условиях считаю излишним обсуждать событие X и степень его реальности, поскольку для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие Y, не зависящее от наличия, возможности или отсутствия события X’.

Возможность совмещения обеими частицами значений побуждения, с одной стороны, и допущения, принятия, с другой, отмечается также в [АГ 1980: 115]; ср. *Пускай умру с последней белой вьюгой* (Ахматова).

Приведенный материал хорошо иллюстрирует способность современных лексем *пусть* и *пускай* передавать как смысл ‘желательность’, так и смысл ‘условность’. Поэтому вполне можно предположить, что и у древнего аналога сочетания *пусть (пускай)* с глаголом, а именно у рассматриваемой конструкции *да + презенс*, мог существовать тот же комплекс значений.

Сопоставим подробнее, например, формулировки санкций Мстиславовой грамоты и современные употребления *пусть*.

⁴ Автор словарных статей **ПУСТЬ** и **ПУСКАЙ** — В. Апресян.

⁵ Ср.: «Мы склонны считать *пусть* и *пускай* полными синонимами [...] и видеть отличие (возможно, единственное) *пусть* от *пускай* лишь в том, что *пусть* закрепилось как штамп в математических и некоторых других научных контекстах» [Санников 2008: 448].

Заметное сходство с обсуждаемым употреблением *да* + *презент* имеют, в частности, указанные «математические» контексты, где вводятся те или иные допущения, служащие условиями для дальнейших рассуждений⁶; ср.:

- (5) *Пусть* сумма углов треугольника не равна 180 градусам;
 (6) *Пусть* топологическое пространство *X* обладает счетным базисом.

Однако максимальное сходство с употреблением *да* + *презент* в санкциях Мстиславовой грамоты имеют упомянутые выше современные контексты, содержащие «*пусть* угрозы»:

- (7) *Пусть* он только сунется, мы ему покажем!

Понятно, что и здесь выражается скорее не пожелание, а предположение о возможном развитии событий, которое является условием для приведения угрозы в действие.

Тем самым, кажется правильным перевести условия применения санкций следующим образом: «Пусть (только) какой-нибудь князь после моего княжения захочет отнять [пожалованное]!»; «Пусть (только) кто-нибудь нарушит предписание!»

2. В связи со сказанным интересно ответить на следующий вопрос: если высказанное предположение верно и идея условия передавалась в подобных случаях — по крайней мере, первоначально — без помощи частицы *же*, какое значение могла — опять-таки, по крайней мере, первоначально — вносить эта частица?

Обратимся еще к нескольким примерам подобного рода. Рассмотрим три из четырех зафиксированных случаев употребления условного *даже* в Вопросании Кириковом (ВК), известном памятнике церковного права, датируемом 1130—1156 гг. (цит. по [Мильков, Симонов 2011]):

- (8) ... к (sic!) *намъ дела рекше лихвы тако велаше оучити <...> еже простыца то рци емоу не достонть имати и намъ мнѣ рци грѣхъ не молвнше. даже не могутъ сѧ хавити. то рци имъ боудите млѣрди. възмѣте легко* (ВК, Осн. ред.; сп. ГИМ, Увар., № 791, XV в.; л.176—18а) — «А про проценты, то есть лихву, (Нифонт) так велел наставлять: <...> [если учишь] мирянина, то скажи ему: «Не следует брать процентов, а мне, — скажи, — грех не сказать об этом». Если же они не могут удержаться, то скажи им: «Будьте милосердны! Берите мало»;
- (9) ... *аже се штроци холостѣи каютсѧ оу нѣа. тако блюсти сѧ блоуда. да друугын съблюдетъ колико люво а друугын мало. даже и падаеть. азѣ ли имъ ъ вожници быти* (ВК, Осн. ред.; сп. ГИМ, Увар., № 791; л. 29а) — «Если отроки холостые исповедуются у нас (и обещают) воздерживаться от блуда и если один воздержится

⁶ Обратим внимание на то, что слова *пусть* и *допущение* являются однокоренными.

сколько-нибудь, а другой мало, если он и впадет в грех, — можно ли таким быть в церкви?»;

- (10) ... **вѣ великы^и поустѣ** (sic!) **ажѣ се емльмѣ доры пѣ^т пвѣ^нныхъ днѣвъ дажѣ не пригодитсѣ елико днѣвъ слоужити** (ВК, Осн. ред.; сп. ГИМ, Увар., № 791; л. 36а) — «Если мы во время Великого поста берем дору на пять постных дней, и если [она] не пригодится, то сколько дней [еще можно] служить?».

Как кажется, все приведенные древнерусские примеры имеют одну общую семантическую особенность: вводимое в них условие каждый раз представляет собой нарушение запрета или нарушение нормы. В самом деле, санкции Мстиславовой грамоты адресованы нарушителю воли князя; Домка допускает, что мог ошибиться при переписывании священного текста; примерно то же видим во фрагменте (4) из НЛ: оказаться виноватым, с точки зрения говорящего, есть нарушение нормального хода событий. Нарушение этической нормы или религиозного установления описывается и контекстами из ВК, за исключением последнего из них (10), где речь идет о несоответствии расчетов действительности, — что опять-таки является нарушением прогнозируемого развития ситуации.

Материал берестяных грамот, к сожалению, не позволяет сделать сколько-нибудь надежных выводов: комбинация **да + же** представлена здесь всего трижды⁷, и только в неполных текстах. Вот фрагмент одного из них:

- (11) <...> **а прислати ти** <...> **(к)[ѣ]н[да]р[ѣ] соли да[ж]ѣ[ѣ] ти то не любо а** <...> (бер. гр. № 627, сер. 50 — сер. 90-х гг. XII в.; здесь и далее материал берестяных грамот цит. по: [Зализняк 2004]) — «... Ты должен прислать мне (сколько-то) кендарей соли. Если же тебе это не угодно...» (пер. А. А. Зализняка).

Однако и из этого небольшого контекста понятно, что и здесь речь идет о нарушении нормы, состоящей в том, что должнику «угодно» отдавать свои долги.

Все это позволяет с большой долей уверенности предположить, что частица **же** в случаях рассмотренного типа первоначально имела противительное значение. Тем самым, **же** была исходно независима от вводящей условие конструкции **да + презенс** и срослась с нею позднее; при этом до сращения значение комбинации **да + же + презенс** могло примерно соответствовать современному ‘но если Р’.

3. Весьма показательно, что в абсолютном большинстве случаев рассматриваемая конструкция продолжает употребляться с глаголом в форме

⁷ Два раза сочетание **да же**, помеченное как «союз ‘если’», дано в словоуказателе к берестяным грамотам отдельным входом (берестяные грамоты № 711 и 627) и один раз — в составе более распространенного союзного комплекса **да же ти**, тоже с комментарием «союз ‘если’» (смоленская берестяная грамота № 12) [Зализняк 2004: 729].

настоящего времени, что может служить еще одним косвенным подтверждением обсуждаемой гипотезы.

В самом деле, прочие условные союзы, наряду с настоящим временем, легко сочетаются с другими глагольными формами. Ср., например:

— с прошедшим временем:

(12) ... **аче кто оу половець оутечашеть. оу городъ. а тѣхъ не выдавашеть** (Ип. лет., 1154 г; цит. по [Словарь XI—XIV 1988: 100]);

— с причастием:

(13) ... **аже вода по :гт: рѣбла прода : али не вода⁸ нь продаі** (берестяная грамота № 65, 1300—1320 гг.).

В противоположность этому, сочетание **да же** употребляется во всех рассмотренных случаях только с глаголами в презенсе (или с нулевой связкой, как в (11)).

4.1. Рассматривая особенности употребления сочетания служебных слов **да же**, невозможно не провести параллель с комбинацией **да + ти**, образовавшей впоследствии целевой союз **дати (дать)**.

Описание этого сочетания было предложено А. А. Зализняком в [НГБ 1986: 160—161] и [Зализняк 2004: 198—200] на материале берестяных грамот. Ср.:

(14) ... **аже то лодиа присълана кынина обѣсти ж къназоу дати не боуде присловѣа ни тобѣ ни павѣлови** (бер. гр. № 745, кон. XI — перв. четв. XII в.) — «Если ладья киевлянина [уже] прислана, то сообщи о ней князю, чтобы не было худой славы ни тебе, ни Павлу» (пер. А. А. Зализняка).

«Этот диалектный древненовгородский союз возник в результате слияния **да** ‘пусть’ с частицей **ти**». При этом еще в XII в. между этими компонентами возможна была постановка других слов, то есть союз как таковой сформировался позднее [Зализняк 2004: 199].

Важно отметить, что так же, как и в случае с **даже**, «союз **дати (дать)** выступает в нормальном случае в сочетании с презенсом»; модификации такого сочетания являются примеры, где опущена связка в настоящем времени [Там же: 199]:

(15) ... **спиши списокъ с купнои грамотѣ да пришли сѣмо куды грамота поведе дати ми розумно** (берестяная грамота № 53, 10-е — 30-е гг. XIV в.) — «Спиши список с купчей грамоты да пришли сюда, чтобы мне было понятно, куда поведет купчая грамота (то есть как проходит граница купленной земли)» (перевод А. А. Зализняка).

⁸ Форму **вода** можно считать и презенсом без **-ть**. Ср., однако: «**вода, не вода** — скорее причастия, чем словоформы 3 мн. презенса» ([Зализняк 2004: 536]).

Правда, кроме этого, при **дати** может быть употреблена частица **бы** и тем самым возможны конструкции с сослагательным наклонением и инфинитивом, однако они зафиксированы лишь в единичных случаях [Там же: 199].

А. А. Зализняк напрямую связывает данный союз с конструкцией **да + презенс** и отмечает, что «употребление конструкции «**да + презенс**» в целевом значении, послужившее источником союза **дати**, образует новгородско-южнославянскую изоглоссу и отличает древненовгородский диалект от других восточнославянских» [НГБ 1986: 160].

Дальнейшую судьбу этого союза автор описывает следующим образом: «Будучи первоначально связан с конструкцией «**да + презенс**», [целевой **дати**] со временем приобрел большую самостоятельность и стал сочетаться не только с презенсом, но и с другими формами глагольной парадигмы» [Там же: 160].

4.2. Остановимся попутно еще на одном контексте, содержащем союз **дати**. Это фрагмент уже цитировавшегося ВК:

- (16) **аже сѧ болень покае̄т̄. веллше безъ ризъ покалати его. аще не може̄т̄ до цркви донти. аще ре̄ жена боудет̄ то шблещи сѧ в ризы или во цркви шблещи сѧ велико бо ре̄ покаание да ти не просто мнѧтъ друззи** (ВК, Особая ред. по сп. РГБ ф. 247, Рогож. № 342, XVI в., л. 40а) — «Если больной будет каяться, (владыка) велел без риз исповедовать его, раз он не может дойти до церкви. Если же, — сказал, — женщина станет [каяться], то облачись в ризы или в церкви облачись. Ибо великое [дело], — сказал он, — покаяние, [и надлежит облачатся], чтобы другие не считали его простым (то есть простецким)».

Этот перевод подразумевает, что сочетание **дати** уже является цельным союзом. Однако, учитывая то обстоятельство, что текст ВК был создан в XII веке, когда **да** и **ти** в единый союз еще не срослись, можно счесть, что здесь представлена «чистая» конструкция **да + презенс**, имеющая в данном случае свое «стандартное» оптативное значение, а частица **ти** выполняет усилительную функцию (присущую ей в свободном употреблении; см. [Зализняк 2004: 196—197]). В таком случае перевод должен принять следующий вид: «Ибо великое дело, — сказал он, — покаяние. Пусть же иные не считают его простым».

Второй вариант кажется более приемлемым еще и потому, что в этом случае не надо предполагать, что в тексте остался не эксплицированным довольно весомый семантический фрагмент ‘и надлежит облачатся’.

5. Итак, кажется весьма вероятным, что условный союз **даже**, так же, как и целевой **дати**, возник на базе конструкции **да + презенс**⁹. Реконструируемая история **даже**, как и история **дати**, может служить важным доводом

⁹ Интересно отметить, что **даже** ‘если’ относится к числу характерных синтаксических речизмов (ср. [Пичхадзе 2011: 97; Гиппиус 2008: 118]).

в пользу того, что, хотя **да** + *презент* традиционно считается принадлежностью книжного синтаксиса, заимствованной из южнославянской традиции, эта конструкция существовала в живом языке восточных славян — по крайней мере, в диалектах, связанных с территорией древнего Новгорода.

Если предполагать у **да** + *презент* узкую локализацию в восточнославянской зоне, то необходимо согласиться с мнением А. А. Зализняка о том, что данная синтаксическая особенность была связана с северными кривичами, диалект которых имел ряд существенных отличий от прочих известных нам восточнославянских говоров по целому ряду фонетических, морфологических и лексических признаков и объединялся по этим признакам с диалектами западнославянскими¹⁰. Ильменские же словене, чей язык также нашел отражение в новгородских памятниках, в лингвистическом отношении являлись более типичными представителями восточных славян (хотя по ряду признаков их диалект коррелировал с южнославянскими¹¹), поэтому связывать употребление **да** + *презент* с ильменско-словенским диалектом было бы менее естественно.

Впрочем, весьма вероятно, что, поскольку **даждь** в условном значении встречается и в памятниках неновгородского происхождения, отражающих живой язык восточных славян¹², данная конструкция имела и в других древнерусских диалектах, но, может быть, была в них менее употребительна — как, например, обстоит дело с частицей **ти**, фиксирующейся на широкой территории, но интенсивно употреблявшейся только в севернокривичском диалекте [Зализняк 2004: 196].

6. Так или иначе, рассмотренный материал позволяет предположить, что по крайней мере в части диалектов древнерусского языка существовала синтаксическая конструкция **да** + *презент*, которая, по-видимому, могла служить не только для передачи оптативного (или близкого ему императивного) смысла, но и смысла условного¹³.

¹⁰ Ср.: «С одной стороны, выделяется северная (точнее, северо-западная) группа древних диалектов, включающая польский, севернолехитские, лужицкие и севернокривичский» [НГБ 1993: 232].

¹¹ Ср.: «С другой стороны, выделяется юго-восточная группа диалектов, включающая болгарский, сербскохорватский, словенский, ильменско-словенский и южные диалекты восточнославянской зоны» [Там же: 232].

¹² Ср. в прямой речи, фиксируемой в Киевской летописи: и р^че изъславъ даждь ны бѣ поможеть а сѧ ихъ ѿтовьемъ (1151 г.); ны^и же брате сѣѣ весны помози на даждь бѣдѣвъ вѣ порозна. а вѣ бѣдѣвъ сѣ своими полкы товѣ въ помочь (1151 г.) и др. (цит. по интернет-ресурсу: www.lrc-lib.ru); надо заметить, что оба приведенных контекста, видимо, не предполагают оттенка противопоставления в условии, вводимом **даждь** (что, впрочем, можно объяснить постепенным стиранием внутренней формы лексемы).

¹³ Данная гипотеза встречается, однако, некоторую трудность, связанную с семантикой болгарского служебного слова *dorî*, способного выражать тот же ком-

При этом между древнерусским и современным русским языками имеется отчетливая семантико-синтаксическая параллель: современные частицы *пусть* и *пускай* в сочетании с настоящим (простым будущим) временем глагола, как и древнерусская частица *да* в составе рассмотренной конструкции, могли выражать те же смыслы — ‘побудительность’ / ‘желательность’ и ‘условие’.

Интересно отметить в связи с этим, что форма повелительного наклонения, которая в современном русском может, как известно, передавать значение условия (ср. *Щепотки волосков лиса не пожалей, / Остался б хвост при ней* — И. А. Крылов), восходит к индоевропейскому оптативу, ср.: «Ни одна славянская форма не представляется продолжением индоевропейского повелительного наклонения. Славянское повелительное наклонение продолжает индоевропейский оптатив (желательное наклонение)»; причем «индоевропейский оптатив (...) означает возможность и пожелание» [Мейе 2001: 264].

Этот факт хорошо демонстрирует, что смыслы ‘побудительность’ / ‘желательность’ и ‘условие’ исходно представляли собою единый семантический комплекс.

Л и т е р а т у р а

- АГ 1980 — Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
 Гиппиус 2008 — А. А. Г и п п и у с. Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica* // Сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского. М., 2008.
 Геров 1975 — Н. Г е р о в. Речник на българския език. Ч. I, София, 1975.
 Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004.
 Мейе 2001 — А. М е й е. Общеславянский язык. М., 2001.
 Мильков, Симонов 2011 — В. В. М и л ь к о в, Р. А. С и м о н о в. Кирик-новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011.
 НГБ 1986 — В. Я. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986.
 НГБ 1993 — В. Я. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984 — 1989 гг. М., 1993.
 НЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
 Обнорский, Бархударов 1999 — С. П. О б н о р с к и й, С. Г. Б а р х у д а р о в. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I, М., 1999.
 Пичхадзе 2011 — А. А. П и ч х а д з е. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011.

плекс значений, что и древнерусское **даже**: ‘пока; даже; если’ (ср. [Геров 1975: 346; Чукалов 1960: 165], но восходящего к прасл. **dože* — сложению, в первой части которого гласный представлен на ступени краткости (ср. [Słownik prasłowiański 1979: 24—25]); при этом прасл. **do* не связано в славянских языках со смыслами желательности и побудительности. Вопрос нуждается в дальнейшем изучении; приносим благодарность А. А. Пичхадзе за высказанное замечание.

Проспект АС 2010 — В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Е. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Проспект активного словаря русского языка. М., 2010.

Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Словарь XI—XIV 1988 — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Вып. 1. М., 1988.

Словарь XI—XIV 1989 — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Вып. 2. М., 1989.

Словарь XI—XVII — Словарь древнерусского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977.

Срезневский 1958 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958.

Чукалов 1960 — С. К. Чукалов. Болгарско-русский словарь. София, 1960.

Słownik prasłowiański 1979 — Słownik prasłowiański. T. III. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979.

References

AG 1980 — Russkaya grammatika. T. 2. Moskva, 1980.

Chukalov 1960 — S. K. Chukalov. Bolgarsko-russkiy slovar. Sofiya, 1960.

Gerov 1975 — N. Gerov. Rechnik na blgarskiya yezik. Ch. I, Sofiya, 1975.

Gippius 2008 — A. A. Gippius. Zagadki Mstislavovoy gramoty / Miscellanea Slavica // Sbornik statey k 70-letiyu B. A. Uspenskogo. Moskva, 2008.

Meillet 2001 — A. Meillet. Obshcheshlavianskiy yazyk. Moskva, 2001.

Milkov, Simonov 2011 — V. V. Milkov, R. A. Simonov. Kirik-novgorodec: uchenyy i myslitel. Moskva, 2011.

NGB 1986 — V. Ya. Yanin, A. A. Zaliznyak. Novgorodskiye gramoty na bereste. Iz raskopok 1977 — 1983 gg. Moskva, 1986.

NGB 1993 — V. Ya. Yanin, A. A. Zaliznyak. Novgorodskiye gramoty na bereste. Iz raskopok 1984 — 1989 gg. Moskva, 1993.

NIL 1950 — Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshogo izvodov. Moskva; Leningrad, 1950.

Obnorskiy, Barkhudarov 1999 — S. P. Obnorskiy, S. G. Barkhudarov. Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka. Ch. I, Moskva, 1999.

Pichkhadze 2011 — A. A. Pichkhadze. Perevodcheskaya deyatelnost v domongolskoy Rusi. Lingvisticheskiy aspekt. Moskva, 2011.

Проспект АС 2010 — В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Ye. Ye. Babayeva, O. Yu. Boguslavskaya, I. V. Galaktionova, M. Ya. Glovinskaya, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. V. Ptencova, A. V. Sannikov, Ye. V. Uryson. Проспект активного словаря русского языка. Moskva, 2010.

Sannikov 2008 — V. Z. Sannikov. Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. Moskva, 2008.

Slovar XI—XVII — Slovar drevnerusskogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 4. Moskva, 1977.

Slovar XI—XIV 1988 — Slovar drevnerusskogo yazyka XI—XIV vv. Vyp. 1. Moskva, 1988.

Slovar XI—XIV 1989 — Slovar drevnerusskogo yazyka XI — XIV vv. Vyp. 2. Moskva, 1989.

Słownik prasłowiański 1979 — Słownik prasłowiański. T. III. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979.

Sreznevskiy 1958 — I. I. Sreznevskiy. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. T. I. Moskva, 1958.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. Moskva, 2004.

Резюме

В статье обсуждается гипотеза о происхождении древнерусского союза *даже* ‘если’. Предполагается, что образование данного союза связано с конструкцией *da + praesens*, внутрь которой могла вставляться частица *же* (имевшая, вероятно, противительное значение). Эта гипотеза весьма сходна с гипотезой о происхождении древнерусского целевого союза *дати*, предложенной А. А. Зализняком, предполагавшим, что образование этого союза напрямую связано с конструкцией *da + praesens*.

Если выдвинутое предположение верно, смыслы ‘императивность’ и ‘оптативность’ не должны считаться единственными связанными с описываемой конструкцией: видимо, она могла иметь также условное значение (как современная русская конструкция *пусть / пускай + глагол*). Ввиду того, что союз *даже* ‘если’ мог использоваться в памятниках, отражающих живой язык (например в Мстиславовой грамоте), книжный язык не должен считаться единственной сферой употребления *da + praesens*.

Ключевые слова: древнерусский язык, семантика, синтаксис, союз *даже*.

Статья получена 30.03.2014

ANNA V. PTENCOVA

DAŽĚ VĚ NJA POJA OBRJAŠČE KRIVO...:

ON THE CONJUNCTION *DAŽĚ* AND THE STATUS OF THE «*DA + PRAESENS*» CONSTRUCTION IN OLD RUSSIAN

The article proposes a hypothesis of the origin of Old Russian conjunction *daže* ‘if’, wherein it is supposed to derive from the *da + praesens* construction with particle *že* (which probably had an adversative meaning) inserted into it secondarily. This view is similar to the hypothesis put forward by A. A. Zaliznjak of the origin of Old Russian conjunction *дати* introducing purpose clauses. Zaliznjak supposes this conjunction to be connected directly with the construction *da + praes.* If the hypothesis of the origin of *daže* is valid, ‘imperativeness’ and ‘optativeness’ may not be the only two meanings initially attached to the construction in question: it could also express conditionality (like the Modern Russian construction *пуст’/пускай + verb*). The use of conjunction *daže* ‘if’ was not restricted to literary language: examples of it are found in documents (e.g. *Mstislavova gramota*).

Keywords: Old Russian, semantics, syntax, conjunction *daže*.

Received on 30.03.2014

М. А. БОБРИК

**МАРГИНАЛИИ К БЕРЕСТЯНЫМ ГРАМОТАМ
И ПАМЯТНИКАМ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭПИГРАФИКИ**

А. А. Гунтусу

1. Шесть бѣбороко (БГ № 7)

Во фрагментарно сохранившейся берестяной грамоте № 7 (посл. четв. XII — перв. четв. XIII в., предпочт. не ранее конца XII в.) упоминаются *шесть бѣбороко*, которые, судя по контексту, следует в числе прочих вещей взыскать по суду с некого Кормана:

... сочита оу короман(а) ...
... (гри)вѣно сороке лисичь соро(ке) ...
...ко осмь шесть бѣбороко ...

В первом издании текста грамоты [НГБ I: 37] *бѣбороко* предлагалось понимать как недописанную форму *бѣбороко(въ)* ‘бобров’. Во втором издании книги А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» [ДНД-2: 452] «странное *бѣбороко*» интерпретируется как «возможно, просто описка вместо *бѣборово*».

Вероятно, стоит вернуться к версии первого издания, по крайней мере, в понимании *бѣбороко* как формы Р. мн. от *бѣбрькъ*. Семантика этого слова должна была, по всей видимости, отличаться от *бѣбрь*, так что более корректным переводом был бы не ‘бобр’, а ‘небольшой бобр, бобрик’.

Продолжением уменьшительного *бѣбрькъ* в восточнославянском именослове является прозвище Боброк, которое носил князь Дмитрий Михайлович Волынский, боярин и воевода Дмитрия Донского. Соответствующий диминутив женского рода сохраняется в названии места происхождения упомянутого князя Бобрка — реки Бобрка (пол. *Wybrka*, идиш *Voiberik*) и (вторично) одноименного города в нынешнем Перемышленском районе Львовской области Украины.

2. Петре : евана : маримилна : ана...
О вариации И. и В. в древненовгородских помянниках

Среди текстов церковного характера заметное место занимают помянники — берестяные записки со списками имен поминаемых на литургии родных и близких. Почти в каждом таком списке мы сталкиваемся со сменой / чередованием форм И. и В. Так, в грамоте № 560 (сер. 20-х — сер. 50-х гг. XII в.) ряд имен открывается формой И. (*ѡекла*), затем сразу сменяется чередой имен в В., прерываемой формой И. (*мариѧ*), а завершается формой И. (*окоулина*) и двусмысленной формой *настасиѧ*, которая может быть И. ж. или В. м. (от *настасиѡ*):

+ [ѡекла к]оура иевана олькъсоу ѡедора хръстиноу мариѧ оноусию
 оеимею варъвароу ѡвърънню окоулина настасиѧ

Комментарий в ДНД-2 [349]: «Заказчицы поминаний (или икон¹) — Фекла, Мария и Окулина (их имена стоят в И. падеже). Имена поминаемых (или святых, которых следует написать) стоят в В. падеже, который определяется подразумеваемым глаголом ‘помянуть’ или ‘написать’».

Дело выглядит иначе, если учитывать прагматику таких записок. Прежде всего, помянник индивидуален — каждый подает за своих, и нынешняя практика в этом отношении, можно думать, не отличается от древней. Против множественности заказчиков говорит и то, что чередование падежных форм — факт не только берестяных поминаний, но и поминаний, процарапанных на стенах новгородских церквей. Граффити с чередованием имен в И. и В. есть, в частности, на западной стене в церкви Николы на Липне.

Еще более существенно, однако, другое: всякий, кто когда-либо писал поминальную записку, знает, как легко при этом сбиться в грамматической форме. Даже в современной записке, представляющей собою отпечатанный типографским способом формуляр с заданной в заголовке грамматической конструкцией — «о здравии» или «за упокой» — отвлечься от этой конструкции очень легко. И это часто происходит. Мне не раз приходилось и самой сбиваться, и видеть чужие записки с тем же огрехом. Ведь составляя такую записку, человек, припоминая, сосредоточивается на именах и называет их (в И.) вне связи с глаголом поминальной формулы. Обязательности в соблюдении грамматической формы тут нет — можно не сомневаться, что священник включит имя в молитву в нужной форме. Поэтому и в современных поминальных записках нередко можно видеть че-

¹ Предположение о заказе на иконы можно, думаю, с уверенностью отметить — большинство имен ряда никак не могут служить однозначным руководством для иконописца, так как могут относиться к разным святым; кроме того, изображения некоторых святых, которые могли бы подразумеваться, в частности, св. (аввы) Кира или св. Февронии, вообще не засвидетельствованы в древнерусской иконографии этого времени.

редование форм И., В., Р. (их набор варьирует), обусловленное переключением внимания и, соответственно, конструкции в ходе составления записки — в зависимости от того, пишет ли автор безотносительно к контексту поминальной формулы (список имен в И.) или имеет мысленно в виду формулу типа «помяни, Господи» (В.) или — глядя на заголовок поминания — формулу «о здравии / упокоении р. Б.» (Р.). Не стоит видеть здесь ошибку в собственном смысле слова, речь в этом случае идет, думается, скорее об определенном механизме порождения текста такого рода, сродном механизмам «линейно-динамического» (в терминологии О. А. Лаптевой) развертывания устного высказывания².

Замечу кстати, что берестяные поминальные записки того же времени (XII — нач. XIII в.) из Смоленска содержат правильные ряды имен в форме Р. [ДНД-2: 467]. Там, по-видимому, был принят другой формуляр, а именно распространенный ныне «о здравии / упокоении раба Божия / рабы Божии».

Среди древненовгородских поминальных списков с варьированием падежных форм есть не только такие, в которых преобладают формы В. (как процитированная БГ № 560 или как № 506, 508а, 542, 551), но и такие, в которых они вовсе отсутствуют, а преобладают или даже являются единственно возможными формы И. (таковы БГ № 559, 561, 522, 508б, 541, 595). С точки зрения противопоставления заказчик / поминаемый объяснить такие последовательности имен / форм трудно, однако они находят объяснение, если учесть описанный выше механизм порождения текста. Форма И. в таких перечнях аналогична по функции так называемому «именительному перечислению» (ср., в частности, БГ № 445).

3. *Рыти рѣку* в надписи на Стерженском кресте 1133 года

В надписи на каменном Стерженском кресте у впадения Волги в озеро Стерж сообщается, как известно, что он был поставлен в память о рытье реки:

[в такой-то день]
почахъ рыти рѣк[у] сю азъ иванко павловиць
'и поставил (в честь этого события) этот крест'.

Проблематичное место надписи составляет выражение *рыти рѣку*. В ДНД-2 [344] предлагается компромиссный перевод 'начал копать эту реку' и приводится предположение С. М. Толстой о том, что речь здесь может идти об обряде «пахания реки» как магическом средстве вызывания дождя.

Возможно и другое объяснение, если иметь в виду семантику *рыти* как судоходного (мореходного) термина, означающего 'плыть'. Речь идет о

² Сходные механизмы действуют в ряде «грамматически невыдержанных» (О. А. Лаптева) конструкций разговорного языка, в частности, с так называемым именительным темы [Лаптева 2003: 137 и далее].

метафорическом обозначении плавания по воде как пахоты³. С этой сферой значений *рыти* связано указанное у Даля [IV: 119] выражение *лодка роет* ‘зарывается под парусом в воду’ (ср. сходную метафору *бороздить моря / океан*).

Однако, пожалуй, наиболее простым и одновременно правдоподобным представляется допустить, что *рыть* употреблено в надписи на кресте не в метафорическом, а в прямом смысле. *Рыть реку* означало бы в этом случае, что берега реки подвергаются каким-то земляным работам, чтобы изменить ее русло. Б. А. Рыбаков [1964: 27–28] в свое время предположил, что люди Иванко Павловича проделали работы по углублению русла Волги.

Основа *ры(т)*- отмечена в русских гидронимах, в частности, северозападных. В бассейне Камы в Пермском крае есть река Рыга. Речка Рытица есть вблизи Луги (Ленинградская область). Назову, наконец, реку Перерытица в Старой Руссе (такое название носит последний участок реки Порусьи). Исследование берегов Перерытицы выявило ее искусственное происхождение — на правом берегу было засыпано древнее заболоченное русло (Емецкое болото существовало здесь еще в XVII веке) [Самойлов и др. 2011: 9]. Вмешательство человека состояло именно в том, что русло реки было изменено — реку *перерыли*.

4. На часы поеть в надписи XII века из церкви Бориса и Глеба в Новогрудке (XII в.)

В недавней публикации надписи XII века из церкви Бориса и Глеба в Новогрудке [Гиппиус, Михеев 2013] текст надписи был отождествлен с загадкой о петухе, известной как в фольклоре, так и в некоторых вариантах апокрифа «Беседа трех святителей». В эпиграфической версии загадки есть необычное, не встречавшееся раньше сочетание *на часы п(о)еть*. В публикации оно переведено как ‘часы отпевае’ с пояснением [Там же: 88, примеч. 16]:

Под «часами» здесь, несомненно, имеются в виду часы церковные, то есть молитвословия суточного богослужебного круга⁴. Переводя *на часы поеть* как ‘часы отпевае’, мы используем слова «Повести временных лет» об Иларионе, который, выкопав пещеру на Берестовом, «отпѣваше часы и моляшеся ту Б(ог)у втаинѣ».

Выражение «*пѣти / отпѣвати* + название церковной службы или чинопоследования» хорошо известно как беспредложная конструкция. Такая конструкция с прямым дополнением в В. п. встречается и с приставочным

³ Исторически *рѣка* связано с *рой, рѣяти* [Фасмер III: 464], но не исключено, что вторично оно могло сблизаться с *рыти* в своего рода *figura etymologica*.

⁴ Точнее, служб (последований) первого, третьего, шестого и девятого часов церковных суток.

глаголом *отпѣти / отпѣвати* (как в приведенной цитате из «Повести временных лет»), и с бесприставочным *пѣти*, как, например, в сочетании с *година* ‘час, служба часов’⁵ в Синайском патерике и в Паисиевском сборнике:

поуюцю (ми) *третиѣжъ* *годиноу* ‘когда я пел третий час (= пел службу третьего часа)’;
пѣти *годину* (цит. по [Срезневский I: 535]).

Кроме названий службы часов (*часъ*, *година*), в сочетании с *пѣти / отпѣвати* употребляются и названия других служб дневного круга — *вечерня(я)*, *панихида*, *заутреня(я)*, *литургия*:

Вечерню поуюцимъ, единъ от дьякъ зараженъ бысть от грома, Новгородская первая летопись под 6625 годом [НПЛ: 20];
Понахида пѣти многимъ попомъ безъ дьякона не лѣъ, Послание Киприана игумену Афанасию 1390 года [Срезневский II: 874];
Заутреннюю ѿпѣша, Житие Андрея Юродивого [ЖАЮ: 272];
И свершишиа [церковь] в один день, и свящали, и божественною литургию пѣша, Псковская летопись под 6996 годом [ПЛ I: 80] и под.

Перевод *на часы поеть* как ‘часы отпевает’ предполагает, что столь устойчивая — почти технический термин — конструкция «*пѣти* + В. п. ‘церковная служба’» в надписи из Новогрудка почему-то иная, а именно «*пѣти* + на В. п. ‘церковная служба’». Однако еще необычнее при таком переводе содержание загадки: вопреки традиционным ассоциациям (см. ниже), петух здесь — клирик, тот, кто поет, совершая службу часов. А то, что он делает это не учась, невольно вызывает удивление не столько его «натуральным» знанием времени, сколько его грамотностью. Такой перевод противоречит и (на мой взгляд) верному выводу самих авторов публикации, которые инвариант загадки о петухе формулируют как «не учился, но *отсчитывает часы*» [Гиппиус, Михеев 2013: 85].

В самом деле, в других вариантах нашего текста речь идет о времени: в украинской загадке *а години знае* ‘знает время = знает, когда петь’, в «Беседе трех святителей» *свѣтъ повѣдаеть людѣмъ рано* ‘поет, заранее сообщая о рассвете’. Со временем в первую очередь связана и христианская символика петуха в новозаветных текстах⁶. *Куроглашение* (ἀλεκτοροφωνία) в

⁵ Именно этот синоним заменяет *часы* в современном украинском варианте загадки о петухе из новогрудской надписи: *Двічі родився, у школі не вчився, а години знае* [Гиппиус, Михеев 2013: 85]. В конце статьи о слове *година* Срезневский [I: 535] замечает, что слово *час*, как и *година*, «общее всем славянам, получило в разных краях особенные оттенки значения» и что «час значит на северо-западе неопределенное время, а на юго-западе и на востоке то же, что на северо-западе година, hoга».

⁶ Круг христианских значений образа петуха включает три взаимосвязанных между собою области: петуха ассоциировали 1) с Иисусом Христом, светом, рассветом, наступлением дня, Воскресением; 2) с приходом Мессии, наступлением

языке Евангелия — это третья из четырех римских страж (послуживших прототипом позднейшего дневного круга служб), время примерно между полночью и тремя часами. В Остромировом Евангелии соответствующий пассаж в речи Иисуса о конце света звучит так:

Мк. 13:32. 35: Блюдѣтеса бѣдите и молитеса не вѣсте бо когда врѣма бждеть <...> Бѣдите оубо. не вѣсте бо когда гѣ домоу придетъ — вечеръ ли. или полоунощи. или въ *куроглашение* [в современном церковнославянском тексте *пѣтлоглашение* — слово, вошедшее в текст не позднее XV в. в составе южнославянской по происхождению афонской редакции — М. Б.]. или заоутра [Востоков 1843/1964: 229 об.].

Термин *куроглашение* как обозначение времени фигурирует и в памятниках церковного права (в контексте молитвенного правила). Так, в частности, в Рязанской Кормчей и Пандектах Никона Черногорца содержится указание творить молитвы «с утра и в третий час, и в шестой, и в девятый, и в куроглашенье», в *куроглашение же поне же бѣговѣстуеть(с) часъ пріишествиа дне* (Рязанская Кормчая 1284 года — [СДРЯ IV: 340]).

Если принять во внимание этот «семантический ореол» образа петуха, то сочетание *на часы* было бы, думаю, естественно понимать в собственно темпоральном смысле — но в каком именно? Подсказка мне видится в определенных южнославянских выражениях со значением ‘вовремя, своевременно’ — в серб. *на време*, макед. *на време*, *навремено*, болг. *навремено*. Что касается употребления в загадке о петухе слова *часы* в значении ‘время’, то оно в древнерусских текстах хорошо известно, в частности, в выражениях (*в*) *тыи часы*, *тыми/тѣми часы* ‘тогда, в то время’, *сии часы*, *сѣми часы* ‘тотчас’, *по вьса часы* ‘всегда, во всякое время’, *часы смѣртньи* ‘время смерти, смертный час’ [Срезневский III: 1479–1480]. В форме ед. ч. *час* ‘время’ распространено и в южнославянских языках и диалектах [ЭССЯ 4: 27–28].

Итак, учитывая приведенные соображения, перевод загадки из Борисоглебской церкви можно откорректировать следующим образом:

двоичи роженъ въ портъ тепль а нѣ оучивъ са на часы п(о)еть
‘Дважды рожден в теплую одежду⁷; не учившись, вовремя поет’.

В таком виде новгородская загадка по смыслу наиболее близка тому ее варианту, который содержится в приведенном в публикации варианте «Беседы трех святителей», а южнославянские параллели сочетанию *на часы* служат еще одним аргументом в пользу предположения А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева [2013: 85–86] о южнославянском происхождении текста загадки.

конца света, Страшным судом (Мк. 13:35); 3) с апостолом Петром и покаянием (Мк. 14:26–31; Мф. 26:30–35; Лк. 22:31–34; Ин. 13:36–38) [Schramm б. д.].

⁷ Под теплой одеждой подразумеваются оболочки — яйца (скорлупа) и птенца (пух, перья).

5. *Всаль* ‘взял’⁸

В берестяных грамотах есть случаи, когда звонкий согласный передается буквой парного глухого. Имею в виду два примера [з] > с в формах глагола *взати* (раннее: *възати*), оба они встретились в грамотах XIV века:

- БГ № 445: *всало* горончаро .̄в̄. сорока. куницу ‘взял гончар (или: Гончар) два сорока куниц’ (стратиграфической даты нет, внестратиграфическая I — III четв., предпочтительно первое 40-летие XIV в.).
- БГ № 59: а дар ко соби *восми* ‘а дар (род подати) к себе возьми’ (10-е — 30-е гг. XIV в., внестратиграфическая дата предположительно 20-е — 30-е гг. того же века).

В издании [ДНД-2: 543, 549] запись с буквой *с* вместо ожидаемой *з* в обоих случаях расценивается как описка или ошибка. На поиск альтернативного объяснения толкают два обстоятельства: 1) тот факт, что замена встретилась в формах одного и того же слова, позволяет задаться вопросом, не могло ли такое написание основываться на произношении этого слова в новгородском диалекте; 2) непозиционная мена глухих и звонких в сильной позиции (перед сонорным, перед гласным, в интервокальной позиции в середине слова) известна и в других памятниках севернорусского происхождения (в частности, древненовгородского ареала), и в севернорусских говорах.

Многочисленные примеры с немотивированным «оглушением» или «озвончением» собраны в работе [Колесов 1963: 103—104]. Приведу некоторые из них:

- Пролог 1431 г.: *оувасли* наряду с *оувазли*;
- Пантелеймоново евангелие XII в.: *запогу* (вм. *сапогу*);
- Апостол XIV в. Погод. 11: *кко б̄всокъ* въскрай моря (вм. *п̄сокъ*);
- Евангелие 1325 — 1359 гг. Тип. 8: *скрешеть* зубомъ (вм. *скрежетъ*) [Колесов 1963: 103] и под.

Вероятно, сюда же следует отнести два случая «озвончения» [т] > д в берестяных грамотах № 905 и 908, относящихся ко второй половине — последней четверти XI века и написанных, по-видимому, одной рукой:

- БГ № 905: *оу т̄вшадѣ* ‘у Тешаты’;
- БГ № 908: *посдави* ‘постави’ [ДНД-2: 248]⁹.

Целый ряд случаев такого рода отмечен в памятниках, отражающих холмогорский говор XVII в. [Лопухина 2011: 11; Ларин 1959: 48]. В севернорусских говорах следы непозиционной мены, в значительной степени

⁸ За полезные замечания по этому разделу я признательна И. В. Бегунц.

⁹ В исследовании ДНД-2 [85] эти случаи с известными допущениями рассматриваются в ряду примеров ассимиляции по глухости-звонкости.

лексикализованные, сохраняются до сих пор: оглушение начальных звонких (*томой* вм. *домой*), озвончение в интервокальной позиции (*сабоги* вм. *сапоги*, *подом* вм. *потом*, *блида* вм. *плита*), отсутствие конечного оглушения звонких [Колесов 1963: 104—105; Князев 2008: 33; Касаткин 1999: 240].

На фоне этих данных вряд ли может вызывать сомнение, что примеры *всадо*, *восми* из берестяных грамот № 445 и № 59 отражают некоторую фонетическую реальность — думаю, диалектное произношение напряженного [с]¹⁰.

Л и т е р а т у р а

Востоков 1843/1964 — Остромирово Евангелие 1056—57 года с приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843; A. Vostokov. Evangelium Ostromiri. Unveränderter Nachdruck (= Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes. Tom. I) Wiesbaden, 1964.

Гиппиус, Михеев 2013 — А. А. Г и п п и у с, С. М. М и х е е в. Две древнерусские загадки XII—XIII веков из Новгорода и Новогрудка // Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ, 2013. С. 81—87.

Даль — В. Д а л ь. Словарь живого великорусского языка. М., 1978.

ДНД-2 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004.

ЖАЮ — А. М. М о л д о в а н. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Касаткин 1999 — Л. Л. К а с а т к и н. Современная русская диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Князев 2008 — С. В. К н я з е в. Русская диалектная фонетика. Учебное пособие. М., 2008.

Колесов 1963 — В. В. К о л е с о в. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости — звонкости // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. № 2. 1963. С. 103—112.

Лаптева 2003 — О. А. Л а п т е в а. Русский разговорный синтаксис. 2-е изд., стереотипное. М., 2003.

¹⁰ Ср.: «В севернорусских говорах противопоставление шумных согласных осуществляется по напряженности / ненапряженности, тогда как в остальных говорах и в литературном языке — по глухости / звонкости» [Касаткин 1999: 243] (подробно — в разделе «Противопоставление согласных по напряженности / ненапряженности в севернорусских говорах» [Там же: 227—245]). Признак «напряженность / ненапряженность» характерен и для ряда соседних с древненовгородским по северозападному ареалу идиомов — лехитских, германских и финно-угорских. Происхождение непозиционной мены парных по глухости / звонкости согласных в русских диалектах (в частности, роль финно-угорского субстрата) составляет предмет дискуссии.

- Ларин 1959 — Б. А. Л а р и н. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959.
- Лопухина 2011 — А. А. Лопухина. Фонетика холмогорского и Шенкурского диалектов XVII в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- НГБ — Новгородские грамоты на бересте. Вып. I. М., 1953.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (= Полное собрание русских летописей. Т. III). М., 2000.
- ПЛ — Псковские летописи (= Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1—2). М., 2003.
- Рыбаков 1964 — Б. А. Р ы б а к о в. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964.
- Самойлов и др. 2011 — К. Г. С а м о й л о в, Е. В. Т о р о п о в а, И. А. В о р о н - к о в. К вопросу о локализации древнейшего ядра Старой Руссы (относительно гипотезы Я. Е. Водарского и К. А. Аверьянова). 2011 / <http://www.novsu.ru/file/927117>.
- СДРЯ, IV — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Главный редактор Р. И. Аванесов. Т. IV. М., 1991.
- Срезневский — И. И. С р е з н е в с к и й. Словарь древнерусского языка. Т. I—III. М., 1989.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—43. Л.; СПб., 1965—2010 —.
- Фасмер — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV / Пер. с нем. О. Н. Трубачева. Под ред. и с предисловием Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотипное. М., 1986—1987.
- ЭССЯ 4 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 4. М., 1977.
- Schramm б. д. — Ch. S c h r a m m, Hahn / <http://www.bibelwissenschaft.de/wibilex/das-bibellexikon>.

References

- Dal — V. Dal. Slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. Moskva, 1978.
- DND-2 — А. А. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. Moskva, 2004.
- ESSYa 4 — Etimologicheskij slovar slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond / Pod redakciyey O. N. Trubacheva. Vyp. 4. Moskva, 1977.
- Fasmer — M. Fasmer. Etimologicheskij slovar russkogo yazyka. T. I—IV / Per. s nem. O. N. Trubacheva. Pod red. i s predisloviyem B. A. Larina. 2-e izd., stereotipnoye. Moskva, 1986—1987.
- Gippius, Mikheyev 2013 — А. А. Gippius, S. M. Mikheyev. Dve drevnerusskiye zagadki XII—XIII vekov iz Novgoroda i Novogrudka. / Khram i lyudi. Zbirka statey do 90-richchya z dnya narodzhennya Sergiya Oleksandrovicha Visotskogo. Kiyev, 2013. S. 81—87.
- Kasatkin 1999 — L. L. Kasatkin. Sovremennaya russkaya dialektnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka. Moskva, 1999.
- Knyazev 2008 — S. V. Knyazev. Russkaya dialektnaya fonetika. Uchebnoye posobiye. Moskva, 2008.

Kolesov 1963 — V. V. Kolesov. Severnorusskiye cheredovaniya soglasnykh, parnykh po glukhosti — zvonkosti // Vestnik LGU. Seriya istorii, yazyka i literatury. Vyp. 1. № 2. 1963. S. 103–112.

Lapteva 2003 — O. A. Lapteva. Russkiy razgovornyy sintaksis. 2-e izd., stereotipnoye. Moskva, 2003.

Larin 1959 — B. A. Larin. Russko-angliyskiy slovar-dnevnik Richarda Dzhemsa. (1618—1619 gg.). Leningrad, 1959.

Lopukhina 2011 — A. A. Lopukhina. Fonetika kholmogorskogo i shenkurskogo dialektov 17 v. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2011.

NGB — Novgorodskiy gramoty na bereste. Vyp. I. Moskva, 1953.

NPL — Novgorodskaya pervaya letopis starshogo i mladshogo izvodov (= Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. III). Moskva, 2000.

PL — Pskovskiy letopisi (= Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. V. Vyp. 1—2). Moskva, 2003.

Rybakov 1964 — B. A. Rybakov. Russkiye datirovannyye nadpisi XI—XIV vv. Moskva, 1964.

Samoylov i dr. 2011 — K. G. Samoylov, Ye. V. Toropova, I. A. Voronkov. K voprosu o lokalizatsii drevneyshego yadra Staroy Russy (otnositelno gipotezy Ya. Ye. Vodarskogo i K. A. Averyanova). 2011. / <http://www.novsu.ru/file/927117>.

Schramm s. a. — Ch. Schramm, Hahn / <http://www.bibelwissenschaft.de/wibilex/das-bibellexikon>.

SDRYa, IV — Slovar drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.) / Glavnyy redaktor R. I. Avanesov. T. IV. Moskva, 1991.

Sreznevskiy — I. I. Sreznevskiy. Slovar drevnerusskogo yazyka. T. 1—3. Moskva, 1989.

SRNG — Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1—43. Leningrad; St.-Peterburg, 1965—2010—.

Vostokov 1843/1964 — Ostromirovo Yevangeliye 1056—57 goda s prilozheniyem grecheskogo teksta Yevangeliy i s grammaticheskimi obyasnieniyami, izdannoye A. Vostokovym. S.-Peterburg, 1843; A. Vostokov. Evangelium Ostromiri. Unveränderter Nachdruck (= Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes. Tom. I) Wiesbaden, 1964.

ZhAYu — A. M. Moldovan. Zhitiye Andrey a Yurodivogo v slavyanskoy pismennosti. Moskva, 2000.

Резюме

Очерки посвящены нескольким отдельным явлениям лексики (*бобръкъ* ‘небольшой бобр’, *рыти рѣку* ‘копать новое русло реки’, *на часы* ‘вовремя’), грамматики текста (вариация падежных форм объекта в помянниках) и фонетики (отражение на письме произношения напряженных согласных) в новгородских берестяных грамотах (№ 7, 59, 445, 506, 508а, 508б, 522, 541, 542, 551, 559, 560, 561, 595, 765) и в двух древнерусских надписях — на Стерженском кресте (1133 г.) и в церкви Бориса и Глеба в Новогрудке (XII в.). Автор предлагает поправки к существующим интерпретациям и новые решения.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусская эпиграфика, древненовгородский диалект.

Статья получена 22.03.2014

MARINA A. BOBRIK

**MARGINALIA TO BIRCHBARK LETTERS
AND SOME OLD RUSSIAN EPIGRAPHIC TEXTS**

This series of notes deals with several lexical (*bebrьkь* ‘young beaver’, *ryti rěku* ‘to change the course of a river by digging a channel’, *na časy* ‘in time’), grammatical (object case variation in the name lists to commemorate during the liturgy) and phonetic (pronunciation of tense consonants reflected in writing) phenomena in birch bark letters (№ 7, 59, 445, 506, 508a, 508б, 522, 541, 542, 551, 559, 560, 561, 595, 765) and in two Old Russian inscriptions — on the Sterzhen Cross (1133 A.D.) and in the Church of Sts. Boris and Gleb in Novogrudok (12th c.). Some refinements to prior interpretations are proposed, and, in addition, some novel solutions.

Keywords: birchbark letters, Old Russian epigraphics, Old Novgorodian dialect.

Received on 22.03.2014

С. И. БУРКОВА, Е. В. ФИЛИМОНОВА

РЕДУПЛИКАЦИЯ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ¹

Введение

Данная статья посвящена исследованию редупликации в русском жестовом языке. В звуковых языках редупликация представляет собой повторение слова или его части, служащее для выражения различных грамматических и лексико-грамматических значений. Редупликация в жестовых языках представляет собой значимое повторение мануального жеста, его части и/или немануального показателя. В работах, посвященных редупликации в звуковых языках, обычно отмечается ее иконичность. Жестовые языки, использующие визуально-кинестический канал передачи информации, в целом отличаются высокой степенью иконичности. Не случайно и редупликация в них очень продуктивна, она широко используется в большинстве известных жестовых языков.

Русский жестовый язык (далее — РЖЯ) функционирует как средство коммуникации среди глухих и слабослышащих на территории Российской Федерации. Согласно официальной статистике² число его носителей составляет 120,5 тыс. человек, однако по данным Всероссийского общества глухих, это количество в несколько раз больше. По сравнению со многими другими национальными жестовыми языками РЖЯ пока еще остается мало изученным и слабо задокументированным, а специальных исследований структурно-функциональных особенностей редупликации в РЖЯ до сих пор не проводилось. Между тем, такие исследования важны для более глубокого изучения строя этого языка, поскольку редупликация является в нем одним из важнейших механизмов выражения ряда грамматических и словообразовательных значений.

Статья состоит из трех частей. В первой части приводятся сведения о РЖЯ, необходимые для дальнейшего изложения. Вторая часть представляет собой обзор структурно-функциональных особенностей редупликации в

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 12-06-00231-а).

² Всероссийская перепись населения 2010 г.

звуковых и жестовых языках, описанных в существующей лингвистической литературе. В третьей части рассматриваются формы и функции редупликации в РЖЯ.

Исследование проводилось на материале нарративов и диалогов, записанных от носителей РЖЯ, и на материале, полученном путем анкетирования. К анализу привлекались также данные словарей РЖЯ [Базоев и др. 2009] и [Spreadthesign]³.

1. Особенности фонологии, морфологии и лексики РЖЯ

Информация в РЖЯ, как и в других жестовых языках, передается в трехмерном пространстве при помощи жестов рук и немануальных средств — движений головы и корпуса, мимики. В фонетике звуковых языков органы речи, участвующие в порождении звуков речи, называются артикуляторами. В жестовых языках функции артикуляторов выполняют соответственно руки, лицо, голова и корпус. В описаниях жестовых языков обычно выделяется три основных типа жестов⁴, в зависимости от используемых говорящим⁵ артикуляторов: *мануальные*, *комбинированные* и *немануальные* жесты (см., например, [Battison 1978; Brennan 1992]). Данная классификация применима и к РЖЯ.

Мануальные жесты исполняются руками, это самый частотный тип жестов во всех жестовых языках. Они могут быть разделены на три подтипа в зависимости от количества и роли артикуляторов: *одноручные*; *двуручные*, в которых активны обе руки; *двуручные*, в которых одна рука является активной⁶, а другая служит базой, местом артикуляции. Возможны

³ Тексты и анкетные материалы отражают речь носителей «сибирского» варианта РЖЯ. Они были записаны от информантов, проживающих в Новосибирске: глухих и слабослышащих (16 женщин и 15 мужчин в возрасте от 18 до 63 лет), а также слышащих, являющихся детьми глухих родителей (мужчина, 20 лет, и две женщины, 28 и 34 лет). В прошлом некоторые из этих информантов длительное время проживали в других регионах Сибири: Томской и Кемеровской областях, Алтайском крае, Республике Алтай, Красноярском крае, Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия, Республике Хакасия и северо-восточной части Казахстана. Словари [Базоев и др. 2009] и [Spreadthesign] преимущественно отражают речь носителей РЖЯ, проживающих в Москве. Общий объем проанализированных фраз, содержащих редупликацию, составляет 1288 единиц.

⁴ Под жестом понимается интуитивно выделяемая единица жестовой речи, являющаяся аналогом слова в звуковых языках.

⁵ Под термином «говорящий» понимается адресант жестовой речи. В англоязычной литературе используется специальный термин *signer*.

⁶ В зависимости от того, является ли говорящий правой или левой, активной может быть правая или левая рука. В [Emmogeу 2002: 23] отмечается, что в зафиксированных жестовых языках нет жестов, которые обязательно должны испол-

дальнейшие деления мануальных жестов на подтипы в зависимости от того, включают ли они в свою структуру контакт с телом говорящего.

К комбинированным⁷ относятся жесты, для исполнения которых, помимо движения рук, обязателен немануальный компонент — движения головы и/или корпуса, мимика, артикуляция. Например, жест БОЛЕТЬ⁸ исполняется в сочетании с нахмуренными бровями.

Примерами немануальных жестов в РЖЯ являются откидывание головы назад в сочетании с приподнятыми бровями и пристальным взглядом на собеседника в значении ‘Как дела?’ или круговое движение языка по внутренней стороне губ в значении ‘секс’. Немануальные жесты как самостоятельные лексические единицы в жестовых языках немногочисленны. Обычно немануальные движения выступают в комбинации с мануальными жестами или с последовательностями жестов, выполняя различные функции: фонологическую (являясь обязательной частью структуры комбинированного жеста); лексическую (выражая различные адъективные и адвербиальные значения типа ‘большой’, ‘маленький’, ‘с усилием’, ‘долго’ и т. д.); синтаксическую (маркируя вопросы разных типов, отрицание, тему и т. д.); просодические (маркируя границы просодических единиц).

В РЖЯ, как и в других жестовых языках, выделяются фонематический, морфологический, лексический и синтаксический уровни. В основе работ по фонологии жестовых языков лежит открытие У. Стоуки, выделившего в структуре мануального жеста три параметра: *конфигурацию*, *локализацию* и *движение* [Stokoe 1960]. Позднее исследователи обратили внимание и на другие важные параметры: *ориентацию* [Battison 1978] и *немануальные маркеры* [Sutton-Spence, Woll 2007; Valli, Lucas 2000].

Конфигурация представляет собой форму кисти руки при исполнении жеста. Ориентация — это направление ладони и пальцев по отношению к корпусу тела говорящего. Локализация — место исполнения жеста в пределах *жестового пространства* — области, используемой для артикуляции; вертикальная граница ее начинается чуть выше головы и заканчивается у талии, а горизонтальная граница пролегает от одного локтя до другого при свободном расположении рук [Brennan 1992: 22]. Движения подразделяются на траекторные и внутренние. *Траекторное движение* представляет собой перемещение руки от одной локализации к другой. Основными

няться правой или левой рукой. Однако по свидетельствам носителей РЖЯ, иногда, для облегчения восприятия жестовой речи, все же предпочтительно исполнение жеста правой рукой независимо от того, является говорящий правшой или левшой. В частности, это касается дактильных жестов, обозначающих буквы алфавита.

⁷ В англоязычной литературе — «multi-channel signs».

⁸ Здесь и далее жесты обозначаются малыми прописными буквами. Следует подчеркнуть, что обозначения жестов при помощи эквивалентов звукового языка являются достаточно условными: объем значения жеста и соответствующего слова, как правило, не полностью тождественны.

его характеристиками являются направление (перемещение относительно вертикальной, горизонтальной и саггитальной осей) и характер (по направлению к телу/от тела говорящего, вверх-вниз, по прямой, по дуге, по зигзагу, резкое/плавное и т. д.). *Внутреннее движение* — это изменение конфигурации или ориентации кисти руки.

У. Стоуки и рядом других исследователей было показано, что параметры жеста с функциональной точки зрения аналогичны фонемам в звуковых языках: они не несут самостоятельного значения, но выполняют смысло-различительную функцию. Так, в РЖЯ жесты в паре РОДНОЙ/СТРОИТЬ различаются между собой только конфигурацией; в паре МАЛЬЧИК/ДЕВОЧКА — локализацией; в паре СВЕКЛА/ЯБЛОКО — движением; в паре ЕСЛИ/ВЕС — ориентацией рук; один и тот же мануальный жест СТРАХ может использоваться в значениях 'страшный' и 'страховка', однако в первом случае он обязательно сопровождается «испуганным» выражением лица. Исследования на материале разных жестовых языков показывают, что набор каждого из указанных параметров в жестах, принадлежащих к базовому словарю (см. о нем ниже) является ограниченным, исчисляемым. В [Димскис 2002] было выделено 56 конфигураций, 33 ориентации, 54 локализации и 104 движения в структуре мануальных жестов РЖЯ.

В модели У. Стоуки параметры жеста рассматривались как реализующиеся одновременно, однако дальнейшие исследования показали, что структура жестов обладает и линейностью, хотя разные исследователи используют разные подходы для ее описания. Например, в модели С. Лидделла и Р. Джонсона (Hold-Movement model) жесты состоят из последовательностей сегментов движения (периодов времени, в которые какие-либо параметры жеста изменяются) и удержания (периодов времени, в которые параметры жеста остаются неизменными) [Liddell, Johnson 1989]. В модели В. Сэндлер (Hand-Tier model) в линейную последовательность организованы локализация и движение, в то время как конфигурация является автосегментным параметром, обладающим собственной сложной структурой⁹. На основании наличия линейности в структуре жеста ряд исследователей признает существование жестовых слогов (см., например, [Perlmutter 1992; Sandler, Lillo-Martin 2006: 216—245; 1993; Nespou, Sandler 1999; Jantunen, Takkinen 2010]). Жестовый слог выделяется по аналогии со слогом в звуковых языках, с опорой на понятие сонорности. Наиболее «сонорным» (т. е. перцептивно выделенным) компонентом жеста является движение. Исследователи едины в том, что слогом является сегмент жестового потока, содержащий одно движение, однако при описании внутренней структуры слога используют разные подходы¹⁰. Важным является типологическое наблюдение, что в жестовых языках длина лексем базового словаря ограничена одним, реже двумя слогами.

⁹ Обзор современных фонологических моделей жестовых языков, см., например, [Sandler, Lillo-Martin 2006: 111—142].

¹⁰ См., например, их обзор в [Jantunen, Takkinen 2010].

Жестовые языки обладают сложной морфологической организацией, в которой совмещаются два типа структур — линейные и нелинейные. Как отмечается в [Arnonoff, Meir, Sandler 2005: 309], эти два типа структур различаются использованием фонологических средств, набором кодируемых значений и продуктивностью.

К линейным морфологическим структурам относятся процессы аффиксации, редупликации и словосложения.

При аффиксации к исходному жесту добавляется новый фонологический сегмент, обладающий собственным значением. Аффиксация в жестовых языках используется сравнительно редко (см. [Sandler, Lillo-Martin 2006: 64—72; Valli, Lucas 2000: 56; Johnston, Schembri 2007: 127—130]). Это справедливо и для РЖЯ: аффиксация для него в целом нехарактерна, хотя имеются немногочисленные примеры добавления к жесту сегмента, который можно интерпретировать как аффикс. Например, аналитический показатель отрицания, употребляющийся при глагольных жестах (рука с раскрытой ладонью отводится в сторону), при некоторых глаголах уже явно морфологизирован. Об этом свидетельствует отсутствие паузы между знаменательным и отрицательным жестами и ассимиляция отрицательного жеста знаменательному по конфигурации¹¹.

Типы и функции редупликации в РЖЯ и других жестовых языках будут рассмотрены в разделах 2 и 3 настоящей статьи.

Словосложение является распространенным способом образования слов в жестовых языках. Первое его исследование, проведенное на материале американского жестового языка (ASL), показало, что словосложение в жестовых языках сходно с одноименным процессом в звуковых языках. У жестов, входящих в состав композита, наблюдаются формальные и семантические изменения, свидетельствующие о том, что получившаяся комбинация лексикализована и представляет собой единое слово, а не словосочетание: редукция; ассимиляция по какому-либо параметру; идиоматизация — невыводимость значения композита из суммы значений составляющих [Klima, Bellugi 1979: 198—224]. В качестве примеров композитов в РЖЯ можно привести жесты ИСКАТЬ^СКВОЗЬ 'исследовать', ПРИРОДА^ЗАЩИЩАТЬ 'экология', ЗАКОН^ТРАДИЦИЯ 'закономерность' и др.

Нелинейный тип морфологической структуры является очень продуктивным. В нем используются модификации параметров жеста для выражения грамматического значения или образования деривата. Например, в ряде глагольных жестов изменение направления движения или ориентации руки выражает согласование глагола с его аргументами. Так, в РЖЯ глагол ПОМОГАТЬ в «неопределенной» форме исполняется с движением по направлению от говорящего вперед, однако в значении 'ты помогаешь мне' жест исполняется в направлении от адресата к говорящему. При помощи

¹¹ Например, показатель отрицания морфологизирован при модальных жестах МОЖНО и НУЖНО.

изменения конфигурации в жест с временной семантикой могут инкорпорироваться числительные. Например, при исполнении жеста ГОД рука описывает круг у лица; большой палец выпрямлен, а остальные сжаты в кулак. При выражении значения 'три года' выпрямленными будут большой, указательный и средний пальцы (конфигурация жеста ТРИ).

Выделение частей речи в жестовых языках является дискуссионным вопросом. Попытки выявить различия между классами слов предпринимаются с конца 1970-х гг.; исследования показывают, что между именными и глагольными жестами имеются определенные формальные различия. Однако в большинстве работ отмечается, что различия глаголов и существительных в разных парах соотносительных жестов выражаются по-разному и проявляются с разной степенью регулярности [Supalla, Newport 1978; Brentari 1998: 11—13; Johnston 2001; Voghel 2005; Hunger 2006; Schwager, Zeshan 2008]. Зачастую в описаниях жестовых языков под терминами «имя», «глагол», «прилагательное», «наречие» и т. д. подразумевается не столько частеречная принадлежность того или иного жеста, сколько его роль в определенном морфосинтаксическом контексте. В исследовании В. Киммельмана было показано, что в РЖЯ соотносительные субстантивные и глагольные жесты, обозначающие конкретные объекты и действия, производимые с этими объектами, могут дифференцироваться при помощи различных фонологических средств, а также их комбинаций: наличия/отсутствия повтора; отсутствия/наличия движения; меньшей/большой амплитуды движения и др. Однако разные пары жестов дифференцируются при помощи разных средств, при этом различия обнаруживаются только в 60% проанализированных пар жестов [Kimmelman 2009]. Еще большей проблемой является разграничение именных и глагольных жестов с абстрактной семантикой. Например, один и тот же жест РЖЯ в разных контекстах может выражать значения 'работа' и 'работать': УЧИТЬСЯ ЗАКОНЧИТЬ Я РАБОТАТЬ¹² МОЧЬ НАЙТИ 'Когда я выучусь, смогу найти работу' [a-s14]¹³; МНОГО РАБОТАТЬ НУЖНО:NEG / ОТДЫХАТЬ 'Не нужно так много работать, отдохни!' [a-s7].

Словарный состав РЖЯ разнороден. Д. Brentari и К. Пэдден была предложена трехкомпонентная модель структуры лексикона для ASL, учитывающая, с одной стороны, фонологические и морфологические свойства жестов, а с другой стороны — их историческое происхождение [Brentari, Padden 2001]. Жестовые языки обладают большим типологическим сходством в устройстве лексикона, поэтому данная модель впоследствии с успехом применялась при описании структуры лексикона других жестовых

¹² В случаях отсутствия формальных различий при использовании жеста в субстантивной и глагольной функциях в глоссах мы обозначаем жест при помощи соответствующего глагольного эквивалента.

¹³ Здесь и далее см. список условных обозначений текстовых источников и информантов.

языков. Она пригодна и для описания структуры лексического состава РЖЯ, включающего в себя *жесты базового словаря, классификаторные конструкции и заимствования*.

В базовый словарь входят жесты, в которых параметры конфигурации, ориентации, локализации и движения, образующие корень или основу слова, не обладают собственными значениями. Эти жесты можно далее разделить на две группы: *полностью оформленные* и *неполностью оформленные*¹⁴. В неполностью оформленных жестах морфема/морфемы, образующие корень или основу, могут модифицироваться для выражения грамматических или словообразовательных значений. В частности, неполностью оформленными являются *согласующиеся глаголы*¹⁵, в которых модификации направления движения или ориентации руки используются для указания на грамматические отношения глагола с его аргументами, а также *указательные жесты*, являющиеся функциональными аналогами личных и указательных местоимений и местоименных наречий. Например, глагол УВАЖАТЬ в РЖЯ, в зависимости от направления движения, может выражать значения 'я уважаю тебя', 'ты уважаешь меня', 'он уважает меня' и т. п. Указательный жест INDХ (вытянутый указательный палец), в зависимости от ориентации и локализации, может выражать значения 'я', 'ты', 'он', 'здесь', 'там', 'там далеко', 'там наверху' и т. п.

Классификаторные конструкции¹⁶ в РЖЯ, как и в других жестовых языках, имеют очень широкое распространение. Они представляют собой сложные лексические единицы, в которых конфигурация, ориентация, локализация и движение обладают собственными значениями. Эти конструкции в высшей степени иконичны; характерной их особенностью является использование особых конфигураций руки, обозначающих отнесенность референта к какому-либо классу: прямоходящих двуногих существ, плоских предметов, круглых предметов, транспортных средств и т. д. Например, конфигурация, в которой выпрямленный большой палец образует со слегка согнутыми в пястно-фаланговых суставах остальными пальцами треугольник, в сочетании с ориентацией ладони вверх используется в РЖЯ для обозначения плоских предметов (лист бумаги, поднос и т. п.). Классификаторные конфигурации в сочетании с разнообразными локализациями, ориентациями и типами движения употребляются для указания на движение или местоположение определенного объекта, те или иные операции с определенными объектами, а также на размеры и форму объекта. Еще одной особенностью классификаторных конструкций является то, что они, в

¹⁴ В англоязычной литературе — «completely specified signs» и «incompletely specified signs» соответственно, см., например, [Johnson, Liddell 1984; Johnston, Schembri 2007].

¹⁵ В англоязычной терминологии — «agreeing verbs», «indicating verbs» или «directional verbs».

¹⁶ В англоязычной терминологии — «classifier constructions» или «depicting signs».

отличие от жестов базового словаря, устойчивых, хранящихся в ментальном лексиконе носителей языка, могут при необходимости создаваться говорящим в момент речи и содержать такие параметры или комбинацию параметров, которые не использовались ранее. При этом жест будет понятен в соответствующем контексте¹⁷.

Займствования в РЖЯ в основном представляют собой лексические единицы или словосочетания, займствованные путем дактилирования, калькирования и артикуляции из русского письменного и устного языка, хотя имеются займствования и из других звуковых языков, особенно английского. Кроме того, по свидетельству авторов очерка [Давиденко, Комарова 2006], в последнее время в РЖЯ растет число жестов, займствованных из других национальных жестовых языков, чаще всего из ASL и германского жестового языка (DGS). Как и в случаях займствований в звуковых языках, единицы, займствованные жестовыми языками из других языков, осваиваются займствующим языком, приспосабливаясь к его особенностям и претерпевая формальные и семантические изменения¹⁸.

Дактилирование представляет собой передачу слов звукового языка при помощи дактилем — жестов, обозначающих буквы алфавита¹⁹. В исследовании [Battison 1978] было показано, что в ASL дактильные обозначения слов английского языка со временем часто начинают вести себя как единый жест. В частности, структура жестов базового словаря ASL обычно допускает не более двух конфигураций. В лексикализуемых дактильных обозначениях, приспосабливающихся к данному правилу, наблюдается редукция или полное выпадение отдельных дактилем. Подобное явление наблюдается и в РЖЯ. Например, значение 'квартира' передается при помо-

¹⁷ Именно поэтому в лингвистике жестовых языков до сих пор нет единого подхода к квалификации параметров жеста в классификаторных конструкциях. С одной стороны, они несомненно обладают значением, т. е. оказываются функционально близкими к морфемам. С другой стороны, список всех возможных в классификаторных конструкциях локализаций, ориентаций и движений является открытым, что делает данные параметры непохожими на однозначно идентифицируемые и исчисляемые морфемы. В [Supalla 1986] классификаторные конструкции рассматриваются как полностью состоящие из морфем, в [DeMatteo 1977; Cogill-Koez 2000] они квалифицируются как визуальные образы, не входящие в систему языка. С точки зрения С. Лидделла, данные конструкции состоят как из лексически устойчивых элементов, так и из дополнительных, обладающих значением градиентных формальных признаков [Liddell 2003: 269].

¹⁸ Формальные изменения в основном затрагивают займствования из звуковых языков. В [Lucas, Valli 1992] отмечается, что жесты, займствованные из других жестовых языков, как правило, не требуют значительной реструктуризации и легко приспосабливаются к языку.

¹⁹ В настоящее время в мире используется несколько десятков дактильных алфавитов, см., например, [Carmel 1975], где описано более 40 национальных дактильных алфавитов.

щи дактильного обозначения #К-В²⁰, представляющего собой уже не последовательность жестов, а единый жест, в котором, помимо выпадения дактилем, наблюдается прогрессивная ассимиляция дактилем по параметру ориентации.

При калькировании отражаются грамматические и семантические особенности соответствующего звукового языка. Жесты или их комбинации выступают как эквиваленты слов звукового языка; порядок их следования соответствует порядку слов в звуковом языке; грамматическая информация, как правило, передается при помощи дактилирования²¹. Ср. два предложения, первое на РЖЯ, а второе на калькирующей жестовой речи: INDX LOC:КЛЕВЕТАТЬ:1PS Я НЕ.ВЕРИТЬ 'Я не верю, что он меня оклеветал' [a-s6]; Я Н-Е ВЕРИТЬ ЧТО О-Н О- я ТАК ГОВОРИТЬ 'Я не верю, что он обо мне так сказал' [a-s16]. Калькирование обычно сопровождается артикуляцией соответствующих слов звукового языка. По наблюдениям Г. Л. Зайцевой, калькирующие конструкции могут со временем осваиваться РЖЯ и становиться частью его словарного состава, претерпевая при этом формальные и семантические изменения [Зайцева 2004: 33]²².

2. Редупликация в звуковых и жестовых языках: сходства и различия

В данном разделе мы кратко обозначим основные структурно-функциональные свойства редупликации в звуковых и жестовых языках, отмечаемые в существующей лингвистической литературе. Предваряя даль-

²⁰ Дактильные обозначения здесь и далее записываются малыми прописными буквами через дефис. Знаком # обозначаются лексикализованные дактильные обозначения.

²¹ Калькирование в звуковых языках традиционно рассматривается как особый тип заимствования. Однако в жестовых языках калькирование оказывается ближе к кодовому переключению — переходу говорящего в процессе речевого общения с одного идиома на другой. При этом говорящий переключается не на сам звуковой язык (для носителей жестовых языков это зачастую является невозможным или представляет определенные трудности), а на идиом-посредник, в котором канал передачи информации принадлежит жестовому языку (визуально-кинестические средства), значащие единицы принадлежат либо жестовому, либо звуковому языку (жесты или дактилируемые слова), а правила употребления этих единиц — звуковому языку. Объем калькирования довольно сильно варьирует в речи носителей РЖЯ, он зависит от условий, в которых происходило усвоение РЖЯ, объема использования в повседневном общении РЖЯ и русского языка, а также от обсуждаемой темы и условий коммуникации.

²² Процессы усвоения жестовым языком некоторых калькирующих конструкций наблюдаются и в других жестовых языках, см. об этом, например, [Johnston, Schembri 2007: 183].

нейшее описание, можно сказать, что редупликация в жестовых языках и в структурном, и в функциональном отношениях обнаруживает большое сходство с одноименным явлением в звуковых языках, однако обладает и спецификой, обусловленной важной ролью пространства в передаче информации и возможностью использования двух независимых артикуляторов одновременно.

Начало активного изучения редупликации в звуковых языках относится к последним десятилетиям XX века. Интерес к данному явлению обусловлен прежде всего тем, что как грамматическое или словообразовательное средство редупликация присутствует, хотя и в разном объеме, во многих звуковых языках, при этом в языках различного строя обладает целым рядом сходных формальных и функциональных черт [Rubino 2005a; 2005b]. В настоящее время уже накоплена обширная лингвистическая литература, посвященная описанию редупликации в каком-либо конкретном языке, имеются типологические исследования. Кроме того, редупликация является довольно сложным объектом для морфологического описания, особенно для моделей, ориентированных на линейное морфемное членение. Это побуждает исследователей к попыткам разработки формального аппарата, адекватного для описания данного языкового феномена²³. Многие зарубежные работы по редупликации выполнены на базе теории оптимальности²⁴ — концепции в рамках генеративной грамматики, согласно которой выбор поверхностной формы из всех возможных осуществляется путем последовательного применения иерархически организованных ограничений.

Начало изучения редупликации в жестовых языках тоже относится к последним десятилетиям прошлого столетия. Первой специальной работой в этой области стало исследование С. Фишер [Fischer 1973], выполненное на материале ASL. Изучение жестовых языков является сравнительно молодым направлением в лингвистике, однако редупликация с самого начала привлекала внимание исследователей. Это не случайно: редупликация как продуктивное морфологическое средство отмечается в большинстве зафиксированных жестовых языков. В настоящее время уже имеются рабо-

²³ Например, в [Блумфилд 1968; Marantz 1982; Broselow, McCarthy 1984; Bybee et al. 1994; McCarthy, Prince 1995] редупликация в общем случае рассматривается как добавление аффикса с неопределенными фонологическими признаками, представляющего собой повторяющуюся часть исходной формы, фонетически идентичную или частично отличающуюся от последней; ср. термины «chameleon morph» [Hockett 1950], «skeletal morpheme» [Marantz 1982], а также определение в [Bybee et al. 1994: 166]: «Reduplicative morphemes (...) do not have a constant phonological shape or even a small number of allomorphs, but rather a different allomorph for every stem with which they occur». В [Moravcsik 1978; Касевич 1988; Raimy 2000; Мельчук 2000; 2001; Плунгян 2003] редупликация рассматривается не как особый тип аффиксации, а как операция, преобразование над цепочкой фонем.

²⁴ См., например, [McCarthy, Prince 1995; Golston, Thurgood 1999; Minkova 2002; Inkelas, Zoll 2005].

ты, полностью посвященные анализу данного языкового феномена (например, [Fischer 1973; Bergman, Dahl 1994; Wilbur 2005, 2009; Börstell 2011]). Кроме того, во многих исследованиях средств выражения множественного числа существительных и аспектуальности редупликации уделяется значительное место (например, [Klima, Bellugi 1979; Bergman 1983; Liddel, Johnston 1989; Stavans 1996; Zwitserlood, Niihof 1999; Pfau, Steinbach 2003, 2005a; 2005b; 2007; 2010; Steinbach 2012]). Многие из названных работ, как и многие исследования редупликации в звуковых языках, выполнены в рамках генеративной грамматики. Одной из основных задач в них являются попытки объяснить появление форм редупликации на основе некоторых универсальных правил формальной фонологии и морфологии (например, [Liddel, Johnson 1989]) или на основе некоторых универсальных ограничений (например, [Wilbur 2005; 2009; Pfau, Steinbach 2003; 2005a; 2005b; 2007; 2010; Steinbach 2012]).

2.1. Редупликация и другие виды повтора

В работах, посвященных исследованию редупликации в звуковых языках, в первую очередь разграничиваются редупликация и другие виды повтора. В качестве диагностических признаков редупликации обычно указываются мотивированность (наличие у редуплицированной формы исходного корня и наличие семантической связи между ними), значимость (повтор на уровне формы коррелирует с различием в значениях исходной и редуплицированной форм) и продуктивность (наличие в языке других повторов, устроенных схожим образом как на уровне формы, так и на уровне семантики). На основании этих критериев под понятие редупликации не попадают, с одной стороны, такие внутрисловные повторы как, например, венг. *rara* 'отец', поскольку в венгерском языке нет значимой формы *ra* [Mogavcsik 1978: 301], а с другой стороны, синтаксические конструкции типа англ. *Wait, wait!* 'Подожди, подожди!' [Вежицкая 1999: 231]. Однако объем понятия редупликации в разных работах варьирует. Это обусловлено тем, что само исследуемое явление представляет собой континуум с нечетко очерченными границами: в нем возможны разнообразные отклонения от прототипической модели — мотивированного, значащего, продуктивного повтора морфемы. Так, в ряде работ признак мотивированности не считается обязательным свойством редупликации, и наряду с мотивированной выделяется немотивированная редупликация, примерами которой являются «лексемы, существующие в редуплицированном виде и не имеющие однокоренных нередуплицированных лексем»²⁵ [Рожанский 2011: 90]. По-

²⁵ В исследовании [Golston, Thurgood 1999] применительно к мотивированной и немотивированной редупликации используются термины «polymorphemic reduplication» и «monomorphemic reduplication» соответственно. Примерами немотивированной (мономорфемной) редупликации являются слова *kopkor* 'жаба', *qewqew* 'земляная кукушка', *тихтих* 'толочь' в чумашском языке [Ibid: 83].

разному исследователи подходят и к квалификации полного повтора словоформы (ср., например, [Gil 2005; Wang 2005], где разграничиваются синтаксический повтор и редупликация слова как синтаксический и морфологический процессы соответственно, и [Inkelas 2008], где повтор слова квалифицируется как тот же тип операции, что и морфологическая редупликация). Часто граница между редупликацией и другими видами повтора проводится на основании субъективной оценки: решение принимается исследователем в зависимости от поставленной задачи и специфики конкретного языка.

При описании редупликации в жестовых языках исследователи тоже в первую очередь ставят вопрос об отграничении редупликации от других типов повтора. Основными критериями, как и в звуковых языках, являются мотивированность, значимость и продуктивность повтора. Так, в опубликованных исследованиях к редупликации не относят внутренние («корневые») повторы, входящие в структуру словарной формы жеста²⁶. К редупликации не относят и случаи повторного вхождения одной лексемы, обусловленные дискурсивными факторами — служащие средством просодического утяжеления конца фразы, связанные с гезитацией или выдвиганием информации на передний план в структуре дискурса²⁷ и др.

Исследователи отмечают и формальные отличия редупликации в жестовых языках от других видов повтора. Например, в ASL и SSL редулицированная форма жеста, как правило, содержит три совпадающих сегмента (т. е., по сути, имеет место трипликация), тогда как в случае внутреннего повтора жест содержит два совпадающих сегмента [Wilbur 2005: 597; Bergman, Dahl 1994: 403]. В статье [Bergman, Dahl 1994] приводятся данные, свидетельствующие о том, что редупликация в SSL отличается от внутреннего повтора на основании большей длительности; кроме того, редулицированные формы имеют другие контуры движения, отличные от контуров движения в случае внутреннего повтора [Ibid: 403—405]. В статье [Pfau, Steinbach 2003], посвященной средствам выражения реципрока в DGS, редупликация согласующегося глагольного жеста HELF в значении ‘X и Y помогают друг другу’ (движение от условного X к условному Y + обратное движение) отграничивается от двух независимых вхождений этого жеста в значении ‘X помогает Y, а Y помогает X’ на основании просодических различий: во втором случае между первым и вторым движениями имеется отчетливая пауза [Ibid: 15].

²⁶ Например, жест WRITE ‘писать’ в шведском жестовом языке (SSL) в словарной форме содержит два коротких повторяющихся движения [Bergman, Dahl 1994: 403].

²⁷ О средствах просодического утяжеления конца фразы, в том числе повторах, см., например, [Crasborn et al. 2012]; о дублировании жестов, связанном с гезитацией и выдвиганием информации на передний план в структуре дискурса см. [Kimmelman 2012].

Как и в работах по редупликации в звуковых языках, границы между редупликацией и другими типами повторов в жестовых языках проводятся исследователями по-разному, иногда даже в разных работах одного и того же автора. Например, Р. Уилбур в статье [Wilbur 2005] на основании числа повторений и нерегулярности выводит за рамки редупликации повторы, дифференцирующие в ASL некоторые соотносительные именные и глагольные жесты²⁸ [Ibid: 597—598], однако в более поздней статье подобные повторы квалифицирует как редупликацию [Wilbur 2009: 331].

2.2. Формы редупликации

2.2.1. Формы редупликации в звуковых языках

Редупликация, используемая в звуковых языках, характеризуется многообразием структурных типов, различающихся по ряду параметров: области применения редупликации — сегменту, подвергающемуся копированию; направлению редупликации; контактному/дистантному расположению редуплицируемого сегмента и его копии; числу повторений; точности копирования; полноте копирования; наличию других языковых средств, дополнительно дифференцирующих исходную и редуплицированную формы. Имеющиеся в лингвистической литературе классификации типов редупликации в звуковых языках отличаются друг от друга разными подходами к некоторым из названных классификационных признаков и используемой терминологией.

В большинстве работ под областью применения редупликации²⁹ понимается план выражения морфологического знака или группы знаков — корень, основа, аффикс или словоформа. Иной подход представлен в типологическом исследовании [Рожанский 2011], где редупликация рассматривается не в рамках морфологической структуры, а как механизм, не имеющий привязки к конкретному уровню языка. Соответственно, с позиций данного подхода повторяемый сегмент может соотноситься с разными языковыми единицами — фонемой, морфемой или лексемой [Там же: 34—42].

В зависимости от направления, т. е. позиции копии по отношению к копируемому сегменту, редупликация может быть левой (агта [Healey 1960, цит. по Marantz 1982: 439]: *taktakki* ‘ноги’ от *takki* ‘нога’), правой (карук [Bright 1957, цит. по Marantz 1982: 459]: *parakrak* ‘советы’ от *parak* ‘совет’) или внутренней, при которой копия разрывает область применения редуп-

²⁸ Например, жест SIT ‘сидеть’ в ASL содержит одно плавное движение, а «однокоренной» жест CHAIR ‘стул’ при тех же конфигурации, ориентации и локализации — два повторяющихся коротких движения.

²⁹ Термин «область редупликации» вводится в [Мельчук 2000: 48]. Применительно к данному понятию используются также термины «основа» [Минлос 2004], «редупликант» [Крючкова 2000]; в англоязычной терминологии наиболее распространенным является термин «base».

ликация (чокто [Kimball 1988, цит. по Rubino 2005b: 14]: *tononoli* ‘кататься взад-вперед’ от *tonoli* ‘катиться’) ³⁰.

Редуплицируемый сегмент и его копия могут непосредственно примыкать друг к другу (индонез. [Rubino 2005b: 19]: *matamata* ‘шпион’ от *mata* ‘глаз’) или располагаться дистантно (догон [Рожанский 2011: 50]: *ezu-na-ezu* ‘очень красивый’ от *ezu* ‘красивый’).

Некоторые исследователи (например, [Moravscik 1978; Rubino 2005a; 2005b]) при исчислении типов редупликации учитывают количество повторений, поскольку противопоставление собственно редупликации, т. е. однократного повтора, и множественной редупликации может быть значимым (мокильск. [Harrison 1973, цит. по Rubino 2005a: 114]: *roar* ‘вздрогнуть’ — *roarroar* ‘дрожать’ — *roarroarroar* ‘продолжать дрожать’).

По признаку полноты копирования различаются полная и частичная редупликация. При полной редупликации копированию подвергается вся область применения редупликации, т. е. весь знак или группа знаков (например, повтор корня во франц. [Мельчук 2000: 49]: *foufou* ‘сумасшедший’ от *fou* ‘шаловой’; повтор префикса в венг. [Там же]: *el-el-megy* ‘посещать время от времени’ от *el-meg* ‘посещать’; повтор словоформы в русск.: *синий-синий*). При частичной редупликации повторяется часть знака, не обладающая собственным значением (илоканск. [Rubino 2005b: 12]: *ubbing* ‘дети’ от *ubing* ‘ребенок’, *kalkalding* ‘козы’ от *kalding* ‘коза’).

На основании точности копирования выделяются точная редупликация, когда копия тождественна редуплицируемому сегменту, и неточная редупликация, когда имеются фонетические отличия между редуплицируемым сегментом и его копией (башкирск. [Юлдашев 1997: 214]: *акхак-мужхак* ‘всякие хромые и калеки’ от *акхак* ‘хромой’).

Во многих работах неполнота и неточность копирования не дифференцируются и рассматриваются в рамках одного признака — нетождественности копии редуплицируемому сегменту ³¹.

Редупликация в рамках словоформы может сочетаться с аффиксацией, дополнительно дифференцирующей значения исходной и редуплицированной форм [Moravscik 1978: 304, 313—314]. Например, сунданск. [Robins 1959, цит. по Moravscik 1978: 314]: *paudagudag* ‘преследовать друг друга’ от *udag* ‘преследовать’; *pairinjirinj* ‘ходить группами’ от *irinj* ‘ходить’.

³⁰ Применительно к левой («leftward») и правой («rightward») редупликации используются также термины «начальная» («initial») и «конечная» («final») редупликация [Moravscik 1978; Rubino 2005a; 2005b], а также «регрессивная» и «прогрессивная» редупликация [Рожанский 2011]. В работах [Marantz 1982; Broselow, McCarthy 1983/84], где редупликация квалифицируется как разновидность аффиксации, левая, правая и внутренняя редупликация обозначаются «prefixing/suffixing/ infixing reduplication» соответственно.

³¹ При этом используются разные термины: «дивергентная редупликация», «неточная редупликация», «неполная редупликация». В англоязычной литературе наиболее распространенным в данном случае является термин «partial reduplication».

2.2.2. Формы редупликации в жестовых языках

В литературе, посвященной исследованию редупликации в жестовых языках, при обсуждении структурных типов данного явления, учитываются рассмотренные выше параметры, в то же время учитываются и другие, связанные со спецификой жестовых языков.

Под областью применения редупликации в подавляющем большинстве работ понимается мануальный жест — аналог слова в звуковых языках. Однако в некоторых исследованиях учитывается и возможность редупликации немануальных средств.

В статье [Wilbur 2009] приводятся аргументы в пользу того, что в ASL (и, предположительно, в других жестовых языках) редупликация всегда является правой. В частности, копии, в отличие от основы, часто подвергаются прогрессивной редукции.

Дистантная редупликация в жестовых языках, по-видимому, отсутствует, что объясняется преимущественной нелинейностью морфологической структуры этих языков и очень слабым развитием аффиксации.

По количеству повторов редупликация в жестовых языках отличается от одноименного явления в звуковых языках. По мнению исследователей, для жестовых языков более характерен двукратный повтор редуплицируемого сегмента, т. е. трипликация. Возможны отклонения в сторону большего или меньшего количества повторений³², при этом функциональных различий между двумя и большим числом повторов не наблюдается [Magoney 2004: 247; Wilbur 2009: 325], в то время как противопоставление однократного и двукратного повторов может быть значимым. Например, в [Wilbur 2009: 325] отмечается, что однократный повтор (собственно редупликация) используется для указания на двойственное число референтов или различения некоторых соотносительных глаголов и существительных.

С точки зрения Р. Уилбур, вряд ли имеет смысл говорить о полноте редупликации применительно к ASL (и, предположительно, к другим жестовым языкам). В жестовых языках большинство жестов односложные и при копировании они повторяются полностью. В случае двусложных жестов копированию тоже подвергаются оба слога [Wilbur 2009]³³.

По отношению к параметру «точность копирования» в существующих исследованиях используются разные подходы. В ряде работ разграничиваются простая редупликация, когда никакие параметры жеста при его повторе не изменяются, и редупликация с изменением параметров жеста при

³² М. Штайнбахом на материале DGS был выявлен ряд факторов, влияющих на количество повторов при редупликации: слоговая структура жеста, скорость артикуляции, наличие немануального компонента, синхронизирующегося с мануальным жестом, индивидуальные особенности информанта [Steinbach 2012]. Варьирование числа повторов в речи разных информантов отмечается также в [Zwitzerlood, Nijhof 1999] применительно к нидерландскому жестовому языку (NGT).

³³ Заметим, что, по крайней мере, в РЖЯ, возможна неполная редупликация, см. (3.1.1).

повторе — смещением руки по горизонтали, инверсией направления движения, изменением ориентации руки (см., например, [Zwitsersloot, Nijhof 1999; Mijan 2003; Pfau, Steinbach 2005b; Steinbach 2012]). В исследованиях [Fischer 1973] и [Bergman, Dahl 1994] противопоставляются быстрая и медленная редупликация, т. е. исполнение повторов с разной скоростью. Данные различия можно рассматривать как аналог противопоставления точной/неточной редупликации в звуковых языках³⁴. Однако по мнению Р. Уилбур, тип неточной редупликации³⁵ в жестовых языках отсутствует. Во-первых, параметры конфигурации, локализации или ориентации жеста часто являются фонологически существенными. Во-вторых, модификация тех или иных параметров жеста часто выступает в качестве морфологического средства. Соответственно, изменение того или иного параметра может коррелировать с различиями в семантике [Wilbur 2009]. Например, в ASL жест QUIET, исполняемый с вертикальным движением вниз, означает ‘спокойный’, а с движением по кругу — ‘неразговорчивый, замкнутый’; жест SICK, исполняемый медленно и плавно, означает ‘больной’, а быстро и резко — ‘склонный к болезням’ [Klima, Bellugi 1979: 249—255]. На этом основании в исследованиях [Klima, Bellugi 1979; Wilbur 2005; 2009; Börstell 2011] редупликация, сопровождающаяся изменениями параметров жеста, интерпретируется не как аналог неточной редупликации в звуковых языках, а как сочетание редупликации с другими морфологическими показателями, дополнительно дифференцирующими значения исходной и редулицированной форм.

В качестве особого структурного типа редупликации, не имеющего аналога в звуковых языках, исследователи рассматривают удвоение артикулятора: исполнение исходно одноручного жеста двумя руками с симметричными конфигурацией, локализацией, ориентацией и движениями [Klima, Bellugi 1979; Bergman, Dahl 1994; Börstell 2011; Meir 2012]. Руки при этом могут двигаться синхронно или поочередно. Однако, как отмечается в [Meir 2012: 106], важно различать удвоение артикулятора с целью образования новой лексической единицы или кодирования грамматического значения и удвоение артикулятора как свободный вариант жеста.

В процессе редупликации в жестовых языках могут участвовать и немануальные средства. Во-первых, редулицированный мануальный жест может сопровождаться нередулицированным немануальным показателем. Последний в этом случае выступает в качестве дополнительного средства, уточняющего функцию мануальной редупликации. Так, в SSL выпячивание губ при быстрой редуликации мануального глагольного жеста ассоциируется с хабитуальным значением; другие немануальные средства кодируют адвербиальные значения ‘с усилием’, ‘бесконтрольно’, ‘быстро’

³⁴ В указанных работах редупликация, сопровождающаяся изменением параметра жеста, называется неполной (partial reduplication).

³⁵ В терминологии Р. Уилбур — неполной редуликации (partial reduplication).

[Bergman, Dahl 1994: 405]. Во-вторых, редуплицированный мануальный жест может сопровождаться редупликацией немануальных средств. Например, сопутствующей артикуляцией слов шведского звукового языка, повторяющихся столько же раз, сколько и мануальный жест в SSL [Bergman, Dahl 1994: 405]; повторением немануального компонента, присущего исходному жесту в израильском жестовом языке (ISL) [Meir, Sandler 2008: 93]; покачиванием корпуса в ASL [Fischer 1973]. Наконец, в некоторых случаях редупликация может осуществляться исключительно за счет немануальных средств; мануальный жест при этом остается нередуплицированным. Возможность использования «чистой» немануальной редупликации отмечается для SSL и для австралийского жестового языка (Auslan). Так, в SSL жест DARK 'быть темным' при передаче значения 'становиться темным, темнеть' исполняется в замедленной манере и сопровождается немануальной редупликацией — повторяющейся артикуляцией шведского слова *mörk* 'темный' [Börstell 2011: 52]. В Auslan мануальные жесты WOMAN 'женщина' и APPLE 'яблоко' не редуплицируются, однако некоторые носители языка при выражении значения множественного числа исполняют их с повторяющимися легкими наклонами корпуса или поворотами головы вправо-влево [Johnston, Schembri 2007: 139].

Существующие исследования показывают, что тип редупликации может зависеть от фонологических или морфосинтаксических характеристик исходного жеста. Наиболее последовательно эта зависимость была рассмотрена Р. Пфау и М. Штайнбахом на материале DGS. Проблемы редупликации затрагивались ими в связи с изучением способов выражения предметной и событийной множественности, реципрокальных конструкций и роли пространства в DGS [Pfaу, Steinbach 2003; 2005a; 2005b; 2007; 2010; Steinbach 2012]. В указанных работах демонстрируется зависимость выбора способа выражения грамматического значения, в том числе и типа редупликации, от фонологической структуры исходного жеста и его морфосинтаксических свойств. В качестве релевантных характеристик жеста при этом выделяются контакт руки с телом (контактный / бесконтактный жест), количество артикуляторов (одноручный / двухручный жест), возможность согласования (согласующийся / несогласующийся жест) и слоговая структура (моносиллабический / полисиллабический жест). Например, для одноручных жестов, которые преимущественно исполняются в боковой части жестового пространства, характерна редупликация со сдвигом руки по горизонтали. Для двухручных жестов, преимущественно симметричных относительно саггитальной оси, характерна редупликация без изменения локализации жеста при повторах. Редупликации с инверсией направления движения подвергаются согласующиеся жесты. М. Штайнбах также отмечает, что в DGS некоторые запреты на использование редупликации при выражении множественного числа существительных, могут сниматься в случае кодирования при помощи данного средства аспектуальных значений [Steinbach 2012: 116].

Исследования, ведущиеся в течение нескольких последних десятилетий, демонстрируют большое структурное сходство жестовых языков, как родственных, так и неродственных. Интересно, что при этом для разных жестовых языков отмечаются разные наборы ограничений на использование редупликации. Например, в DGS, BSL и Auslan не редуплицируются контактные жесты [Johnston, Schembri 2007: 139; Steinbach 2012: 116—117], тогда как в ASL и NGT редупликация контактного жеста возможна [Steinbach 2012: 118]. В DGS и новозеландском жестовом языке (NZSL) обычно не редуплицируются полисиллабические жесты [Steinbach 2012: 116; Wallingford 2008: 7], однако такая возможность отмечается для ASL [Sandler 1989: 178; Wilbur 2009: 325; Steinbach 2012: 118]. В Auslan на редупликацию накладывает ограничение наличие в структуре жеста внутреннего повтора [Johnston, Schembri 2007: 139], тогда как, например, в SSL допускается редупликация жестов, содержащих внутренний повтор [Börstell 2011].

2.3. Функции редупликации

2.3.1. Функции редупликации в звуковых языках

В звуковых языках круг грамматических и словообразовательных значений, выражаемых при помощи редупликации, разнообразен. При этом, по наблюдениям Дж. Байби, редупликация гораздо шире распространена как способ словообразования, чем как способ выражения грамматической семантики [Bybee 1985: 97]. Наиболее типичными среди функций редупликации являются указание на множественность референтов или ситуаций и на интенсивность признака [Moravcsik 1978: 317]. Данные значения очевидным образом связаны с иконичностью редупликации: повтор естественно соотносится с идеей меры и количества. Однако редупликация используется и для передачи других значений — диминутива, аугментатива, пейоративности и др., — а также является достаточно распространенным средством образования слов другого грамматического класса [Крючкова 2000]. В исследовании [Рожанский 2011] функции редупликации, не связанные с количественной семантикой, тоже объясняются иконичностью, но при этом подчеркивается, что иконическая сущность редупликации более сложна, чем это обычно представляется: «Иконичность редупликации проявляется в двух семантических паттернах. Более известен один из них, связанный с количественной семантикой ⟨...⟩. Второй паттерн известен в меньшей степени, хотя им определяется появление немалого числа редуплицированных форм. Это паттерн неполного сходства, выражающий семантику “быть похожим на...” и идею частичной трансформации или искажения» [Там же: 239].

2.3.2. Функции редупликации в жестовых языках

В работах, посвященных редупликации в жестовых языках, выделяются два подхода к интерпретации ее функций, обусловленные различиями в описанных выше подходах исследователей к квалификации сочетаний редупликации с теми или иными модификациями параметров жеста.

С позиций первого подхода, при котором сочетания редупликации с модификациями параметров жеста рассматриваются как разные структурные типы редупликации, функции последней оказываются достаточно разнообразными, хотя в целом наиболее типичными из них, как и в звуковых языках, оказываются указание на множественность референтов или ситуаций и на интенсивность признака. При этом функции тех или иных структурных типов редупликации в разных жестовых языках оказываются схожими.

Так, наблюдается определенная корреляция между скоростью исполнения повторов при редупликации и значениями количественной и линейной аспектуальности и/или значением интенсивности действия. С. Фишер соотносит быструю редупликацию в ASL с хабитуальным значением, а медленную — с длительностью [Fischer 1973]. Быстрая редупликация имперфективных и перфективных глаголов в SSL указывает на значение прогрессива с маркированной протяженностью во времени или значение событийной множественности соответственно; медленная редупликация — на значение дуратива с маркированной протяженностью во времени или значение интенсивной событийной множественности ('часто', 'много', 'много раз') соответственно [Bergman 1983, цит. по Börstell 2011: 17; Bergman, Dahl 1994: 407]. В британском жестовом языке (BSL) быстрая редупликация имперфективных и перфективных глаголов указывает на значения дуратива или фреквентатива соответственно; медленная редупликация — на значения континуатива или итератива соответственно [Sutton-Spence, Woll 2007: 119—120]. В Auslan быстрая редупликация имперфективных и перфективных глаголов указывает на дуративное и хабитуальное значения соответственно, медленная редупликация — на значения континуатива и итератива соответственно [Johnston, Schembri 2007: 152].

Простая редупликация выступает в жестовых языках одним из средств выражения множественного числа существительных [Steinbach 2012; Wallingford 2008]. Этот тип редупликации используется также в разных жестовых языках для выражения дуратива, итератива, фреквентатива [Börstell 2011: 17; Meir, Sandler 2008: 92; Sutton-Spence, Woll 2007: 119—123; Bergman, Dahl 1994: 405; Klima, Bellugi 1979]. В описаниях ASL и Auslan отмечается, что простая редупликация является одним из средств образования слов другого грамматического класса: с ее помощью различаются некоторые пары глаголов и существительных [Supalla, Newport 1978; Johnston, Schembri 2007: 126—127].

Редупликация со сдвигом руки по горизонтали, как и простая редупликация, часто используется для выражения множественного числа существительных [Steinbach 2012; Wallingford 2008]. Помимо множественности, она может сообщать характеристики пространственного положения или формы описываемых объектов [Steinbach 2012: 127] и соотноситься со значением дистрибутива [Fischer 1973; Miljan 2003].

С позиций второго подхода, при котором редупликация и модификации параметров жеста считаются разными морфологическими средствами,

функцией редупликации, соответственно, считается только выражение количественной семантики. Ср.: «Under this analysis, reduplication is reduced to the presence of the phonological feature [repeat] semantically licensed at aspectual and/or quantificational nodes. That is, as has been suggested for spoken languages, reduplication in ASL, by the time it gets to apply, simply means “more of the same”»³⁶ [Wilbur 2005: 617].

3. Редупликация в русском жестовом языке

В существующих описаниях РЖЯ редупликации уделяется не так много внимания. Она лишь упоминается как показатель множественного числа и завершенности/незавершенности действия [Давиденко, Комарова 2006], как средство выражения реципрокальных значений и множественности субъектов и адресатов [Зайцева 1987] или как показатель итеративной множественности [Шамаро 2006]. В данном разделе мы попытаемся подробнее рассмотреть структурно-функциональные особенности редупликации в РЖЯ, к которой мы относим случаи значимого продуктивного повтора жеста, части жеста и/или немануального показателя. В отличие от предшествующих работ, посвященных редупликации в жестовых языках, в данном исследовании признак мотивированности не считается обязательным свойством редупликации. Поэтому наряду с мотивированной мы выделяем в РЖЯ и немотивированную редупликацию.

3.1. Мотивированная редупликация

При мотивированной редупликации областью ее применения является жест или, реже, немануальный показатель. Жест в жестовых языках выступает аналогом слова. В исследованиях редупликации в звуковых языках в разное время был сформулирован ряд критериев, дифференцирующих редупликацию слова (словоформы) от синтаксического повтора (см., например, [Thun 1963; Вежбицкая 1999; Gil 2005]). Многие из этих критериев релевантны и для РЖЯ: 1) редуплицированной форме, в отличие от повтора, свойственно просодическое единство; 2) редуплицированная форма, в отличие от повтора, может быть оформлена целиком одним грамматическим показателем; 3) семантика редуплицированной формы отличается от семантики ее составляющих, тогда как при повторе семантика слова не претерпевает изменений; 4) редупликация, в отличие от повтора, не используется для коммуникативного усиления. На основании этих критериев мы не относим к редупликации повторы жеста, обусловленные дискурсив-

³⁶ «При таком подходе редупликация сводится к наличию фонологического признака [повтора], семантически привилегированного для аспектуальных или кванторных узлов. То есть, как, по-видимому, и в звуковых языках, редупликация в ASL в случае ее применения просто означает “больше того же самого”».

ными факторами: дистантные повторы³⁷ (1), повторы, связанные с hesitation (2), и повторы, выполняющие illocutionary function: побуждения адресата к немедленному выполнению действия или подтверждения ответственности говорящего за свое высказывание (3—6).

- (1) ИМЕТЬСЯ ПРОБЛЕМА **ЗДОРОВЬЕ** СВОЙ **ЗДОРОВЬЕ**
'У меня есть проблемы со здоровьем' [st-s15].
- (2) **НОВЫЙ** СТРОИТЬ **МНОГОЭТАЖНЫЙ.ДОМ** / **ШЕСТНАДЦАТЬ ДЕВЯТНАДЦАТЬ** / **ДЕВЯТНАДЦАТЬ** ДВАДЦАТЬ ОДИН ЭТАЖ / **НЕ.ЗНАТЬ** / **МНОГОЭТАЖНЫЙ.ДОМ** **НОВЫЙ**
'Построили новый многоэтажный дом. Шестнадцать, девятнадцать... девятнадцать, двадцать один этаж... не знаю... высокая новостройка' [st-s1].
- (3) IMP:LOC / **СМОТРЕТЬ СМОТРЕТЬ** INDX
'А, стой! Смотри, смотри, вон там!' [st3-s1].
- (4) 1PS:СОВЕТОВАТЬ:LOC // INDX **ХОРОШО** / **ХОРОШО**
'Я дал ему совет. Он: «Хорошо, хорошо»' [st-s10].
- (5) Я ДА ДА **ЗНАТЬ ЗНАТЬ ЗНАТЬ ЗНАТЬ**
'Да, да, знаю, знаю' [d-s6-s7].
- (6) **НЕТ** **НЕТ** / **НУЖНО:NEG** **НУЖНО:NEG** **НУЖНО:NEG**
'(Начальник видит — человек глухой, а дальше и разговаривать не хочет:) «Нет, нет, не нужно, не нужно [такого работника]»' [st-s18].

Анализ имеющегося материала позволяет выделить следующие признаки, релевантные для описания структурных типов мотивированной редупликации в РЖЯ: 1) количество повторов; 2) точность копирования; 3) полнота копирования; 4) использование дополнительного мануального артикулятора; 5) одновременность/последовательность реализации основы и ее копии; 6) использование немануальных средств. Такие признаки, как контактное/дистантное расположение основы и копии и направление редупликации, не являются релевантными. Редупликация в РЖЯ может быть либо контактной, когда основа и копия непосредственно примыкают друг к другу, либо одновременной, когда основа и копия реализуются одновременно. В случае контактного расположения основы и копии редупликация, по видимому, всегда является правой, о чем свидетельствует часто наблюдающаяся прогрессивная редукция³⁸ копии.

³⁷ По предположению В. Киммельмана, дистантные повторы жеста или группы жестов используются для повышения дискурсивного статуса дублируемого фрагмента информации [Kimmelman 2012].

³⁸ Редукция проявляется в меньшем напряжении кисти руки. Соответственно копия, по сравнению с исходной формой жеста, имеет менее четкую конфигурацию и меньшие резкость и амплитуду движения.

На основании перечисленных выше признаков можно выделить следующие структурные типы редупликации в РЖЯ: 1) простая мануальная редупликация; 2) двуручная редупликация (редупликация с дублированием мануального артикулятора); 3) немануальная редупликация. Ниже мы рассмотрим эти структурные типы, их функции, а также случаи сочетания форм редупликации друг с другом или с другими морфологическими средствами.

3.1.1. Простая мануальная редупликация

Простая мануальная редупликация сопоставима с точной редупликацией в звуковых языках — мануальный жест повторяется без изменения его конфигурации, ориентации, локализации и направления движения.

Из всех структурных типов редупликации простая мануальная редупликация наиболее частотна в текстах на РЖЯ. Этот тип редупликации демонстрирует в РЖЯ некоторые отличия от его аналогов в других жестовых языках. Во-первых, наши данные не подтверждают высказанное Р. Уилбур предположение, основывающееся на материале ASL [Wilbur 2009], что редупликация в жестовых языках всегда полная. В РЖЯ возможна неполная простая редупликация — аналог неполной точной редупликации в звуковых языках. Она наблюдается у жестов, которые в исходной, словарной форме содержат внутренний повтор. Большинство таких жестов содержат два, реже три повторяющихся движения. При их редупликации общее количество повторов часто не кратно числу внутренних повторов в исходном жесте. Например, редуплицированная форма жеста, в исходной форме включающего два повторяющихся движения, может содержать три или пять повторяющихся движений. Это позволяет предположить, что для жестов с внутренним повтором возможно усечение копии (или последней копии в случае неоднократного повтора жеста). Во-вторых, в существующих исследованиях редупликации в жестовых языках отмечается, что для этого типа языков характерна трипликация, т. е. двукратный повтор. Однако в сплошной выборке примеров с простой редупликацией из корпуса РЖЯ однократный повтор, т. е. собственно редупликация, встречается примерно в два раза чаще трипликации. При этом имеется корреляция, хотя и не абсолютная, между числом повторов и значением, выражаемым при помощи редупликации.

Функциями простой редупликации в РЖЯ являются участие в кодировании ряда аспектуальных значений, выражение именной множественности и образование лексем другого грамматического класса. Ниже мы рассмотрим их подробнее.

3.1.1.1. Выражение аспектуальной семантики

Основной, наиболее частотной в текстах функцией простой мануальной редупликации в РЖЯ является кодирование ряда значений количественной

и линейной аспектуальности. По нашим данным, ограничения на фонологическую структуру жеста при этом отсутствуют. Редуплицироваться могут одноручные контактные³⁹ и бесконтактные жесты, двуручные жесты, в которых активны обе руки или только одна рука, двуручные жесты, в которых руки не контактируют или контактируют друг с другом, жесты, содержащие внутренний повтор.

Простая редупликация регулярно используется при выражении значений **итеративной множественности ситуаций** (ситуация *P* полностью повторяется через определенные промежутки времени с той или иной периодичностью [Плунгян 2011: 220]): собственно итератива — общего случая итеративной множественности, указания на тот факт, что *P* имеет место неоднократно (7, 8); фреквентатива — указания на то, что интервалы между повторяющимися ситуациями меньше некоторой условной нормы (9); раритива — указания на то, что интервалы между ситуациями больше некоторой условной нормы (10); хабитуалиса — указания на некоторый установившийся, привычный порядок осуществления *P* (11, 12). При этом наблюдаются некоторые отличия в скорости исполнения повторов при кодировании разных итеративных значений. Так, при выражении хабитуалиса средняя длительность редуплицированной формы с однократным повтором составляет в нашем материале 1,1 с⁴⁰, тогда как при выражении других значений итеративной множественности средняя длительность аналогичных форм составляет 0,65 с⁴¹. Кроме того, разные значения итеративной множественности могут дифференцироваться при помощи лексических средств, указывающих на обстоятельства цикличности или интервала, с которым осуществляется *P*: КАЖДЫЙ МЕСЯЦ (8), ЧАСТО (9), ИНОГДА (10) и др.

³⁹ Термин «контактный жест» здесь и далее используется до некоторой степени условно. Под контактными мы понимаем не только те жесты, в которых имеется непосредственный контакт руки с телом (тем более что такой контакт, присутствующий в словарной форме жеста, часто отсутствует в быстрой речи), но все жесты, имеющие жесткую привязку к определенной области на теле говорящего. Например, жест КРИКНУТЬ исполняется у рта, жест ЖИТЬ у талии, жест ВРАЧ у плеча и т. д. Место исполнения этих жестов не может быть изменено. Не случайно в [Baker-Shenk, Cokely 1980; Johnston, Schembri 2007] для их обозначения используется термин «body-anchored signs». Бесконтактные жесты, напротив, могут сдвигаться в жестовом пространстве. Например, бесконтактные жесты ОКНО, ЧЕЛОВЕК, УМЕРЕТЬ и др. могут быть исполнены правее или левее, выше или ниже в пределах жестового пространства.

⁴⁰ Минимальная длительность редуплицированных форм с хабитуальной семантикой, содержащих однократный повтор, составляет в имеющихся у нас примерах 0,89 с, а максимальная — 1,9 с.

⁴¹ Минимальная длительность редуплицированных форм с итеративным значением (кроме хабитуалиса), содержащих однократный повтор, составляет в имеющихся у нас примерах 0,38 с, а максимальная — 1,1 с.

- (7) РАНЬШЕ БАБУШКА LOC:УЧИТЬ:1PS БЫЛО ГОВОРИТЬ Л-О-Г-О-П-Е-Д
ПРИВЕСТИ+⁴²(r/s) БЫЛО
‘Раньше бабушка учила меня говорить голосом, к логопеду води́ла’
[d-s6-s7].
- (8) Я ДОМ:LOC УЧИТЬСЯ ЭКЗАМЕН **ОТПРАВИТЬ+(r/s)** КАЖДЫЙ МЕСЯЦ
КОНТРОЛЬНАЯ.РАБОТА ПИСАТЬ **ОТПРАВИТЬ+(r/s)**
‘Я заочно (букв.: дома) училась, каждый месяц отправляла кон-
трольные работы’ [st-s3].
- (9) МОЙ ОДНОКЛАССНИК+(r/s) **ЧАСТО** КИНОТЕАТР **ПРИЙТИ+(r/s)**
ВМЕСТЕ
‘Мы с одноклассниками часто ходим в кино’ [a-s18].
- (10) **ИНОГДА ВСТРЕТИТЬСЯ+(r/s)** / ЛЮБИТЬ ОЧЕНЬ СВОЮ ДОЧЬ
‘[Мы с ней] иногда встречаемся, я очень люблю свою дочь’ [st-s4].
- (11) ВЕСЬ INDX ГОРЫ БОЛЕТЬ РОДИТЬ CLF:НЕСТИ.ЧЕЛОВЕКА / INDX **РО-
ДИТЬ+(r/s)**
‘(Там была больница.) Отовсюду с гор везли туда рожать, там ро-
жали’ [st-s1].
- (12) INDX ВОЛК КРУТОЙ INDX СОБАКА ТОЛСТАЯ.МОРДА INDX **УКУСИТЬ+(r/s)**
//⟨...⟩ // **УКУСИТЬ+(r/s)** PRTCL ГУЛЯТЬ INDX НУЖНО:NEG
‘Там крутая опасная собака, с толстой мордой, кусается. ⟨...⟩ Если
кусается, ну... не нужно там гулять’ [st-s1].

При выражении итеративной множественности преобладают редуплицированные формы с однократным повтором — они составляют примерно две трети всех примеров с итеративом и подавляющую часть примеров с фреквентативом, раритивом и хабитуалисом. Два или, очень редко, большее количество повторов, по-видимому, используется для акцентирования значения множественности ситуаций (13—15).

- (13) ПОСТАВИТЬ.УКОЛ++(r/s) ДЕНЬ МНОГО
‘(Лежал я в больнице целых три месяца.) Много дней мне ставили
уколы’ [st-s13].
- (14) РАБОТАТЬ С.УТРА.ДО.ВЕЧЕРА СЛЕДУЮЩИЙ РАБОТАТЬ
ПРИЙТИ+++ (r/s) INDX
‘Работал целыми днями, потом шел на другую работу’ [st-s9].
- (15) СЕРЬЕЗНЫЙ НУЖНО ЧЕЛОВЕК+(r/s:m/arc) ВЕСЬ СОБРАТЬ
УДАРИТЬ+++++(r/s)
‘Серьезно, нужно всех людей собрать и добиваться, добиваться
[статуса жестового языка]’ [d-s6-s7].

⁴² В глоссах знаками «+» обозначено общее количество линейных повторов.

Следует заметить, что итеративная множественность ситуаций не всегда кодируется при помощи редупликации. Анализ имеющегося у нас материала позволяет высказать следующее предположение: жест редулицируется в том случае, когда он обладает событийным значением, ср. примеры выше. Если же жест обозначает процесс или состояние⁴³, итеративная множественность выражается только при помощи лексических средств⁴⁴ — жестов КАЖДЫЙ.ДЕНЬ, ИНОГДА, ЧАСТО и т. п. (16—19). Ср. пример (19), где жест с семантикой процесса СПОРИТЬ не редулицируется, а жест с событийным значением КРИКНУТЬ редулицируется.

- (16) INDX **КАЖДЫЙ.ДЕНЬ** ЧАС:ДВА **ЗУБРИТЬ** АНГЛИЙСКИЙ
 ‘Он каждый день по два часа занимается английским языком’ [a-s7].
- (17) INDX(m/arc) **ИНОГДА ЕХАТЬ** АМЕРИКА INDX.ДАЛЕКО
 ‘Они иногда ездят в Америку’ [a-s18].
- (18) INDX **БОЛЕТЬ ЧАСТО** ПРИЧИНА НУЖНО ЗАНИМАТЬСЯ.СПОРТОМ
 ‘Ты так часто болеешь, потому что не занимаешься спортом’ [a-s18].
- (19) ОТЕЦ^МАТЬ **ПОСТОЯННО СПОРИТЬ** INDX(r/dbl/sm:ln/mr)
КРИКНУТЬ+±(r/s)
 ‘Родители постоянно спорят, кричат друг на друга’ [a-s18].

В РЖЯ имеется также специализированный аналитический показатель итеративной множественности, образованный путем редупликации жеста БЫЛО. Жест БЫЛО функционирует в РЖЯ как аналитический показатель претерита (20), как собственно бытийный глагол в форме претерита (21) или, реже, как глагол-связка в составе именного сказуемого. В последнем случае жест БЫЛО может соотноситься не только с ситуацией в прошедшем (22), но и с ситуацией, не локализованной во времени (23).

- (20) **ВМЕСТЕ ВОЗРАСТ ДЕТИ ИГРАТЬ БЫЛО ИГРАТЬ ДЕТИ**
 ‘[Мы с ней] вместе в детстве играли’ [d-s11-s12].
- (21) **МАШИНА СВОЙ БЫЛО Ж-И-Г-У-Л-И МАШИНА СТАРЫЙ**
 ‘[У нас] была своя машина, старый «Жигули»’ [st-s3].
- (22) **Я БЫЛО ПЕРВЫЙ КЛАСС ЛОС:НАПАСТЬ:1PS++(r/s)**
 ‘Когда я был первоклассником, меня часто били’ [a-s17]

⁴³ Акциональная семантика отражается в фонологической структуре жеста [Филимонова 2014]. Жесты с отсутствием движения обозначают устойчивые состояния. Жесты, содержащие движение, но не содержащие внутреннего повтора, в большинстве своем обозначают события, однако некоторые из них могут иметь значение недискретных процессов или устойчивых состояний; важную роль при этом играют скорость и резкость движения. Жесты с внутренним повтором обозначают дискретные процессы или, реже, некоторые временные состояния (см. 3.2).

⁴⁴ А возможно, и скорости исполнения жеста, однако это предположение требует более детального исследования, которое не входит в задачи данной статьи.

- (23) МОЖНО **БЫЛО** ИНВАЛИД СЛЕПОЙ ГЛУХОЙ САМ CLF:САМОЛЕТ ЛЕТЕТЬ САМ МОЖНО / Н-О ДОГОВОРИТЬСЯ БИЛЕТ ДОКУМЕНТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗАТЬ СПЕЦИАЛЬНЫЙ
 ‘Можно быть инвалидом, слепым, глухим и самому летать самолетом. Но [нужно] договориться, билет специальный заказать’ [st-s1].

В редуплицированной форме жест **БЫЛО** выражает значения ‘бывает’, ‘бывало’. При употреблении данного показателя итеративности ограничений на акциональную семантику знаменательного глагола нет — последний может обозначать не только событие, как в (26), но и состояние или процесс (27, 28).

- (24) УЧИТЬСЯ ХОРОШИЙ ПЛОХОЙ **БЫЛО+(r/s)** ЧЕТЫРЕ ТРИ ПЯТЬ
 ‘Училась я то хорошо, то плохо, бывали четверки, тройки, пятерки’ [st-s15].
- (25) Я **БЫЛО+(r/s)** ДЕЛАТЬ УТРО INDX Я НУЖНО РАБОТАТЬ
 ‘Бывало, что мне по утрам нужно было работать’ [st-s13].
- (26) ДА **БЫЛО+(r/s)** ИНОГДА ПРИЙТИ.В.ГОСТИ:ЛОС+(r/s) ЗАБОТИТЬСЯ
 ‘(— Ты ходишь в гости к бабушке?) — Да, бывает, иногда захажи-ваю проведать’ [a-s14].
- (27) ХОРОШИЙ БЛАГОДАРИТЬ / **БЫЛО+(r/s)** ГОЛОВА.БОЛЕТЬ **БЫЛО+(r/s)**
 ‘(— Как Ваше здоровье?) — Спасибо, хорошо, только голова немного побаливает’ [a-s18].
- (28) ГОВОРИТЬ **БЫЛО+(r/s)** ГЛАЗЕТЬ ОСМАТРИВАТЬ
 ‘Слышащие (букв.: говорящие), бывает, глазекют на нас’ [st-s4].

Простая мануальная редупликация участвует и в кодировании значений, принадлежащих к сфере **внутрисобытийной (мультипликативной) множественности**. Примеры, в которых простая редупликация используется для выражения мультипликатива, в нашем материале немногочисленны, так как онтологически мультипликативные ситуации, как правило, кодируются в РЖЯ при помощи немотивированной редупликации (см. 3.2). При выражении мультипликатива с помощью мотивированной редупликации редуплицируются глаголы, обозначающие мгновенное событие, способное реализовываться как серия событий, повторяющихся через небольшие интервалы времени (29, 30). В отличие от редуплицированных форм со значением итеративной множественности, для которых характерен однократный повтор, редуплицированные формы с семантикой мультипликатива, как правило, содержат большее число повторов. Скорость исполнения повторов сопоставима со скоростью исполнения повторов в редуплицированных формах с итеративным значением.

- (29) Я ГОЛОВА **КИВНУТЬ++(r/s)** Я ДА ГЛУХОЙ ЧТО ДЕЛАТЬ PRTCL
 ‘(— А, ты же не слышишь!) Я киваю. — Да, глухой, что поделаешь’ [st-s1].

- (30) ПОТОМ ДУМАТЬ Я ПРОСИТЬ Я УДАРИТЬ++(r/s:m/arc) ПОМОЧЬ+(r/s) / КУПИТЬ О-3-О-Н PRTCL О-3- ИМЯ О-3- ВОДА УСТРОЙСТВО **КАПНУТЬ**++(r/s)
 ‘Потом я стал думать, просить, добиваться помощи и купил-таки «Озон»... как его... прибор по очистке воды (букв.: капания воды)’ [st-s13].

При выражении одной из разновидностей мультипликатива — дисконтинуатива, указания на то, что отдельные кванты ситуации осуществляются с периодичностью ниже некоторой условной нормы (31, 32), редуцируемый жест и его копии исполняются с меньшей, по сравнению со словарной формой жеста, амплитудой движения.

- (31) УЧИТЕЛЬ **СТУКНУТЬ.УКАЗКОЙ**++(r/s)
 ‘Учитель сердито постукивал указкой’ [a-s18].
- (32) Я **НАЖАТЬ.ПЕДАЛЬ**±±(r/s) Н-О ТАКОЙ.ЖЕ ПРОВАЛИТЬСЯ
 ‘[Чтобы затормозить,] я нажимала на педаль постепенно, но все равно слишком сильно (букв.: педаль провалилась)’ [d-s6-s7].

Простая редупликация используется также при выражении **интенсивного дуратива** — указания на то, что ситуация длится больше некоторой условной нормы. Редуплицируются при этом жесты, обозначающие процессы (33—36) или состояния (37).

Скорость исполнения повторов при выражении интенсивного дуратива заметно меньше в сравнении со скоростью исполнения повторов при выражении итеративного (кроме хабитуалиса) или мультипликативного значений: средняя длительность рассматриваемых форм, содержащих однократный повтор, составляет 1,15 с⁴⁵. При этом формы с семантикой интенсивного дуратива, как правило, содержат два и больше повторов, однократный повтор встречается лишь в трети примеров. Характерной особенностью рассматриваемых форм является то, что мануальная редупликация в них всегда выступает в сочетании с немануальной редупликацией — легкими движениями головы и/или корпуса вперед или в стороны, повторяющимися столько же раз, сколько и мануальный жест⁴⁶ (о немануальной редупликации см. также 3.1.3).

- (33) СЕСТЬ **ВЕСТИ.МАШИНУ**+++^{hbt}(r/s)
 ‘Сели в машину, едут, едут’ [st-s1].

⁴⁵ Минимальная длительность редуплицированных форм с семантикой дуратива, содержащих однократный повтор, составляет в нашем материале 0,87 с, а максимальная — 1,84 с.

⁴⁶ Немануальная редупликация обозначена в строке над обозначениями мануальных жестов.

- (34) _____ **htf+++**
 INDХ СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК НОЧЬ **ШАГАТЬ+++ (r/s)** ИЗНЕМОЧЬ
 ‘Старик, оттого что шел всю ночь, очень устал’ [a-s6].
- (35) _____ **htf+**
 Н-Г-Т-У УЧИТЬСЯ ПОСТУПИТЬ / **УЧИТЬСЯ+ (r/s)**
 ‘Поступили учиться в НГТУ. Учатся, учатся’ [st-s18].
- (36) _____ **btf++**
 МАТЬ РТCL СЕСТЬ ВМЕСТЕ СЫН СЕСТЬ **СЧИТАТЬ++ (r/s)** // INDХ
 _____ **hts+š** _____ **btf++**
 СКУЧНЫЙ **ИГРАТЬ+š (r/s)** МАТЬ **СЧИТАТЬ++ (r/s)**
 ‘Мать махнула рукой, ладно, села вместе с сыном, решает [задачу].
 Мальчику скучно, он играет, а мама за него решает, решает’ [r-s16].
- _____ **htf++**
 (37) **ТЕРПЕТЬ++ (r/s)**
 ‘(— Потерпи, скоро будет остановка.) Терпит, терпит’ [st-s1].

В РЖЯ имеется специализированный показатель проксиматива — указания на «временную фазу, расположенную близко к начальной границе ситуации, описываемой знаменательным глаголом» [Heine 1994: 36] (39, 40). Он образован путем простой редупликации жеста БУДЕТ, в нередуплицированной форме функционирующего как аналитический показатель будущего времени (38).

- (38) LOC:ОБЕЩАТЬ:1PS INDХ ПРИЙТИ **БУДЕТ**
 ‘Он обещал, что придет’ [a-s7].
- (39) СЕГОДНЯ НУЖНО ПЛАНИРОВАТЬ ВЫПОЛНИТЬ ЗАВТРА **БУДЕТ+ (r/s)**
 LOC:ПРИЙТИ:1PS LOC:БРАТЬ:1PS
 ‘Нам сегодня нужно все доделать — уже завтра придут забирать [заказ]’ [a-s6].
- (40) ГОВОРИТЬ.ПО.ТЕЛЕФОНУ / **БУДЕТ+ (r/s)** ВЕСТИ.МАШИНУ INDХ
 УВЕЗТИ:LOC **БУДЕТ+ (r/s)** УСПОКОИТЬСЯ IMP:LOC
 ‘Позвонил кому-то, [говорит мне:] «Вот-вот машина придет, ответит тебя, успокойся, стой здесь»’ [st-s1].

Таким образом, при помощи простой мануальной редупликации в РЖЯ выражается целый ряд аспектуальных значений. Однако, как можно видеть, кодируемое значение определяется не только редупликацией, но и другими средствами, вносящими свой вклад в семантику производной формы, и в первую очередь — акциональным классом исходного жеста. Редупликация в данном случае выполняет лишь одну функцию — указания на большее «количество» ситуации по сравнению с тем, которое выражено исходным нередуплицированным жестом. Соответственно, редупликация жестов с событийным значением дает формы с семантикой итеративной или мультипликативной множественности, а редупликация жестов со значением

процесса или состояния — формы с семантикой интенсивного дуратива. Другие, более тонкие оттенки аспектуальных значений производных форм определяются количеством повторов и скоростью их исполнения, а также использованием лексических средств — жестов, являющихся функциональными аналогами темпоральных и аспектуальных наречий в звуковых языках.

3.1.1.2. Выражение именной множественности

Простая мануальная редупликация используется в РЖЯ и как морфологический показатель именной множественности. Наши данные позволяют говорить о том, что в РЖЯ морфологически противопоставлены значения стандартной (аддитивной) и дистрибутивной множественности объектов (указания на совокупность объектов, находящихся в разных точках пространства [Мельчук 1998: 96]). Дистрибутивная множественность выражается при помощи двуручной сукцессивной редупликации (3.1.2.2) или сочетания простой мануальной редупликации с движением по дуге (3.1.4). «Чистая» простая редупликация используется для указания на аддитивную множественность. При этом наблюдаются ограничения на фонологическую структуру исходного жеста: по нашим данным, редуплицироваться могут только одноручные контактные жесты и такие двуручные жесты, в которых руки контактируют между собой⁴⁷. В обоих случаях возможна редупликация жестов с внутренним повтором⁴⁸.

Во всех имеющихся в нашем материале примерах рассматриваемые формы содержат только однократный повтор.

- (41) БОЛЕЗНЬ ЛЕЧИТЬ НЕВОЗМОЖНО ТАКОЙ.ЖЕ ЗНАТЬ⁴⁹ ЧЕЛОВЕК ЛЕЧИТЬ
ВРАЧ+(r/s) ЛУЧШИЙ / БЕСПОЛЕЗНО ЛЕЧИТЬ НЕВОЗМОЖНО ТАКОЙ.ЖЕ
 ‘Болезнь неизлечимая, все равно, даже если бы его лечили самые лучшие врачи, это бы все равно не помогло’ [a-s18].
- (42) **БОГАТЫЙ±(r/s)** / ВЕСЬ СОБАКА(r/dbl/sm) **СВОЙ+(r/s)**
 ‘(Люди выходят гулять с собаками.) Богатые, у всех свои собаки’ [st-s1].
- (43) Я ПОСТОЯННО ИНТЕРНЕТ ВНУТРИ ИНТЕРЕСНЫЙ (r/dbl/sm) **ФАКТ+(r/s)**
 ТЕМА НАЗВАНИЕ ИНТЕРЕСНЫЙ **ФАКТ+(r/s)** СМОТРЕТЬ
 ИСКАТЬ.В.ИНТЕРНЕТЕ ИНТЕРЕСНЫЙ (r/dbl/sm)
 ‘Я постоянно сижу в интернете, ищу и смотрю самые интересные новости (букв.: факты)’ [d-s5-s2].

⁴⁷ При бесконтактных жестах в качестве морфологического показателя аддитивной множественности выступает двуручная симультанная редупликация, см. (3.1.2.1).

⁴⁸ Например, внутренний повтор содержат жесты ВРАЧ (41), ОДНОКЛАССНИК (44), КНИГА (45).

⁴⁹ Жест ЗНАТЬ может выступать в функции уступительного союза, кодируя значение ‘даже если’. Здесь и в подобных случаях в глоссах мы обозначаем жест по его основному значению.

(44) ШКОЛА БЫЛО ЧЕЛОВЕК+(r/s:m/arc) СКОЛЬКО **ОДНОКЛАССНИК+(r/s)**
 ЧЕЛОВЕК СКОЛЬКО
 ‘В твоей бывшей школе, сколько у тебя было одноклассников?’
 [d-s11-s12]

(45) ПРОВЕРИТЬ **КНИГА+(r/s)** ВЕСЬ НОРМАЛЬНЫЙ / МИНОВАТЬ ЗАКОНЧИТЬ
 ‘Документы проверили, все нормально. Прошли [границу]’ [st-s1].

Необходимо отметить, что не всегда аддитивная множественность объектов кодируется в РЖЯ морфологически. Это значение может быть выражено в предложении только лексически — при помощи кванторных жестов МНОГО, ВЕСЬ, РАЗНЫЙ и т. п. (46, 47) или классификаторной конструкции с конфигурацией CLF:МНОЖЕСТВО (48). Достаточно часто аддитивная множественность вообще не получает специального обозначения, если ее значение ясно из контекста (49).

(46) **МНОГО КНИГА** ЛЮБИТЬ **ВЕСЬ** О-Т КНИГА Т-О-Л-С-Т-О-Й ДО СЕЙЧАС
 Д-О-Н-Ц-О-В-О-Й
 ‘Я люблю разные книги — от Толстого до Донцовой’ [st-s3].

(47) ЭТАЖ:ДВА ОБЩЕЖИТИЕ / СПАТЬ МАЛЬЧИК ДЕВОЧКА
 РАЗДЕЛИТЬ.ПОПОЛАМ РЕШЕТКА / INDX **ДЕВОЧКА ВЕСЬ** /
 INDX **МУЖЧИНА ВЕСЬ**
 ‘На втором этаже общежитие; женская и мужская половины разделены решеткой: там девочки, тут мальчики’ [st-s10].

(48) СЛУЧИТЬСЯ ВЕЧЕР **CLF:МНОЖЕСТВО.БЫСТРО.ДВИГАТЬСЯ** НЕСТИ
 ЖЕНЩИНА БЕРЕМЕННЫЙ / КАВКАЗ <...> ВРАЧ
CLF:МНОЖЕСТВО.ОСТАВАТЬСЯ.НА.МЕСТЕ МОЛЧАТЬ
 ‘Однажды вечером люди бегут, несут женщину беременную, кавказцы. <...> Врачи все стоят, молчат’ [st-s1].

(49) БАБУШКА ЧАСТО **CLF:ДВИНУТЬ.ВПЕРЕД.ПЛОСКИЙ.ПРЕДМЕТ++(r/s)**
ПИРОЖОК
 ‘Бабушка часто печет (букв.: ставит в печь противень) пирожки’
 [st-s7].

3.1.1.3. Образование лексем другого грамматического класса

Проблема разграничения частей речи в РЖЯ не имеет однозначного решения, но некоторые соотносительные глаголы и существительные все же формально различаются, см. [Kimmelman 2009]. Одним из средств их формальной дифференциации выступает простая мануальная редупликация, при помощи которой от некоторых глагольных жестов могут образовываться именные жесты. Редупликация при этом может использоваться только как субстантиватор, когда исходная и редуплицированная формы, помимо принадлежности к разным грамматическим классам, не имеют ка-

ких-либо специфических семантических различий, например: ПОМОЧЬ — ПОМОЧЬ++(r/s) ‘помощь’. Однако возможны случаи, когда исходная и редуцированная формы различаются семантикой: ИЗМЕНИТЬ — ИЗМЕНИТЬ+(r/s) ‘перестройка’⁵⁰.

Редуцироваться могут несогласующиеся (простые) и согласующиеся глаголы. Во втором случае жест утрачивает возможность согласования по лицу и исполняется в «неопределенной» форме.

В основном в нашем материале представлены примеры с редупликацией двуручных жестов, в которых руки контактируют между собой, однако возможна и редупликация двуручных жестов, в которых руки не контактируют между собой, а также одноручных бесконтактных жестов. Возможна редупликация жестов с внутренним повтором. В примерах преобладают редуцированные формы с однократным повтором.

Если исходный глагольный жест не содержит внутреннего повтора, то производный именной жест, как правило, содержит однократный повтор. При этом в производном жесте амплитуда повторяющихся движений, как правило, меньше, чем амплитуда движения в исходном жесте. Если исходный жест содержит внутренний повтор (в нашем материале все такие жесты содержат два повторяющихся движения), то производный жест содержит три повторяющихся движения, т. е. в данном случае имеет место неполная редупликация. При этом амплитуда движений в производном жесте существенно не отличается от амплитуды движений в исходном жесте.

Примеры редупликации простых жестов без внутреннего повтора: ВЫБРАТЬ — ВЫБРАТЬ+(r/s) ‘выборы (президента и т. п.)’; РАСТИ — РАСТИ+(r/s) ‘трава’; ОСТАНОВИТЬСЯ — ОСТАНОВИТЬСЯ+(r/s) ‘остановка (автобуса и т. п.)’; КУПИТЬ — КУПИТЬ+(r/s) ‘покупка’; ВЫПОЛНИТЬ — ВЫПОЛНИТЬ+(r/s) ‘домашнее задание’. См. также пример (50), где жест ВЫПОЛНИТЬ используется и в именной, и в глагольной функциях.

(50) **INDX ВЫПОЛНИТЬ+(r/s) ВЫПОЛНИТЬ ЗАКОНЧИТЬ СПАТЬ ЗАВАЛИТЬСЯ**
‘Сейчас выполню домашнее задание и завалюсь спать’ [a-s18].

Примеры редупликации согласующихся жестов без внутреннего повтора: ПОМОЧЬ — ПОМОЧЬ++(r/s) ‘помощь’; ОТПРАВИТЬ — ОТПРАВИТЬ+(r/s) ‘алименты’.

Пример редупликации простого жеста с внутренним повтором: БОЛЕТЬ — БОЛЕТЬŠ(r/s) ‘болезнь’.

Пример редупликации согласующего жеста с внутренним повтором: ОБМАНУТЬ — ОБМАНУТЬŠ(r/s) ‘обман, обманчивость, заблуждение’.

Редуцироваться для образования именных жестов могут и классификаторные конструкции. Так, конструкции CLF:САМОЛЕТ.ВЗЛЕТЕТЬ и CLF:САМОЛЕТ.КРУЖИТЬ в редуцированной форме используются в зна-

⁵⁰ Жест ИЗМЕНИТЬ используется и в значении ‘изменение’, см. [Spreadthesign], редупликация при этом отсутствует.

чении ‘аэропорт’ (51). В примере (52) информант, затруднившись вспомнить жест ПОГРЕБ, «создал» его путем редупликации классификаторной конструкции CLF:БОЛЬШОЙ.ПРЕДМЕТ.ДВУМЯ.РУКАМИ.ОПУСТИТЬ.ВНИЗ

(51) я INDX CLF:САМОЛЕТ.ВЗЛЕТЕТЬ++(r/s) СВОЙ
‘Я [отправился] в наш аэропорт’ [st-s1].

(52) БЫЛО+(r/s) КАРТОШКА /
CLF:БОЛЬШОЙ.ПРЕДМЕТ.ДВУМЯ.РУКАМИ.ОПУСТИТЬ.ВНИЗ+(r/s) /
П-О-Г-Р-Е-Б НАКРЫТЬ.КРЫШКОЙ INDX КАРТОШКА ОГУРЕЦ ПОМИДОР
РАЗНЫЙ
‘Обычно картошка... погреб... в погребе хранятся разные овощи:
картошка, помидоры, огурцы’ [st-s13].

В (3.1.1.1) и (3.1.1.2) было показано, что функция простой мануальной редупликации при кодировании значений аспектуальности и именной множественности заключается в указании на большее количество того, что обозначено исходным жестом. На наш взгляд, использование редупликации для образования лексем другого грамматического класса тоже связано с выражением количественной семантики. В приведенных выше примерах понятие, выражаемое производным существительным, возникает в результате итеративной повторяемости или длительности соответствующего действия. Например, редуплицированный жест ВЫПОЛНИТЬ приобретает значение ‘домашнее задание’ — то, что ученик выполняет периодически; жест ОТПРАВИТЬ получает значение ‘алименты’ — то, что отправляется регулярно; значение ‘остановка’ образуется путем редупликации жеста ОСТАНОВИТЬСЯ, поскольку остановка — это место, где транспорт останавливается регулярно, и т. п.

3.1.2. Двуручная редупликация

При двуручной редупликации подключается дополнительный мануальный артикулятор: исходно одноручный жест исполняется двумя руками⁵¹. Редуплицироваться таким образом могут не только одноручные жесты, но и некоторые двуручные, способные редуцироваться до одноручного жеста. Это жесты, в которых одна из рук является активной, а вторая служит базой, местом артикуляции, при этом допускается неучастие пассивной руки в исполнении жеста⁵².

⁵¹ Мы не рассматриваем в качестве данного типа редупликации случаи свободного варьирования. Например, некоторые носители РЖЯ исполняют жест ОТСУТСТВОВАТЬ, в словарной форме одноручный, двумя руками, семантика жеста при этом не изменяется.

⁵² Например, жесты ОБМАНЫВАТЬ, ПРЫГНУТЬ, в словарной форме двуручные, в речи часто исполняются только активной рукой; исполнение только одной рукой двуручных жестов ПИСАТЬ, БОЛЕТЬ не допускается: без участия пассивной руки жест не будет понятен.

Выделяются два структурных подтипа двуручной редупликации, достаточно отчетливо различающихся и функционально: симультанная редупликация, при которой жест выполняется обеими руками синхронно, и сукцессивная редупликация, при которой жест выполняется правой и левой руками поочередно.

3.1.2.1. Двуручная симультанная редупликация

Двуручная симультанная редупликация, по нашим данным, возможна только для бесконтактных жестов. Редуплицируются в основном жесты, выступающие в субстантивной, адъективной или адвербиальной функциях. Редупликация глагольных жестов представлена единичными примерами.

При жестах, выступающих в субстантивной функции, двуручная симультанная редупликация выражает значение именной аддитивной множественности (53—55).

- (53) IMP:LOC IMP:LOC / СУМКА(**r/dbl/sm**) ОСТАВИТЬ:LOC
‘Иди, иди. Сумки оставь здесь’ [st-s1].
- (54) ТОЛЬКО ПЕРИМЕТР НЕМНОГО КАПНУТЬ++++(r/s:m/arc) / ЗАКОНЧИТЬ / БОЛЬШЕ ПАХНУТЬ БОЛЬШЕ **МЫШЬ(r/dbl/sm)** НЕ.БУДЕТ / УЙТИ ДОЛОЙ ДО.СВИДАНИЯ ЗАКОНЧИТЬ
‘Накапай по периметру и все, попрощайся с мышьями, от запаха они убегут [st-s13].
- (55) **INDX(r/dbl/sm)** ПРИЙТИ ТАКОЙ.ЖЕ ПАХНУТЬ / НЕ.ПОНИМАТЬ ПАХНУТЬ ВОНЯТЬ ЧТО
‘Те пришли [понюхали] — тоже пахнет. Непонятно, чем так пахнет?’ [st-s8].

В нашем материале имеются примеры, в которых при помощи редупликации вопросительных жестов ЧТО и КТО образуются неопределенные местоимения ‘кто-то’, ‘что-то’ (56, 57). Редупликация в данном случае, как и в примерах выше, по-видимому, выражает множественность, а значение неопределенности является вторичным эффектом, обусловленным взаимодействием семантики вопросительного местоимения со значением множественности.

- (56) СУДИТЬ СУДИТЬ ДЕЛО НУЖНО / ПИСАТЬ ПРОСИТЬ ПЕРЕВЕСТИ НУЖНО / Я СЛЫШАТЬ NEG Н-О **ЧТО(r/dbl/sm)** ПИСАТЬ ПОМОЧЬ+(r/s:m/arc) / ГЛУХОЙ ВЕСТИ+(r/s:m/arc) / МНОГО **КТО(r/dbl/sm)** ПОМОЧЬ НАЙТИ КВАРТИРА НАЙТИ / **КТО(r/dbl/sm)** ПУТЕВКА НУЖНО **КТО(r/dbl/sm)** **ЧТО(r/dbl/sm)** ВРАЧ ДЕТИ ПУТЕВКА ДАТЬ+(r/s:m/arc) ПОМОЧЬ МНОГО
‘Если в суде дело, нужно писать, переводить — я не слышу, но что-то пишу, помогаю; вожу глухих; много кому помогла найти квартиру. Кому-то путевку, если кому-то что-то нужно было — к врачу, детям путевку помочь достать, много [помогала]’ [st-s3].

- (57) ЛЮБОЙ **ЧТО(r/dbl/sm)** ПРОСТИТЬ ПУСТЬ / РАВНОДУШНЫЙ
БЕЗРАЗЛИЧНЫЙ Я ПРОСТИТЬ ТРУДНЫЙ
'Я могу простить что угодно, кроме равнодушия' [a-s18].

При жестах, выступающих в адъективной или адвербиальной функциях, двуручная симультанная редупликация выражает интенсивность признака (58—60).

- (58) ДЕДУШКА СМОТРЕТЬ ЧТО ДЕЛАТЬ // PRTCL МЫШЬ(r/dbl/sm)
ПЛОХОЙ(r/dbl/sm)
'Дедушка смотрит: — Что делаете? — Да вот, мыши [завелись], беда!' [st-s13]
- (59) Я ГРАНИЦА ДРУГОЙ INDX Я **ИНТЕРЕСНЫЙ(r/dbl/sm)** ДА
'За границей, в других [странах], там да, мне очень интересно' [d-s6-s7].
- (60) МОСКВА ВЕСЬ **ХОРОШИЙ(r/dbl/sm)** БЫЛО
'(О поездке в Москву:) В Москве все было очень хорошо' [st-s12].

Как было сказано выше, примеры с двуручной симультанной редупликацией глагольных жестов единичны. Редупликация в них используется для кодирования дистрибутивной множественности ситуаций: объектного дистрибутива (61) и субъектного цислокатива — указания на то, что «единичные представители совокупного актанта-субъекта движутся из разных пунктов к некоторой центральной точке» [Храковский 1989: 39] (62). Исполнение в (61, 62) жестов БРОСИТЬ и ПРИЙТИ.В.ГОСТИ двумя руками одновременно указывает на то, что дистрибутивные ситуации происходят синхронно: письма выбрасываются в корзину все сразу, пачкой, а гости приехали одновременно, к определенному часу. Малое количество подобных примеров объясняется, по-видимому, тем, что в РЖЯ для выражения симультанного (синхронного) дистрибутива обычно используются другие средства — классификаторные конструкции с конфигурацией CLF:МНОЖЕСТВО, ср. (63, 64).

- (61) INDX ИСКАТЬ ПИСЬМО+(r/s) INDX ИСКАТЬ РАЗДЕЛЯТЬ INDX(r/dbl/sm)
БРОСИТЬ(r/dbl/sm) ВАЖНЫЙ ДОКУМЕНТ LOC:ДАТЬ:1PS
'Ты разбери письма из этой кучи, рассортируй, одни выбрось, а другие, важные, дай мне' [a-s7].
- (62) LOC:ПРИЙТИ.В.ГОСТИ:1PS(r/dbl/sm)
'Гости к нам съехались' [a-s18].
- (63) МУЖЧИНА УДИВИТЬСЯ НЕРВНИЧАТЬ МАХНУТЬ.РУКОЙ++(r/dbl/alt)
ПТИЦА CLF:МНОЖЕСТВО.РАЗОЙТИСЬ / CLF:МНОЖЕСТВО.СОЙТИСЬ
/ CLF:МНОЖЕСТВО.РАЗОЙТИСЬ
'Мужчина разозлился, машет руками. А птицы то разлетятся, то опять слетятся' [r-s7].
- (64) МАТЬ МУКА CLF:МНОЖЕСТВО.РАЗОЙТИСЬ
'Мама рассыпала муку' [a-s18].

3.1.2.2. Двуручная сукцессивная редупликация

Двуручная сукцессивная редупликация, в отличие от симультанной редупликации, возможна и по отношению к контактным жестам⁵³, хотя в основном в примерах преобладают бесконтактные жесты. Если при симультанной редупликации жест каждой рукой выполняется только один раз, то при сукцессивной редупликации возможны повторы жеста. Суммарное количество линейных повторов может достигать до пяти-шести, при этом число исполнений жеста каждой рукой не обязательно совпадает. Так, в (69) жест сначала выполняется правой рукой, затем левой, затем опять правой.

Если двуручная симультанная редупликация почти не употребляется по отношению к глагольным жестам, то при двуручной сукцессивной редупликации, наоборот, преимущественно редуплицируются глагольные жесты. Этот тип редупликации является распространенным средством выражения сукцессивного дистрибутива — указания на последовательные дистрибутивные ситуации.

Редупликация жестов с непереходным значением выражает субъектный дистрибутив (65—67).

(65) ПОТОМ НАЧАТЬ ЧЕЛОВЕК **ПРИЙТИ+++ (r/dbl/alt)** ЖИТЬ
‘Потом [в эту новостройку] люди начали въезжать’ [st-s1].

(66) РАНЬШЕ БОЛЕТЬ ТУБЕРКУЛЕЗ ЧЕЛОВЕК+(r/s:m/arc)
УМЕРЕТЬ++++ (r/dbl/alt) МНОГО
‘Раньше много людей умирало от туберкулеза’ [a-s7].

(67) **МОЛНИЯ.СВЕРКАТЬ+++ (r/dbl/alt)**
‘То и дело сверкала молния’ [a-s18].

Редупликация глагольных жестов с переходным значением выражает объектный дистрибутив (68).

(68) МАЛЬЧИК КРОВАТЬ КНИГА **БРОСИТЬ+++ (r/dbl/alt)**
‘Мальчик побросал книги на кровать’ [a-s18].

Двуручная сукцессивная редупликация переходного глагола может также кодировать значение субъектно-объектного дистрибутива, при котором совокупным является и объект, и субъект. Множественность субъектов определяется подлежащим, имеющим значение множественного числа (69), или контекстом описываемой ситуации (70—71).

(69) ОТЕЦ^МАТЬ ДАТЬ:ЛОС++(r/dbl/alt) ИГРАТЬ ДАТЬ:ЛОС++++(r/dbl/alt)
‘Глухому ребенку трудно выразить, что он хочет. Родители ему дают, игрушки разные дают. (А он на самом деле пить хочет)’ [d-s6-s7].

(70) **ЕСТЬ++ (r/dbl/alt)** ОБЪЕСТЬСЯ
‘(Накупили разной еды.) Едят, едят (букв.: поедают), объелись’ [st-s1].

⁵³ Например, в (70) редуплицируется жест ЕСТЬ, исполняемый у рта.

- (71) **ВЗЯТЬ+++ (r/dbl/alt) СУПЕР ВЗЯТЬ+ (r/dbl/alt) МАГАЗИН**
 ДОРОГОЙ Я ДЕШЕВЫЙ ПРОДАВАТЬ
 ‘Их очень хорошо разбирали — в магазине дорого, а я дешево продавала’ [st-s3].

Двуручная сукцессивная редупликация именных жестов используется также для выражения именной дистрибутивной множественности, однако примеры, подобные (72, 73), в нашем материале немногочисленны. Как правило, дистрибутивная множественность объектов выражается в РЖЯ при помощи сочетания редупликации с изменением локализации жеста при повторе, см. (3.1.4). Кодирование данного значения при помощи «числительной» редупликации обусловлено, по-видимому, ограничениями, налагаемыми фонологическими характеристиками некоторых жестов, в частности, невозможностью изменения локализации жеста. Так, жест ЦВЕТОК в (72) является контактным — он исполняется у носа (в жесте одновременно иконически отображаются и форма раскрывающегося цветка, и запах), соответственно, его локализацию невозможно изменить без того, чтобы жест остался понятным. Жест ГОРА в (73) представляет собой движение руки по довольно большой дуге, захватывающей большую часть жестового пространства; изменить его локализацию при повторе трудно физически.

- (72) **РТCL / СМОТРЕТЬ ПОЛЕ ЦВЕТОК++ (r/dbl/alt) ЭНТУЗИАЗМ**
 ‘Думает, что бы такое найти. Увидел поле, все в душистых цветах, обрадовался’ [r-s3].
- (73) **ГОРА+ (r/dbl/alt) БЫЛО INDX**
 ‘Ты был в горах?’ [d-s6-s7].

3.1.3. Немануальная редупликация⁵⁴

В (3.1.1.1) уже говорилось об участии немануальной редупликации в выражении значения интенсивного дуратива: повторы мануального жеста сопровождаются легкими движениями головы и/или корпуса вперед-назад или, реже, из стороны в сторону.

Немануальная редупликация может использоваться и самостоятельно, при этом она выполняет ту же функцию, что и в сочетании с мануальной

⁵⁴ Мы относим немануальную редупликацию в РЖЯ к мотивированной на следующие основаниях. В диссертации Е. В. Прозоровой, посвященной маркерам локальной структуры дискурса в РЖЯ, было показано, что границы элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ) в этом языке маркируются особыми движениями головы, скоординированными с последним мануальным жестом в ЭДЕ [Прозорова 2009]. По нашим наблюдениям, иногда в таких случаях имеют место не только движения головы, но и легкие движения корпуса. Во всех имеющихся у нас примерах редулицированные жесты с семантикой интенсивного дуратива приходятся на конец ЭДЕ. Соответственно, можно предположить, что повторяющиеся движения головы/корпуса представляют собой редупликацию немануального маркера границы ЭДЕ.

редупликацией: кодирует значение интенсивного дуратива. В примерах (74—76) мануальный жест не редуплицируется, а просто удерживается (в имеющихся примерах длительность удержания жеста достаточно велика — от 1,3 с до 5,5 с), и его сопровождают повторяющиеся движения головы и/или корпуса.

Примеров с «чистой» немануальной редупликацией в нашем материале не так много, поэтому пока трудно судить о том, в каких случаях этот тип редупликации используется самостоятельно. Можно лишь предположить, что «чистая» немануальная редупликация возможна тогда, когда для понимания мануального жеста достаточно его конфигурации, ориентации и локализации. Если же важным для понимания жеста является и входящее в его структуру движение, то жест обязательно редуплицируется.

hbt++
(74) **ЖДАТЬ** ОТСУТСТВОВАТЬ
'Ждут, ждут, ждут, нет его' [st-s10].

hbt++
(75) CLF:САМОЛЕТ.ЛЕТЕТЬ / CLF:САМОЛЕТ.ПРИЗЕМЛИТЬСЯ ЗАКОНЧИТЬ
'Самолет летит, летит. Наконец, приземлился' [st-s1].

hbt++
(76) ИНВАЛИД ИНВАЛИДНОЕ.КРЕСЛО СУМКА(r/dbl/sm) **ДЕРЖАТЬ**
'Сижу в инвалидном кресле, держу сумки' [st-s1].

В Таблице 1 суммируются структурно-функциональные особенности мотивированной редупликации в РЖЯ. Как можно видеть, имеется корреляция между структурными типами и функциями редупликации, а также между выражаемым значением и количеством линейных повторов при редупликации.

3.1.4. Сочетание редупликации с другими морфологическими средствами

Простая и двуручная редупликация в РЖЯ могут сопровождаться модификацией параметров жеста при каждом повторе: изменением его локализации, ориентации или направления движения. Кроме того, повторы при простой мануальной редупликации могут выполняться с разной скоростью. В (2.2.2) говорилось о том, что в ряде существующих исследований редупликация, сопровождающаяся изменениями какого-либо из параметров жеста или исполняемая с разной скоростью, интерпретируется как аналог неточной редупликации в звуковых языках. По нашему мнению, редупликация жеста, изменение его параметров и скорость исполнения представляют собой самостоятельные морфологические средства, каждое из которых по-своему модифицирует семантику редуплицированной формы. Ниже мы попытаемся продемонстрировать, что модификация параметров жеста и скорость его исполнения могут использоваться в РЖЯ для кодиро-

Таблица 1

Функции структурных типов редупликации в РЖЯ

Функция		Структурный тип редупликации ⁵⁵				
		Простая мануальная	Двуручная		Немануальная	
			симуль-танная	сукцес-сивная		
Выражение актуальных значений	итеративная множественность	1				
	мультипликативная множественность	> 1				
	дистрибутивная множественность	симультанный дистрибутив		0		
		сукцессивный дистрибутив			> 1	
	проксиматив		1			
	интенсивный дуратив		> 1 ⁵⁶			> 1 ⁵⁷
Выражение именной множественности	аддитивная множественность	1 ⁵⁸	0 ⁵⁹			
	дистрибутивная множественность			> 1		
Образование неопределенных местоимений			0 ⁶⁰			
Образование лексем другого грамматического класса		1				
Выражение интенсивности признака			0			

вания определенных значений и самостоятельно, без редупликации, а также кратко рассмотрим взаимодействие этих морфологических показателей с редупликацией.

Скорость и резкость исполнения глагольного жеста способны стативизировать ситуацию, описываемую глаголом. В примерах (77, 78), записанных от одного и того же информанта, жест ИЗМЕНИТЬ выступает в значениях 'измениться' и 'меняться' соответственно. В (77) жест исполняется быстро и резко, его длительность составляет 0,46 с; в (78) жест исполняется плавно, а его длительность составляет 0,91 с.

⁵⁵ Цифры в ячейках указывают преобладающее количество линейных повторов.

⁵⁶ Обязательно сочетание с немануальной редупликацией.

⁵⁷ Используется самостоятельно или в сочетании с мануальной редупликацией.

⁵⁸ Для одноручных контактных жестов и двуручных, в которых руки контактируют между собой.

⁵⁹ Для одноручных бесконтактных жестов и двуручных, способных редуцироваться до одноручного бесконтактного жеста.

⁶⁰ Только для вопросительных местоимений.

(77) У:ЛОС СЕКУНДА НАСТРОЕНИЕ **ИЗМЕНИТЬ(m/fst)** / ЧТО СЛУЧИТЬСЯ НЕ.ПОНИМАТЬ
 ‘У нее моментально изменилось настроение — не понимаю, что произошло’ [a-s16].

(77) РОССИЯ INDX ПОГОДА ПОСТЕПЕННО **ИЗМЕНИТЬ(m/sl)**
 ‘Климат в России постепенно меняется’ [a-s16].

При сочетании с простой редупликацией скорость исполнения жеста может уточнять аспектуальное значение редуплицированной формы. Так, при кодировании значений хабитуалиса и интенсивного дуратива средняя скорость исполнения повторов при редупликации жеста почти в два раза меньше, чем у форм с семантикой итератива, фреквентатива, раритива и мультипликатива, см. (3.1.1).

Движение руки в горизонтальной плоскости по дуге⁶¹ регулярно используется для выражения недискретной (собирательной) именной или глагольной множественности (79—82).

(79) С-Ш-А МУЖЧИНА INDX(m/arc) АРМИЯ СЛУЖИТЬ ДОЛЖЕН СВОБОДНЫЙ
 ‘В США мужчины не обязаны служить в армии’ [a-s18].

(80) НАЧАТЬ ДОЖДЬ.ИДТИ ГРУППА УЧЕНЫЙ INDX(m/arc) ЗАКОНЧИТЬ РАБОТАТЬ ПРЕКРАТИТЬ
 ‘Пошли дожди, и экспедиция прекратила работу’ [a-s6].

(81) РЯДОМ Д-А-Ч-А ДОМ INDX ДЕРЕВО(m/arc)
 ‘Рядом с дачей росли деревья’ [г-s16].

(82) МАЛЬЧИК ШАГАТЬ ЛЮБИТЬ **ФОТОГРАФИРОВАТЬ(m/arc)**
 ВИДЕТЬ МУЖЧИНА СПАТЬ
 ‘Мимо идет мальчик, который любит все подряд фотографировать, увидел спящего мужчину’ [г-s16].

Сочетание простой и двуручной симультанной редупликации со смещением руки при каждом повторе по дуге выражает дистрибутивную множественность (83—88). По сути, редупликация в этом случае выполняет операцию введения дискретности в значение множественности.

(83) ГОСУДАРСТВО ЗАКОН INDX КАЖДЫЙ **ЧЕЛОВЕК++(r/s:m/arc)** НУЖНО ЗАКОН ПОДЧИНЯТЬСЯ
 ‘Каждый гражданин обязан подчиняться законам государства’ [a-s18].

(84) **НЕСЧАСТЬЕ+(r/s:m/arc)**ПРИЧИНА INDX ЛЕНИТЬСЯ
 ‘Из-за твоей лени все наши беды’ [a-s6].

⁶¹ Это движение, в зависимости от его амплитуды, описывают по-разному: смещение руки в сторону, движение по дуге или по кругу, ср., например, его описание в [Zeshan 2000: 66] и в [Miljan 2003: 211]. На наш взгляд, это движение всегда имеет естественную дугообразную траекторию: локоть не смещается, являясь центром условной окружности, в то время как предплечье разворачивается вправо или влево.

- (85) ГОРОД САМ ДОРОГА Б-У-Л-Ы-Ж-Н-И-К ДРЕВНИЙ ДОМ+(r/s:m/arc)
 СТАРЫЙ ЕЩЕ НЕМЕЦКИЙ INDX ОСТАТЬСЯ
 ‘Город сам, дороги из бульжника древнего, дома старые, еще от немцев остались [d-s6-s7].
- (86) МНОГО ПРИЙТИ+++ (r/s:m/arc) МНОГО
 ‘Многих [логопедов] обошли’ [d-s6-s7].
- (87) Я ВСЕГДА ГЛУХОЙ ПОМОЧЬ++ (r/s:m/arc)
 ‘Я всегда глухим помогала (букв.: многим глухим помогала)’ [st-s3].
- (88) INDX ВАННАЯ.КОМНАТА ТРЯПКА ПОВЕСИТЬ(r/dbl/sm:m/arc)
 ВЗЯТЬ ОКНО(r/dbl/sm) МЫТЬ
 ‘Там в ванной тряпки развешаны, возьмите и протрите окна’ [a-s18].

Изменение направления движения жеста является средством выражения согласования глагола с его аргументами (в случае согласующихся жестов). Начальная точка движения соответствует субъекту действия, а конечная — его объекту или адресату. В (89) жест ПОМОЧЬ исполняется с движением в направлении к говорящему, а в (90) — в направлении от говорящего к адресату.

- (89) ЕСЛИ INDX ЧЕЛОВЕК ХОРОШИЙ Я ЛОС:ПОМОЧЬ:1PS(m/loc-x) БУДЕТ
 ‘Если он хороший человек, поможет нам’ [a-s6].
- (90) Я INDX 1PS:ПОМОЧЬ:ЛОС(m/x-loc) INDX ОДИНОКИЙ ВЫПОЛНИТЬ
 НЕ.МОЧЬ
 ‘Я помогу тебе, сам ты не справишься’ [a-s6].

Сочетание простой редупликации с инверсией направления движения при повторе используется для образования реципрокальной формы согласующихся двуручных жестов (91, 92).

- (91) ДЕЛАТЬ МОЖНО ВМЕСТЕ ПОМОЧЬ++++ (r/s:m/inv)
 ‘Мы можем помогать друг другу в работе’ [a-s18].
- (92) МОЙ ДРУГ РАНЬШЕ ОТПРАВИТЬ.ПИСЬМО+++ (r/s:m/inv) БЫЛО
 ‘Мы с подругой раньше часто переписывались’ [a-s14].

Изменение ориентации жеста, как и изменение направления движения, тоже выступает средством выражения согласования глагола с его аргументами. В примере (93) при исполнении жеста РАССКАЗЫВАТЬ кисти рук развернуты ладонями к говорящему. В примере (94) кисти рук развернуты ладонями к адресату.

- (93) СЛУЧИТЬСЯ НОВЫЙ / РАССКАЗЫВАТЬ(ln/loc-x) Я СЛУШАТЬ
 ‘Еще один случай [расскажу]. Мне рассказывали, я слушал⁶²’ [st-s8].

⁶² Интродуктивная формула «Мне рассказывали, я слушал» встречается в нарративах глухих старшего поколения. Молодые люди обычно используют формулу «Мне говорили жестами, я смотрел».

- (94) ХОТЕТЬ РАССКАЗЫВАТЬ(ln/x-loc) СЛУЧИТЬСЯ
‘Хочу рассказать вам один случай’ [st-s1].

С изменением ориентации в основном сочетается двуручная редупликация. Двуручная редупликация с зеркальной ориентацией рук (кисти рук направлены навстречу друг другу) является распространенным способом кодирования реципрока (95—97). Редуплицироваться при этом могут не только глагольные жесты: в (95) реципрокальное значение приобретает указательный местоименный жест INDX.

- (95) я ОБЕЩАТЬ+(r/s:ln/mr) INDX(r/dbl/sm:ln/mr) БОЛЬШЕ ТАКОЙ.ЖЕ
ПРОИГРАТЬ НЕ.БУДЕТ
‘Мы обещали друг другу не сдаваться’ [a-s14].
- (96) INDX УЛИЦА МЕСТО ВСЕГДА INDX СОБАКА
УКУСИТЬ++(r/dbl/sm:ln/mr) УДАРИТЬ+(r/s:m/inv)
УКУСИТЬ++(r/dbl/sm:ln/mr)
‘На улице собаки всегда дрались и кусали друг друга’ [a-s14].
- (97) РЕШЕТКА ВСЕГДА МАЛЬЧИК ДЕВОЧКА
РАЗГОВАРИВАТЬ(r/dbl/sm:ln/mr) ЛЮБОВЬ О- НОВОСТЬ
‘Через решетку [в общежитии] мальчики с девочками, влюбленные, переговариваются, новости обсуждают’ [st-s10].

3.2. Немотивированная редупликация

В существующих исследованиях редупликации в жестовых языках немотивированная редупликация практически не рассматривается. Не всегда она учитывается и в работах, посвященных редупликации в звуковых языках. Это связано с тем, что редупликация отличается размытостью границ, а существующие модели ее описания создавались для прототипических случаев — значимого продуктивного повтора морфемы. На наш взгляд, немотивированная редупликация в жестовых языках незаслуженно обходится вниманием исследователей. Она широко представлена в словарном составе жестовых языков, ей, как и мотивированной редупликации, свойственна иконичность. При этом иконичность в значительной степени зависит от специфики конкретного языка [Dressler 1995: 23]. Анализ немотивированной редупликации позволяет глубже понять специфику жестовых языков и проследить пути мотивации в них языковой формы.

В исследованиях редупликации в звуковых языках необходимость выделения немотивированной редупликации обосновывается либо на основании ее формального и семантического сходства с мотивированной редупликацией: значения мотивированных и немотивированных редуплицированных форм имеют общий компонент, например, множественность [Рожанский 2011], либо на основании продуктивности: немотивированная редупликация должна быть регулярно представлена в значительном количестве лексем, содержащих один и тот же семантический компонент

[Минлос 2004: 17]. Как нам кажется, и формально-семантическое сходство с мотивированной редупликацией, и продуктивность являются важными признаками немотивированной редупликации. Примерами немотивированной редупликации в РЖЯ являются жесты, содержащие внутренний повтор и не имеющие исходного нередуплицированного коррелята. Конечно, далеко не каждый случай внутреннего повтора можно однозначно квалифицировать как немотивированную редупликацию. Однако это обстоятельство не должно являться основанием для исключения этого типа редупликации из исследования. Решение, является ли внутренний повтор случайным или же он представляет собой немотивированную редупликацию, в каждом конкретном случае должно приниматься отдельно. Немотивированная редупликация в РЖЯ достаточно сложна и требует отдельного, более глубокого исследования. В настоящей статье мы лишь наметим некоторые структурные и функциональные свойства этого типа редупликации на примере ее использования в глагольных жестах.

При внутреннем повторе редуплицироваться может сегмент, содержащий траекторное движение (перемещение руки от одной локализации к другой), внутреннее движение (при котором изменяются только конфигурация или ориентация жеста), а также сочетание траекторного и внутреннего движений. Например, в жесте СОРЕВНОВАТЬСЯ повторяется сегмент с траекторным движением: кулаки с выпрямленными вверх большими пальцами попеременно движутся вверх-вниз; в жесте ЛАЯТЬ повторяется сегмент с внутренним движением: пальцы раскрытой ладони несколько раз соединяются в конфигурацию дактильного -Ж; в жесте РАССКАЗЫВАТЬ повторяется сегмент, содержащий оба типа движений: пальцы из конфигурации дактильного -Р несколько раз расправляются в конфигурацию 5, кисти рук при каждом изменении конфигурации движутся вперед и в стороны.

Немотивированная редупликация в РЖЯ свойственна большинству, если не всем жестам, описывающим онтологически мультипликативные процессы. По сути, такие жесты аналогичны лексическим мультипликативам-идеофонам в звуковых языках: в жесте БОРМОТАТЬ кисть руки находится у рта, пальцы в конфигурации дактильного -Ж несколько раз быстро смыкаются и размыкаются; в жесте ПОЛОСКАТЬ кисть руки в конфигурации 200 с ладонью обращенной вниз совершает быстрые «полощущие» движения по горизонтали вперед-назад. Если в двуручном жесте активны обе руки, то движение повторяется руками синхронно: в жесте СВЕРКАТЬ руки с расправленными ладонями, обращенными друг к другу, несколько раз быстро разворачиваются в запястьях; в жесте ГРЕСТИ повторяющиеся синхронные движения рук имитируют взмах веслами.

При помощи немотивированной редупликации часто передается семантика дистрибутивной множественности ситуаций. В этом случае руки движутся поочередно, например, жест КИПЕТЬ выполняется поочередно двумя руками, иконически отражая всплывание пузырьков в кипящей воде; жесты ШАГАТЬ, КАТАТЬСЯ.НА.КОНЬКАХ, КАТАТЬСЯ.НА.ЛЫЖАХ и т. п. ис-

полняются поочередно двумя руками, имитирующими поочередно поднимающиеся и опускающиеся ступни ног, скользящие вперед коньки или лыжи; в жесте ОПЕРИРОВАТЬ руки в конфигурации дактильного -П поочередно совершают дугообразные движения, имитируя движения рук хирурга при зашивании раны; в жесте СТРИЧЬ руки в той же конфигурации -П поочередно движутся по бокам головы, имитируя движение ножниц парикмахера; в жесте СУДИТЬ руки в конфигурации О- поочередно движутся вверх-вниз, имитируя чаши весов. Немотивированная редупликация в этих жестах сходна с мотивированной двуручной сукцессивной редупликацией, которая тоже широко используется для выражения дистрибутива. Однако имеются и отличия. Во-первых, актанты дистрибутивных ситуаций, обозначенных при помощи немотивированной редупликации, как правило, представляют собой части некоторого целого (шагающие ноги человека, руки хирурга или парикмахера, чаши весов и т. п.). Другими словами, немотивированная редупликация используется для обозначения квазидистрибутивных ситуаций, «когда есть реально целостный актант: субъект или объект, состоящий из квазиотдельных частей, при этом каждое из повторяющихся действий затрагивает какую-либо одну квазиотдельную часть актанта, а все множество повторяющихся действий в принципе затрагивает все квазиотдельные части этого актанта» [Храковский 1989: 40]. Исходного нередуплицированного коррелята у соответствующих жестов нет, поскольку в реальности актанты описываемой ситуации не существуют в отдельном виде. Во-вторых, ситуации, иконически отображаемые приведенными выше жестами, как правило, являются мультипликативно-дистрибутивными во внеязыковой действительности: например, попеременное движение ног при ходьбе.

Немотивированная редупликация характерна также для жестов, обозначающих такие процессы, которые обычно не квалифицируются как мультипликативные (РАБОТАТЬ, ДЕЛАТЬ, УЧИТЬСЯ, СТРОИТЬ и т. п.). Все процессы описывают некоторое изменение: «Процессы — это ситуации, на всем протяжении которых “что-то происходит”; в каждый данный момент времени процесс, вообще говоря, описывает некоторое положение дел, не тождественное ни предыдущему, ни последующему моменту» [Плунгян 2011: 113]. В звуковых языках важным для разграничения разных типов процессов является признак предельности/непредельности, тесно связанный с аспектуальными свойствами глагола. Предварительно можно предположить, что наличие/отсутствие внутреннего повтора в глагольных жестах в РЖЯ тоже связано с разграничением двух разных типов процессов. Однако речь идет не о противопоставлении предельных и непредельных процессов, а о противопоставлении процессов, концептуализирующихся как дискретные (состоящие из отдельных актов — сменяющих друг друга (микро)событий или (микро)состояний) и недискретные (в которых отдельные акты выделить невозможно). Немотивированная редупликация как раз и может иконически отражать в жесте дискретность процесса.

Внутренний повтор в жестах типа РАБОТАТЬ, УЧИТЬСЯ, ПЛАНИРОВАТЬ, СТРОИТЬ, ГОТОВИТЬ.ПИЩУ, ДОИТЬ, РУКОВОДИТЬ, БЕСЕДОВАТЬ, ГОВОРИТЬ.ГОЛОСОМ, ГОВОРИТЬ.ЖЕСТАМИ и многих других отражает представление об обозначаемых ситуациях как о серии повторяющихся (микро)событий или (микро)состояний, образующих единый процесс. Например, выполнение через небольшие промежутки времени определенных действий в процессе работы, в процессе приготовления пищи и т. п.

Аргументом в пользу высказанной гипотезы может служить то, что внутреннего повтора не содержат: 1) жесты, обозначающие недискретные процессы, в которых невозможно выделить точечные, сменяющие друг друга кванты (ИЗМЕНЯТЬ(СЯ), СУШИТЬ(СЯ), ПОВЫШАТЬСЯ, СОЛНЦЕ.ВСХОДИТЬ, СМОТРЕТЬ, ТЕЧЬ, ЖИТЬ и др.); 2) жесты, обозначающие события (ИЗМЕНИТЬ(СЯ), УДАРИТЬ, ВСТАТЬ, УВЕЛИЧИТЬ(СЯ), УМЕРЕТЬ и др.); 3) жесты, обозначающие устойчивые во времени состояния (ЗНАТЬ, ЛЮБИТЬ, ТЕРПЕТЬ, МОЧЬ и др.). Правда, внутренний повтор имеется в некоторых жестах, обозначающих временные состояния: БЕСПОКОИТЬСЯ, ВОЛНОВАТЬСЯ, НЕРВНИЧАТЬ, БОЛЕТЬ, МЕЧТАТЬ и т. п. Этому, как нам кажется, можно дать следующее объяснение. В разных звуковых языках одни и те же ситуации могут трактоваться по-разному — в одних языках они могут концептуализироваться как стативные, а в других как динамические. Возможно, в РЖЯ ситуации беспокойства, волнения, боли и т. п. концептуализируются скорее как процессы, нежели состояния, причем процессы дискретные. Например, беспокойство концептуализируется как периодически усиливающееся и ослабевающее чувство тревоги, мечтание — как сменяющие друг друга приятные картины будущей жизни и т. д.

Заключение

В РЖЯ широко используются два типа редупликации: мотивированная, при которой у редуплицированной формы имеется исходный нередуплицированный коррелят, и немотивированная, при которой исходный нередуплицированный коррелят отсутствует.

Выделяются три структурных типа мотивированной редупликации: простая мануальная, двуручная мануальная (симультанная и сукцессивная) и немануальная. Выбор между ними отчасти обусловлен фонологическими характеристиками исходного жеста, однако структурные типы редупликации в РЖЯ обнаруживают и достаточно отчетливую функциональную дистрибуцию.

Наш анализ не подтверждает предположение, высказанное в ряде предшествующих исследований, что для мотивированной редупликации в жестовых языках характерен двукратный повтор, т. е. трипликация. В РЖЯ количество повторов коррелирует со значением, выражаемым редуплицированной формой: при выражении одних значений характерен однократ-

ный повтор, при выражении других значений — большее количество повторов. В целом же редуцированные формы с однократным повтором заметно более частотны в текстах по сравнению с формами с большим количеством повторов. Наше исследование также не подтверждает высказанное Р. Уилбур предположение, что мотивированная редупликация в жестовых языках всегда полная. В РЖЯ возможна неполная редупликация, правда, только для жестов, содержащих внутренний повтор.

Мотивированная редупликация используется в РЖЯ при кодировании целого ряда значений, однако значение редуцированной формы определяется не только редупликацией, но и лексико-грамматической семантикой исходного жеста, наличием других морфологических средств, модифицирующих исходный жест, использованием дополнительных лексических средств, контекстом. Функции же мотивированной редупликации, на наш взгляд, сводятся к выражению значений дискретной множественности референтов или ситуаций и интенсивности признака.

Немотивированная редупликация была нами рассмотрена кратко, и она, безусловно, требует отдельного исследования. Мы лишь попытались продемонстрировать на примере глагольных жестов, что наличие внутреннего повтора в жесте не случайно. Внутренний повтор, как и мотивированная редупликация, значим и продуктивен: в глагольных жестах он используется для обозначения дискретных процессов.

Редупликация в РЖЯ обнаруживает большое сходство с одноименным явлением в звуковых языках, проявляющееся в схожем наборе функций, в обусловленности ее использования иконической семантикой и в возможности сочетаться с другими морфологическими средствами. Однако имеются и отличия, основным из которых, на наш взгляд, является то, что в звуковых языках не наблюдается какой-либо общей корреляции между структурным типом редупликации и выполняемыми ею функциями (см. об этом, например, [Рожанский 2011: 239]), в то время как в РЖЯ такая корреляция имеется. Достаточно очевидная функциональная дистрибуция структурных типов в РЖЯ, как нам кажется, объясняется тем, что иконичность в этом языке свойственна не только редупликации в целом — как повтору, связанному с идеей меры и количества. Каждый структурный тип редупликации обладает и собственной иконичностью. Например, синхронное или поочередное движение рук при двуручной редупликации естественно связано с идеей дистрибутивной множественности, симультанной или сукцессивной, а исполнение одноручного жеста двумя руками одновременно естественно связано с идеей интенсивности признака.

Список языков и используемые сокращения

Жестовые языки: РЖЯ (RSL) — русский жестовый язык; ASL — американский жестовый язык; Auslan — австралийский жестовый язык; BSL — британский

жестовый язык; **DGS** — германский жестовый язык; **ESL** — эстонский жестовый язык; **IPSL** — индо-пакистанский жестовый язык; **ISL** — израильский жестовый язык; **NGT** — нидерландский жестовый язык; **NZSL** — новозеландский жестовый язык; **SSL** — шведский жестовый язык.

Звуковые языки: **агта** (малайско-полинезийская семья австронезийской макросемьи); **англ.** — английский язык (германская группа индоевропейской семьи); **бамана** (семья манде нигеро-конголезской макросемьи); **башкирск.** — башкирский язык (тюркская ветвь алтайской семьи); **венг.** — венгерский язык (финно-угорская ветвь уральской семьи); **волоф** (атлантическая семья нигеро-конголезской макросемьи); **догон** (изолят в нигеро-конголезской макросемье); **илоканск.** (малайско-полинезийская семья австронезийской макросемьи); **индонез.** — индонезийский язык (малайско-полинезийская семья австронезийской макросемьи); **карук** (изолят в языках Северной Америки); **мокильск.** — мокильский язык (понапейская группа микронезийских языков австронезийской макросемьи); **сунданск.** — сунданский язык (малайско-полинезийская семья австронезийской макросемьи); **франц.** — французский язык (романская группа индоевропейской семьи); **чокто** (мускогская семья языков Северной Америки); **чумашский** (изолят в языках Северной Америки).

Условные обозначения текстовых источников и информантов

Типы текстов: **a** — анкетные материалы; **d** — диалог; **r** — нарратив на основе стимульных материалов (пересказ мультфильма, рассказ по картинкам и т. п.); **st** — спонтанный нарратив.

Условные обозначения информантов: **s1** — мужчина, 55 лет, слепоглохой из семьи глухих; **s2** — женщина, 25 лет, глухая из семьи слышащих; **s3** — женщина, 59 лет, глухая из семьи слышащих; **s4** — мужчина, 23 года, глухой из семьи слышащих; **s5** — женщина, 24 года, глухая из семьи слышащих; **s6** — женщина, 31 год, слабослышащая из семьи глухих; **s7** — мужчина, 28 лет, глухой из семьи глухих; **s8** — мужчина, 46 лет, глухой из семьи слышащих; **s9** — мужчина, 33 года, глухой из семьи глухих; **s10** — мужчина, 41 год, слабослышащий из семьи глухих; **s11** — мужчина, 23 года, глухой из семьи слышащих; **s12** — женщина, 25 лет, глухая из семьи слышащих; **s13** — мужчина, 63 года, глухой из семьи слышащих; **s14** — женщина, 20 лет, слабослышащая из семьи глухих; **s15** — женщина, 19 лет, слабослышащая из семьи слышащих; **s16** — женщина, 19 лет, слабослышащая из семьи слышащих; **s17** — женщина, 22 года, глухая из семьи глухих; **s18** — мужчина, 20 лет, слышащий из семьи глухих.

Условные обозначения в глоссах

+ — полный линейный повтор жеста; **±** — линейный повтор жеста с редукцией; **§** — линейный повтор жеста с усечением копии; **#** — лексикализованное дактильное обозначение; **^** — сложное слово; **1** — 1-е лицо; **btf** — наклон корпуса вперед; **CLF** — классификаторная конструкция; **hbtf** — наклон головы и корпуса вперед;

htf — наклон головы вперед; **hts** — наклон головы в сторону; **IMP** — десемантизированный императивный жест; **INDX** — указательный местоименный жест; **ln/mr** — зеркальная ориентация рук; **ln/x-loc** — ориентация руки в направлении от говорящего; **ln/loc-x** — ориентация руки в направлении к говорящему; **LOC** — локализация референта или действия; **m/arc** — движение по дуге; **m/fst** — быстрое исполнение жеста; **m/inv** — инверсия направления движения; **m/sl** — медленное исполнение жеста; **m/x-loc** — движение по направлению от говорящего; **m/loc-x** — движение по направлению к говорящему; **NEG** — отрицание; **PRTCL** — модальная частица; **r/dbl/alt** — двуручная сукцессивная редупликация; **r/dbl/sm** — двуручная симультанная редупликация; **r/s** — простая редупликация.

Л и т е р а т у р а

Базоев и др. 2009 — В. З. Базоев, Г. Н. Гаврилова, И. А. Егорова, В. В. Ежова, Т. П. Давыденко, Н. А. Чаушьян. Словарь русского жестового языка. М., 2009.

Блумфилд 1968 — Л. Блумфилд. Язык. М., 1968.

Вежбицкая 1999 — А. Вежбицкая. Редупликация в итальянском языке: кросс-культурная прагматика и иллокутивная семантика // А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 224—259.

Давиденко, Комарова 2006 — Т. П. Давыденко, А. А. Комарова. Краткий очерк по лингвистике РЖЯ // А. А. Комарова (сост.). Современные аспекты жестового языка. М., 2006. С. 146—161.

Димский 2002 — Л. С. Димский. Изучаем жестовый язык: Учебное пособие для студентов дефектологических факультетов высших педагогических учебных заведений. М., 2002.

Зайцева 1987 — Г. Л. Зайцева. Инфлексия как средство смыслообразования в разговорном жестовом языке глухих // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987. С. 152—164.

Зайцева 2004 — Г. Л. Зайцева. Жестовая речь. Дактилология. М., 2004.

Касевич 1988 — В. Б. Касевич. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.

Крючкова 2000 — О. Ю. Крючкова. Редупликация в аспекте языковой типологии // ВЯ. № 4. 2000. С. 68—84.

Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. М. — Вена; Венский славистический альманах, 1998.

Мельчук 2000 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. III. М. — Вена; Венский славистический альманах, 2000.

Мельчук 2001 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. IV. М. — Вена; Венский славистический альманах, 2001.

Минлос 2004 — Ф. Р. Минлос. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Прозорова 2009 — Е. В. Прозорова. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Рожанский 2011 — Ф. И. Рожанский. Редупликация: Опыт типологического исследования. М., 2011.

Филимонова 2014 — Е. В. Филимонова. Акциональные классы глаголов в русском жестовом языке (в печати).

Храковский 1989 — В. С. Храковский. Семантические типы множественности ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989. С. 5—53.

Шамаро 2006 — Е. Ю. Шамаро. Некоторые факты видовременной системы РЖЯ // А. А. Комарова (сост.) Современные аспекты жестового языка. М., 2006. С. 180—191.

Юлдашев 1997 — А. А. Юлдашев. Башкирский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997. С. 206—215.

Aronoff, Meir, Sandler 2005 — M. Aronoff, I. Meir, W. Sandler. The Paradox of Sign Language Morphology // *Language*. 2005. Vol. 81(2). P. 301—344.

Baker-Shenk, Cokely 1980 — C. Baker-Shenk, D. Cokely. *American Sign Language: A Teacher's Resource Text on Grammar and Culture*. Washington, DC, 1980.

Battison 1978 — R. Battison. *Lexical Borrowing in American Sign Language*. Silver Spring, Md., 1978.

Bergman 1983 — B. Bergman. Verbs and Adjectives: Some Morphological Processes in Swedish Sign Language // J. Kyle, B. Woll (eds.). *Language in Sign: An International Perspective on Sign Language*. London, 1983. P. 3—9.

Bergman, Dahl 1994 — B. Bergman, Ö. Dahl. Ideophones in Sign Language? The Place of Reduplication in the Tense-Aspect System of Swedish Sign Language // Bache C., Basboll H., Lindberg C. E. (eds.). *Tense, Aspect and Action. Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology*. Berlin, 1994. P. 397—422.

Börstell 2011 — C. Börstell. Revisiting Reduplication. Toward a description of reduplication in predicative signs in Swedish Sign Language: Student Thesis. Stockholm, 2011.

Brennan 1992 — M. Brennan. The visual world of British Sign Language: an introduction // D. Brien (ed.). *Dictionary of British Sign Language/English*. London, 1992. P. 1—33.

Brentari 1998 — D. Brentari. *A Prosodic Model of Sign Language Phonology*. Cambridge, 1998.

Brentari, Padden 2001 — D. Brentari, C. A. Padden. Native and foreign vocabulary in American Sign Language: A lexicon with multiple origins // D. Brien (ed.). *Foreign Vocabulary in Sign Languages*. Mahwah, NJ, 2001. P. 87—119.

Bright 1957 — W. Bright. *The Karok Language*. Berkley, 1957.

Broselow, McCarthy 1983/84 — E. Broselow, J. McCarthy. A Theory of Internal Reduplication // *The Linguistic Review*. 1983/84. Vol. 3 (1). P. 25—88.

Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar*. Chicago; London, 1994.

Bybee 1985 — J. Bybee. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Philadelphia, 1985.

Carmel 1975 — S. J. Carmel. *International Hand Alphabet Charts*. Rockville, Md., 1975.

Cogill-Koez 2000 — D. Cogill-Koez. Signed language classifier predicates: Linguistic structures or schematic visual representation? // *Sign Language and Linguistics*. 2000. Vol. 3 (2). P. 153—207.

- Crasborn et al. 2012 — O. Crasborn, E. van der Kooij, J. Ros. On the weight of phrase-final prosodic words in a sign language // *Sign Language & Linguistics*. 2012. Vol. 15. 1. P. 11—38.
- DeMatteo 1977 — A. DeMatteo. Visual imagery and visual analogues in American Sign Language // L. Friedman (ed.). *On the Other Hand: New Perspectives on American Sign Language*. New York, 1977. P. 109—136.
- Dressler 1995 — W. Dressler. Interaction between Iconicity and Other Semiotic Parameters // R. Simone (ed.). *Iconicity in Language*. Amsterdam, 1995. P. 21—38.
- Emmorey 2002 — K. Emmorey. *Language, Cognition and the Brain*. Mahwah, NJ, 2002.
- Fischer 1973 — S. Fischer. Two Processes of Reduplication in American Sign Language // *Foundations of Language*. 1973. Vol. 9. P. 469—480.
- Gil 2005 — D. Gil. From repetition to reduplication in Riau Indonesian // B. Hurch (ed.). *Studies on Reduplication*. Berlin, 2005. P. 31—64.
- Golston, Thurgood 1999 — C. Golston, E. Thurgood. Reduplication as Echo: Evidence from Bontok and Chumash // *Perspectives in Linguistics: Papers in honor of P. J. Mistry*. New Delhi: Indian Institute of Language Studies, 1999. P. 81—105.
- Harrison 1973 — S. P. Harrison. Reduplication in Micronesian Languages // *Oceanic Linguistics*. 1973. 12.1/2. P. 407—454.
- Healey 1960 — P. M. Healey. *An Agta Grammar*. Manila, 1960.
- Heine 1994 — B. Heine. On the Genesis of Aspect in African Languages: The Proximative // K. Moore, D. Peterson, K. Wentum (eds.). *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on Historical Issues in African Linguistics*. Berkeley, 1994. P. 35—46.
- Hockett 1950 — C. F. Hockett. Peiping Morphophonemics // *Reading in Linguistics I & II*. Chicago, 1995. P. 130—143 (First published in: *Language*. 1950. Vol. 26. P. 63—85).
- Hunger 2006 — B. Hunger. Noun/Verb pairs in Austrian Sign Language (ÖGS) // *Sign Language & Linguistics*. 2006. Vol. 9. P. 71—94.
- Inkelas 2008 — S. Inkelas. The Dual Theory of Reduplication // *Linguistics*. 2008. Vol. 46. P. 351—402.
- Inkelas, Zoll 2005 — S. Inkelas, C. Zoll. *Reduplication: Doubling in Morphology*. Cambridge, 2005.
- Jantunen, Takkinen 2010 — T. Jantunen, R. Takkinen. Syllable Structure in Sign Language Phonology // D. Brentari (ed.). *Sign Languages*. Cambridge, 2010. P. 312—331.
- Johnston 2001 — T. Johnston. Nouns and Verbs in Australian Sign Language: An Open or Shut Case? // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. 2001. Vol. 6. P. 235—257.
- Johnson, Liddell 1984 — R. E. Johnston, S. K. Liddell. Structural Diversity in the ASL Lexicon // D. Testen, V. Mishra, J. Drogo (eds.). *Papers from the Parasession on Lexical Semantics: Chicago Linguistics Society*. Chicago, 1984. P. 173—186.
- Johnston, Schembri 2007 — T. Johnston, A. Schembri. *Australian Sign Language (Auslan): An Introduction to Sign Language Linguistics*. Cambridge, 2007.
- Kimball 1988 — G. Kimball. Koasati Reduplication // W. Shipley (ed.). *In Honor of Mary Haas*. Berlin; New York, 1988. P. 432—442.
- Kimmelman 2009 — V. Kimmelman. Parts of speech in Russian Sign Language: The role of iconicity and economy // *Sign Language & Linguistics*. 2009. Vol. 12. 2. P. 161—186.

Kimmelman 2012 — V. K i m m e l m a n. Doubling in RSL and NGT: towards a unified explanation // Proceedings of IATL 27. MIT Working Papers in Linguistics. Cambridge, MA: Dept. of Linguistics and Philosophy, Massachusetts Institute of Technology, 2012. Vol. 65. P. 57—81.

Klima, Bellugi 1979 — E. K l i m a, U. B e l l u g i. The Signs of Language. Cambridge, MA; London, 1979.

Liddell 2003 — S. K. L i d d e l l. Grammar, Gesture and Meaning in American Sign language. New-York, 2003.

Liddell, Johnson 1989 — S. K. L i d d e l l, R. E. J o h n s o n. American Sign Language: The Phonological Base // C. Valli, C. Lucas. Linguistics of American Sign Language: An introduction (3-rd edition). Cambridge, 2000. P. 267 — 306. (First published in: Sign Language Studies. 1989. Vol. 64. P. 197—277).

Lucas, Valli 1992 — C. L u c a s, C. V a l l i. Language Contact in the American Deaf Community. San-Diego, 1992.

Marantz 1982 — A. M a r a n t z. Re Reduplication // Linguistic Inquiry. 1982. Vol. 13. № 3. P. 435—482.

Maroney 2004 — E. M. M a r o n e y. Aspect in ASL: A Typological-Functional Analysis // Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. 2004. Vol. 30. P. 244—255.

McCarthy, Prince 1995 — J. M c C a r t h y, A. P r i n c e. Faithfulness and reduplicative identity // University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics. 1995. Vol. 18. P. 249—384.

Meir 2012 — I. M e i r. Word Classes and Word Formation // Pfau R., Steinbach Moskva, Woll B. (eds.) Sign Language: An International Handbook. Berlin, 2012. P. 77—111.

Meir, Sandler 2008 — I. M e i r, W. S a n d l e r. A Language in Space: The Story of Israeli Sign Language. New-York, 2008.

Miljan 2003 — M. M i l j a n. Number in Estonian Sign Language // Trames. Tallinn, 2003. Vol. 7(57/52), 3. P. 203—223.

Minkova 2002 — D. M i n k o v a. Ablaut reduplication in English: the criss-crossing of prosody and verbal art // English Language and Linguistics. Vol. 6/01. 2002. P. 133—169.

Moravcsik 1978 — E. A. M o r a v c s i k. Reduplicative Constructions // J. Greenberg (ed.). Universals of Human Language. Vol. 3: Word Structure. Stanford, CA, 1978. P. 297—334.

Nespor, Sandler 1999 — M. N e s p o r, W. S a n d l e r. Prosody in Israeli Sign Language // Language and Speech. 1999. Vol. 42 (2/3). P. 143—176.

Perlmutter 1992 — D. P e r l m u t t e r. Sonority and Syllable Structure in American Sign Language // Linguistic Inquiry. 1992. Vol. 23. P. 407—442.

Pfau, Steinbach 2003 — R. P f a u, M. S t e i n b a c h. Optimal reciprocals in German Sign Language // Sign Language & Linguistics. 2003. Vol. 6:1. P. 3—42.

Pfau, Steinbach 2005a — R. P f a u, M. S t e i n b a c h. Plural formation in German Sign Language: Constraints and strategies // Linguistische Berichte. 2005. P. 114—144.

Pfau, Steinbach 2005b — R. P f a u, M. S t e i n b a c h. Backward and Sideward Reduplication in German Sign Language // Hurch B. (ed.). Studies on Reduplication. Berlin, 2005. P. 569—594.

Pfau, Steinbach 2007 — R. P f a u, M. S t e i n b a c h. Excluding each other: Spatial modulations in German Sign Language reciprocals (abstract) // Conference «*Reciprocals cross-linguistically*». Berlin, November 30, 2007 / <http://linguagelink.let.uu.nl/burs/RCL07>.

Pfau, Steinbach 2010 — R. P f a u, M. S t e i n b a c h. Plurality of relations in German Sign Language: Mapping semantics onto morphosyntax // Theoretical Issues in Sign Language Research (TISLR 10). West Lafayette, October 1st, 2010 / <http://www.purdue.edu/tislr10/pdfs/Pfau%20Steinbach.pdf> 12 p.

Raimy 2000 — E. R a i m y. The Phonology and Morphology of Reduplication. Berlin, 2000.

Robins 1959 — R. H. R o b i n s. Nominal and verbal derivation in Sundanese // *Lingua*. 1959. Vol. 8. P. 337—369.

Rubino 2005a — C. R u b i n o. Reduplication // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie. (eds.). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford, 2005. P. 114—117.

Rubino 2005b — C. R u b i n o. Reduplication: form, function and distribution // B. Hurch (ed.). *Studies on reduplication*. Berlin, 2005. P. 11—30.

Sandler 1989 — W. S a n d l e r. Phonological Representation of the Sign: Linearity and Nonlinearity in American Sign Language. Dordrecht, 1989.

Sandler, Lillo-Martin 2006 — W. S a n d l e r, D. L i l l o - M a r t i n. Sign Language and Linguistic Universals. Cambridge, 2006.

Schwager, Zeshan 2008 — W. S c h w a g e r, U. Z e s h a n. Word classes in sign languages: Criteria and classifications // *Studies in Language*. 2008. Vol. 32. P. 509—545.

Spreadthesign — Международный видеословарь национальных жестовых языков / <http://www.spreadthesign.com>.

Stavans 1996 — A. S t a v a n s. One, Two or More: The Expression of Number in Israeli Sign Language // W. Edmondson, R. Wilbur (eds.). *International Review of Sign Linguistics*. Mahwah, NJ, 1996. Vol. 1. P. 95—114.

Steinbach 2012 — M. S t e i n b a c h. Plurality // R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll (eds.) *Sign Language: An International Handbook*. Berlin, 2012. P. 112—135.

Stokoe 1960 — W. S t o k o e. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf // *Studies in Linguistics*. New York: Department of Anthropology and Linguistics, 1960.

Supalla 1986 — T. S u p a l l a. The Classifier System in American Sign Language // C. Craig (ed.). *Noun Classes and Categorization: Typological Studies in Language*. 1986. 7. Philadelphia, 1986. P. 181—214.

Supalla, Newport 1978 — T. S u p a l l a, E. N e w p o r t. How Many Seats in a chair? The Derivation of Nouns and Verbs in American Sign Language // P. Siple (ed.). *Understanding Language through Sign Language Research*. New York, 1978. P. 91—132.

Sutton-Spence, Woll 2007 — R. S u t t o n - S p e n c e, B. W o l l. The Linguistics of British Sign Language: An Introduction. Cambridge, 2007.

Thun 1963 — N. T h u n. Reduplicative words in English: A study of formations of the types tick-tock, hurly-burly, and shilly-shally. Uppsala, 1963.

Valli, Lucas 2000 — C. V a l l i, C. L u c a s. Linguistics of American Sign Language: An introduction (3rd ed.). Cambridge, 2000.

Voghel 2005 — A. V o g h e l. Phonologically identical noun-verb pairs in Quebec Sign Language (LSQ): Form and context // *Toronto Working Papers in Linguistics*. 2005. Vol. 25. P. 68—75.

Wallingford 2008 — S. W a l l i n g f o r d. The Pluralisation of Nouns in New Zealand Sign Language // D. Wallace (ed.). *Wellington Working Papers in Linguistics*. Wellington: School of Linguistics and Applied Language Studies. Victoria University of Wellington, 2008. Vol. 20. P. 1—24.

- Wang 2005 — S. Wang. Corpus-based approaches and discourse analysis in relation to reduplication and repetition // *Journal of Pragmatics*. 2005. Vol. 37. P. 505—540.
- Wilbur 2005 — R. Wilbur. A Reanalysis of Reduplication in American Sign Language // B. Hurch (ed.). *Studies on Reduplication*. Berlin, 2005. P. 595—623.
- Wilbur 2009 — R. Wilbur. Productive reduplication in a fundamentally monosyllabic language // *Language Sciences*. 2009. Vol. 31 (2—3). P. 325—342.
- Zeshan 2000 — U. Zeshan. *Sign Language in Indo-Pakistan: A Description of a Signed Language*. Amsterdam and Philadelphia, PA, 2000.
- Zwitserlood, Nijhof 1999 — I. Zwitserlood, S. Nijhof. Pluralization in Sign Language of the Netherlands (NGT) // J. Don, T. Sanders (eds.). *OTS Yearbook 1998—1999*. Utrecht, 1999. P. 58—78.

References

- Aronoff, Meir, Sandler 2005 — M. Aronoff, I. Meir, W. Sandler. The Paradox of Sign Language Morphology // *Language*. 2005. Vol. 81(2). P. 301—344.
- Baker-Shenk, Cokely 1980 — C. Baker-Shenk, D. Cokely. *American Sign Language: A Teacher's Resource Text on Grammar and Culture*. Washington, DC, 1980.
- Battison 1978 — R. Battison. *Lexical Borrowing in American Sign Language*. Silver Spring, Md., 1978.
- Bazoyev i dr. 2009 — V. Z. Bazoyev, G. N. Gavrilova, I. A. Yegorova, V. V. Yezhova, T. P. Davydenko, N. A. Chaushyan. *Slovar russkogo zhestovogo yazyka*. Moskva, 2009.
- Bergman 1983 — B. Bergman. Verbs and Adjectives: Some Morphological Processes in Swedish Sign Language // J. Kyle, B. Woll (eds.) *Language in Sign: An International Perspective on Sign Language*. London, 1983. P. 3—9.
- Bergman, Dahl 1994 — B. Bergman, Ö. Dahl. Ideophones in Sign Language? The Place of Reduplication in the Tense-Aspect System of Swedish Sign Language // Bache C., Basboll H., Lindberg C. E. (eds.). *Tense, Aspect and Action. Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology*. Berlin, 1994. P. 397—422.
- Blumfeld 1968 — L. Blumfeld. *Yazyk*. Moskva, 1968.
- Börstell 2011 — C. Börstell. *Revisiting Reduplication. Toward a description of reduplication in predicative signs in Swedish Sign Language: Student Thesis*. Stockholm, 2011.
- Brennan 1992 — M. Brennan. The visual world of British Sign Language: an introduction // D. Brien (ed.). *Dictionary of British Sign Language/English*. London, 1992. P. 1—33.
- Brentari 1998 — D. Brentari. *A Prosodic Model of Sign Language Phonology*. Cambridge, 1998.
- Brentari, Padden 2001 — D. Brentari, C. A. Padden. Native and foreign vocabulary in American Sign Language: A lexicon with multiple origins // D. Brien (ed.). *Foreign Vocabulary in Sign Languages*. Mahwah, NJ, 2001. P. 87—119.
- Bright 1957 — W. Bright. *The Karok Language*. Berkley, 1957.
- Broselow, McCarthy 1983/84 — E. Broselow, J. McCarthy. A Theory of Internal Reduplication // *The Linguistic Review*. 1983/84. Vol. 3 (1). P. 25—88.
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar*. Chicago; London, 1994.

- Bybee 1985 — J. Bybee. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Philadelphia, 1985.
- Carmel 1975 — S. J. Carmel. *International Hand Alphabet Charts*. Rockville, Md., 1975.
- Cogill-Koez 2000 — D. Cogill-Koez. Signed language classifier predicates: Linguistic structures or schematic visual representation? // *Sign Language and Linguistics*. 2000. Vol. 3 (2). P. 153—207.
- Crasborn et al. 2012 — O. Crasborn, E. van der Kooij, J. Ros. On the weight of phrase-final prosodic words in a sign language // *Sign Language & Linguistics*. 2012. Vol. 15. 1. P. 11—38.
- Davidenko, Komarova 2006 — T. P. Davydenko, A. A. Komarova. *Kratkiy ocherk po lingvistike RZhYa* // A. A. Komarova (sost.). *Sovremennyye aspekty zhestovogo yazyka*. Moskva, 2006. S. 146—161.
- DeMatteo 1977 — A. DeMatteo. Visual imagery and visual analogues in American Sign Language // L. Friedman (ed.). *On the Other Hand: New Perspectives on American Sign Language*. New York, 1977. P. 109—136.
- Dimskis 2002 — L. S. Dimskis. *Izuchayem zhestovyy yazyk: Uchebnoye posobiye dlya studentov defektologicheskikh fakultetov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy*. Moskva, 2002.
- Dressler 1995 — W. Dressler. Interaction between Iconicity and Other Semiotic Parameters // R. Simone (ed.). *Iconicity in Language*. Amsterdam, 1995. P. 21—38.
- Emmorey 2002 — K. Emmorey. *Language, Cognition and the Brain*. Mahwah, NJ, 2002.
- Filimonova 2014 — Ye. V. Filimonova. *Akcionalnyye klassy glagolov v russkom zhestovom yazyke (v pechati)*.
- Fischer 1973 — S. Fischer. Two Processes of Reduplication in American Sign Language // *Foundations of Language*. 1973. Vol. 9. P. 469—480.
- Gil 2005 — D. Gil. From repetition to reduplication in Riau Indonesian // B. Hurch (ed.). *Studies on Reduplication*. Berlin, 2005. P. 31—64.
- Golston, Thurgood 1999 — C. Golston, E. Thurgood. Reduplication as Echo: Evidence from Bontok and Chumash // *Perspectives in Linguistics: Papers in honor of P. J. Mistry*. New Dehli: Indian Institute of Language Studies, 1999. P. 81—105.
- Harrison 1973 — S. P. Harrison. Reduplication in Micronesian Languages // *Oceanic Linguistics*. 1973. 12.1/2. P. 407—454.
- Healey 1960 — P. M. Healey. *An Agta Grammar*. Manila, 1960.
- Heine 1994 — B. Heine. On the Genesis of Aspect in African Languages: The Proximative // K. Moore, D. Peterson, K. Wentum (eds.). *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on Historical Issues in African Linguistics*. Berkley, 1994. P. 35—46.
- Hockett 1950 — C. F. Hockett. Peiping Morphophonemics // *Reading in Linguistics I & II*. Chicago, 1995. P. 130—143 (First published in: *Language*. 1950. Vol. 26. P. 63—85).
- Hunger 2006 — B. Hunger. Noun/Verb pairs in Austrian Sign Language (ÖGS) // *Sign Language & Linguistics*. 2006. Vol. 9. P. 71—94.
- Inkelas 2008 — S. Inkelas. The Dual Theory of Reduplication // *Linguistics*. 2008. Vol. 46. P. 351—402.
- Inkelas, Zoll 2005 — S. Inkelas, C. Zoll. *Reduplication: Doubling in Morphology*. Cambridge, 2005.
- Jantunen, Takkinen 2010 — T. Jantunen, R. Takkinen. Syllable Structure in Sign Language Phonology // D. Brentari (ed.). *Sign Languages*. Cambridge, 2010. P. 312—331.

Johnson, Liddell 1984 — R. E. Johnston, S. K. Liddell. Structural Diversity in the ASL Lexicon // D. Testen, V. Mishra, J. Drogo (eds.) *Papers from the Parasession on Lexical Semantics*: Chicago Linguistics Society. Chicago, 1984. P. 173—186.

Johnston 2001 — T. Johnston. Nouns and Verbs in Australian Sign Language: An Open or Shut Case? // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. 2001. Vol. 6. P. 235—257.

Johnston, Schembri 2007 — T. Johnston, A. Schembri. *Australian Sign Language (Auslan): An Introduction to Sign Language Linguistics*. Cambridge, 2007.

Kasevich 1988 — V. B. Kasevich. *Semantika. Sintaksis. Morfologiya*. Moskva, 1988.

Khrakovskiy 1989 — V. S. Khrakovskiy. Semanticheskiye tipy mnozhestvennosti situatsiy i ikh yestestvennaya klassifikatsiya // V. S. Khrakovskiy (red.). *Tipologiya iterativnykh konstruktsiy*. Leningrad, 1989. S. 5—53.

Kimball 1988 — G. Kimball. Koasati Reduplication // W. Shipley (ed.). *In Honor of Mary Haas*. Berlin; New York, 1988. P. 432—442.

Kimmelman 2009 — V. Kimmelman. Parts of speech in Russian Sign Language: The role of iconicity and economy // *Sign Language & Linguistics*. 2009. Vol. 12. 2. P. 161—186.

Kimmelman 2012 — V. Kimmelman. Doubling in RSL and NGT: towards a unified explanation // *Proceedings of IATL 27. MIT Working Papers in Linguistics*. Cambridge, MA: Dept. of Linguistics and Philosophy, Massachusetts Institute of Technology, 2012. Vol. 65. P. 57—81.

Klima, Bellugi 1979 — E. Klima, U. Bellugi. *The Signs of Language*. Cambridge, MA; London, 1979.

Kryuchkova 2000 — O. Yu. Kryuchkova. Reduplikatsiya v aspekte yazykovoy tipologii // *Voprosy jazykoznanija*. № 4. 2000. S. 68—84.

Liddell 2003 — S. K. Liddell. *Grammar, Gesture and Meaning in American Sign language*. New-York, 2003.

Liddell, Johnson 1989 — S. K. Liddell, R. E. Johnson. American Sign Language: The Phonological Base // C. Valli, C. Lucas. *Linguistics of American Sign Language: An introduction* (3-rd edition). Cambridge, 2000. P. 267 — 306. (First published in: *Sign Language Studies*. 1989. Vol. 64. P. 197—277).

Lucas, Valli 1992 — C. Lucas, C. Valli. *Language Contact in the American Deaf Community*. San-Diego, 1992.

Marantz 1982 — A. Marantz. Re Reduplication // *Linguistic Inquiry*. 1982. Vol. 13. № 3. P. 435—482.

Maroney 2004 — E. M. Maroney. Aspect in ASL: A Typological-Functional Analysis // *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. 2004. Vol. 30. P. 244—255.

McCarthy, Prince 1995 — J. McCarthy, A. Prince. Faithfulness and reduplicative identity // *University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics*. 1995. Vol. 18. P. 249—384.

Meir 2012 — I. Meir. Word Classes and Word Formation // Pfau R., Steinbach Moskva, Woll B. (eds.) *Sign Language: An International Handbook*. Berlin, 2012. P. 77—111.

Meir, Sandler 2008 — I. Meir, W. Sandler. *A Language in Space: The Story of Israeli Sign Language*. New-York, 2008.

Melchuk 1998 — I. A. Melchuk. *Kurs obshchey morfologii*. T. II. M. — Vena; Venskiy slavisticheskiy almanakh, 1998.

Melchuk 2000 — I. A. Melchuk. *Kurs obshchey morfologii*. T. III. M. — Vena; Venskiy slavisticheskiy almanakh, 2000.

- Melchuk 2001 — I. A. Melchuk. Kurs obshchey morfologii. T. IV. M. — Vena; Venskiy slavisticheskiy almanakh, 2001.
- Miljan 2003 — M. Miljan. Number in Estonian Sign Language // Trames. Tallinn, 2003. Vol. 7(57/52), 3. P. 203—223.
- Minkova 2002 — D. Minkova. Ablaut reduplication in English: the criss-crossing of prosody and verbal art // English Language and Linguistics. Vol. 6/01. 2002. P. 133—169.
- Minlos 2004 — F. R. Minlos. Reduplikaciya i parnyye slova v vostochnoslavyanskikh yazykakh: Diss. kand. filol. n. Moskva, 2004.
- Moravcsik 1978 — E. A. Moravcsik. Reduplicative Constructions // J. Greenberg (ed.). Universals of Human Language. Vol. 3: Word Structure. Stanford, CA, 1978. P. 297—334.
- Nespor, Sandler 1999 — M. Nespor, W. Sandler. Prosody in Israeli Sign Language // Language and Speech. 1999. Vol. 42 (2/3). P. 143—176.
- Perlmutter 1992 — D. Perlmutter. Sonority and Syllable Structure in American Sign Language // Linguistic Inquiry. 1992. Vol. 23. P. 407—442.
- Pfau, Steinbach 2003 — R. Pfau, M. Steinbach. Optimal reciprocals in German Sign Language // Sign Language & Linguistics. 2003. Vol. 6:1. P. 3—42.
- Pfau, Steinbach 2005a — R. Pfau, M. Steinbach. Plural formation in German Sign Language: Constraints and strategies // Linguistische Berichte. 2005. P. 114—144.
- Pfau, Steinbach 2005b — R. Pfau, M. Steinbach. Backward and Sideward Reduplication in German Sign Language // Hurch B. (ed.). Studies on Reduplication. Berlin, 2005. P. 569—594.
- Pfau, Steinbach 2007 — R. Pfau, M. Steinbach. Excluding each other: Spatial modulations in German Sign Language reciprocals (abstract) // Conference «*Reciprocals cross-linguistically*». Berlin, November 30, 2007 / <http://languageink.let.uu.nl/burs/RCL07>.
- Pfau, Steinbach 2010 — R. Pfau, M. Steinbach. Plurality of relations in German Sign Language: Mapping semantics onto morphosyntax // Theoretical Issues in Sign Language Research (TISLR 10). West Lafayette, October 1st, 2010 / <http://www.purdue.edu/tislr10/pdfs/Pfau%20Steinbach.pdf> 12 p.
- Plungyan 2003 — V. A. Plungyan. Obshchaya morfologiya: Vvedeniye v problematiku. Moskva, 2003.
- Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira. Moskva, 2011.
- Prozorova 2009 — Ye. V. Prozorova. Markery lokalnoy struktury diskursa v russkom zhestovom yazyke. Diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2009.
- Raimy 2000 — E. Raimy. The Phonology and Morphology of Reduplication. Berlin, 2000.
- Robins 1959 — R. H. Robins. Nominal and verbal derivation in Sundanese // Lingua. 1959. Vol. 8. P. 337—369.
- Rozhanskiy 2011 — F. I. Rozhanskiy. Reduplikaciya: Opyt tipologicheskogo issledovaniya. Moskva, 2011.
- Rubino 2005a — C. Rubino. Reduplication // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie. (eds.). The World Atlas of Language Structures. Oxford, 2005. P. 114—117.
- Rubino 2005b — C. Rubino. Reduplication: form, function and distribution // B. Hurch (ed.). Studies on reduplication. Berlin, 2005. P. 11—30.
- Sandler 1989 — W. Sandler. Phonological Representation of the Sign: Linearity and Nonlinearity in American Sign Language. Dordrecht, 1989.
- Sandler, Lillo-Martin 2006 — W. Sandler, D. Lillo-Martin. Sign Language and Linguistic Universals. Cambridge, 2006.
- Schwager, Zeshan 2008 — W. Schwager, U. Zeshan. Word classes in sign languages: Criteria and classifications // Studies in Language. 2008. Vol. 32. P. 509—545.

- Shamaro 2006 — Ye. Yu. Shamaro. Nekotoryye fakty vidovremennoy sistemy RZhYa // A. A. Komarova (sost.) *Sovremennyye aspekty zhestovogo yazyka*. Moskva, 2006. S. 180—191. Spreadthesign — <http://www.spreadthesign.com>.
- Stavans 1996 — A. Stavans. One, Two or More: The Expression of Number in Israeli Sign Language // W. Edmondson, R. Wilbur (eds.). *International Review of Sign Linguistics*. Mahwah, NJ, 1996. Vol. 1. P. 95—114.
- Steinbach 2012 — M. Steinbach. Plurality // R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll (eds.) *Sign Language: An International Handbook*. Berlin, 2012. P. 112—135.
- Stokoe 1960 — W. Stokoe. *Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf* // *Studies in Linguistics*. New York: Department of Anthropology and Linguistics, 1960.
- Supalla 1986 — T. Supalla. The Classifier System in American Sign Language // C. Craig (ed.). *Noun Classes and Categorization: Typological Studies in Language*. 1986. 7. Philadelphia, 1986. P. 181—214.
- Supalla, Newport 1978 — T. Supalla, E. Newport. How Many Seats in a chair? The Derivation of Nouns and Verbs in American Sign Language // P. Siple (ed.). *Understanding Language through Sign Language Research*. New York, 1978. P. 91—132.
- Sutton-Spence, Woll 2007 — R. Sutton-Spence, B. Woll. *The Linguistics of British Sign Language: An Introduction*. Cambridge, 2007.
- Thun 1963 — N. Thun. Reduplicative words in English: A study of formations of the types tick-tock, hurly-burly, and shilly-shally. Uppsala, 1963.
- Valli, Lucas 2000 — C. Valli, C. Lucas. *Linguistics of American Sign Language: An introduction* (3rd ed.). Cambridge, 2000.
- Voghel 2005 — A. Voghel. Phonologically identical noun-verb pairs in Quebec Sign Language (LSQ): Form and context // *Toronto Working Papers in Linguistics*. 2005. Vol. 25. P. 68—75.
- Wallingford 2008 — S. Wallingford. The Pluralisation of Nouns in New Zealand Sign Language // D. Wallace (ed.). *Wellington Working Papers in Linguistics*. Wellington: School of Linguistics and Applied Language Studies. Victoria University of Wellington, 2008. Vol. 20. P. 1—24.
- Wang 2005 — S. Wang. Corpus-based approaches and discourse analysis in relation to reduplication and repetition // *Journal of Pragmatics*. 2005. Vol. 37. P. 505—540.
- Wierzbicka 1999 — A. Wierzbicka. Reduplikaciya v italyanskom yazyke: krosskulturnaya pragmatika i illokutivnaya semantika // A. Wierzbicka. *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov*. Moskva, 1999. S. 224—259.
- Wilbur 2005 — R. Wilbur. A Reanalysis of Reduplication in American Sign Language // B. Hurch (ed.). *Studies on Reduplication*. Berlin, 2005. P. 595—623.
- Wilbur 2009 — R. Wilbur. Productive reduplication in a fundamentally monosyllabic language // *Language Sciences*. 2009. Vol. 31 (2—3). P. 325—342.
- Yuldashev 1997 — A. A. Yuldashev. *Bashkirskiy yazyk* // *Yazyki mira: Tyurkskiye yazyki*. Moskva, 1997. S. 206—215.
- Zayceva 1987 — G. L. Zayceva. Infleksiya kak sredstvo smysloobrazovaniya v razgovornom zhestovom yazyke glukhikh // *Eksperimentalnyye metody v psikholingvistike*. Moskva, 1987. S. 152—164.
- Zayceva 2004 — G. L. Zayceva. *Zhestovaya rech. Daktilologiya*. Moskva, 2004.
- Zeshan 2000 — U. Zeshan. *Sign Language in Indo-Pakistan: A Description of a Signed Language*. Amsterdam and Philadelphia, PA, 2000.
- Zwitserlood, Nijhof 1999 — I. Zwitserlood, S. Nijhof. Pluralization in Sign Language of the Netherlands (NGT) // J. Don, T. Sanders (eds.). *OTS Yearbook 1998—1999*. Utrecht, 1999. P. 58—78.

Резюме

В статье анализируются структурные и функциональные особенности редупликации в русском жестовом языке (РЖЯ). Редупликация является в РЖЯ одним из важнейших механизмов выражения ряда грамматических и словообразовательных значений. Ранее она не была предметом специального исследования, а лишь упоминалась в отдельных работах как показатель аспектуальности, именной множественности или как средство образования существительных от глаголов. В статье подробно рассматриваются мотивированная редупликация, при которой у редулицированной формы имеется исходный нередулицированный коррелят, и немотивированная редупликация, при которой исходный нередулицированный коррелят отсутствует. Показано, что мотивированная редупликация в РЖЯ, как в структурном, так и в функциональном отношениях обнаруживает сходство с одноименным явлением в звуковых языках, однако обладает и спецификой, обусловленной использованием визуального канала передачи информации. Немотивированная редупликация ранее практически не рассматривалась в исследованиях, посвященных редуликации в жестовых языках. В статье показано, что в РЖЯ немотивированная редупликация значима и продуктивна, ее использование связано с семантикой жеста.

Ключевые слова: жестовые языки, русский жестовый язык, редупликация, мотивированная редупликация, немотивированная редупликация, структурный тип редуликации, функция редуликации.

Статья получена 03.04.2014

SVETLANA I. BURKOVA, ELIZAVETA V. FILIMONOVA

REDUPLICATION IN RUSSIAN SIGN LANGUAGE

The paper deals with structural and functional features of reduplication in Russian Sign Language (RSL). Reduplication is one of the most important grammatical and derivational mechanisms in RSL. Hitherto it has not been an object of special research but was merely mentioned as a marker of aspect or nominal plurality, or as a means of denominal verb derivation.

The paper considers in detail both motivated (polymorphemic) reduplication, wherein the reduplicated form has an original non-reduplicated counterpart, and unmotivated (monomorphemic) reduplication, wherein the reduplicated form does not have an original non-reduplicated counterpart. It is shown that motivated reduplication in RSL has a number of formal and functional similarities with the same phenomenon in spoken languages but also has some peculiarities that can be ascribed to the visual nature of sign languages. Unmotivated reduplication has not been previously considered in studies examining reduplication in sign languages. The paper shows that unmotivated reduplication in RSL is meaningful and productive, and its use is associated with the semantics of gesture.

Keywords: sign languages, Russian Sign Language, reduplication, motivated reduplication, unmotivated reduplication, form of reduplication, function of reduplication.

Received on 03.04.2014

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

XLV Виноградовские чтения в МГУ

Научный 2014 год открылся традиционными Виноградовскими чтениями, которые состоялись 15 января на филологическом факультете МГУ и были посвящены соотношению имени и глагола в языковых системах и в разных научных концепциях.

Программа чтений состояла из 8 докладов, в которых была представлена обширная лингвистическая проблематика, связанная с научными интересами академика Виноградова: науковедение, грамматика, текстология, семантика и синтаксис, история русского языка. В чтениях приняли участие научные сотрудники академических институтов, преподаватели московских и петербургских вузов.

Программу чтений открыл доклад **Н. К. Ониненко** (ИРЯ РАН) «Имя и глагол в Виноградовской школе русской грамматики». Докладчик отметила, что в год трех юбилеев (в 2014 году исполняется 150 лет со дня рождения А. А. Шахматова, 120 лет — со дня рождения В. В. Виноградова, в этом же году празднует свой юбилей Г. А. Золотова) особенно важно обсудить преемственность в русской грамматической науке. Обратившись к трудам академика Виноградова и его ученицы Г. А. Золотовой, Н. К. Ониненко показала, что именная составляющая русской грамматики всегда была значима для русистики, что проявилось в интерпретации категории лица у В. В. Виноградова (он, вслед за А. А. Шахматовым, выделял категорию лица существительного, местоимения, глагола); именная грамматика стала основой для функционального синтаксиса Г. А. Золотовой и воплоти-

лась в ее «Синтаксическом словаре» (1988 г.). Системное и функционально-синтаксическое равенство имени и глагола проявилось в идее косвенного падежа подлежащего, которую Г. А. Золотова отстаивает с 1960-х гг. В зарубежной лингвистике 1990—2000-х гг. аналогичный подход, связанный с отказом от вербо- и номиниоцентризма, получил название «грамматики конструкций». Идея равенства имени и глагола проявилась и в семантико-синтаксической классификации глаголов, в которой исходной точкой становится не глагол, а семантика и структура модели предложения. При переходе от синтаксиса предложения к грамматике текста основной текстовых категорий стали, во-первых, глагольные морфологические категории вида и времени и, во-вторых, категория лица, объединяющая имена и глаголы. Вслед за В. В. Виноградовым Г. А. Золотова вводит понятие функции видо-временной формы глагола; позже идея текстовой функции предиката была распространена на безглагольные предложения, на именные предикаты. В виноградовской стилистике художественной речи категория лица — основа текстовой категории «образа автора»; в концепции коммуникативной грамматики (1990—2000-е гг.) категория лица воплощается в модели субъектной перспективы текста.

В. М. Алтатов (ИЯз РАН) в докладе «О понятии части речи», возвращаясь к своим идеям, высказанным в работах второй половины 1980-х гг., назвал вопрос о частях речи «вечным» вопросом лингвистики. Докладчик рассмотрел четыре принципа классификации частей

речи: семантический, морфологический, синтаксический и «основанный на интуиции» (т. е. учитывающий все или часть из вышеперечисленных признаков). Было показано, что есть понятия, которые в разных языках категоризируются одинаково — это несомненные действия, качества, предметы. Но есть и такие понятия, которые в разных языках категоризируются по-разному, это касается разграничения действия / качества, качества / состояния, например, в японском языке *богатый* — глагол, а *болеть* — прилагательное. Хотя понятие части речи не универсально, о частеречных системах можно говорить применительно к европейской, индийской, арабской, японской традициям, в которых независимо друг от друга разграничиваются имя и глагол. Эти лингвистические представления находят подтверждение в данных психолингвистики и детской речи.

Два доклада были посвящены проблемам падежной грамматики. Принципы классификации русских падежей обсуждались в докладе *А. Ф. Дремова* (МГИМО; HUF5) «Системная теория падежа и предлога». Основываясь на идеях Г. П. Мельникова, докладчик рассмотрел падеж как средство формального выражения содержательной связности полипредикативного сообщения (компрессированного первообразного текста). Такое сообщение признается необходимым для исчерпывающего описания события. Падеж понимается как свернутое простейшее предложение; основой падежа называется участвующий в событии субъект или объект, а флексия выражает его функцию, роль в развитии события. Для иллюстрации своих положений докладчик привлек залоговые и конверсные трансформации простого предложения.

Я. Г. Тестелец (РГГУ, ИЯз РАН) в своем докладе «Регулярные падежные чередования в русском языке: случайны

ли сходства между ними?» назвал «падежными чередованиями» такие объекты русистики, которые традиционно подводятся под понятие «выбор падежа» (именительный / винительный / творительный в составе предиката; именительный / винительный / родительный в конструкциях с отрицанием; винительный / родительный падеж при интенциональных глаголах). По мнению докладчика, их объединяют два признака. Первый признак состоит в том, что в каждом чередовании участвует один из двух «прямых» («грамматических», или «структурных») падежей — именительный или винительный, второй — в расплывчатости или диффузности семантики чередований. Докладчик поставил своей целью обосновать структурную возможность подобных чередований. Я. Г. Тестелец выдвинул гипотезу, что при падежных чередованиях косвенный падеж выбирается в зависимости от скрытых факторов падежного управления — нулевого предлога, нулевого квантора или нулевой нефинитной связки. Было выдвинуто предположение, что такие нулевые грамматические элементы характеризуются неопределенным, диффузным значением.

М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена) в докладе «Номиноцентризм vs. вербоцентризм в русской грамматической науке» показал, что данная оппозиция, по сути, является оппозицией бицентрического и моноцентрического подходов к интерпретации синтаксической структуры предложения. В аспекте моноцентризма / бицентризма были рассмотрены синтаксические учения XVIII—XX вв.: концепция М. В. Ломоносова; размышления Н. И. Богородицкого, за полвека до А. А. Шахматова близко подошедшего к понятию односоставного предложения (1868); теория А. А. Дмитриевского, послужившая предтечей «крайнего вербоцентризма» (В. Г. Гак) Л. Теньера. Особое внимание было уделено одному

из наиболее последовательных проявлений моноцентрического подхода — версии грамматики зависимостей, разрабатываемой группой лингвистов под руководством акад. Ю. Д. Апресяна. Пристальное внимание докладчика к этой синтаксической концепции объясняется тем, что она практически применена в «синтаксическом подкорпусе» Национального корпуса русского языка. Рассмотрев несколько «деревьев» (схематических отображений структуры предложений) из НКРЯ, докладчик пришел к выводу, что последовательный моноцентризм приводит не к вербоцентрической, а к «что-угодно-центрической» интерпретации структуры предложения, не замечающей, в частности, элементарных проявлений эллипсиса, инкорпорирующей в структуру предложения вводные элементы и мн. др. Данная концепция, по мнению докладчика, игнорирует более чем значительную часть отечественной (и не только) синтаксической традиции и предлагает решения, вызывающие многочисленные возражения.

В докладе **И. И. Макеевой** (ИРЯ РАН) «О взаимосвязи лексической семантики и текста в диахронии (на материале глаголов движения)» рассматривалась лексико-семантическая эволюция группы глаголов движения, обсуждались условия появления у них метафорических значений. В русском языке XI—XVII вв. движение-перемещение в водной среде обозначали десять основных глаголов, частотность которых в письменных источниках была разной. У *плутти / плавати* и *брести / бродити* обозначение движения в воде было исконным; у *ити / ходити*, *ехати / ездити*, *бегати / бежати* развилось в процессе семантической эволюции слов. Движение-перемещение судна и человека на судне обозначалось глаголами *бежати*, *ити / ходити* и *плутти / плавати*. Только передвижение человека на судне передавали глаголы *ехати / ездити* и *бегати*. Две пары гла-

голов *плутти / плавати*, *брести / бродити* и глагол *ходити* обозначали «активное» (самостоятельное перемещение в водной среде) и «пассивное» (умение держаться на воде) движение человека и / или животного. Докладчик проанализировала употребление этих глаголов в нескольких списках XV—XVII вв. «Сказания о трех друзьях» (одного из «морских» сказаний о чудесах свт. Николая Мирликийского) и показала, что эти глаголы находятся в синонимических отношениях. Она отметила несколько редких употреблений глаголов *бродити* и *плавати*, когда они передают «пассивное» движение. В заключение докладчица выдвинула предположение о том, что в поздний старорусский период сема среды перемещения (вода) актуализировалась в глаголах *плутти / плавати*, а в глаголах *брести / бродити* уходила на второй план, благодаря чему *брести / бродити* семантически сближались с глаголами движения, для которых значение движения в водной среде было вторичным.

В докладе **И. М. Кобозевой** (МГУ) «Семантика и синтаксис глаголов эмиссии» рассматривался подкласс глаголов проявления, включающий глаголы света (*светить* и др.), звука (*шуметь* и др.), запаха (*пахнуть* и др.) и температурные глаголы (*греть* и др.). В основе всех глаголов данного подкласса лежит единая концептуальная схема эмиссии. Схема выявляется из анализа внутренней формы синонимичных глаголам эмиссии коллокаций (ср. *испускать свет / звук / запах / тепло*), содержащих полужнаменательный лексико-функциональный глагол типа *Oper1* (*испускать* или его синоним *издавать*, *изливать* и т. п.) с прямым дополнением, выраженным именным коррелятом глагола. Обнаруживаются общие семантико-синтаксические и деривационные свойства базовых глаголов эмиссии, а также особые свойства глаголов каждой из че-

тырех семантических групп, выделяемых по параметру сенсорной модальности. Был сделан вывод о том, что различия между группами в аспекте актантно-ролевой структуры когнитивно мотивированы: они обусловлены особенностями восприятия человеком обозначаемых физических и химических явлений.

Программу чтений завершал доклад **Н. В. Николенковой** (МГУ) «Глагол *числити* в переводе Атласа Блау и история существительного *числитель* у В. В. Виноградова», в котором была затронута проблема постановки ударения в существительных, мотивированных глаголами. Эту общую грамматическую проблему обсуждал В. В. Виноградов в «Истории слов» в связи с существительным *числитель*, опираясь на взгляды В. А. Богородицкого и Л. Л. Васильева. Вслед за Богородицким Виноградов объяснял ударение в современном слове *числитель* украинско-польским влиянием, ссылаясь при этом на материал атласа Блау. Н. В. Николенкова считает, что данные этого памятника не дают достаточных оснований для такого вывода: история создания перевода, личность переводчиков и писцов нуждается в дополнительных исследованиях; кроме того, необходимо сопоставление с другими акцентуированными источниками. Исследовав акцентуированные

памятники того же периода, Н. В. Николенкова предложила свое объяснение проблемы, согласно которому в слове *числитель* сохраняется ударение производящего глагола *числити*.

XLV Виноградовские чтения в МГУ показали, что в современной отечественной лингвистике существует преемственность между разными поколениями исследователей, а сосуществование разных научных парадигм, направлений и подходов позволяет увидеть языковые факты с разных теоретических позиций.

Продолжением Виноградовских чтений в МГУ в последние годы стали весенние Виноградовские чтения в Зарайске — на родине В. В. Виноградова. Зарайский педагогический колледж ежегодно собирает представителей разных поколений словесников — преподавателей вузов и школ, научных работников и студентов. Это событие приобретает важное значение для развития русистики в регионе, становясь центром притяжения для исследователей из Москвы, Коломны, Зарайска, Егорьевска, Орехова-Зуева, Шатуры, Рязани и т. д. В 2014 году чтения были посвящены 120-летию В. В. Виноградова и включали доклады по поэтике, грамматике, фонетике, лексикографии.

Е. Н. Никитина, Н. К. Ониненко

Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2013 г.

В 2013 г. отделом диалектологии было проведено 7 экспедиций по сбору материала для изучения говоров территории исконного заселения, а также говоров старообрядцев Латинской Америки. Работа проводилась в рамках проекта «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья» при поддержке гранта РГНФ № 13-04-18005

(руководитель О. Е. Кармакова). Экспедиция в Латинскую Америку (О. Г. Ровнова) осуществлялась за счет спонсорских средств, экспедиция в Кировскую обл. (Т. Н. Коробейникова) проводилась в рамках проекта, поддержанного Министерством образования РФ. Результатом работы стали аудио- и видеозаписи общей продолжительностью около 250 часов.

Ниже публикуются отчеты о четырех экспедициях, к отчетам прилагаются образцы диалектной речи — тексты в фонетической транскрипции.

Отчеты об экспедициях публикуются под общей редакцией А. В. Тер-Аванесовой.

Экспедиция в село Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области

Очередная экспедиция в село Роговатое состоялась в июне 2013 г. (участники: И. А. Букринская, С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, О. Е. Кармакова, А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова). Обзорные отчеты об экспедициях в это село публиковались ранее, см. [Отчет 2008: 282, Отчет 2010: 283—284, Отчеты 2011: 289—292, Отчеты 2013: 275—284]; опубликованы результаты изучения отдельных фрагментов системы говора: фонетики [Дьяченко 2013], [Исаев 2013], лексики [Букринская, Кармакова 2013], склонения и ударения [Тер-Аванесова 2013], синтаксиса [Малышева 2013]. В настоящем отчете кратко изложены новые наблюдения над фонетикой говора, а основное место отведено системе именного словоизменения и лексике. Материал сопровождается лингвогеографическим комментарием.

Фонетика

Яканье. Количественный анализ гласных просодического центра.

Новые экспедиционные материалы позволили уточнить сведения о предупредительном вокализме роговатовского говора после мягких согласных, ср. его краткую характеристику в [Отчеты 2013: 276]. Проведя аудитивный анализ, можно констатировать следующее распределение различных звукотипов после мягких согласных в первом предупредительном слоге:

1) в структурах типа С'АСá (знаком «А» в первом предупредительном слоге ус-

ловно обозначены фонемы неверхнего подъема) наблюдается предупредительный [e], который в редких случаях к концу понижается и отодвигается назад, приобретает *a*-образное звучание; иногда в позиции перед заднеязычными он отодвигается назад, не понижая подъема, и приобретает небольшую огубленность (этот звук обозначен как [э̞]): *n'ip'estál, um'erlá, zər'eklás'e, l'ežsál, n'ev'ezlá, n'e náda, m'ešálá, pr'ijejžsál'u, tr'eslá, n'exáj, — sv'e'klá, n'e'slá, v'e'zlá, — n'э̞'клá, л'э̞'лá;*

2) в структурах типа С'АСó произносится [e], однако перед заднеязычными встречается [э̞] (как перед ударным [a]): *sv'etóy* (И. ед.), *m'ešók, n'ešók, n'e nóy, sv'ekróv'jád, jeyó, — č'э̞'ró, прэ n'э̞'ró, n'ич'э̞'ró;*

3) в структурах типа С'АС'á в большинстве примеров произносится [и], в редких случаях, обычно перед консонантным сочетанием, здесь отмечен [e]: *m'ил'átэк, p'иб'átэ, см'ий'áлс'и, см'ин'á-лэ, ийд'á, бр'ихн'á, з'имл'á, б'ис n'átэк, — p'емн'ám'и, ч'ерн'áвай;*

4) в структурах типа С'АС'э обычно произносится [и], однако спорадически встречается [e]: *m'ин'ér', d'ит'эй, ст'и-р'еч', б'ир'эм'иннэйэ, 3 л. ед. ч. n'ip'и-л'йэ, кл'ин'э, тв'ит'э, — ап c'ел'эн'йу, p'ем'эн', у т'еб'э, 3 л. ед. ч. абд'ер'э. Имеется один пример структуры С'АСэ с предупредительным [e]: *č'ip'ez'эту;**

5) в структурах типа С'АС'ó в предупредительном слоге произносится обычно [и], однако встречается [e]: *б'ир'óзэ, с'т'и-р'óх, с'ип'йóзнэй, С'ип'óу, т'ил'óнкэ, в'и-д'óрку, p'иб'óнкэ, ч'ит'в'óрэ, — з'р'еб'ó-нэ, б'ир'ев'óнушкэ, н'е yн'óт;*

6) в структурах типа С'АСы́, С'АС'й́, С'АС'ý, С'АС'ý, С'АС'э́¹, С'АС'ò, С'АС'ò в предупредительном слоге, как правило, отмечен дифтонг [eа] с равноправными по длительности частями или дифтонгоид

¹ В рассмотренном материале не встретилось примеров структуры С'АСé.

[^еа], однако при быстром темпе речи возможен [е]:

— *п'ир^еамылэс', н'еа^е урызл'и, б'еа-жыт'е, т'в'а^еты, б'а^ежы, — л'ежыт', н'е слышу;*

— *п'иркр^еас'т'илэс'е, ч'ир^еас тр'и, ул'еад'и, ад з'амл'и, п'ат'и, бл'ас'-т'ит', нэ с'ам'ицкэй, — пэдн'ел'ис', аб-д'ер'и, с'т'ир'еул'и;*

— *св'еаклү, б'еас стүл'и, пэ с'еалу, н'еа дүрэч'кэ, к шурийеакү, т'в'атут', прэкл'анү, — зур'ебү, н'е здумэй;*

— *м'еал'ү, н'еа п'иү, нэм'ал'ү, см'а-йүс', — с'емйү;*

— *ул'еад'иет', зв'еан'иет', уу акт'еа-бр'ие, н'еа б'иецтвал'и, р'ав'иет', у на-шам с'ал'ие, н'ад'иел'э, — нэ з'емл'ие;*

— *с'еалуо, д'еалуоү, с'еаструою, кэ-л'еасуо, н'а хуоч'ут', пэт'аклүо, — н'е-пуолэнэ, н'еруоднэй;*

— *ис кэл'еайүоү, з'амл'юй.*

Таким образом, можно констатировать устойчивое противопоставление двух групп гласных предударного слога: перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов, с одной стороны, и перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов — с другой, что свидетельствует об архаическом характере вокализма. Наличие предударного звука [е] в позиции перед ударными среднего и нижнего подъёма позволяет предположить задонскую основу в данном типе вокализма, однако отнести его к задонской разновидности не позволяет наличие звукотипа [и], наблюдаемого в позиции перед ударными гласными нижнего и среднего подъёма, но только при мягком правом контексте. Следовательно, мы имеем дело с особой разновидностью архаического предударного вокализма после мягких согласных, в котором гласные неверхнего подъёма нейтрализуются в трех различных звукотипах в зависимости от качества ударного гласного, а в случае с ударными гласными нижнего и среднего подъёмов — также от твердости/мягкости

последующего согласного. Говоры с подобным устройством вокализма обнаружены в Липецкой области (Верхняя Колыбелька и Отскочное Хлевенского р-на) [Касаткина, Щигель 1995: 297—309].

Противопоставление двух групп предударных гласных, дающее основание для характеристики роговатовского вокализма после мягких согласных как архаического, выражается не только в их качественных различиях, но и в количественных.

Известно, что диссимиляция предударных гласных по отношению к ударным выражается в их расподоблении не только по тембральным, но и по количественным параметрам. Определяющую роль количественных параметров в расподоблении гласных при диссимилятивном вокализме констатировали разные исследователи [Бурова, Касаткин 1977: 67—68], [Просодический строй 1996: 236—244], [Фомина 1985: 103—110]. Другие считают количественные показатели диссимилятивной природы вторичными, обуславливая такую позицию тем, что эти показатели в значительной степени зависят от просодической структуры фразы, от того или иного фразового акцента и могут существенно меняться как в отношении предударного слога, так и в отношении ударного, тогда как тембральное противопоставление гласных, по их наблюдениям, существует при диссимиляции всегда, см. [Сталькова 1971: 47], [Строганова 1977: 92], [Красовицкий 1999: 187—194].

Ниже приводятся некоторые результаты измерений длительности гласных ударного и первого предударного слогов и количественных отношений между гласными этих слогов в роговатовском говоре². Измерения проведены на мате-

² Приводятся результаты исследования длительности предударных гласных не только в позиции после мягких согласных, но и после твёрдых.

риале около 1400 слов, взятых подряд из аудиозаписи речи одной информантки, без учета фразовой позиции. Относительные средние длительности предупредных гласных приведены в таблице 1.

Средние показатели длительности предупредных [и], [е], [еа] соотносятся

следующим образом: [и] — 68 %, [е] — 70 %, [еа] — 100 %. Это соотношение отличается от соотношения собственной длительности гласных нижнего, среднего и верхнего подъемов, установленного для ударных гласных русского литературного языка В. Б. Кузне-

Таблица 1

Примеры	Гласные 1-го предупредного слога	Гласные ударного слога	Относительная длительность предупредного гласного ³ (в %)
хэдóк, кэн'ец, вэдá	э	/о/, /е/, /а/	46
м'ешóк, с'т'енá	'е	/о/, /а/	60
в'ин'ец, б'ир'óза, вр'им'áнка	'и	/е/, /о/, /а/	46
казú, казы́, казé, казбóй	а	/у/, /и/, /ь/, /о/	87
пл'еатú, пл'еатí, с'т'еан'è, с'т'еанбóй	'еа	/у/, /и/, /ь/, /о/	91
прыжóк, к'ирп'ич'ей, кр'ич'á	'и, ы	/о/, /е/, /а/	44
кусóк, л'уд'ей, трубá	'у, у	/о/, /е/, /а/	58
кр'ич'ú, кр'ич'í, пл'ит'è, пл'итбóй	'и, ы	/у/, /и/, /ь/, /о/	48
л'убл'ú, л'уб'í, труб'è, труббóй	'у, у	/у/, /и/, /ь/, /о/	56

цовым и В. А. Оттом: [и, ы, у] — 75 %, [е, о] — 90 %, [а] — 100 % [Кузнецов, Отт 1989: 68].

Такое соотношение длительностей роговатовских предупредных гласных позволяет утверждать, что все аллофоны фонем неверхнего подъема, представленные в **первом предупредном слоге**, по признаку длительности делятся на две группы: 1) «краткие» аллофоны — наблюдаются в предупредном слоге перед ударными гласными среднего и нижнего подъемов и 2) «долгие» — в позиции перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов. Средние длительности первых и вторых соотносятся как 0,6 : 1.

Что касается аллофонов фонем верхнего подъема, то они в эту систему количественных отношений не включаются и ведут себя как «краткие» алло-

фоны фонем неверхнего подъема независимо от того, перед какой ударной фонемой находятся.

Таким образом, результаты измерений свидетельствуют о том, что количественное противопоставление выдерживается при диссимилиации, по крайней мере в говорах с архаической разновидностью диссимилиативного вокализма.

Морфология. Именное словоизменение.

Существительные в говоре делятся на три морфологических рода и три типа склонения.

Падежная система в говоре Роговатого включает падежи: именительный (И. (*п'рид'е*) *с'естра́, бра́т, м'ялако́, но́ч'*); родительный с предлогами (Р. предл. (*б'ыз, ът, из, у...*) *с'астр'è / с'астры́, быка́, бра́та, из до́ма / до́му, с'елá, п'ач'í*); родительный без предлогов (Р. беспредл. (*н'ету*) *с'астры́, быка́, бра́та, д'ыма / атмóлу, м'ялка́, лош'ьд'и*);

³ За 100 % принята длительность ударного гласного.

партитив (Парт. (дал) *ч'иснаку/п'ироуá, вады, мълкá, сол'и, атруб'ей*); счетную форму (Счетн. (*тр'и*) *с'астры, лошьд'и, дóма, акнá*), дательный (Д. (к, даю) *с'астры/с'астр'е, лошьд'и, брáту, акну*), винительный (В. (*в'ижу*) *с'астру, дóм, брáта, акнó, н'еч'*), творительный (Т. (с, за...) *с'астрòйу / с'астрòй, стълбóм, ъкнóм, н'еч'йу*), местный (М. (на) *с'астр'е, нъ двар'е / нъ хвасту, ув акн'е, нъ п'ач'и*). Вопрос о выделении предложного падежа (Предл.) при предлогах *об* (*о*) (*он аб аднэй рук'и*), *при* пока остается открытым из-за недостатка материала.

Контексты, управляющие падежами, в значительной степени совпадают в говоре Роговатого и в литературном языке. Для описания именного словоизменения важно отметить следующие особенности говора в употреблении падежей.

1) Р. и М. варьируют при предлоге у (позиционные варианты: *ў, ув, уво*) в контекстах со значением обладания; вариативность, по-видимому, вызвана тем, что в роговатовском предлоге у контаминированы предлоги *и и *въ (ср. Р.-М. ед. *у хат'е, В. у хату*). Во мн. числе в контекстах со значением обладания при предлоге у преобладает М.: *ува ўс'эх д'евкѣх н'ету кóс; у д'евкѣх карóста; ув ѡвѣцáх кап'иты; а у л'уд'áх н'е знáйу, ет у рьст'ен'ийѣх ѡльвн'á; а кáк вот ышо нъзывáйут' у плътн'екáх; ў д'ет'áх-тѣ цѣпч'к'и, а у н'ей н'ету; у вáс йесл'и у бѣуѣч'áх ид'е там бѣла*, см. еще примеры в [Отчеты 2013: 283]; ср. Р. мн. в том же контексте: *у рус'ей, у кур'ей, у ут'ей, ува ўс'эх, и у инд'ушк лáпы*. В ед. числе существительные II склонения одушевленные (примеров с неодушевленными нет) при предлоге у всегда выступают в форме Р. предл. и имеют окончание {а}: *у д'еда, у пьрь-с'óнка, у ч'ялав'экъ, у внўка*. Существительные I склонения при предлоге у имеют окончания Р. предл.; {ѣ}, реже {и} присоединяются к одушевленным твердым основам: *у жан'е* (3х), *у с'ас-*

тр'е, у с'астры, у карóв'е (4х), *у н'ав'ес-т'е, {и}* — к неодушевленным твердым основам: *свóска у пьн'óвы, у в'ербы; {и}, редко {ѣ}* — к мягким основам, в том числе основам на заднеязычный: *у Кл'уж'и, у р'ак'е; у пт'ицы, у Тон'и; у бáпк'и, у Н'урк'и, у Вáск'и, у Н'уск'и, у кóшк'и, у сьбáк'и, у бáт'ушк'и, у па-друшк'и*.

Форму Р. при предлоге у имеют местоимения ед. числа: *у м'ин'е, у т'иб'е, у с'иб'е*, местоимения и прилагательные ед. ч. м. рода: *у н'еуó, у этъга, у кьуó, у мълáдбуа*, синкретическую форму Р.-М. — местоимения и прилагательные мн. числа: *у нáс, у вáс, у н'их, у так'их, у тóнкых, у мълáдých, у эт'их* и под., форму Р.-Д.-М. — местоимения и прилагательные ед. ч. ж. рода: *у н'ей, у мълáдбй*.

2) При предлоге *по* варьируют Д. и М. падежи: Д. мн. *пъ бѣкáм, пѣ в'ершкáм* (*вершóк* — 'бугор'), *пѣ кьнѣп'áм, пѣ бѣзám, работ'т' пѣ прáзн'икѣм ур'эх, пѣ л'есám рьст'е, пѣ рáзным пѣ с'óльм; М. мн. пѣ вызъвáх йѣзд'ишт'*. У существительных II скл. м. рода подвижной акцентной парадигмы формы М. ед. при предлоге *по* имеют ударение на окончании: *пѣ палу, пѣ саду, пѣ базу, пѣ лау, пѣ Дану*, ср. формы М. ед. при предлогах *на* и *у*: *нѣ палу, у саду, нѣ базу, нѣ бир'ару, у лау, нѣ Дану*; варианты формы Д. ед. при предлоге *по* имеют начальное ударение: *пó пѣлу, пó дѣму, па лóру, па б'ер'ру*, ср. Д. ед. при предлоге *к*: *г базу, к лóгу, г б'ер'егу*. Такое различие Д. и М. ед. у существительных м. рода возможно только при подвижном ударении и форме М. ед. с окончанием {у}. У слов, имеющих ударение на окончании во всех формах парадигмы, формы типа *пѣ сталбу* (при М. ед. *нѣ сталбу*) нерелевантны для различения Д. и М. ед.; у слов с неподвижным наркоренным ударением Д. и М. ед. различаются окончаниями: Д. *пѣ уарóду праб'эх, М. нѣ уарóд'е*, причем при

предлоге *по* встречаются только формы Д. ед. Сочетания *по+М. ед.* типа *пъ са-дѹ*, как кажется, встречаются реже, чем *по+Д. ед.* (*пъ сѹду*).

У слов ср. рода при *по* выступает только форма Д. ед.: *пъ с'алу́*, *пъ пълат-ну́*, *пъ рѣдаствѹ́* (по родству), *пъ рѣд'и-ву́*, *пъ зѣгарѹд'ѹ́*, между тем как в М. ед. твердой разновидности склонения представлены исключительно формы с окончанием {ѣ}.

У существительных твердой разновидности I склонения при предлоге *по* отмечено только окончание {ѣ}: *пъ ѹгла-в'ѣ́*, *пъ ѹар'ѣ́* (2х), *пъ рас'ѣ́*, *пъ рабѹт'е́*, *па хѹт'е^а* (3х) — как и в контекстах, типичных для М. падежа: *нѣ ѹглав'ѣ́*, *нѣ ѹар'ѣ́*, *у хѹт'е́*, притом что в Д. ед. твердой разновидности I склонения {и} и {ѣ} варьируют: (к) *с'астры́* (3х), *к с'аст-тр'ѣ́*, *г ѹр'ѹвы́*, *г ѹр'ѹв'е́* (см. ниже). В мягкой разновидности I склонения в Д.-М. ед. представлено {и}, реже {ѣ}: *к з'амл'ѹ́*, *пъ з'амл'ѹ́*, *п з'амл'ѹ́*, *к з'амл'ѣ́*, *пъ з'амл'ѣ́*, *нѣ з'амл'ѣ́*, *дал снах'ѹ́*, *х т'ѹт-к'и Нѹск'и́*, *нѣ наѹ'ѹ́*, *па ѣтѣй л'ах'ѹ́* (ле-ха́ — 'грядка'), *нѣ прѣвѣй наѹ'ѹ́*, *у р'ак'ѣ́*; формы мягкой разновидности склонения нерелевантны для различения Д. и М.

3) Противопоставление Р. предл., Р. беспредл., Счетн. и Парт. имеется только в ед. числе у существительных I склонения и II склонения м. рода. У слов II склонения ср. рода и III склонения и во мн. числе эти падежи не различаются: в свойственных им контекстах представлена единая флексия {а} (ср. род), {и} (III скл.), {ѹв}/ {ѣй}/ {0} (мн. число, в зависимости от типа склонения): *вады́*, *мѣ^алъкѹ́*, *атруб'ѣй*; *нѣп'еклѹ́*... *пѣшигк*, *нѣвар'ѹлѣ картѹх*, *сѣѣс'т' картѹшигк*, *над'ѣлѣл скѹп / скѹп*. У слов I склонения в ед. числе противопоставлены Р. предложный — Р. беспредложному, Парт. и Счетн., имеющим единый набор флексий (см. материал ниже).

У слов II склонения м. рода отчетливо выделяется Счетн., показателем кото-

рой является {а}; особая форма Счетн. встретила только у слова *час*: *дѣвѹ ч'е-сѹ́*, ср. Р. ед. *н'и ч'ѹса́*, *дѣ ч'ѹса́*. Р. предл. отличается от Счетн. тем, что у неодушевленных твердых (?) основ с безударными окончаниями, как считааемых, так и несчитааемых, варьируют {у} и {а}: *из дѹма́*, *из дѹму́*, *из лѹка́*, *с см'ѣху́*.

Формы беспредложного родительного у существительных II склонения м. рода различаются в зависимости от контекста, одушевленности / неодушевленности, считаемости, ударности / безударности окончания. 1) Приименные формы «родительного принадлежности» имеют только окончание {а}: *п'ѣр'ѹлѣ лѹка́*, *кѣрѹ дѹба́*, *п'ѣрѣй д'ѣн' с'ѣм'икѹ́* — как и Счетн. 2) В отрицательных контекстах все существительные II склонения имеют окончание {а}, а неодушевленные с безударными окончаниями — также {у}; в данном типе контекстов под ударением {у} встретилось только у несчитааемых основ на заднеязычные: *н'ѣту дѹма́*, *н'и рѹзу́*; *н'ѣ прѣшлѹ́* и *ч'ѹса́ / ч'ѹсу́*; *н'ѣту дѣма́*, *атмѹлу н'ѣту*; *н'ѣ былѣ дѹжжѹ́*, *уткѹ н'ѣ хвѣтѹйѣ́*. 3) При количественных словах *много́*, *мало́* и под., в позиции прямого объекта при определенных глаголах без отрицания несчитааемые существительные имеют окончания {у} или {а}: *дал бѹ рѹзума́*, *нѣв'адѹ квѹсу́*; *дал ч'иснакѹ́*, *п'ирѣѹ́* (формы с ударными окончаниями зафиксированы только от основ на заднеязычные). Приименные формы родительного с «уподобительно-определятельным» значением, а также формы несчитааемых слов в независимом употреблении, несчитааемые уменьшительные с суффиксом -к- присоединяют исключительно {у}: *т'ѹр в'ѹду вѣшн'икѹ́* 'терн на вид как вишня', *ч'ѹду!*; *вѣтѹ ч'ѹйк'ѹ́*, *кваскѹ́*. Выступающие в этих контекстах формы несчитааемых слов имеют паритивное значение и могут считаться употребленными паритивного падежа (Парт.).

I и II склонения имеют разновидности, распределенные в зависимости от конечного согласного основы (твердая и мягкая разновидности склонения) и ударности/безударности флексий (ударная и безударная разновидности). К твердой разновидности в обоих склонениях относятся основы, оканчивающиеся на парные твердые согласные («исконно твердые»), кроме основ на *к, γ, х* (*баба, лапа, лава* ‘мостик’, *кума, б’едá, хата, γрозá, осá, полá, стенá, γорá*), к мягкой разновидности — основы, оканчивающиеся на исконно мягкие согласные, т. е. основы на *н’, л’, р’, j, ч’* (*д’б’ня, д’б’ля, б’уря, ш’я, т’уча*), на отвердевшие *ж, ш, ц, жж, ши* (*межá, н’оша / н’оша, овцá, ч’иши* и под.), а также на *к’, γ’,* стоящие после мягких согласных (*м’очкя, Вáськя, д’еньγ’и* под.). Основы на *к, γ, х* (*рукá, ногá, мухá, ольхá* и под.) образуют особую разновидность склонения: в одних формах они ведут себя как морфонологически твердые, в других — как морфонологически мягкие. «Заднеязычная» разновидность склонения в описании не выделяется, а основы на *к, γ, х* рассматриваются то в составе твердой, то в составе мягкой разновидности склонения. Таким образом, в системе говора имеются: твердая ударная, твердая безударная, мягкая ударная и мягкая безударная разновидности I и II склонения. III склонение не имеет разновидностей.

I склонение.

В И. ед., В. ед., Т. ед. и во всех падежных формах мн. числа в I склонении выступают единые окончания. Ниже приведены примеры форм И. ед., В. ед., И. мн., Р. мн. и Т. мн., по которым можно судить не только о флексиях и их фонетических вариантах, но и об акцентуации производных и некоторых производных *а*-основ в говоре, а также о распределении в корнях этих форм фонем /о/ и /δ/. Не имея возможности

комментировать систему ударения *а*-основ, отметим, что лексический состав акцентных парадигм В и С достаточно архаичен (реконструкцию а. п. части приведенных ниже слов см. в [Зализняк 1985; ОСА: 12—14], однако есть тенденция к переходу части слов праслав. а. п. *b* в а. п. С. А. п. В и С противопоставлены в В. ед., а во мн. числе они фактически совпали в а. п. С. Зафиксирована форма Д. ед. *к з’им’е*.

Огласовка корней в формах ед. ч. и И. мн. соответствует «великорусскому» принципу распределения двух фонем «типа *о*» [Зализняк 1985: 178]; в корнях форм а. п. В и С в Р. мн. в соответствии с **o* (кроме двух примеров), **ъ* (не беглым) и изредка **e* обобщена фонема /δ/.

В форме Т. ед. фонема /δ/ распространилась в мягкий тип склонения с последствиями для вокализма 1-го предударного слога.

И. ед. {а}: *γубá, крупá, γэльвá (γьловá), пл’евá, з’имá, л’иб’едá, ч’ьртá, къзá, късá* (орудие, прическа), *б’ьл’енá, съснá, м’етлá, дырá; л’ипá, γр’ивá, кар’ова, пал’ова, н’б’ч’ва, сал’ома, в’едма, кал’ода, кар’оста, п’л’за, р’áса, смар’од’инь, волна* ‘шерсть, руно’, *кам’ора, ст’ула; дуγá, л’ехá, ал’хá, д’ьскá; дар’оγа, р’озγа, кр’ьγа* ‘обломок, глыба’, *мар’ока, ц’евка, йáмкь, т’отка, къл’áскь, д’ьрка, шк’орка, иγ’олкь, с’ошка, карт’ошка; бр’ьн’á, д’ежá, Къжá* (прозвище), *душá; кр’овл’á, к’уч’á, к’б’жа, пл’им’ен’н’иц’ь, хвам’ил’ийь, раγ’б’жа, кáша, р’ошиша, Кáт’á, Вán’á, Мар’ус’е^а, Д’бн’е^а, Вáск’е^а, д’оч’к’е^а, П’етк’е*.

В. ед. {y}: (а. п. А) *б’ир’óзу, б’ас’еду, в’ербу, Д’бн’у, у γл’ину, зал’оу, кáпл’у, кар’ову, кар’осту, кр’ьшу, л’ипу, л’ожыч’к’у, м’еру, н’ошу / н’ошу, п’есн’у, п’орч’у, п’шан’ицу, р’ену, у Р’ьγвáтку, сал’омку, хату, ц’еркву, ч’áшишу, хват’еру дáл’и;* (а. п. В) *в б’áду, б’ьл’ану, блаху, у (пр’ь) вайну, д’ажу, дуγу, γьлавн’у, γразу, зв’азду, кару, крупу, куму, л’ьб’áду, л’ису, м’атлу, нь муку, м’узγу, муху, ал’ху, пр’ь*

ъсаку, п'илу, пл'аву, п'ласу, св'аклу, с'емйу, сл'азу, смалу, снаху, сасну, ч'ь-р'аду, ч'арту; (а. п. С) зь б'орьду, б'орьз-ду, б'орьну, в'обну, у воду, д'оску, у душу, уольву, нь уору, убу, з'емлу, з'иму, под з'иму п'хат', козу, косу (орудие), за ко-су (прическа), л'еху (2х) / л'аху, л'озу / лазу, м'эжу (3х) / у м'ажу, нору, овиу / авиу (4х), осу, полу, пору, пч'олу ('паса-ка; пчела'), у р'еку / р'аку, р'осу, руку, за руку, скобу, соху, траву, ц'ену.

Г. ед. {**ойу**} / {**ой**}: б'ад'ойу, п'ил'ой; с'ошик'ойу, с л'ип'ой; з'амл'ой, т'ап'ч'к'ойу (двусложное окончание встречается чаще).

И.(-В.) мн. {**и**}: (а. п. А) иу'олк'и, кар'овы, карт'ох'и, шк'орк'и, уал'ов'к'и, с'отн'и, в'ер'овк'и, аб'орк'и, д'ьст'оч'к'и; (а. п. В) бл'ох'и, ур'озы, зв'езды, му'х'и, сл'озы, сн'ох'и, с'осны; къл'ай; (а. п. С) б'орьды, б'орьзды, б'ораны, д'оск'и, уоль-вы, уоры у'ж'ьшныи (ужасные, огром-ные), уубы, косы, козы, л'озы, нору, пч'олы, осы, полы, сох'и, скобы.

Р. мн. {**0**}: (а. п. А) карт'ох, иу'олк, с'йес'т' карт'ош'к, н'еад'ел', в'ед'ьм, (а. п. В) бл'ох, ур'ос, зв'ест; (а. п. С) бар'от, бар'ост, бар'он, пч'ол, д'ьст'ок, уор, к'ос (орудие; прическа; коза), л'ос, б'аз н'ох, ос, п'ат' пал'ос, с пол, да т'ех п'ор, над'ел'г ск'оп / ск'оп, сл'ос, сн'ох, сох; {**ов**}: ис къл'ай'оу (колея), н'е был' д'ьт'ам иур'ьм.

Д. мн. {**ам**}: х'од'е^а нь п'ьтам (уха-живает).

Т. мн. {**ами**}: бл'хам'и, с пч'елам'и, з ду'у'ам'и, д'ьскам'и, зь мухам'и, п'р'ихва-т'ил уубам'и, палк'ам'и, сп'иц'ам'и в'аз-л'и, рукам'и ука'жа, хад'ил'и зь и'ау'гда-м'и, сн'иск'ам'и, з д'евк'ам'и, шк'орк'ам'и, к'ьсам'и (орудие и прическа), за к'ьзам'и, кр'иу'ам'и вол'иц'ь ета вот кр'иша, п'и-л'ам'и, р'озур'ам'и, паш'ол с сн'ох'ам'и, сь сн'хам'и, с'естрам'и.

М. мн. {**ах**}: в и'ау'д'ьх раст'ут', у уал'овк'ьх эт'их р'ьсл'а с'ем'а, у рука'х, кр'иша нь с'ьра'й'ьх, нь хат'ьх, къл'ал'и нь кар'ов'ьх, нь патп'орк'ьх.

Звательные формы ед. числа имеют нулевое окончание или {а}. {**0**}: Нур, вот ульвн'а, ид'е ет' ульвн'а на-р'ьстайе?; Шт'о ты с'м'ьйал'ьс', Нур?; А и'а увар'у, Нур, д'ь н'а и'езд'и; Дашк, кан'и и'ьшио тр'ошк'и! — Ван', д'ь н'е над'ь, л'ебо таб'е пл'ох'ь буд'е^а; Бн'а ува-р'ит', т'отка Даш... А и'а увар'у Та-н'а...; Шт'о, мам, д'ельл'и? {**а**}: Нурка, к'ьд'а ш ты саб'е вот там ок'ь вр'ем'ан-к'и з'уар'од'иш'?; Ну Марус'е^а, а у т'иб'е там шт'о? Примеры звательных форм можно найти в тексте-приложении к отчету.

Разновидности I склонения различа-ются в родительных, Счетн., Д. и М. падежах ед. числа: в этих формах вы-ступают окончания {и} (из *i и *y) и {ê} (из *ê), которые распределены в за-висимости от исхода основы и ударно-сти/безударности окончаний, а в некото-рых «клетках парадигмы» варьируют. Соответствующие фонемы /и/ и /ê/ раз-личаются как под ударением, так и в за-ударном конечном открытом слоге, см. [Дьяченко 2013].

Р. предл. тверд. ударн. {ê}: з (б'ьз) улав'е, з уар'е (9х), д'ь з'им'е, у жан'е (3х), у с'астр'е, с вайн'е, д'ь вад'е; {**и**}: б'ьз б'ьрады, д'ь зв'азды, б'ьз улав'и (2х), из... уустаты, из л'азы, с (до) вай-ны, с палы, у с'астры, ис смалы; тверд. безударн. {ê}: из ур'ив'е, у кар'ове (5х), ис (ьт) сал'ом'е (3х), из ул'ин'а (3х), ис (ат) хат'е (4х), с раб'от'е (4х), у н'ав'ест'е, пос'ли свад'бе, ис шк'ол'е, б'ас сту'ле, ис халст'ин'е (4х), с волн'е, из рыб'е; {**и**}: ат кар'овы, посл'ь раб'о-ты, ат (с) л'ипы, б'ас пол'зы, из б'ир'озы (2х), у ц'ерквы, ьт сал'омы, св'оска у п'ьн'овы, у в'ерб'ы; мягк. ударн. {ê}: ад з'амл'е, ок'ьль (y) р'ак'е, ат... снах'е, {**и**}: у Кл'ук'и, б'ез радн'и, з (ад) з'амл'и, мягк. безударн. {**и**}: у пт'иц'ы, ис пр'а-жы, из рау'ожы, у Тон'и; ат (с) т'а-л'е'у, у бапк'и, у (ок'ьл) Нурк'и (4х), у Нус'к'и, у Васк'и, ат' т'отк'и Наск'и, у кошк'и, у сьба'к'и, быш шкарлупк'и,

у бат'ушк'и, збоку Казл'их'и, збоку хатк'и, у падр'ушк'и;

Р. беспредл., тверд. ударн. {и}: н'ету б'ранны, у'лавы, у'ары, касы, расы, с'астры, сасны, вады; уразы... н'е был, н'и травы; мал' был уразы, л'иб'ады мн'о-га (2х); уч'асн'ик вайны, инвал'ит вайны, л'ужына вады, пр'ов'еды руск'ой з'имы; партитивное употребление: куп'ил крупы, н'рвал ч'эр'ады, там н'е у'арод'е^л л'иб'ады!, н'льмал'и ет'ий лазы, н'руб'ил лазы, нал'йут' вады; тверд. безударн. {и}: н'ету ивы, н'ету кар'овы, н'е найдут' работы; к'ра б'эр'озы, куч'а сал'омы, пол'н на'ол (кадка) кап'усты, н'а сх'уже ма'мы; тады был ет'ий кар'осты н'евынас'имай к'рай; {ѐ}: н'ету кар'ов'е^л, скат'ин'е, у'ру'е; мягк. ударн. {и}: н'ет радн'и, авцы, снах'и; у'лыба з'амл'и, у'ектар з'амл'и; н'рвал ъсак'и (осоки); мягк. безуд. {и}: шкар-лупк'и н'ету, н'а вы'к'тила н'и адн'ей сл'аз'инк'и;

Счетн., тверд. ударн. {и}: ч'атыр'ь б'ранны, д'в'е у'ары, тверд. безударн. {и}: д'в'е (тр'и) кар'овы, д'в'е хаты, {ѐ}: д'в'е баб'е, д'в'е кар'ов'е, д'в'е ст'ул'е; мягк. ударн. {и}: д'в'е снах'и, авцы, мягк. безударн. {и}: у д'в'е н'ит'ки, тр'и ст'ен'ки (ткацк.), по тр'и з'ил'онк'и, п'лтары т'ис'ич'и;

Д. тверд. ударн. {и}: (к) с'астры (3х) {ѐ}: к с'астр'е, г у'ар'е (2х), тверд. безударн. {и}: г у'р'ивы, х кар'овы, к в'ербы, (к) ма'мы (7х), скажы Св'еты, {ѐ}: г у'р'ив'е^л, к кар'ов'е^л, кар'ов'е п'н'асл'и, к хат'е, Тан'е (2х), к з'им'е; мягк. ударн. {и}: тв'ийей ус'ей с'амий, дал снах'и, к з'амл'и, к радн'и, снах'и, {ѐ}: к з'амл'е, мягк. безударн. {и}: х т'отк'и Наск'и, д'ев'ч'ки адн'ей, Д'имк'и у'вар'у, к дырк'и, Р'у'аватк'и, шес' л'ет д'ев'ч'к'и (2х), ун'уч'к'и тр'и'ц'ят' л'ет;

М. тверд. ударн. {ѐ}: н'е у'лав'е, на... у'ар'е (2х), н'е у'ар'е (2х), у Маскв'е 3х, н'е рас'е (2х), н'е вайн'е; {и}: осы у ет'ий у ст'аны прау'рызл'и дырку, у капны (52 сн'опа), тверд. безударн. {ѐ}: на у'лы-

б'е, у у'р'ив'е^л, н'е раб'от'е, н'е хат'е^л (2х), н'е машын'е, у пр'ир'од'е, рук'ан (дымоход) у хат'е^а; {и}: йазв'ина н'е йазв'ины, на з'вал'ины; мягк. ударн. {и}: на... з'амл'и (2х), у д'ажы, н'е ма'жы, н'е авцы, н'е з'амл'и, у радн'и, w з'амл'и (2х), н'е нау'и, аб едн'ей нау'и (3х), м'окнут' у р'ак'и (2х), на ет'ий л'ах'и, на ет'ий л'ах'и (2х), н'е пр'ав'ий нау'и, ув ъсак'и (2х), н'е рук'и, н'е даск'и; {ѐ}: н'е з'амл'е, н'е з'амл'е (2х), у р'ак'е; мягк. безударн. {и}: н'е ш'еи, у Ш'т'ал'г'к'и, на дн'ей в'етк'и, у Р'у'аватк'и (3х), мн'ут' н'е м'алк'и, н'е пр'алк'и, н'е Пр'и'обр'ь-ж'енк'и, нареч. п'с'ир'отк'и, н'е дар'о'у, w ут'к'овк'и, у с'ир'отк'и, w пал'ок'и, уч'ит'ил'ница на муз'ык'и, {ѐ}: у л'асной бал'н'ице.

Примеры показывают, что 1) в Р. ед. с предлогами окончания {ѐ} и {и} варьируют, но {ѐ} преобладает в твердой разновидности склонения (49:23) и под ударением — в мягкой (7:4); в безударной мягкой разновидности — исключительно {и} (20 примеров). 2) В Д. ед. варьируют {ѐ} и {и}, но преобладает {и} в твердой разновидности (14:8); в мягкой разновидности под ударением {ѐ} является редкостью (5:1), без ударения встретилось только {и} (8 примеров). 3) В Р. ед. без предлогов и Счетн. представлено окончание {и} во всех разновидностях склонения, и только в твердой безударной наряду с {и} (10х) встречается {ѐ} (6х). 4) В М. ед., где противопоставление твердой и мягкой разновидностей наиболее архаично, в подавляющем большинстве примеров на твердую разновидность склонения — окончание {ѐ} (20 из 24), в большинстве примеров на мягкую разновидность — окончание {и} (33 из 38). Исключения составляют четыре примера М. ед. с основой на н, в которых представлено окончание {и} ([ы]) как под ударением, так и без ударения. В мягкую разновидность склонения окончания {ѐ}, как и в других падежах, про-

никло практически только в ударной позиции.

В подсистеме Р.-Д.-М. ед. и Счетн. I склонения максимум падежных противопоставлений представлен в твердой ударной разновидности склонения (*се-стра́*), полный падежный синкретизм — в безударных твердой и в мягкой разновидностях (Р.-Д.-М.-Счетн. *берёзы / берёзе; лужи, собаки*); более старый синкретизм мягкой ударной разновидности склонения по окончанию {и} частично разрушен проникновением ударного окончания {ê} в формы Д. и М. падежей. Неразличение разновидностей склонения в Р. с предлогами в ударной позиции свидетельствует о позднем образовании этой падежной формы.

Роговатовская парадигма I склонения относится к юго-западному типу, распространенному в междуречье Оки и Десны, от Угры на северо-западе до Старого Оскола на юго-востоке, см. [ДАРЯ II, карты 1, 2] (где показана только твердая разновидность склонения), и близка к системе говора с. Огорь Жиздринского р-на Калужской обл. [Бромлей, Булатова 1972]. Этот тип определяется окончанием Д. ед. {и} и синкретизмом Р., Д., М. ед. в мягкой разновидности склонения по окончанию {и} (нарушаемым в ударной позиции под влиянием твердых основ). Системы с синкретизмом мягкой разновидности склонения по окончанию {и} распространены на юго-западе шире: на севере они доходят до Сычёвки, Духовщины, на востоке — до Дона, на юге и западе — до границы с Белоруссией и Украиной; говоры с такими системами предположительно восходят к диалектам смоленско-полоцких и тверских кривичей [Абраменко, Николаев, Тер-Аванцева, Толстая 2013: 212—237].

Существительные I склонения на *-ия* выделяются в особый подтип благодаря последовательной делабиализации глас-

ного 2-го заударного слога в окончании В. ед. {у} после *j*, свойственной по крайней мере архаичной разновидности говора:

И. ед. {а}: *и вот Кл'укá ъьꝛо хва-м'ил'ийъ*; *и вот ётъѣу шкóркъѣу д'эльльс'а ч'óрнъѣа, ета мът'ёр'ѣа*; В. ед. [ъ], [а]: *з дуба рáние ёт'и шкóрк'и сскр'ебáл'и, и их ѣттáпл'ивъл'и, и ѣм'и крác'ил'ис'е, крác'ил'и мът'ёр'ѣа, н'и мът'ёр'ѣа, а халст'ѣну; нáм т'ип'ер'п'ён'с'ийъ н'е дъбáв'ут'; а пátóm ѣамú иишó как-тъ ѣп'ерáцыйъ д'эльл'и; нъ п'ён'с'ийъ п'ер'ешóл; ну щáс п'ён'с'ийъ пъръвн'áл'и; у м'ил'ѣцыйъ вызывáют'; у м'ил'ѣцыйа пълáлс'и; ѣнá ѣп'ирáцыйа из'д'эльль ётъѣ иш'итав'ѣтк'и; [у]: *а рáние-то п'ён'с'ийу н'и дъáл'и; дъáл'и п'ён'с'ийу мъмáшы; п'ён'с'ийу пълу-ч'áим wс'ó*; М. ед. {и}: *н'е на п'ён'с'иитъ иишó.**

II склонение мужского рода.

Различие разновидностей в этом типе склонения сохраняется в М. ед., однако можно говорить и о различии ударного, безударного и задненебного склонения в Р. ед., и о частичном сохранении флексий древних типов склонения в И. и Р. мн.

И.-В. ед. {0} (приводятся списки слов с ударными фонемами верхне-среднего и среднего подъёмов в корне): *бъꝛб, бóх, н'ь дáѣ бох, бóѣ, бóк, бóръв* (дымоход; свинья), *бор, брот, ѣот, зá ѣт, ѣóлт, ѣарóх, ѣаспóт' Исꝛс Хр'истóс, ѣост', на ѣрóп-тъ, на (ува) двóр, дол* (*бóл'е кул'тúrнъе слóва*), *дош, нъ дóм, нъ дрóт, дрóт'ик, звон, кóч'е^ат, крот, лох* (овраг), *пол, мускóѣ рóт, снóп, сок* (из конопляного семени), *сорт, стóл, тáпóр, тълáдóн* (зануда), *хвóст, хот, холст, хор', хор, ч'е^ахóл; у Варóн'иш, сьмаѣбн, вапрóс, у къл'идóр, у карóвн'ик, навóс, нъ прахóт, пакóѣн'ик Зьвáл'лòк'ин, ваѣбнч'ик, д'иплóм, пълóдарбóжн'ик; ч'еснóк, зъ дубóк* (бревно?, дубина), *хъдóк* (повозка), *дурьч'óк, в'ершóк,*

клубок, звирок, мьсток, Дьвюдок, у чълнок, мьток, ф хльдок, нь чипок (дверной крюк);

д'оут', зь кл'оп (скоба), т'ор 'терн', кл'он, ч'и'р'от, пьм'от; р'иб'онк, кур'онк, т'ил'онк, сл'епушонк (крот), уруст'эт'ьп'онка;

ър'ип'ей, у хак'ей, сьм'ец, мьс'ьц, д'ен', ч'лав'ек, в'ет'ьр, туал'ет, сас'ет, ч'ьр'ьс пл'ит'ен', на б'ер'ех, б'ех, б'ес, л'ес; эт'ь цеп', а ент'ьт цыеп / цоп 'цеп', л'ещ, йавр'ей, в'ен'ец, хл'ев, Гл'еп, ур'еб'ин', ур'ех; д'ив'ир'.

Р. ед. предл. тверд. ударн. {а}: ьт свьй'уо дьв'ра, у пьп'а, иж жьб'на, б'ес хвьст'а; ад др'ук'а, дь льк'ьтк'а, ис-п'ьд ета'а дупк'а (дубинка, жердь), ньп'рот'и пупк'а; тверд. безуд. {а}: с калх'оза, из мьгаз'ина, из Бьл'ур'ьда, з д'уба... эт'и шкорк'и, ис сух'ога д'уба, эт с рьз'уавора ток'ь, ис шьх'ьв'ра, с как'оу'ь р'од'ь (4х), ьт пак'ета, из б'азь, ок'ьл л'еса, дь к'ил'ур'ама, (умер) з р'ол'ьда, из о'ома (4х), из б'ора, н'е даб'илс'и да ч'ина (2х), ь д'еда, ур'ех ьт р'ост'ьд'ь б'ога (перед Богом); из л'ука, у п'ьрс'онка к'ожа, у ч'лав'ек'ь (2х), б'иц'ь ц'оч'ч'ик'ь, з бал'шодга л'ога, з б'ер'ьга, с эт'ьга сп'утн'ика, з б'ока, у в'нука; {у}: б'ьс св'ету, ат св'ету л'уч'а бьв'а'ут', ушол' р'ана из д'ому, ис-п'ьд заду, с пр'их'оду; пал'езныи дл'и гар'оду; ап'арьвьиц'ь с кр'ику, ап'арьвьил'ис' с см'еху; эт'и сьндук'и исп'ьк'ьн'ца в'еку; в составе наречий и предлогов: ад'ин зз'аду ид'е; зб'оку в'ре-м'анк'и, зб'оку Казл'их'и, зб'оку й'уо; вот пад'и и зб'оку, а'на и н'е зн'а'ие шт'о эт за кр'ук (вот та, которая живет «с боку» от нас, наверное, и не знает, что такое крюк 'серп'); мягк. ударн. {а} б'ез ьун'а; мягк. безуд. {а} из д'ер'у'ьнца, с с'ьр'а'а, ьт камн'а ьтскак'ьвьйе, вьш'ал из б'ойа, ат кор'н'а, с эт'ьгу'ь р'ай'ь (роща, перелесок).

Р. беспредл. тверд. ударн. {а} ар'уд'ий'ь труд'а, (сколько) скьт'а, цьп'а н'ету (2х), н'ету хвьст'а, ур'иб'а (ни одного); п'ервьий д'ен' сьм'ика; {у}: утк'у н'ь хвьт'а'ие нь кр'ьсна' утка не хватает

на ткацкий стан'; тверд. безуд. {а} ч'ьр-та хьр'акт'ьра, кьр'а д'уба, ва им'а... сьина, ...д'уха, б'ол'ш'ь Пу'т'ина уж'е у н'их (денег); н'ету д'еда, ч'ина там н'ету, н'ету дьма, н'е прьшл'о и ч'аса, (нет) бр'ода; п'ь р'осту ч'илав'ека, им'а ч'илав'ека; б'ука н'ету, н'е была п'ар-с'онка, т'ил'онк'ь, р'иб'онк'ь; {у}: кьк ьр'ип'ей пр'ицап'илс'и, и атм'оду н'ету; спак'ойу н'ету, н'и р'азу; н'е прьшл'о и ч'асу, сн'е'ру н'е была, шт'о то'лку; мягк. ударн. {а} м'ужн'ин'ь отц'а с'естр'а, (ни одного) ч'ир'й'а, н'ету дьжж'а; мягк. безударн. {а} мьй'уо м'ужа т'отка, со-р'ьк два р'ода ст'ажж'а, р'укьвад'ит'ил' хвьл'хл'орн'ьгу'ь ьнс'амбл'а, н'е была д'ожж-жа, н'ету ур'ебн'а, н'е дал'и р'ай'а.

Парг. тверд. ударн. {у}: мн'ога ч'ис-наку пас'еила; табаку вьттап'ит'а; и карт'ох там, л'уку, ч'ьснаку там, абы ч'ьуо ньклад'ут', хл'ебушка, и два йейц'а эт'ь жь, и бутылка мьлк'а; дь ид'е-т бы т'арку? 'где бы набрать терна' (вежлив.); тверд. безуд. {у}: кв'асу нь-в'ад'у вам; л'уку нькраш'ьла, л'уку... нь-клад'ут'; ис п'ач'е наз'олу (золы из печи); йа кв'асу вам на у'жын, и карт'ох'и, и ьлад'й'ьв л'ук'ьвьих; ньу'ан'ивьл'и сьма-р'одну, хат'ела кв'асу нав'ест'; нь на-ст'ойк'у т'ору ньрв'ем; ньрвал' т'ору и дал' д'ору; пьддар'ожн'ик рвал'и (во время голода), пьддар'ожн'ику ньрв'ем...; дьвал'и маку п'ь ст'о ур'ам, дадут' ст'о ур'ам маку, дь и в'с'б; мн'огу' ч'аду; Пу-т'ин уль'ьва ув'азд'е, а у н'е'уо м'енш'ь дах'оду; он в'иду вьшн'ика 'он наподо-бие вишни', вьшн'ик саус'ем дру'уд'у'ь ук'усу; ьь, ч'аду! {а}: дал' б'ох р'азума; атр'еже сал'ца, хл'ебушка; ньклад'ут' хл'ебушка; мягк. ударн. {у}: ну й'а л'ебо т'ут ч'айк'у п'ап'у' 'ну я т'ут, что ли, чайку попью'; мягк. безударн. {у}: м'аль д'ожж'у бьл'ь.

Счетн. {а}: два з'уба, р'азь, р'ода, бр'а-та, ч'ир'й'а, кьл'ект'ива, д'уба, д'еда, урузд'а, д'атла, р'ост'а, д'ив'ир'е', ур'ех'а, м'етра, клупк'а, дупк'а, два (тр'и) ч'ьса, р'аза два ай тр'и, м'етра два дл'ин'инь,

γόδα тр'и, п'иис'ат тр'и γόδα, за тр'и дн'а, ч'атыр'е γародъ, у ч'атыр'е цѣпа, по дву раза, по дву γ'ектара.

Д. ед. {y}: *пъ сталбу, пь снапу, пь цапу; пь бору, по пьлу, γ базу, на (к) б'ер'уу, пь росту, к лору, на л'итру; пь γароду праб'ех, к марозу, на этъм пь къл'идору, на св'ету (по цвету); γ д'ержал'ну; к шур'яку, к ч'ялав'еку-та, кумá... ёнтъму ч'ялав'еку, к Тол'ику, к Макс'иму, к сáмъму краишкы.*

Г. ед. {ом}: *цѣпом, зъ стълóm, пьд дубóm / дубъм, дубъм ёт'им крас'ил'ис', тьпърóm, р'емн'óm св'азывъициъ, рубл'óm ктáйт'у, кас'ил'и кр'уком, с мужыком, лъкътком (мера длины), б'еуóm наб'ех, ур'ом; завут' кумъм, зъ т'оръм, бьклáшкы нъклáст' т'оръм, жáръм, с л'есъм, адн'им т'в'етъм (цветом), з' д'едъм, зъ укрóпъм, с квáсьм, γард'ил'ис'е падóльм, с кар'рванъм, с... сáньм, кас'иръм работъл, бр'уγад'иръм была, буγалт'иръм, с корн'ъм, д'охт'ъм, д'ив'ир'ем, за (с) л'укъм, бокъм, с макъм, з γáкъм, с вьшин'икъм, кл'инушкъм бъл'и (поневы), кл'опушкъм заткнут', с аур'ч'икъм, рьст'е кустáрн'икъм.*

В М. ед. окончания {ѐ} и {y} распределены по разновидностям склонения, а у основ на парные твердые — также в зависимости от акцентной парадигмы слова. В мягкой разновидности склонения, в том числе у основ на заднеязычные, как под ударением, так и без ударения выступает окончание {y} за редкими исключениями, которые объясняются влиянием твердой разновидности. В твердой разновидности склонения существительные а. п. А присоединяют окончание {ѐ}, слова а. п. В и С и D — окончания {ѐ} или {y}, причем у некоторых из них эти окончания варьируют. Отдельные основы, оканчивающиеся на *n*, реже *p* а. п. А имеют в М. ед. аномальные окончания {y}, {и}, ср. аналогичные отдельные примеры основ на *n* I склонения с окончаниями М. ед. мягкой разновидности.

М. ед. тверд. ударн. {ѐ}: (а. п. В) *у... двар'е (8x), нъ буур'е, в ум'е, нъ кр'аст'е, у св'атом ур'е; {y}: (а. п. В) у друγóm ур'у, у куту, нъ хвасту, нъ буур'у, у... жбану, нъ сталбу, уγазд'и нъ кр'асту; (а. п. С и D) нъ дам'у, у л'асу, ув ётъм γаду, у каком ета γаду; нъ базу (3x), нъ дубу, w л'асу, нъ палу (2x), у хл'аву (2x), у супу, нъ пату 'на поду', нъ Дану; по + М. ед.: нъ базу, нъ бару, пь дубу, пь Дану; тверд. безударн. {ѐ}: (а. п. А) *нъ γарод'е (7x), у къл'идор'е, нъ а'в'тобус'ь, у фъл'кл'ор'е, у пак'ет'е (2x), у мьγаз'ин'е, у космьс'е, нъ л'исап'ет'ь, нъ (y) калхóз'е, у Йерусал'им'е, у к'ильγрам'е, у уектар'е, ув ынст'итут'е, на плáнт'е; (а. п. С) в γорьд'е (2x), у л'ес'е^а (4x), у л'ес'и^б (3x), пь-за л'ес'е, у дом'е (3x); ус'о на св'ет'а, ус'о на св'ет'е (2x), на н'из'е; {y}: (а. п. С) нъ лóбу; у Б'ел'γрьду; (а. п. А) нъ (y) кьмбáйну, нъ такóm нóm'ру; мягк. ударн. {y}: нъ каницу (5x), у байу, на... крайу, нъ пл'ажу, нъ к'ирп'ичу, у ньяабр'у, у с'ьнт'абр'у, у йьнвар'у, у м'ис'ациу, нъ шастóm ытажу, у γьражу, у лъзб'ану 'кадушкы с ушами для соления мяса'; у лару (2x), в саку, нъ таку (2x), нъ ил'аху, нъ б'ьр'ару, ув ётъм баку, н'ит у станку, у хьлатку, нъ тарху, нъ лару, нъ йьзыку, у в'ариху, нъ пьталку, нъ платку, у ч'у-рунку; {ѐ}: нъ аγн'е, у γьражэ, у йьнвар'е; мягк. безударн. {y}: нъ сьраиу, ув ул'иу, на корн'у, на γр'ебн'у; ув аднóm лáпт'у; у тáнку, в убьитку, ув ётъм у шманд'елку, у Красн'йáрску, у л'уку, у мáмынъм з'ипун'ику, нъ праулку, у судн'ику, у сáд'ику, у Смъл'енску, на рынку, у хьлад'ил'н'ику, нъ вóздуху, у (на) кбн'ику, у йáш'ику, у Л'ип'ецку; {ѐ}: у кáлòтце.**

Предл. падеж с окончанием {y} у слов II склонения м. рода можно выделять на основании следующих примеров: *пр'и Стáл'ину* (а также *пр'и Стáл'ины* — с окончанием I склонения?); *пр'и мужыку; пр'и пакóйн'ику; а вч'е-рашн'ем дн'у, пр'и ациу.*

Окончания И. (В.) мн. распределены в зависимости от акцентуации и исхода основы. Ударные окончания: **{и}** — (а. п. В) *папы, бл'ины, мазу'и, кусты, жыды, цапы, жбаны, халсты, арбузы, ч'ахлы; з'ипуны, ч'ьбаны, иуруны* (певец), *пл'исуны; у'вазд'и, ч'икм'ан'и, ьр'ан'ий, л'ешиш'и / л'еш'и, луч'и / луч'а, б'ич'и* (бездомный), *к'ьпач'и, б'ьуач'и, кл'авцы, ьлушы* (косточки сливы); *кр'ук'и* (для ловли овец), *в'иск'и* 'волосы', *русак'и, пуч'к'и, з'ар'к'и, к'из'ак'и, ч'улк'и, наск'и, нь шылык'и, (нь) бурак'и, п'ьстух'и, л'исн'ик'и, кл'ышук'и* (клещ), *стр'ач'к'и* (росток, стебелек), *быч'к'и, машк'и, ч'ьр'в'ак'и, матк'и*; (а. п. Д) *баи, бары, вары, базы, дубы, ьрабы, с'в'аты* (уличный фонарь) *ч'ины; {а}*: (а. п. С и Д, твердые основы) *тр'ькт'ьра, пл'ьтн'ек'а* (плотники), *вальх'а* (нечесанные волосы), *б'ьр'еу'а, д'ьма, л'еса*, (какие твои) *у'да, б'ьк'а*;

Безударные окончания: **{и}** — (а. п. А): *у'ады, абр'ады, б'ьраны, ьар'оды, атх'оды, вапр'осы, калх'оды, х'ьлаты* (зимняя длиннополая одежда), *св'оды* (в печи), *д'еды-п'рад'иды, п'равнук'и-унук'и, н'ьрк'ьманы, п'ьнс'иьн'еры, бак'и, аск'олк'и, п'ух'и* (почка; соцветие ивы, вербы; прыщ), *вал'ьнк'и, ч'ир'и'онч'к'и, к'ьр'еш'оч'к'и, мал'шин'ик'и* (гриб), *лант'уз'ик'и* (олады из картошки), *й'ашык'и, п'ал'цы* (на косье), *н'емцы-та, йавр'ей*; (а. п. С, твердые основы): *зубы, п'ров'ьды; (*и-основы а. п. А и С): л'апт'и, ьр'ебн'и, ьус'и, ьост'и, отруб'и.*

Специфическим подтипам II склонения свойственны следующие окончания И.(-В.) мн. **{а}**: (типы *листья, братья*): *л'ис'т'я, л'ьхм'от'я, д'ив'ер'я, д'ив'ьр'я, бр'ат'я, бр'ьт'я; {е}: (типы *цыган / цыгане, сосед / соседи*): *цыг'ане, сас'ед'е; {и} (тип *цыпленок / цыпляты*): *р'иб'ат, р'иб'аты, цыпл'аты*, ср. формы И. мн. существительных II скл. ср. рода с безударными окончаниями.**

Окончания Р.(-В.) мн. распределены по твердости/мягкости конечного со-

гласного основы, причем основы на *j, ц* ведут себя подобно основам на твердые согласные. В окончании **{дв}** фонема /д/ распространилась в мягкую разновидность склонения, аналогично в окончаниях Т. ед. существительных I склонения, И.-В. ед. II скл. ср. рода.

{дв}: *хваст'ов, нькап'ил ьр'ах'ов, бар'ов, зь враг'ов, цап'ов, дуб'ов, жук'ов, ск'окь л'ькатк'ов; кл'авц'ов, ул'и'ов, р'ап'и'ов полнь, ет'их ьр'ап'и'ов; т'окь-т'ь м'ил'и'ард'ьв, п'упух'ьв, м'ьжду п'ал'ц'ьв, м'етр'ьв, б'ьран'ьв, д'атл'ьв, п'ет'ьф-т'ь, сант'им'итр'ьв п'идд'ес'ат*; (тип *братья*) *бр'ат'иев*. У слова *юд* формы Р. мн. варьируют: (*сем*) *уад'ов* (10х), *ран'шы уад'ов* (вышла на пенсию), *л'ет* (6х). **{0}**: *н'еск'ьл'к'ь (с'ем'ьра) ч'ьлав'ек, сто ьрам; ьр'иб'он* (гребень); (тип *цыпленок / цыпляты*) *цыпл'ат, м'ил'атк; {ей}*: *ьст'ей, рубл'ей, к'ьпч'ей, ьр'ебн'ий.*

II склонение среднего рода.

Твердая и мягкая разновидности II склонения ср. рода различаются в М. ед.: как и у существительных м. рода, окончанием М. ед. твердой разновидности склонения является **{ê}**, мягкой — **{у}**, в мягкой безударной разновидности встречается также **{и}**. Твердые ударная и безударная разновидности различаются в И.-В. мн. окончаниями **{а}** и **{и}**: *сл'ва — п'исмы, кал'енк'и*; основы на *j* присоединяют в И.-В. мн. безударное окончание **{а}**: *д'ир'ев'я.*

В окончании И. (В.) ед. фонема /д/ распространяется в мягкую разновидность склонения. В корнях слов а. п. А и С на месте *о фонемы /о/ и /д/ выступают в соответствии с «великорусским» принципом распределения двух о: (а. п. А) *бал'от, здар'ов'я, нь зь ьар'од'ю*, (а. п. С) *сл'ва, пол'е*. В корнях форм мн. числа а. п. В под ударением на месте *о закономерно представлено /д/: *у'омны*, однако /о/ выступает в начале слово-

формы: *пъ о́кнѣм* и по неясным причинам — в примере *въло́кнѣм'и*.

И.(В.)ед. {б}: тверд. ударн. *п'исмѣ*, (*пѣд*) *Раишвѣ*, *пал'тѣ*, *къл'асѣ*, у *уамнѣ*, *б'ир'авнѣ* / *бр'авнѣ*, *з'арнѣ*, *в'инѣ*, *пѣлатнѣ*, *рунѣ*, *сукнѣ*, *к'инѣ*, *с'алѣ*, *ч'ислѣ*, *р'им'аслѣ*, *в'адрѣ*, *мѣлакѣ*; тверд. безударн. *слѣва*, *п'ивѣ*, *л'екѣрствѣ*, *бѣуѣтствѣ*, *д'ѣр'ива*, *ч'ада* (культ.), у *б'ѣрдѣ*, *ч'удѣ*, *л'ѣтѣ* (лето), (*л'ѣтѣс'е* 'в прошлом году'), *балѣтъ*, *карѣта*, *м'ѣстѣ*, *т'ѣстѣ*, *м'асѣ*, *с'ѣнѣ*, *п'ѣлѣ*, *м'ѣла*, *м'аслѣ*, *с'алѣ*, *д'ѣла*, *лѣка*, *п'ис'м'анушкѣ*, *н'ѣбушка*, *з'ѣрнушка*, *б'ир'ев'ѣнушкѣ*, *йѣблѣка*; мягк. ударн. *д'ит'ѣ*, *прѣжыт'ѣ*, *кас'ѣ*, *Зв'ис'ан'ѣ* (Вознесение); мягк. безударн. *вр'ѣм'е*, *ус'ѣвр'ѣм'е*, *ус'ѣвр'ѣм'ѣ* (бх), *с'ѣм'а*, *пѣл'е*, у *пѣл'ѣ*, *нѣ пѣл'а*, *с'ѣрцѣ*, *сѣнцѣ*, *нѣда* *пѣлат'ѣище*, *дѣнцѣ* (сиденье у прялки), *нѣ клѣдб'ѣишиѣ*, *дѣвл'ѣн'ѣиѣ*, *пѣлат'ѣиѣ*, *рѣст'ѣн'ѣиѣ*, *ѣбмунд'ѣрѣван'ѣиѣ*, *здѣан'ѣиѣ*, *выражѣн'ѣиѣ*, *ѣбарудѣвн'ѣиѣ*, *вр'ѣн'ѣиѣ*, *здѣарѣв'ѣиѣ*, *аруд'ѣиѣ*, *ст'ѣихѣтѣвр'ѣн'ѣиѣ*, *йѣвл'ѣн'ѣиѣ*; *йѣиѣч'к'ѣ*.

Р.ед. {а}: тверд. ударн. *ад б'ир'евнѣ*, *ис сукнѣ*, *с какѣуѣ с'ѣла*, *пѣл в'ѣдрѣ*, *мѣлѣкѣ*; тверд. безударн. *ад д'ѣр'ива*, *м'ѣста н'ѣту*, *ис т'ѣстѣ*, *ис сѣла*; мягк. ударн. *д'ит'ѣ* (В. ед.), *хлѣм'ѣиѣ*, *два йѣйцѣиѣ*, *мѣлѣч'к'ѣ дѣм*; мягк. безударн. *скѣка вр'ѣм'ѣ*, *дѣ клѣдб'ѣишиѣ*, *из нѣс'ѣил'ѣн'ѣиѣиѣ*, *здѣарѣв'ѣиѣ*, *блѣуѣпѣлѣч'ѣиѣиѣ*, *дѣвѣсѣбрѣан'ѣиѣиѣ*, *б'ѣз ыз'в'ѣс'ѣт'ѣиѣиѣ* (о без вести пропавшем), *ис пѣм'ѣинѣан'ѣиѣ*, *ат кѣшиѣ^в в'ѣн'ѣиѣ*.

Д.ед. {у}: тверд. ударн. *пѣ рѣдѣствѣуѣ*, *пѣ пѣлатнѣуѣ*, *пѣ с'ѣлуѣ*; тверд. безуд. *к ѣтѣму д'ѣлу*, *пѣ рѣд'ѣиву*; мягк. безуд. *с'ѣрцу*, *пѣ зѣуѣарѣд'ѣиѣуѣ*.

Т.ед. {ом}: тверд. ударн. *къл'ѣсѣом*; *с мѣлѣкѣом*; мягк. ударн. *кѣс'ѣйѣом*; мягк. безударн. *сѣрцѣм*, *с пѣтс'ѣил'ѣн'ѣиѣм*.

М.ед. тверд. ударн. *{ѣ}*: у... *с'ѣл'ѣ*; тверд. безударн. *{ѣ}*: у *ч'ир'ѣв'ѣ*, *на д'ѣр'ѣв'ѣ*, *слѣб'ѣ*, *пѣ хѣз'ѣйств'ѣ*, *на н'ѣб'ѣ*, у *д'ѣцтѣв'ѣ*; мягк. ударн. *{у}*: *на мѣлакуѣ*; мягк. безударн. *{у}*: *нѣ сѣнцу*, *на с'ѣрцу*,

у *пѣлуѣ*, у *уѣрад'ѣишиѣуѣ*, у *вѣйѣннѣм уч'ѣил'ѣишиѣуѣ*, у *пѣлат'ѣиѣуѣ*, у *рѣст'ѣн'ѣиѣиѣуѣ*, *ап с'ѣл'ѣн'ѣиѣуѣ*, *в ѣпѣиѣжѣйт'ѣиѣиѣуѣ*, **{и}**: *в ѣпѣиѣжѣйт'ѣиѣиѣ*; (после суффиксов *-ушк-*, *-ѣчк-*) *на дѣнушк'ѣиѣ* (фолькл.), *нѣ... бл'ѣудѣч'к'ѣиѣ* (фолькл.), *на сѣлѣнушк'ѣиѣ*.

И.-В.мн. тверд. ударн. **{а}**: *слѣвѣ*, *пѣкѣ ѣта рубѣишкѣ дѣйд'ѣ нѣ т'ѣил'ѣсѣ*, *накрѣт' т'ѣил'ѣсѣ свѣиѣ*, *нѣ н'ѣб'ѣсѣ*, *крѣснѣ*, *с'ѣм'ѣнѣ*, *д'ѣла*, тверд. безударн. **{и}**: *п'ѣсмы*, *пѣсмы*, *б'ѣрдѣ*, *капѣты*, *къл'ѣосы*, у *уѣмнѣ пѣклѣла*, *з'ѣрны*, *ст'ѣоклѣ б'ѣил'ѣиѣ*; **{а}**: *варѣта*; мягк. безударн. **{и}**: *кал'ѣнк'ѣиѣ*, *з'ѣрнушк'ѣиѣ*; **{а}** (основы на *j*): *п'ѣч'ѣн'ѣиѣ*, *д'ѣир'ѣв'ѣиѣ*.

Р.мн. **{о}**: *пѣсѣм*, *ат къл'ѣос*, *б'ѣз акѣн*, *дѣ кал'ѣн*, *нѣишѣх бал* (разговоры, болтовня) *тут ѣт'ѣих тѣ н'ѣ п'ѣир'ѣслѣухѣишиѣ их*, *д'ѣс'ѣт' в'ѣд'ѣр*, *с крѣл'ѣѣц*; **{ѣв}**: *д'ѣалѣѣуѣ*, *скѣка пѣсѣмѣм*, (основы на **ѣj*) *из ѣт'ѣих вѣлакѣн'ѣиѣѣм*, у *в'ѣил'ѣишѣуѣ*, у *в'ѣил'ѣл'ѣишѣуѣ рѣч'к'ѣ*;

Д.мн. **{ам}**: *па... м'ѣстѣм*, *пѣ о́кнѣм*; **Т.мн.** **{ам'и}**: *въло́кнѣм'и*, *вълакѣн'ѣиѣм'и*; **М.мн.** **{ах}**: *нѣ (у) рѣст'ѣн'ѣиѣѣх*, *нѣ д'ѣир'ѣв'ѣиѣѣх*.

Изредка отмечаются случаи «перехода» слов среднего рода (как с ударными, так и с безударными окончаниями) в морфологический ж. род (I склонение). Как правило, это выражается в том, что в отдельных словоформах спорадически выступают флексии I склонения. Так, зафиксированы формы: И. ед. *ухѣ*, Р. ед. *да м'ѣсты*, Д. ед. *к кѣс'ѣиѣ*, *к кѣс'ѣѣ*, В. ед. *нѣр'ѣиѣад'ѣил'ѣиѣ краснѣуѣ*, *акнѣуѣ*, *мѣлакуѣ*, *нѣ клѣдб'ѣишиѣуѣ* (2х), *в ѣту вр'ѣм'ѣуѣ*, *цѣлѣйѣуѣ лѣтуѣ*, *стѣаду ѣту дн'ѣом пр'ѣиѣунѣл*, *м'ѣасу ѣѣст'*, *м'ѣаску ѣад'ѣим*, *даже шѣмпѣанскѣйѣуѣ н'ѣ пѣиѣуѣ*, *в'ѣид'ѣѣрку*.

Можно считать, что в формах М. ед. *в ѣпѣиѣжѣйт'ѣиѣ*, *на дѣнушк'ѣиѣ*, *на сѣлѣнушк'ѣиѣ* представлено окончание **{и}** мягкой разновидности I склонения.

Достаточно последовательно представлены факты, свидетельствующие об «утрате (синтаксического) среднего рода», которая проявляется в согласова-

нии форм существительных ед. числа ср. рода, независимо от ударности/безударности их окончаний, с формами ж. рода прилагательных, местоимений и прош. времени. В И. и В. ед. исключений из этого правила нет: И. ед. *ус'а д'ела, н'емайъ к'инô, ус'а с'алô, мъ-лъкô-тъ къкайъ, с'алъ тькайъ ус'акъйъ, м'асль къкайъ, ъдн'а м'еста, бъл'шайъ рьст'ен'ийе, друг'айъ зьд'ан'ийъ, тькайъ бьуацтв'е, луу'вайъ с'енъ, тькайъ вы-раж'ен'ийе, къкайа ъбаруд'вн'ийа, п'олъ н'е ôч'ин' бъл'шайа; къд'а-йтъ п'исмô пашл'еш, ч'и дьшил'а ч'и н'е дьшил'а; сп'еца'л'н'ийъ аруд'ийъ труд'а бьыл'а; бъл'шой ч'илав'ек — бъл'шайъ кас'ид; а рунô ън'а за з'иму вырьст'е бъл'шайа; къкайа там с'ерц'е у мат'ир'и; хтô и таб'е тьда йайч'к'а ид'е-тъ бьыл'а!; этъ йевл'ен'н'а тькайа; йес'т' тькайъ у вас слôва?; а пал'тô, дъ къкайа йесли п т'в'орд'ийа; йвушка, ет рьст'ен'ийе тькайъ; раст'ен'ийъ-тъ этъ бъл'шайъ; ѱ'а бьыл'а ъбмунôир'в'ан'ийъ; н'ôбушка вс'а въз'в'ез'д'ила; у ралôвк'ъх эт'их рьсл'а с'ем'а;*

В. ед. у лубуйу вр'емъ, ету уустуйу т'естъ, ету нужн'ийу м'естъ, луавуйу с'енъ, ъбыкн'в'енн'ийу м'асъ, такуйу слôвъ, л'екарств'е дьраууйу; ету б'и-р'анô; сукнô ету; ус'у вр'емъ; у гамнô у карôвйу холст зьн'ихал'и; нада пл'ат'ийице нôв'ин'к'ийу; вот ан'и п'ишут' ету п'исмô; вс'у с'енъ пьръзв'елькл'а; и вот эткъйу ету д'ер'ива, круул'ийу ил'и как там ъбд'ельнъ абы как мôжа, р'ан'ал'и п'алк'м'и; дъ адн'у в'адрô вьн'ис'и дъ друууйу; вот инуйу слôва н'и увьер'ат' ин'ач'е; ну вот р'анше йел'и ис кънап'ей, ету з'орнушка; и так талк'и ету з'орнушк'ъ; ув адн'у и т'е жъ ч'ислô, ч'ир'ез нашу с'алô, саму мълакô, м'асъ ету вар'ил'и.

Примеры с нелабиализованными гласными в безударных окончаниях прилагательных могут объясняться утратой лабиализации (ср. формы В. ед. I склонения типа *п'енс'ийъ*): зъ *тôл-*

ст'ийъ бр'авнô; а йа эткъйъ ч'удъ н'е слых'ала; и такуйу м'асль хард'иш'ийъ... д'ельл'и.

Согласование по ж. роду зафиксировано в Т. ед.: *вон м'ал'ин'к'ие кас'ид, йа кашу м'ал'ин'к'ийу.* В М. ед. встретились примеры согласования с прилагательными как ж., так и м.-ср. рода: *у свайôм с'ал'е пькуп'ал'и?; у нашем с'ал'е; на ср'езьн'ем д'ер'ив'е; а ета донце, нъ какôй с'ид'ел'и; д'еж'а, этъ карыта у какôй м'ес'ут' хл'еп; у рьст'ен'ийу у какôй-тъ; ув'азд'е н'ету ô, штобы ô штôй-тъ там у какôй-тъ слôв'е^а, а вс'е нъ а.*

В Р.(-В.) ед. и Д. ед. существительные морфологического ср. рода согласуются с прилагательными только м.-ср. рода: Р.(-В.) ед. *св'ейгурô д'ит'а; с какôг'у с'ел'а; ус'ак'г'у хл'м'ийа; дай бôх вам там здарôв'ия и ус'ерô бл'г'у'п'ал'у-ч'ийъ; Д. ед.* *ета пъ с'им'ейн'ьму рьд'аств'у, пъ вс'аму с'ал'у, к эт'ьму д'елу.*

III склонение.

У слов III склонения (к которому относятся также *мать, дочь*) в целом сохраняются окончания *i-склонения ж. рода, при этом отмечаются следующие отклонения: в Р. ед. с предлогами и в М. ед. изредка отмечается окончание I склонения {ê}; в И.-В. мн. наряду с окончанием {и} представлено {йа}, особенно часто у слов *мать, дочь*; в В. ед. (но не в Р. ед.) наряду с нулевым окончанием представлено безударное {а}, особенно у слов *мать, дочь, лошадь*, изредка встречается и окончание I склонения {у}.

И. ед. {0}: *ладôн', игр'ай гармôн', м'ыйа жьйс', пьст'ел', кьрват', кл'ет', м'ельч', а бьыл'а у н'ей (в руне) иишô дл'ин'ша вьлас'ен', патôлие (длинная овечья шерсть первой острижки); бран' (ругань), н'ефт', ост' (твердая часть стебля льна, конопля), нор' (нора), п'еч', лôшт'т', пôмоч', нôч', ôч'ир'ит', бол'; мат', доч';*

В. ед. {0}: на н'эфт', на п'ич', у кл'ет', за старьс'т', ёнту вьлас'ён', ёту óс'т', одну нór', нь плóшишт', ус'у жыз', {а}: свайу (дай, вазм'и) лóшьд'а, нь мáт'ир'а (4х); {у}: ъна лóч'ч'е пръжыла жыз'н'у; дóч'ир'у ч'ас'т'ила;

Р. ед. {и}: ис п'ач'и (4х), из нар'и; с (у, н'ёту) лóшьд'и, н'е былъ пómьч'и, б'аз руу'н'и, мьладожы н'ёт, с нóч'и, б'ыз... дв'ёр'и, дó см'ирт'и, там м'акьт'и мáла; мáт'ир'и н'ёт; у (б'ез) мáт'ир'и, дв'е дóч'ир'и; {е} с (у) лóшьд'е;

Д. ед. {и}: г дв'ёр'и, пь óч'ир'д'и, лóшьд'и нáдъ; н'е дьвáл (нáда п) мáт'ир'и;

Т. ед. {йу}: за (с) лóшьд'йу, над жыз'н'йу, жéст'йу, нóч'йу; с мáт'ир'йу;

М. ед. {и}: нь ладóн'и, йéст' у жыз'н'и, у нар'и, у гр'аз'и, у (нь) п'ач'и (7х), у крав'и, на лóшад'и (3х), на дв'ёр'и, у пьст'ёл'и, {ê}: на п'ач'е, у Патудьн'е (2х);

И.(-В.) мн. {и}: нар'и (2х), лóшьд'и (2х), п'еч'и (2х), дв'ёр'и (2х), у м'ин'е бóл'и стрáст'!; дóч'ьр'и; {йа}: óст'йа (2х); да'ч'ёр'йа, дьч'ер'йа, мьт'ер'йа;

Р.(-В.) мн. {ей}: (дл'ь, н'ёту) лъшьд'ей (3х), п'ич'ей, {0}: п'ат' нór';

Т. мн. {амн}: зь с'ет'ам'и;

М. мн. {ах}: нь (у) ла'шьд'áх (4х), нь дв'ер'áх, ув ъс'т'áх, нь гармóн'áх.

Лексика.

Лексика, собранная в Роговатом по «Программе» [Программа 1947], была сопоставлена с картами лексического выпуска ДАРЯ [ДАРЯ III, ч. 1, 2]. Анализ показал, что лексические явления говора распределяются по четырем пучкам изоглосс.

I пучок изоглосс назовем южный общий, так как он характеризует, как правило, подавляющее большинство говоров южного наречия:

хрестёц 'малая укладка снопов' (карта 50);

цёп / цоп 'орудие для ручной мотыбы' (карта 39; помимо южного на-

речия, лексема свойственна и средне-русским говорам);

дежа́, дёжка 'посуда для растворения теста' (карта 23; *дежник* — полотенце, которым накрывают опару);

улица́ 'гуляния молодежи в доме или на улице' (карта 8 [Язык русской деревни 1994]; изоглосса не захватывает смоленские говоры и так называемый «брянский угол»);

посидёлки 'собрания молодежи или семейных людей в доме, прежде с работой' (карта 93);

разбираться́ 'раздеваться' (карта 37; изоглосса не захватывает брянские и смоленские говоры);

махотка́ 'маленький горшок для каши или сосуд в форме чугуна' (карта 23);

грёбовать́ 'брезговать' (карта 97);

рэли́ 'качели' (карта 81);

стёжка́ 'дорожка' (карта 79);

играть пёсни́ 'петь песни' (карта 94).

II пучок изоглосс — южный центральный; он отличается от южного тем, что не включает курские, смоленские и брянские говоры:

брухать(ся) (о корове) 'бодать' (карта 70);

зеленя́ 'всходы злаковых культур' (карта 47);

дьюже́ 'очень' (карта 99);

рогáч 'приспособление для выемки чугунов из печи' (карта 30);

чáпля, чáпельник 'ручка для сковороды' (карта 31);

велёк 'орудие для выколачивания белья при стирке' (карта 29; ареал более узкий, по сравнению с упомянутыми выше, лексема отмечается единично в Орловской, Тульской и Рязанской обл.).

III пучок изоглосс — юго-западный — охватывает юго-западные говоры с белорусским типом диссимилятивного аканья и яканья:

хáта 'крестьянская постройка' (карта 3);

погóда 'хорошая погода' (карта 90);

пискля́та ‘цыплята’ (карта 65; изоглосса на севере доходит до Смоленска, не распространяется на говоры «брянского угла»);

мо́рква ‘название моркови’ (карта 59);

бура́к ‘название сахарной свеклы’ (карта 60).

IV пучок — западный, центральный, представляется наиболее репрезентативным, так как многие важные морфологические явления, зафиксированные в исследуемом говоре, распространены именно в этом ареале:

заку́та ‘помещение для скота’ (карта 12);

жне́вье ‘сжатое поле’ (карта 48; эти две изоглоссы очерчивают самый широкий ареал, проходя по линии Белгород — Суджа — Брянск — Калуга — р. Дон);

держале́нь ‘ручка цепа’ (карта 40; ареал заходит за р. Дон на востоке, в отличие от других изоглосс этого пучка);

цепи́нка ‘бьющая часть цепа’ (карта 41); изоглоссы *жневье*, *держалень*, *цепинка* не захватывают территории вокург Брянска, Севска и Рыльска;

кома́ри ‘муравьи’ (карта 76);

бала́кать ‘разговаривать’ (карта 95);

ла́тка ‘заплата’, *ла́тать* ‘чинить одежду, ставя заплату’ (карта 38);

салама́ть ‘каша из муки’ (карта 28); изоглоссы *балакать*, *жневье*, *саламать* не охватывают говоры восточнее линии Старый Оскол — Задонск — Ефремов и не доходят до Тулы и Калуги.

Специфические изоглоссы — изоглоссы индивидуального распространения на территории, картографированной в ДАРЯ, не образующие на ней компактных ареалов, не объединяющиеся в пучки с другими изоглоссами:

ва́реги ‘рукавицы вязаные, с одним пальцем’ (карта 35; лексема образует небольшие ареалы в междуречье Оскола, Дона и Сосны, такие же небольшие ареалы встречаются на восточной территории ДАРЯ: в говорах Поветлужья и рязанской Мещёры);

ко́таная — об овце (карта 67; ареал тянется узкой полосой от Тулы до Острогожска через Ефремов, Елец, Задонск, Старый Оскол, расположен между ареалами наименований *скотная*, *котная*);

же́ребаная — о кобыле (карта 66; ареал подобен описанному выше, но охватывает также территорию к северу от Тулы);

корча́жка ‘сосуд для молока’ (карта 24; компактный ареал, включающий Старый Оскол, Щигры, Ливны, Задонск);

него́да ‘плохая погода’ (карта 90; ареал расположен на юге территории ДАРЯ, также имеются небольшие ареалы у Ельца, Курска, Суджы, Обояни, Старого Оскола, Рыльска и Белгорода);

оги́бка ‘название рукоятки на косовище’ (карта 44; небольшие ареалы по линии Белгород — Щигры — Задонск — Старый Оскол — Острогожск).

Таким образом, в говоре Роговатого достаточно хорошо сохраняется пласт архаической лексики. Лингвогеографический анализ показывает, что говор расположен на пересечении юго-западной и юго-восточной диалектных зон. По классификации К. Ф. Захаровой — В. Г. Орловой он относится к межзональным оскольским говорам, однако согласно типологической классификации [Пшеничнова 1996], которая учитывает большее число признаков, и по данным экспедиций последнего времени, говор Роговатого относится к Курско-Орловскому диалектному типу. Территории распространения этого диалектного типа соответствует пучок лексических изоглосс, названный выше западным центральным пучком.

Коротко упомянем о некоторых датах народного календаря, которые отмечаются в Роговатом.

В *Раи́ствó* (Рождество) принято *жечь пурину* — жечь солому, мусор, дрова, разводя костер на дороге у ворот, чтобы покойные родственники *пришли погреться*. Этот обряд подробно описан

в [Зеленин 1994: 169]: «...рассмотренный нами обычай распространен повсюду у *однодворцев* южновеликорусских губерний; все названные села — однодворческие. Что же касается оригинального названия *жечь пурину*, то оно, кажется, равносильно выражению: *жечь солому*. По «Толковому словарю» В. И. Даля, *пуринь* — соломенные головни, которые носятся по ветру клочьями на пожарах».

Сям'ік, сям'іцк'яа няд'яля — недельный цикл праздников, продолжающийся от седьмого четверга после Пасхи (первый четверг после Вознесения, за три дня до Троицы), который в Роговатом называется *Богомолье*, до *Касьянов* — четверга после Троицы. Некоторые жители Роговатого отождествляют начало семика с Вознесением (*Звезьяньё*). На всю семицкую неделю пол в доме застилают зеленью (*рв'ём, п'с'т'іліім кл'он, іас'ін'*. *Крыл'цы ува вс'эх ус'у с'ам'іцк'яу н'ад'ялу н'е м'ойуць*). В это время бывает ярмарка, народные гуляния с плясками, *іурам'и* (песнями), кулачными боями, раньше устраивались *р'элі* (качели).

Богомолье и Касьяны считаются вредоносными праздниками, в эти дни работать строго запрещено: *К'с'ја́ны — ур'ешный пр'аз'нік, он вр'эдный, раб'отать на н'бм н'ел'з'я*. Приведем небольшой фрагмент рассказа про Касьяны (в орфографической записи): *Вот эта соседка моя, баба Соня, ты знаешь, вот так тоже, када это не... некогда было, ну она, о Касьяны... А ей было, значит, там нада, вот так тучки пошли, да полоть надо было. Ну она, мол Бог простить, и начала полоть. Ну и шо и ты думаешь? И выполоть не выполола, и малый сын, сын ей поехал на лисапете, ну на лисапет. Уш сказал бы там, хто знает — и рука хряп! упал с лисапета и руки поломал. Руку одну поломал. Ну вот, а ногу зашиб больно. Мы этот Касьяны обходим и ничо не слу-*

чится — лучше посидим, отдохнем. Часть информантов утверждает, что на Касьяны нельзя работать с помощью железных орудий, но можно, например, грести сено деревянными граблями.

Как известно, день памяти св. Кассиана отмечается 29 февраля раз в четыре года; этот день считается опасным. В некоторых местах, как и в Роговатке, Касьяну может быть посвящен не последний день февраля, а другие дни. Обычно это какой-либо из трех четвергов: на масленой, пасхальной или семицкой неделе. Именно с этими неделями связана поминальная обрядность: кормление умерших, посещение кладбищ. Обычай поминовения усопших на семицкой неделе присутствует и в Роговатке.

Текст на роговатовском диалекте представляет собой расшифровку аудиозаписи рассказа *Анастасии Андриановны Дементьевой* (1926—2013) (далее ААД) о событиях, связанных с семиком. В рассказе отражено представление о том, что Христос пребывает среди людей от Пасхи, когда он спускается (*слезает*) с небес на землю, до семика, когда он поднимается на небеса по лестнице. В память об этом и в помощь тому, кто должен вернуться с земли на небо, в канун семика в селе пекут *лесенки*. (В наши дни в канун Вознесения лесенки заводского производства появляются в продаже в сельских магазинах, как и куличи — накануне Пасхи. Жители Роговатки были удивлены, узнав, что в московских магазинах лесенки не продаются.) Считается, что печеными лесенками люди помогают достроить небесную лестницу. Это видно из рассказа о сне крестной матери ААД: в канун семика (Вознесенья?), приготовив опару, она заснула и увидела во сне золотую лестницу, не достававшую до неба; проснувшись, крестная ужаснулась тому, что ее *лесенка недопечёная*, срочно замесила тесто ржаной мукой и испекла лесенку.

Рассказ все время возвращается к тому, что 85-летняя ААД и ее соседка в этом году по немощи не пекли лесенок; возможно, рассуждает она, это помешало Христу вовремя вернуться на небо (*ну нехай он ещѣ пабуде с нами, мы ещѣ не все ему выказали*); может быть, с этим связан неурожай, а может быть, если бы они испекли лесенки, то Христос смог бы и их взять с собой и им бы не пришлось заботиться о запасах на зиму.

ААД рассказывает, что другая ее соседка *видала бога*, который проходил по улице в образе старика и дал ей совет, как быть с отбившимся от рук внуком. Она отправилась в центр села, чтобы рассказать об этом. Этот случай соответствует сюжетам быличек о Христе, который ходит неузнанным среди людей в виде старика или мальчика. Люди узнают его по мудрости его слов или поступков.

Обычай поминовения усопших на семицкой неделе отразился в размышлениях ААД о том, как ей следует поминать мужа. *На родительскую* в селе принято собираться за столом и есть поминальную еду *с молитвой*, называя имена покойных, а также раздавать знакомым сладкое (*пряницы и канхветы*); считается, что эту трапезу с живыми разделяют умершие. ААД думает, что этот обычай неприменим к покойному мужу, который при жизни упрекал ее в расточительности по родительским дням; она просит соседку, с которой она справляет поминки в семик, *не говорить деду*, т. е. не называть его имени. После она ужаснулась своему решению: *неужели не страшно мне буде вычеркнуть его из поминания?* Теперь, когда он сам *туды попался*, какво ему будет, если ему там не дадут (поминальной еды)?

Текст записан С. В. Дьяченко и И. И. Исаевым в 2012 г., расшифрован С. В. Дьяченко.

А он, нын'ышн'ий ўот в'иш каг ўарѳт апс'ѣилс'и, възшла ъ'адна вѳт тўт, ѳдна

вѳн там вѳн. Пѳч'амў? Вѳс'ѳм'д'ис'ѳт шештѳй мн'ѳ ўѳт — ѳтѳѳ н'ѳ былѳ, н'ѳ так'ий-тѳ картѳх'и как'ий-тѳ. Н'ѳ дѳл'и рѳсту, и ўс'ѳ. Ш'ѳ он там бѳх с'ид'ид' д'ѳльѳе^а? Пр'ишла Дѳн'к'ѳ^а, ўвар'ит': «Т'ѳткѳ Нѳс', ты бўш л'ѳс'ѳнк'и п'ѳч'?» — «Дѳ Дѳн'к'ѳ, дѳ у м'ин'ѳ вѳдѳ и сѳл'. И мукѳ, ну кѳк ѳей п'ѳч'?» — «Дѳ пѳд'ѳм ѳѳ мѳльч'к'ѳ дам». — «У м'ин'ѳ н'ич'ѳўѳ н'ѳту». — «Їѳ мѳльч'к'ѳ дам». — «Дѳн'к'ѳ, дѳ ѳѳ л'ѳбѳ н'ѳ бўду лўч'ч'и п'ѳч'». А мѳѳѳ мѳт' хр'ѳснѳѳѳ п'ѳклѳ л'ѳс'ѳнку. Вот ѳнѳ вѳшлѳ нѳ рѳбѳту ит'ит', и пр'ил'ѳулѳ, и уснўлѳ. В'ид'ѳ^а: ѳнѳ зѳлат'ицѳ, бл'ас'т'ит', л'ѳс'ѳнка, и н'ѳ хвѳ^атѳѳѳ. Ёнѳ: «Г'ѳѳт'ѳ, ѳѳ н'ѳ сп'ѳклѳ!» Н'ѳ хвѳ^атѳѳѳ, а у н'ѳѳ мукѳ рѳж'ѳнѳѳѳ. Устѳла, на мук'и нѳм'ас'илѳ, исп'ѳклѳ и ѳдѳлѳ.

Вот бѳл ус'у врѳм'ѳ тўт у нѳс Исўс Хр'истѳс, у вѳс н'ѳ был, дѳ? И вѳт у нѳз бѳл Исўс Хр'истѳс, как у стѳр'инў ѳвѳвр'ѳ. Вот он адбѳл, скѳл'к'ѳ ѳѳмў пѳлѳжѳнѳ, с'л'ѳс, а пѳтѳм он пѳл'ѳз'ѳ ѳп'ѳт' нѳ н'ѳб'ѳсѳ. А ѳнѳ ѳвѳвт': «Ты бўш л'ѳс'ѳнку п'ѳч'? А тѳ л'ѳбѳ ты же рѳскѳзѳвѳла, н'ѳ хвѳтѳлѳ-тѳ. А л'ѳс'н'ицѳ-т н'ѳдѳп'ѳч'ѳнѳѳѳ! Анѳ из ѳрѳжанѳѳ мук'и дѳп'ѳклѳ, тѳх-тѳ и нѳм пр'ид'ѳцѳ с тѳбѳѳ». — «Н'ѳ, Дѳн'к', дѳ н'ѳхѳѳ он ишшѳ-тѳ пѳбўд'ѳ^а с нѳм'и, мѳ ишшѳ н'ѳ ѳс'ѳ ѳѳмў вѳкѳзѳл'и тут, н'ѳхѳѳ ишѳ с нѳм'и пѳбўд'ѳѳ». Ну вот и ѳнѳ н'ѳ п'ѳклѳ, и ѳѳ н'ѳ п'ѳклѳ л'ѳс'ѳнку ѳту.

С'ѳм'ѳк, вот дѳ с'ѳм'ѳкѳ хѳд'ѳ, Исўс Хр'истѳс тўт, с нѳм'и ѳм'ѳс'т'ѳ пѳ з'им'и, а пѳтѳм (...) ухѳд'ѳ нѳ н'ѳб'ѳсѳ, а пѳ^а ѳтѳѳ л'ѳс'ѳнк'и л'ѳз'ѳ тудѳ, нѳ н'ѳб'ѳсѳ, прѳ нѳшѳ ѳр'ѳх'и рѳскѳзѳвѳт', мѳ жѳ ѳр'ѳшѳм. А нѳ скѳкѳ, вот ѳѳ вѳм н'ѳ збр'ѳшў, н'ѳ хѳрѳшѳ знѳѳу, нѳ скѳкѳ он ухѳд'ѳ тудѳ. Вѳд' д'истѳв'ит'ѳл'нѳ вѳѳч'ѳнѳѳѳ, а вот у нѳс ўч'уцѳ-ўч'уцѳ, а тѳх-тѳ н'ѳ вѳѳч'уцѳ. Пѳл'ѳт'ит' и пр'ил'ѳт'ит'. Ид'ѳ ѳднѳ бѳбѳ, сѳс'ѳткѳ мѳѳѳ, ѳей ш'ѳс н'ѳту, ѳнѳ ум'ѳрлѳ. «Здѳрѳвѳ». — «Здѳрѳвѳ». Їѳ: «Дѳл'ѳкѳ-т ты?» — «Дѳ хѳт'ѳла вѳт тўт

ъбайт'ит', вон там йа н'е п'ир'айд'у». Йа җр'у: «А дь л'окъ ты?» — «Дь нь ц'ентру мн'е надь». Йа җр'у: «А зач'ем ты нь ц'ентру?» И ь'на: «Йа нын'е в'идаль б'оуь, дь рьскъзат'». — «А кау ш ты йеуо в'идала, Тан'?» — Тан'к'е йей зват', — Тан', кау ш ты йеуо в'идаль?» — «Дь вьшла, а у м'ин'е малгы рьспус'т'ил вьт тах-ть в'иск'и, ьтрас'т'ил, и скъзал'и в м'ил'ицыйь йеуо вызывайут', пьдралс'и ид'е-йт'ь. А йа йеуо вьшль и кл'ану. А он ьд'е, д'ет, старый ид'е д'ет, а йа йеуо кл'ану, а он ьввар'ит': «Мата, за што ты йеуо тах-ть рууайш?» ьна ьт': «Дь кау жь н'е рууат'?» В'иш, в'иск'и ьтпус'т'ил, у м'ил'ицыйь вызывайут', ид'е-ть пьдралс'и». — «Ооо...» — «Да, дь д'едушкь, дь каг ш йеуо н'ь рууат': в'иск'и а'т-пус'т'ил и у м'ил'ицыйь пьпалс'и». — «У м'ил'ицыйа пьпалс'и? Дь ты йеуо н'ь кл'ан'и». — «А кау жь с ним бьт'?» — «Дь эт у н'еуо суд'ба эткыйа». Ш'о, ьна правдь в'идаль кь'оу ил'и н'еправдь? Йа думьйу, он н'а х'од'е, он жь ад'ин, б'ох-ть, а нас-ть мн'оуь, ид'е ш он нас ус'ех ь'бьид'е, уьввар'ит'? А ус'е дурак'и, ус'е рууаимс'и дь кл'н'емс'и, и вон нам спакоу н'ету. Вот ньнас'ила вадь, шо ш кружус'е дь кружус'е. Пр'ишла эть сас'еткь, кькайь был с'уды шла, пр'ишла и ьввар'ит': «А йа таб'е карт'ох'и пьул'ажу». — «Дь пьул'ад'и, у м'ин'е карт'ох саус'ем н'ету, шо буд'ьм?» — «Дь ты н'е ьар'уй!» — «Дь кау жь н'ь ьр'е'ваг'? Ну ьст'ьват', ш'о д'елт'?» Дь л'ебо уш пьхл'опку нын'е, мы парус'к'и н'а суп, а пьхл'опку, а завтрь ш'ш'и, ьп'ат' с карт'ох'ьм'и, а карт'ох-ть н'ету». — «Дь их х'ват'а». В'ит'к'ь: «Вот ишшо ты талкуиш, таб'е д'ес'ьт' в'ед'ьр х'ват'а». Дь х'то, ьна стар'инный паслов'ицъ, как х'ват'а. А то ьт-х'ват'а, так пьл'бока и н'а буд'а, стар'инный ьс'о паслов'ицу ус'о ьспьм'инаим. А вот дь'к'л' еть стар'инный паслов'ица, вон л'етс'е н'е былъ д'ожжа — эт'и с'т'ьр'ижонч'к'и у карт'ох'ьх, и н'е

дал'и р'оста. Узышла, ч'ьр'ьс п'ат' куст'оу ишшо ьзышла, енту в'ьр'иш — хар'ошыйь, т'в'ордыйь. Стан'ьш вар'ит', а ьна хрус'т'ит', н'а в'ор'ицъ. Л'етс'ьш' тожъ у нас малъ д'ожжу бьль, а нын' саус'ем н'ету, ш'о вод д'елт'?' Л'ес'ьнку н'е с'п'акл'и, м'ож бы и он нас с сабой уз'ал, а т'ип'ер' жьт' тут н'ет'им, правдь ш, плохъ.

«Пошла» нь с'ам'ик к падр'у'и, ну вьд бьл'и ь м'ин'е кан'х'в'етк'и, в'з'ела йа эт'и тр'и кан'х'в'етк'и. Вот ьна б'ир'е канх'в'етк'и и йес'т' нь рад'ит'ьл'скыйь, и «царс' н'еб'есныйа» ьввар'ит', а йа йей ьввар'у: «Ар'инка, дь ты д'еду н'е ьввар'и». ьна ьт': «А п'ч'аму?» — «Дь пьтаму, мы д'уж бран'ил'ис'а». — «А зь ш'о бран'ил'ис'?» — «Зь ш'о бран'ил'ис' — ус'е йа д'ен'у'и рьстранжыр'иль, а куды ш... «Кажный д'ен' у т'иб'е рад'ит'ьл'скый!»» А тады-т бьл'и к'ильурам пр'анц'ь в'ос'м'с'т кап'ейк, а у м'ин'е мамь ум'ерла п'ерв'ья, ну вот' йа усльшу, пайд'у усльшу: нын'е рад'ит'ьл'скыйь, вазму к'ильурам, рьздам; а он п'ил. Вот' йа нь н'еуо зь п'йанку, а он ьввар'ит': «Йес'л'и пьш'ш'итат', ты у с'ем' рас б'ол'ь м'ьн'е пьтрат'иль, кажный д'ен' у т'иб'е рад'ит'ьл'скый!» Вот, а йа думьйу с'ижу, сьб'ирайущь, вы жь сьб'ирайт'ьс' тожъ л'и н'е?

Вот ид'е умр'е ч'елав'ек, и там сьб'ирайущь, йеуо пьм'инайут', и стар'ыйе сьб'ирайущь и мол'уцъ, ув этый хат'е^а. Ну вот, а йа ьввар'у: шо ш йа пайд'у, н'иужел'и н'е страшнъ мн'е буд'е скъзат', вьч'еркнут' йеуо ис пьм'инан'я? Д'еда. Йа-ть пьм'иналь рад'ит'ил'ьй, а он ньпа'далс'и нь м'ин'е: йа дурьч'к'а, он н'а т'ол'к'а прап'ил, а йа б'ол'е рьстранжыр'ила. Он ш'ас-ть туды пьпалс'и, вот там бы йеуо н'ехай н'ь дьвайут', как йаму буд'а?

*С. В. Дьяченко, А. В. Тер-Аванесова,
И. А. Букринская, О. Е. Кармакова*

Отчет об экспедиции в д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области

В октябре 2013 года С. В. Дьяченко и А. В. Малышева побывали в д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области.

Деулинский говор хорошо известен диалектологам благодаря материалам, собранным в 60-е гг. группой сотрудников Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН под руководством И. А. Оссовецкого. Эти материалы легли в основу «Словаря современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (далее ДС), который был опубликован в 1969 г. и по праву считается образцом монодиалектного словаря дифференциального типа.

Иллюстративный материал словаря и магнитофонные записи, сделанные в процессе работы, уже несколько десятилетий являются ценным источником для изучения разных уровней диалектной системы. Едва ли какой-нибудь другой говор описан столь подробно (см., например: [Бромлей, Булатова 1972; Высотский 1973; Брызгунова 1977; Пауфошима 1977; Оссовецкий 1982; Чекмонас 1993; Щигель 1996; Касаткина 2002; Горячева, Князев, Пожарицкая 2008, 2009; Пожарицкая, Самсонова 2013] и др.). Фрагменты расшифровок деулинских записей и фонетико-грамматический комментарий к ним содержатся в [Русские народные говоры 1999: 134—141].

Основной целью настоящей экспедиции было обследование этого столь известного лингвистам говора в его современном состоянии.

За прошедшие полвека количество коренного населения в Деулино резко сократилось; в настоящее время в деревне осталось, по оценкам местных жителей, не более 50 человек, родившихся здесь и проживающих постоянно. При этом Деулино, живописно рас-

положенное на высоком берегу р. Пры, окруженное сосновыми лесами, привлекает множество дачников из Рязани и Москвы; дачниками считаются также потомки коренных жителей, переехавшие в города и приезжающие в Деулино на лето.

К нашему удивлению, ни в местной библиотеке, ни в домах не обнаружилось ни одного экземпляра словаря, хотя многие помнят собирателей и говорят о них тепло и с удовольствием, особенно дети и внуки тогдашних информантов (см. расшифрованные тексты в конце отчета).

В ходе экспедиции были сделаны записи речи от 13 информантов.

Фонетика

В данном отчете кратко охарактеризованы основные сегментные особенности фонетики современного деулинского говора, отмеченные нами в ходе экспедиции.

(1) Вокализм

Говор имеет пять гласных фонем, противопоставленных **под ударением**. Отмечено отсутствие перехода *e* в *o* в слове *кошёлка*: *каш'элка*.

В **предударном слоге** различаются фонемы верхнего подъема /и/ и /y/, а фонемы неверхнего подъема совпадают в звуках [а] и [и] в зависимости от позиций. Распределение их таково:

А) после твердых согласных фонемы неверхнего подъема всегда совпадают в звуке [а], вне зависимости от подъема ударного гласного, то есть в говоре наблюдается сильное аканье: *карз'ину*, *ват'улы*, *раб'отэл*, *на фс'ой*, *хат'эл'и*, *пап'элэ*;

Б) после мягких согласных фонемы неверхнего подъема совпадают в звуках [а] (или [е]) и [и] в зависимости от качества ударного гласного в слове:

— **перед /и/, /y/ — [а]**: *ис с'ур'ад'и-нэк*, *в'азл'и*, *св'акры* 'свекровь' (И. ед.),

*рээр'ашы́л, пр'ив'азу́т', х т'анлу́, к н'а-
му́; ч'эр'ис р'акү́;*

— перед /e/ — [и]: *х кра́жу р'ик'е́,
у р'ик'е́, да р'ик'е́, к р'ик'е́, б'ка́ла р'ик'е́, в
з'имл'е́, в үр'из'е́, в'идр'е́, зэүр'им'ел'и,
нэл'ит'ел', үл'ид'ет', нэ н'ид'ел'и, м'и-
т'ел'и, в'ис'ил'ей, х т'иб'е́, д'ит'ей, да
пл'ич'ей, д'ур'евн'э; [а]: *в в'адр'е́, в
м'ашк'е́, у п'аск'е́, нэ п'аск'е́, нэ з'амл'е́*
(ср. также: *уч'ит'ал'ей, кэр'ан'ей, кр'а-
жэй* [Бромлей, Булатова 1972: 418]); *н'а
жэм, н'а з'д'элэйу, н'а жез'д'ит', н'а вл'езу,
н'а жэл'и, н'а в'ер'ицэ, п'ур'ажэхэл'и,
п'ур'ад'элэл;**

— перед /o/ — [и]: *пэв'из'от, нэб'и-
р'ом, н'ис'ом, нэм'ит'ом, зэн'ис'от, б'и-
р'озу, в'ис'олэйа, с'ис'т'ор, в'ир'овэч'ку;*
[а]: *с'ам'жой, п'атл'ой; н'а Л'ол'а;*

— перед /o/ — [а]: *жаво́, дэл'акó, в'адрó,
с с'астрóй(у), б'исп'ир'абóйнэ, св'акрó-
в'и, л'асóк, п'ашкóм, м'ашóк; н'а нон'е;*

— перед /a/ — [а]: *д'аржэлэс', нэ-
пл'авáт', з'амл'á, пр'ижэж'ж'áжут', ч'и-
р'апáх'и, жадá л'и; н'а зр'á, н'а тák.*

Приведенный материал свидетельствует об ассимилятивно-диссимилятивном характере предударного вокализма после мягких согласных, который можно охарактеризовать как кидусовское яканье с отклонениями перед ударными /e/ (независимо от происхождения) и /o/ (ср. [Русские народные говоры 1999: 138], где на основании аудиозаписей 60-х гг. делается вывод о том, что в говоре представлена ассимилятивно-диссимилятивная модель вокализма кидусовского типа). Эти отклонения, возможно, имеют аналогическое происхождение: формы *с'ам'жой, п'атл'ой* появляются под влиянием форм типа *с'астрóй*, см. о подобных процессах в других говорах с ассимилятивно-диссимилятивным вокализмом [Савинов 2013: 284—285]. Наличие примеров с предударным [а] перед /e/ типа *в в'адр'е́, на п'аск'е́, уч'ит'ал'ей*, вероятно, обусловлено грамматическим выравниванием основ, поскольку в И. падеже

этих существительных имеем [а] — *в'адрó, п'асóк, уч'ит'ал'á*. Однако такое выравнивание проведено непоследовательно, о чем свидетельствуют формы *р'ик'е́, в з'имл'е́* и под.

Особую подгруппу составляют примеры на предударные гласные неверного подъема в отрицательной частице *не*, предлогах и приставках, где всегда представлен гласный [а], вне зависимости от качества ударного гласного. По данным Д. М. Савинова, сильное яканье в отрицательной частице, предлогах и приставках наблюдается повсеместно в говорах с ассимилятивно-диссимилятивным вокализмом (устное сообщение).

В говоре имеет место полная редукция слабых безударных гласных (см. также: [Просодический строй русской речи 1996: 212]): *у мн'е́*; отмечены многочисленные примеры редукции гласных до нуля в **заударных слогах**: *сал'арк па н'ей ид'от'*; *в Оришу óкэл Бр'эст два рáзэ йез'дилэ; два дóм стар'инных; а йá т'эст падб'илэ п'ираг'и п'еч'; пáп хад'ил в'аз'д'е нэпр'аму́шку* (в лесу), *вм'эстэ тр'ицат'и сóтк мн'е ч'атырнэцэт' астáв'ил'и; н'эфт'прóвэт* и др.

В заударных слогах возможна делабиализация: *такүйтэ стар'ийу* (В. ед. ж. р.); *н'ид'ел'и дóмэ т'былá* (В. ед.); *па прó-с'иктэ* (Д. ед. от *прóсек*); *надыт' и план-тáцыйтэ* (В. ед.) *бы пажáт'-тэ*.

Зафиксировано также произношение вставного гласного в заударных слогах: *ф цэрк^м в'и, ф цэрк^к в'и*.

(2) К о н с о н а н т и з м

Фонемы /г/-/г'/ реализуются звуками фрикативного образования [γ]-[γ'], однако в некоторых случаях отмечен взрывной [г] (обычно мягкий): *д'эн'г'и*.

Взрывной [к] в позиции начала фонетического слова перед взрывным [т] заменяется фрикативным [х]: *х т'анлу́, х т'иб'е́*.

Фонема /в/ может реализовываться губно-зубным [в], реже — губно-губ-

ным [w]; в редких случаях предлог *в* в начале фонетического слова перед следующим глухим согласным реализуется в звуке [y]: *у п'аск'э*.

Долгие шипящие произносятся мягко: *иш'и'о́, пóж'ж'е, папóж'ж'е, пр'и-йеж'ж'áл'и*.

Отмечается прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных и *j*: *Жэн'к'а, Вáл'к'а, мál'ин'к'ийу, лул'к'а, мэслабóйк'а, стрóйк'у, рут-стóйк'у*; после *ч'* смягчения не происходит: *ф п'эч'ку, вир'óвэч'ку, мэлáч'кá, капт'ушыч'кэ*.

Произносятся мягкие губные и переднеязычные перед мягкими губными и заднеязычными: *с'вэту, д'эф'ки, папóф'к'и*.

Морфология

Морфологическая система Деулинского говора (имя и глагол) подробно описана в монографии [Бромлей, Булатова 1972: 402—422]. При этом авторы отмечают, что анализ словоизменения именно этого говора является наиболее полным из всех представленных в работе благодаря обширнейшему материалу, содержащемуся в ДС [там же: 31]. Говор тех жителей Деулина, которые проживают в деревне постоянно, сохраняет все основные черты, зафиксированные в иллюстративной части ДС и в указанной выше работе.

Существительные

Единственное число

Соотношение окончаний Р., Д. и М. падежей I склонения ед. ч. в Деулино на материале [Бромлей, Булатова 1972: 403—405] систематизировано в статье, посвященной сравнительно-историческому анализу основных восточнославянских систем склонения *а*-основ [Абраменко, Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013: 113]. Система окончаний относится к юго-восточному типу и ха-

рактеризуется единичными флексиями для всех типов основ, различием родительного (в беспредложных конструкциях) и предложно-родительного (после любых предлогов) падежей и неразличением окончаний дательного и местного падежей.

В I склонении отмечены следующие окончания:

И.: {-а} — тв. ударн.: *с'астрá, смалá*; тв. безуд.: *рушылкэ, машы́нэ, м'эл'н'ицэ*; мягк. и заднеязыч. ударн.: *з'амл'á*; мягк. и заднеязыч. безударн.: *Вán'к'э, Жэн'к'э, Вáл'к'а*;

Р. беспредл.: {-и}, {-е} — тв. безуд.: *машы́ны н'эту, карóв'и н'эту, мáм'и н'эту, пáп'и н'эту*; мягк. и заднеязыч. ударн.: *з'амл'и, х крáжу р'ик'э*; мягк. и заднеязыч. безударн.: *д'ир'эвн'и, картóшк'и, апт'эк'и*;

Р. предл.: {-е}, {-и} — тв. ударн.: *у с'истр'э, с вáйн'э, у с'астр'ы (3х), дл'а вáйн'ы, ва вр'эм'э вáйн'ы, с вáйн'ы*; тв. безуд.: *ис Т'умы, с сóсны, с карóв'и с ад-нóй, у мáм'и (4х), у н'ив'эс'т'и, у д'áт' С'óm'и*; мягк. и заднеязыч. ударн.: *у р'ик'э (3х), дэ р'ик'э, óкэлэ р'ик'э, с Ак'э, у этáй снах'э*; мягк. и заднеязыч. безударн.: *з Буд'óнэw'к'и (3х), ис ста-рóшк'и*;

Счетн.: {-и} — *дв'э машы́ны, пó дв'и карóвы бл'ул'и; д'в'э падр'у'и, дв'э сна-х'и, пó дв'и был'и с'вин'ий*.

В.: {-у} — тв. ударн.: *муку, прэ стэ-р'ину*; тв. безуд.: *бумáру, на м'эл'н'ицу*; мягк. безударн.: *в árм'ийу*;

Т.: {-ой} — тв. ударн.: *с травóй, пэд уарóй, с с'астрóй*; тв. безуд.: *с ч'арн'и-кэй, с мáмэй*; мягк. ударн.: *фс'óй с'а-м'ийóй*; мягк. безударн.: *с папáн'ий, ж Жэн'ий*;

Д.-М.: {-е} — ударн.: *нэ вáйн'э, в ыз-б'э; к р'ик'э, в з'амл'э, пэ з'амл'э, ф с'а-м'ийэ*; безударн.: *мáм'и (2х), к шкóл'и, ф шкóл'и, па скат'ин'и, в д'ар'эвн'и (2х), пэ н'ид'эл'и, в Уермáн'и, нэ Папóф'к'и, на этáй даш'и'бч'к'и*.

В Р. беспредл. под ударением употребляется, как правило, окончание $-{и}$; в безударной позиции — $-{е}$ наряду с $-{и}$; в Р. с предлогами (*у, с, до, около*) — $-{е}$, $-{и}$ (ср.: [Бромлей, Булатова 1972: 403—404]).

Звательная форма имеет нулевое окончание: *т'от' Мán', Клáшк, Вán', дóч'* (от *дóча*).

Во **II склонении** в Р. представлены окончания $-{а}$ — *хл'эцá, л'есх'имá, л'есн'ич'иствá* и $-{у}$ — безуд.: *палнó л'эсу, нарóду!*, *с'вэту н'э былá, с тр'и-цэт' н'эрвэуэ рóду*; ударн.: *лóшку к'ис'ел'у, íза л'н'у*.

В М. представлены окончания $-{е}$ — *в л'асн'ич'иств'и, в муз'эи, в д'эцв'и; ф калхóз'и* и $-{у}$ — *ф клуб'у, в мах'у* (во мху), *в рáду, нэ тарфу, нэ бык'у* (2х). У существительного *конец* отмечено окончание $-{е}$ — *ф канц'е* (в [Бромлей, Булатова 1972: 407] для этого слова указывается три окончания $-{е}$, $-{у}$, $-{и}$).

Существительные ср. р. в И.-В. падежах согласуются с прилагательными, местоимениями и формами прош. времени по ж. роду: *л'н'анáйá мáслá, в'азл'и в'áдрó плáх'иá, фс'á Д'аул'инá, фс'у вр'эм'á, свáйá былá прóсá, прóзв'ищá былá, свáйá былá мэлáч'кó*. Согласование по ж. роду отмечено также в Д.: *на фс'ой л'эт'и*. В И.-В. существительные ср. р. имеют ударное окончание $-{о}$, а при ударении на основе в В. употребляется также окончание I скл. $-{у}$: *в Д'аул'инá* (топоним *Деулино* может употребляться также в форме мн. ч.: *Д'аул'ины, в Д'аул'инáх* (2х)), *пал'т'ишк'у эту ший'ит', ч'эр'из Бар'искэву, й'эх'л'и нь балóту, ъд'айáлу*.

Существительные **III склонения** имеют следующие окончания: И.-В.: $-{0}$ — *рош, ф крóф'*; Р.: $-{и}$ — *с Р'езáни, сóл'и*; М.: $-{е}$, $-{и}$ — *нэ лэшад'э, в ур'из'э* (2х), *в ураз'и, нэ п'ач'и* (вариативность окончаний в Д. и М. отмечена также в [Бромлей, Булатова 1972: 410—411]).

У существительного *мать* зафиксирована вариативность основ именительного и косвенных падежей и окончания III склонения: И.: $-{0}$ — *мáт'*; Р.: $-{и}$ — *у мáт'ир'и*; Д.: $-{и}$ — *мáт'ир'и н'ас'и*; Т.: $-{jу}$, $-{oj}$ — *с мáт'ир'иу, с мáт'ир'ий* (вариативность окончаний Т. ед. III склонения отмечена в [Бромлей, Булатова 1972: 411]).

Существительные *дочь, свекровь* демонстрируют вариативность как в способе образования основы, так и в парадигме склонения и имеют окончания: И.: $-{0}$ — *дóч', дóч'ир'*; В.: $-{у}$ — *н'эрвэйу дóч'ир'у, за дóч'ир'у, прэ св'акрóв'иу свáй'у*; Д.: $-{и}$ — *к св'акрóв'и*. В И. отмечена старая форма основы на $*-й$: *св'акр'и*.

У существительных *церковь, жизнь* отмечена вариативность окончаний I и III склонений: И.: $-{о}$, $-{а}$ — *цэркэф'* (2х), *цэрквá, жыз'н', жыз'н'á* (2х); Р.: $-{и}$ — *ókл цэрк'в'и*, В.: $-{0}$, $-{у}$ — *цэркэв' эту фс'у разрушыл'и, ф цэркву, жыз'н'у*; М.: $-{и}$ — *ф цэркв'и* (2х).

Отмечено изменение существительного *медаль* по II склонению: *двá м'идал'á*.

Множественное число

Зафиксированы основы мн. ч., образованные по типу «основа ед. ч. + суффикс $-j$ »: *брáт'иá, жылуб'иá, дуб'иá* (Р. п. *дэ дуб'йóф дэн'асу*), по типу «основа (усеченная) ед. ч. + суф. $-ат$ » *вну-ч'áты, прас'áты* (с вариативностью окончаний $-{и}$ и $-{а}$): *р'аб'áтá, р'аб'áты* (то же: [Бромлей, Булатова 1972: 417]).

Существительные во мн. ч. имеют следующие окончания.

И.: $-{а}$, $-{и}$ — *уч'ит'е'л'á, дамá, хэз'авá, м'идв'ад'á, этруб'á, хл'эбы, ч'уун'и, н'ин'сан'эры, матр'асы, вáтн'и-к'и, н'ич'инк'и, уаршк'и, навóи*.

Отмечено окончание $-{а}$ у существительных ж. рода с мягкой основой: *мэт'ер'á, лэшад'á*, а также окончание $-{и}$ у существительных ср. рода с без-

ударными окончаниями: *кал'осы, эд'айылы, б'эрдэ, р'обры, йайыцы, плат'эныцы, окны*.

Зафиксирована вариативность окончаний в формах *вэласá* и *вóлэсы* (то же: [Бромлей, Булатова 1972: 416]): *Фс'у эстрыл'и м'ин'э, кóсы астрыл'и, касá былá. Йá плáкэлэ. Пэл'ихмáх'ир үэвар'ит': Ну, ты запóмн'иши. И фп'равду, у м'ин'э вэласá н'е стáл'и рóс'т'. Тó ли анá знáлэ ч'ó. И с т'эх пór йа вóлэсы свай н'и в'идáлэ харóшышы.*

Р.: -{ов}, -{ей}, -{0} — *с'ém' клáсэф* (2х), *үрýбów, мнóгэ кэмсамóл'цыw, дáч'никэw, вáтн'икэф*; в том числе от сущ. м. р. с основой на мягкий согл.: *жýт'ил'иф-тэ, сас'эд'иф*; от сущ. с основой на -а: *лáмпэw н'э былá, бáт'уш-каф бýлэ ч'илав'эк с'ém, н'áт' пáр вá-р'ишкэф; уч'ит'ил'эй, лэшад'эй, скóл'кэ үар'эй* (Р. мн. от *горе*) *в'ид'илэ; жэсн-и'и'ин, д'эвэк, н'áт' пáр насóк, зүп н'эт.*

Т.: -{ами}, -{ими}, -{ми}: *уз'алкáм'и, рукáм'и, с рад'ит'ил'эм'и, за үр'ибáм'и, за йáгэдэм'и, ватүлэм'и, в'идрám'и на-с'илэ; безударное окончание -{ими} после заднеязычного согл.: сá стар'ушк'и-м'и, в'этк'им'и* (2х), *прут'ик'им'и, вe-р'овэч'к'им'и, д'эвэч'к'им'и; лэшад'м'и.*

М.: -{ах} — *на тр'óх вайнáх, в үруд'áх.*

Прилагательные и порядковые числительные

В ед. ч. м. р. отмечены следующие окончания: И., В.: -{ой} — ударн. *шас-тóй, с'ад'мóй*, безударн. *п'áтэй, п'áтай, на приборнай* (завод); Р. п.: -{ово} — *з двáцэт' с'ад'мóвэ, асб'иннэвэ.*

Во мн. ч. И.: -{ие} — ударн. *худ'ыйа*, безударн. *пóл'скаи, рáзнэи, в'икуйрэ-вэнэи.*

Местоимения

Личные местоимения 1 и 2 л. имеют следующие формы: Р. и В. — *у м'ин'э, ýт м'ин'э, т'иб'э, Д.* — *м'ин'э* (встречается также *мн'е* — возможно, под влия-

нием литературного языка), *т'иб'э*. Для возвратного местоимения зафиксирована форма М. — *на саб'э.*

Парадигма склонения местоимений 3 лица: м. р. (на основе имеющегося материала): Р. и В.: -{ово} — *у н'евó, йавó; Д.: -{ому} — *йаму* (2х); П.: -{ом} — *на н'óm*; ж. р. И.: -{а} — *онá*; Р.: -{ей}, -{ейо} — *из н'эй, у н'эй, фп'у'рótт' и'эй; Д.: -{ей} — *ад'ин и'эй* сказál; В.: -{ейо} — *ийó, пáпóж'ж'е и'ийó, у н'ийó; Т.: -{ей} — *пóл'зэвэйуцэ и'эй.****

Отмечена форма притяжательного местоимения: *ийхн'ий.*

Числительные

Примеры особенностей в словоизменении числительных: *Ф тыйи'иу сórэк тр'эт'ийм. Анá да стó* [лет] *дэжыв'óт'.*

Глагол

Отмечены формы инфинитива на -{т'} от глаголов с основой -*иди* (-*йди*) — *ид'ит', п'айд'ит', дай'ит'*; на -{ст'} — *йис'т', рóс'т', пр'ив'ес'т'.*

Как и отмечалось ранее [Бромлей, Булатова 1972: 432], в говоре д. Деулино имеются I и II спряжение — с ударными окончаниями и общее спряжение — с безударными окончаниями (например, *изнóс'уцэ, харóн'уцэ, пór-тут', хóд'ут'*).

Зафиксировано отсутствие чередования в основах: *т'ик'óт, үл'ад'у, нэүл'а-д'ус'и, үалд'у, с'ид'у, рад'у, пав'ес'у, сйэз'д'у, п'ир'б'и'ү'би, маүóт'* (от *мочь*), *насын'ут'*.

В [Бромлей, Булатова 1972: 432—433] указывается на отсутствие подвижного ударения в системе личных форм глаголов. Неподвижное ударение на основе демонстрируют формы: *пá-сóд'у, п'равóд'у, патхóд'у, захóч'им, н'а хóч'у, л'уб'у, кáжу.*

Глагол *пилить* имеет ударение на основе: *п'ил'ут'*, приставочные корреляты — ударение на окончании: *нап'ил'áт', сп'ил'áт'.*

Формы 3 л. ед. и мн. ч. у глаголов всех типов спряжения характеризуются наличием $\{-t'\}$ — *пэдажд'от'*; *с'ид'ит'*, *үэвар'ит'*, *мурч'ит'*; *вэр'ит'*, *бүд'ит'*, *йед'ит'*, *работайт'*, *высылайт'*, *руб'ит'*, *с'т'ирайт'*, *мобит'*; *завут'*, *ваз'мут'*, *пр'ив'азут'*, *пэсылайут'*, *саийут'*, *дайут'*; *сп'ил'ат'*; *растут'*, *пр'исылайут'*, *стройут'*, *эблэжывэйут'*.

В формах 2 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. часто наблюдается пазвук: *үл'ан'иш^а*, *дай-д'ом^а*, *нав'ид'ом^а*, *эбл'ивайм^а*, *эстав-л'айм^а*, *в'ип'ийм^а*, *с'ид'им^а*. Пример наличия/отсутствия пазвука в одной фразе: *Ййх нэб'ир'ом^а*, *ач'ис'т'им^а*, и *вн'ис'ом на м'эл'н'ицу*.

Возвратная частица имеет состав $\{-\{си\}, \{-\{ся\}, \{-\{сь\}$ — после согласного: *этуч'илс'и*, *устройлс'и*, *асталс'и*, *көнч'илэс'и*; после гласного: *стройлис'*, *бэйалис'*, *пэс'ал'илэс'*, *даст'алэс'*, *кэс'ал'ис'*, *кус'ал'ис'* и *эд'авал'ис'а*, *мал'ил'ис'а*, *тк'ал'ис'а*.

Примеры наличия/отсутствия возвратной частицы: *Үд'э он уйэхэл на машын'и*, *йа уш фс'а изн'эрвн'ич'илэ*. *Зар'эжымс'и парс'онкэ*. *Пап'йомс'и*, *пап'йомс'и*, *умойимс'и*. *Мы скар'ей кат'ышкы-ту эту ваз'м'ош^а нэ базар'и*, *самá с йауэдэй*, *хот' пэжавайцэ*.

При образовании **причастий** активно используется суффиксы $\{-он\}$, $\{-т\}$: *Фс'о рэзвал'онэ*; *дар'ожыч'к'и мал'ин'к'иш*, *ан'и нэс'т'ил'оны*; *в'эс' замататэй* *в'ир'овэч'к'им'и*; *б'адр'о сламатэй*.

Отмечена форма **деепричастия** с суффиксом $\{-миш\}$: *Ч'эшыш* [идем] *разумиш*.

Синтаксис

Словосочетание

В говоре д. Деулино, как и в любой, по-видимому, диалектной системе, имеет место более широкое, чем в литературном языке, употребление количественного генитива при разных глаголах: *Он тэжэ давал даходу*.

Зафиксировано употребление одушевленного существительного в форме

Т. падежа с объектно-орудийным значением: *Вот уш йа н'а помн'у*, *ч'ем малат'ил'и*. — *Малат'ил'и рукам'и*, *крууом малат'ил'и-тэ*, *нар'одэм*, *нар'одэм...* — *Н'и лэшад'м'и л'и?*

В говоре встретился объектный И. падеж при личной форме глагола: *У кажнэвэ был'и куры*, *фс'о ж н'емноуэ*. *В'ит' ййх ии руб'ут'*, *им уолэву-тэ атрубайут'*, *а ййх аш'и'ип'ут'* и *сэб'ирайут'*. *А патом д'элэйут' падушкэ* (хотя здесь возможна также делябиализация заударного гласного, см. выше).

Отмечены следующие особенности беспредложного и предложного глагольного управления: *Эу'ир'—он йх* [лесные посадки] *набл'удайт'*. *Абжы-рал'ис' муш'и'ины винá*. *Он м'ин'э пл'ам'ан'н'ик дав'од'ицэ*. *Йэс'л'и н'а в'ырэбэтэлэ трудадн'и*, *йэтэ л'ишайут'* *фс'о*, *аблэжывэйут'* *нал'оуэм*. *С'одн'и м'и пэ аднаму* [человеку] *Боу мал'ил'ис'а* (ср. в литературном языке: *молиться о ком-л.*; в говоре отмечено управление *по + Д. п.* при указании на лицо, в память которого совершается религиозный или траурный обряд, также в конструкциях с другими глаголами — [ДС 1969: 406]); *Пэд авар'ийу пап'ал*. *Этнас'илс'и ф Каростэвэ* (об административно-территориальной принадлежности). Глагол *жить* в значении 'поддерживать свое существование какими-л. средствами' управляет Т. п.: *Скам'инэй жылá*.

Отмечено употребление одуш. сущ. м. р. в роли объекта при глаголе в форме И.-В. п.: *А пр'ишло вр'эм'а пар'ин'жан'ит'*; сочетание *три штуки* (о собаках) употреблено в форме Р.-В. п.: *Тр'ох штук зав'ол мн'э*.

Предлоги

Отмечено употребление предлога *с* в сочетании с собственными и нарицательными существительными, называющими населенный пункт: *Ана з Бу-*

д'онэw'к'и, з Буд'онэw'к'и — н'и с этэй Буд'онк'и, а з Буд'онк'и как нэ Р'азан' иэд'иш. В'ы с Р'езан'и сам'и? С калх'озэ н'и пуск'ал'и.

Предлог *на* с В. п. употребляется при обозначении направления движения (см. также: [ДС 1969: 304]): *хад'ил'и нэ Р'азан', нэ Р'азан' иэд'иш* (возможно также: *пайэду в Р'азан'*); с П. п. для обозначения способа действия: *С с'осны с'б'ир'ал'и смалу д'э таск'ал'и н'э в'ад'р'ах ф кад'ушк'у, в б'об'ч'ку.*

Предлог *по* в Деулино отличается многообразием значений и имеет разные модели управления (см.: [ДС 1969: 406—407]). В нашем материале *по* с Д. п. представлен при указании на место, пространство, на поверхности, в пределах которых совершается действие: *Рэз'раш'ыл'и на н'аш'ым пал'ам саж'ат' л'эс*; при глаголах движения для обозначения средства передвижения: *И эту рут'ст'ойк'у ваз'ил'и в Ласкэвэ, там на п'ойизду эт'правл'ал'и*; при обозначении специальности, профессии: *Пэ пэ-стух'ам н'и хад'ил'и, н'и уан'ал'и. Он был ы нал'ач'ик пэ сэмал'отэм*; с В.(?) п. — при глаголах движения для указания на цель перемещения (человека / группу людей): *Май хад'ил'и на н'их. Йаму ст'ыднэ ид'ит' пэ знак'омых на свай'х*; с П. (?) п. при указании на причину чего-л.: *Па н'ом на к'ирас'ину и фс'а шк'олэ зуар'элэ* (в ДС в этом значении указано управление только Д. п. [там же]);

Предлог *из* с Р. п. имеет значение 'из-за' и употребляется при указании на причину: *В'иш, а л'уд'и как из н'ев'о стра-д'ал'и* (то же значение: [ДС 1969: 206]).

Отмечено повторение предлогов: *Да самэй да этэй да бал'н'ицы в'азл'и на этэй даш'и'оч'к'и. С праз'нич'к'эм с П'экрыв'ым!*

Частицы

В говоре распространена постпози-тивная частица *-то*, которая может присоединяться к любой части речи: *уб-*

лэву-тэ этруб'айут', уд'э мы стар'ину-тэ твайу зэхват'ил'и, уд'э цэркаф'-та была, как жыл'и-тэ, зват-тэ йа знайу, как'иш-тэ, п'иш'ат-тэ, вапи'иш'э-тэ.

Иногда отмечается фонетическое согласование этой частицы с тем словом, к которому она присоединяется: *йа малэ помн'у-ту, малэ, ч'о йа помн'у-ту; был'и в этым, в йев'о муз'эи-ты; крас'ивьи-ты; и жм'ос'с'и ок'ал н'ий'о уал'анк'и-ты.*

Отмечены случаи повтора частицы *и*: *У н'их эт вот у н'их там фс'о и стар'иннэй и йес'т'. Ну и ан'и там ы жыл'и.*

Предложение

Конструкции с именительным темы типа: *Нина Ивановна, у нее муж работает в этом ведомстве. Вот эти два ножа, зачем они? У нас одна была старушка, она говорит...* и др. (примеры из [Лаптева 1976: 142—143]) широко употребляются в устно-разговорной разновидности литературного языка и достаточно подробно описаны (например: [Сиротинина 1974; Лаптева 1976: 137—168]). О. А. Лаптева, рассмотрев имеющиеся в ее распоряжении диалектные материалы, пришла к выводу, что в говорах эта конструкции менее распространена и имеет меньшее количество модификаций, чем в устно-литературном языке [Лаптева 1976: 173—183]. Следует, однако, отметить, что данная конструкция, не будучи включенной в число различительных явлений, не фиксировалась при сборе материала для диалектологических атласов и не привлекала специального внимания собирателей. Между тем, как нам кажется, говоры могут различаться по степени распространенности этого явления и многообразию его модификаций. В Деулино оно распространено чрезвычайно широко. Часто встречается, например, модификация, при которой в первой части высказывания пред-

ставлен именительный темы, а во второй — его местоименный коррелят: *Лóуинэвэ Мар'ийэ, анá з Буд'онэв'к'и, з Буд'онэв'к'и — н'и с этэй Буд'онк'и, а з Буд'онк'и как нэ Р'азán' иéд'иш.* — *А у н'их эт так'иш иéтэ дарóжыч'к'и мál'ин'к'иш, ан'и нэс'т'ил'оны.* — *Кал-хóс, б'ыл он у нас н'ибауáтэй, тák с'иб'э.* — *А каудá, тám ахрán'н'иг б'ыл, он стар'ий-пр'истар'ий, нáш тám и'их-н'ий д'ир'ив'енск'ий, ис... кэртанóсэ-ск'ий, ум'ирáт', он пр'изнáл'и: этэ иá фс'о в'инавát-та.* — *Ну эт смалá, ужэ эт б'ылá анá скóл'к'э, этэ ужэ үд'э... анá б'ылá нав'эрнэ н'и пр'и сав'эцкэм, рán'иш нав'иэрнэ.* В приведенных ниже примерах в конце первой части высказывания присутствует интонация завершенности, вследствие чего эта часть превращается в аналог предложения: *Вы прэ катóрыи спрас'ил'и, стán, стán-тэ. На н'их тkáл'и.* — *И так'иш дарóиш'к'и. И эт' дарóиш'к'и пó тр'и. Шишвáл'и и'их, и иéт'и б'ыл'и ват'улы и др.* Представлена также модификация, при которой глагол второй части высказывания осуществляет относительно именительного темы валентность сильного управления, при этом местоименный коррелят именительного темы отсутствует (ср. [Лаптева 1976: 148]: *А вóт, үэвар'át', эс'л'и үас прэв'ад'ут', үэвар'át' / óч'ин' хэлáднó у м'ин'э / двэйурóднáйэ с'астрá ф Кэртанóсэв'и у нáс / дáл'и* (т. е. двоюродной сестре провели газ).

Образцы говора

Публикуемые ниже тексты записаны С. В. Дьяченко и А. В. Малышевой, расшифрованы А. В. Малышевой.

Тексты приводятся в упрощенной фонетической транскрипции, построенной на основе русской графики с использованием некоторых букв латинского алфавита (w, ф, γ). Из символов Международного фонетического алфа-

вита используется знак э. Мягкость согласных передается знаком '.

Для членения текста на смысловые отрезки используются знаки препинания. Паузы хезитации передаются многоточием. Знак <...> соответствует пропуску отрывка звучащего текста. В тех случаях, когда фрагмент не поддавался расшифровке, ставился знак [нрзб.]. Пояснения и комментарии внутри текста даются в квадратных скобках.

Тексты, как правило, представляют собой диалоги, в которых участвуют один или два информанта и диалектологи. Единичные реплики принадлежат случайным участникам разговора (гость, прохожий). Реплики диалектологов даются курсивом.

Мария Гавриловна Корнюшина (МГК), 1925, 4 кл. (дочь Арины Артемьевны и Гавриила Кирилловича Урускиных, информантов Деулинского словаря), **Валентина Ивановна (ВИ)**, 1950, живет в Балашихе (дочь Марии Гавриловны Корнюшиной).

Об экспедициях 1960-х гг.

МГК: Л'ól'а ийио звал'и, фтаруйу Аксáнкэ, эт' д'ифч'óнкэ б'ылá.

ВИ: Н'э, эт Аксáнкэ б'ылá замужым, у н'ийó д'эвэч'кэ б'ылá ужэ. Мúш у н'ийó иéз'д'ил пэ зэуран'ицэм.

МГК: Ну, ну, ну анá, дá. Анá... В Áфр'ик'и, наэрнэ, мúш б'ыл у н'ийó, дá, в Афр'ик'и б'ыл. Аксáнкэ. Эт Л'йдэ нав'эрнэ, н'эт-кэ⁴ Уáл'э.

ВИ: Гáл'э б'ылá вот н'изамужн'ийэ. «Гáл', фставáй, б'ык пришóл!»

— *А Веры не было?*

МГК: В'эр' б'ылá! Дá! Знáит'и, д'эвэч'к'и, пáп пускáл с мáмэй, стар'ин'к'иш б'ыл'и. Так вóт, пэүэвар'иш'и пр'ишл'и, мáм үэвар'ит' — а

⁴ *Нет-ка.* Союз сочинительный, который употребляется при перечислении каких-л. фактов, явлений [ДС 1969: 341].

был'и карóвы у па́п'и, ан'и и зэуа-
н'ал'и — пэдайт' мамэ в'адрó, үвар'ит':

— С'ид'йт'а и п'ейт'а!

Ан'и и вумыв'ал'ис' и ф тварóх атцэ...
атклá... Мамэ зьв'ирн'от', эт' пат'еп-
л'ит', анó фс'ó прак'ислэ, ан'и прэста-
кв'ашэй вумыв'ал'ис'э. Вар'иль им⁵.

ВИ: Ан'и сáм'и гатóв'ил'и.

МГК: Пэүад'и ты, н'и п'ир'б'ивáй
ты, үатóв'илэ! И ты, нав'ёрнэ, тáм былá
ужэ! Вот. А патóм в'ид'эт, што бáб'ушкэ
тáк анá н'ич'ó, фс'ó-тк'и экурагнэ, ан'и
үвар'ат:

— Бáб'ушк, вар'и нáм, а мы б'уд'им
пáкá пэл'ажáт'. Фстáн'им, таá пэяд'им,
пестáнов'имс'и, фс'ó.

Тáм р'уск'ии п'еч'и б'ыл'и-тэ, в
р'ускуйу п'еч'. Кáшу им р'исэвэйу
вар'илэ. Кáдá скáжут': мánнэй свар'и. А
тó вар'и кáк — кускáм'и нэвар'ил'и —
йис'т' н'а стáл'и. Вот, н'у мамэ, прáвдэ,
вар'илэ эт кáк... фс'ó им⁵ адн'у... Ад'ин
үот мамэ вар'илэ, фтарóй йá н'е знáйу,
ч'ой-тэ заб'ылэ. Н'у, бэл'шысвó, кáдá
прид'óцэ, ан'и, в'ид'т'и, сп'áт', н'эт —
каб'и в л'ес пэшатáйуца. За йáүэдэм'и
хад'ил'и, за ч'арн'икэй, шó ан'и т'ут жы
с'ид'эл'и фс'ó в'р'ем'э. Йá иш'ш'ó с'
н'йх вад'илэ.

— А они все лето жили?

МГК: Ан'и вскóл'с' разóв па фс'óй
л'эт'и ж'ыл'и, дá. Уйэдут' и ап'áт'
пр'ийэдут'. Дóмэ паб'удут' ап'эт' там,
наэрнэ, и ап'эт' йэдут'.

А эт аднá д'ефч'óнкэ, вот⁹ наэрнэ эт,
Л'йдэ наэрнэ, пр'áмэ хтó знáит... ка-
тáлэс' на лóшэд'и...

ВИ: Мáм, этэ Гáл'а.

МГК: Н'у, Yáл'а, нав'ёрнэ, дá. И
[нрзб.] пэзнакóм'илэс', штó:

— Ты катáис'с'и?

— Катáйус'. Дáш мн'э лóшэт'?

— Дáм!

Ну и сэүлас'илэс' анá прэкат'ицэ
тáм óкэл кан'уш'н'и. Патóм дáл'и йей
пэ д'ир'евн'и прэкат'ицэ, нэ абрáтнэй
да д'эдэ дайэхэт'. Кáк спрыгунулэ анá,

пэказáл'и. Хэрашó фс'ó йей атв'эт'ил'и.
Н'у и... Дóбрым фс'ó в'р'ем'э ж'ыл'и.

Вот Клáвд'ийэ-тэ Парáн'инэ эдда-
вáлэ... жан'илэ эту... Вит'к'э пóm'ир-
тэ... нáс на свáд'бу н'и паз'вáл'и. Экэ
звáл'и, кáдá эку Ан'к'у эддавáл'и, а на
В'ит'к'ину нáс н'а вз'áл'и. Мáт'-тэ ацá
кр'óснэвэ... рэзашл'ис' брáн'ийу-ту.

Вот, мы фс'э ид'óm. Этэ Л'óл'а, этэ
уш анá фс'ó-тк'и зам'ужн'ийа:

— Мар'ус', а ч'ó ж, этэ бы нам т'óткэ
хóт' [что-нибудь могла рассказать]?

— Анá, наэрнэ, на свáд'б'и.

Ну и вóт и... м'ймэ прашл'и. К Слав-
з'ин'и пашл'и. К Славз'ин'и пр'и-
шл'и... Дэ Славз'ин'и дашл'и, и ан'и
пр'ишл'и туды, пэс'ид'эл'и на
лávэч'к'и, н'у кэк аб'ыч'нэ на лávэч'к'и,
вэскр'ис'ен'ий, на үл'ицы пэс'ид'эл'и.
Зашл'и в Ызбу. Славз'ина:

— Ч'ó-н'ит' кушат' б'уд'ит'и?

— Н'э, мы пакушэли, тóкэ ид'óm <...>.

Харóшэи б'ыл'и д'эф'к'и, дá. Ч'ó,
зр'á н'и скáжыш плахóвэ. П'исáл'и, кáк
рэзүавáр'ивэм, эту мóву нáшу, кáк
ч'аркáймс'и⁵ л'и тáм н'амнóүэ. Н'у дэк,
дóбры б'ыл'и д'эф'к'и.

— А сколько они лет приезжали?

МГК: Дэ кáк-тэ б'аз вн'имáн'ийэ
таудá. Ч'áстэ ан'и прияж'ж'áл'и.

Мария Алексеевна Избенникова
(МАИ), 1931, 7 кл., *Клавдия Григорьевна*
Калинина (КГК), 1922, 7 кл., *Лариса*
Ивановна (ЛИ), библиотекарь, ро-
дилась в Рязани.

Как учились в школе

МАИ: Хад'ил'и ф шкóлу. Жрát' н'э-
ч'ива. Мэт'ер'á нáс вывад'ил'и, пэ
пэстухáм н'и хад'ил'и, н'и үан'áл'и. А
мáт' сэб'ирáлэ нáм фс'э үрашк'и хад'
д'илэ... нэб'и... йэт'и... кáк ыйó... үры-
бóв, йáүэт... вóт эт'им мы карм'ил'ис'.
Дэ картóшк'и... Дэ картóшк цóлэй

⁵ Черкаться, -аюсь, -аеишьси, несов. Ру-
гаться, чертыхаясь [ДС 1969: 596].

пóтпэл нэкапáйим... И вóт т'ип'... вóт уш т'иб'э нóвэс'т'и раскáзывэйу. Кар-тóшк'и нэкапáим.

КГК: Картóшк' сажáл'и цэлэйу усад'бу.

МАИ: А шкóл-тэ шык... йéтэ нач'áл'нэйэ-тэ р'áдэм, н'идал'ókэ. Пáйд'óш дамóй, врóд'и йíz' зэхат'элэ. А ч'ó, мáт' л'ип'óшк'у нап'аклá плахуйу тáмэ, сийш ыйó, пр'иб'[м'']йóш^а.

КГК: С травóй м'ашáл'и.

МАИ: С травóй, аýа. И пр'ид'óш да-мóй. И ф'сó, йис' н'эч'ивэ. Сóл'и н'э былэ. Т'ип'эр'ич'э иш'ш'ó ч'ивó, рас-кáзывэй <...>.

Лóу'инэвэ Мар'ийэ, анá з Буд'ó-нэw'к'и, з Буд'онэw'к'и — н'и с этэй Буд'óнк'и, а з Буд'óнк'и кáк нэ Р'азáн' йéd'иш. А этэ Лóу'инэвэ Мán'а кра-с'ивэйэ, Курч'áфкэ мы ийó прó-зв'иш'ш'э былá. Брáт у н'эй какóй-тэ в У'ермáн'ии, плáт'ий такóй вот кл'óш. Йéс'т' уш хэрáшá былá! За н'эй р'аб'áтэ yан'áл'ис' бóу знáй кáк.

Нáлоги

МАИ: Вóт мы уч'йл'ис', дóч'кэ. Ну а ч'евó жэ этэ. Ф кáлхóз'и мáт' рáбóтэит'. Дáйут' трудáдн'и. Нáт' их в'ырэбэтáт'. Дáйут' нáлóу'и рáзныйи. Мэт'ир'á хa-рón'уццэ, кáк'ии-тэ эт' тáдá б'ыл'и.

КГК: И мáслы в'и здáвáл'и... с нáс...

МАИ: Мáслы пa вóс'им', пa д'э... Ой, пa дв'анáцэт' ил'и пa д'эв'ит' к'илау'рám?

КГК: Мáслэ вóт кáк этэ, штóп плат'ит' нáм вóс'им' к'илау'рám мáслэ. Шэр'с'т' брáл'и с нáс. И афч'ины.

МАИ: М'áсэ сóрэк к'илау'рám — этэ фс'ó үсудáрс'твó. Фс'ó w үсудáрс'вэ, п'ишыт'á, в'ит' м'и н'искóкэ н'а хвáстáим. Т'ану'л'и. Йéс'л'и н'а в'ырэбэтэлэ трудáдн'и, йéтэ л'ишáйут' фс'ó, аблáжывэйут' нáлóуэм, эднáл'иш-н'икам. А нэ эднáл'ишн'ик'и нáдыт', ш'ш'áс скáзывэйу, двáцэт' ч'ит'ыр'и к'илау'рám мáслэ нáбрáт' с карóв'и с ад-нóй, м'áсэ здáт', йáйц...

КГК: Йáйц, фс'ó здáт'.

МАИ: И йéтэ, д'эн'г'и здáт'... А д'эн'г'и үд'э в'з'áт'? Ацá мáвó уб'йл'и нэ вáйн'э, Кáл'йн'инэ Ал'икс'ей Вáс'ил'ич'á. Этэ мóй брáт с'ид'йт'. Он м'ин'э в'ывáд'ыл'^б.

Пóля. Мóлотилкá

МАИ: Нáм л'асн'ич'иствэ пэмáуáлэ, л'эсхóс. Кáдá уб'йл'и ацá, нáм дáл'и йéтэ кáк ыйó, картóшк'и штó л'и и бáйкэ б'элай. Мáт', пóмн'у, м'ин'э шшылэ, б'ыл'и партн'и, мáт' в'з'áлá, эч'арн'илэ и дáлá шв'эйу... пáлт'ишк'у эту шшыт' с мáнжэтэм'и. А тáдá тáк шыл'и у нáс. Иш'ш'ó мнóуэ нáт' рэскáзывэт', нó этэ йá пэбáйус'.

— А пóчему жé?

МАИ: Пэч'аму-тэ? Т'иб'э ч'ó ска-зáт'? Дáл'и... Пáл'á-тэ вот эт'и, фс'э пáл'á засрáл'и нáшы. А пáсáтку-т м'и сажáл'и. Йá сажáлэ. Эт [пóкáзывáет нá КГК] сажáлэ — л'эсэм уш р'уб'ут', а йá-т пэмáлóш [пóмóложэ]. Вóт ш'ш'áс у нáс пáсáткэ — йá ийиó сажáлэ. А тáм үрыб'и рáстут'.

КГК: А ш'ш'áс үрыб'и, а тó пáл'á б'ыл'и.

МАИ: Ур'еч'ихэ, ав'óс, рóш, пшáн'ицэ. Йá сáмá жáлэ мáм'и. Жáлэ, тáк ы нэп'ишыт'и! Жáл'и, мáт' м'ин'э уч'илэ, фс'ó-т т'ут. А в'ит' йей нáдыт' и плáнтáцыйи б'и пáжáт'-тэ. Тáм бáбэ, тáм бáбэ, хр'ист'ецы-тэ нáжáт'. Нэ б'ык... ой, н'е тáк ап'áт'. Тáдá лэшыд'эй н'э былэ — б'ык'и, нэ б'ыкáх р'аб'áты вáз'ил'и нэ мэлáт'ылк'у. Р'аб'áты вáз'ил'и нэ мэлáт'ылк'у и тáм мэлá-т'ыл'и. Вóт уш йá н'а пóмн'у, ч'ем мэлáт'ыл'и.

КГК: Мэлáт'ыл'и рукáм'и, крууóm мэлáт'ыл'и, нáрóдэм, нáрóдэм, круу'и, вот такóй, вó, крууóm.

МАИ: Н'и лэшáд'м'и л'и? Вáн', н'и лэшáд'м'и, н'а пóмн'у, л'и?

^б Выводить, -дю, -дишь. Выращивать, воспитывать (о детях) [ДС 1969: 99].

КГК: Лэшыд'эй н'э былэ. А патом рúшыл'и⁷ фс'о, малол'и, эт'им у вас...

Желуди

МАИ: Дбч', былá м'эл'н'ицэ, жылуб'йá нэб'ир'ом. А м'эл'н'ик у нас... знáим мы хтó — д'ад'э Вас'а Карпúхэ <...> Жылуб'йá малол'и. А патом ы рúшылкэ былá этэ... вы н'а пан'имáит'и, штó прósэ...

— *А желубья — это что?*

МАИ: Ой, в л'ас... дубы-тэ йим'и... в'ид'ит'а? Так'ийи мал'ин'к'ии. Ййх нэб'ир'ом⁸, ач'ис'т'им⁸, и вн'ис'ом на м'эл'н'ицу. А мукú йéту мат' п'ик'от', дóч', а ан'й тэскал'йвыи⁸. Нý с муч'и-цэ(й), там палóжыт' н'а...

— *Какие-какие они?*

МАИ: Тэскал'йвыи — ташн'йт', бл'а-вát' с' н'йх!

ЛИ: Ан'й гóр'к'ии.

МАИ: Н'эт, ан'й н'а гóр'к'ии, н'а гóр'к'ии, н'эт. Но тэскал'йвыи. Зúбы ч'орныи. Т'ó ты, жылуб'йá... вóт пр'ин'ес'т' пр'ам вонэ у пэнад'й [у ворот?]. У нас ых бóзэн [Бог знает] скóл'к'э.

ЛИ: Ш'ш'áж жолуд'и дн'ом с агн'ом н'и найд'óш.

МАИ: Н'э, эур'абныи. Тóкэ н'ихтó н'и таскайт'. А йá, нэпр'им'ёр, пузátэй былá ж Жэн'ий...

КГК: С'вин'йám, с'вин'йám на-с'йл'и!

Продавали поросят

МАИ: У нас с'вин'йи... пó д'в'и бýл'и с'вин'йи, пó д'в'и карóвы. Этэ хтó... зэв'иснóй⁹. Нý и прас'ат ваз'йл'и

⁷ *Рушить, -шу, -ишь, несов., перех.* Сдирать шелуху с зерен для получения крупы [ДС 1969: 496].

⁸ *Тоскаливый, -ая.* Такой, который вызывает неприятные, болезненные ощущения [ДС 1969: 561].

⁹ *Завистный, -ая.* Трудолюбивый, работающий [ДС 1969: 176].

в эту кáк ывó... Ф Шатуру, Уус', Сýз-дэл'^а... Ан тут там д'ан'жýстыи л'уд'и. Мы фс'ó-тэк'и н'амнóжыч'кэ прас'атэк брál'и д'ен'ушк'и. Эт'и д'ен'ушк'и сэб'ирál'и на ч'орнэй д'ен'. Мálэ л'и сýнэ... р'аб'атк'и-тэ растút', пр'ид'от' и... какóй-н'ибут'... йл'и в арм'ийу прэ-важáт', йл'и жан'йт' — мы уш д'ен'ишк'и нэбрал'и, набрал'и. Как ч'út', Вán'к'э плахóй, плахóй, он н'ёрвн'и-ч'иит'. Пэтамú штэ йёт'и д'ен'ишк'и пр'ив'азу йа с прас'ат тамэ, а скóкэ ут-рát'илэ нэ прас'ат! Йа их скар'ей н'асу на бáнк. А в бáнк'и ан'й у м'ин'э цалы. А пр'ишлó вр'ем'а пáр'ин' жан'йт', вýбрэс...

Ездили в Рязань продавать чернику

КГК: А с ч'арн'йкэй-тэ йéз'д'ил'и!

МАИ: А ч'арн'йкэй. Нэб'ир'ом. У нас л'исавóзы хад'йл'и, л'эс в'аз [ли]... Машынэ йед'ит', на л'исавóс заб'ирóм-с'и (sic!), кашэлку пастáв'им. Пэуад'й, дóч', йá раскáзывэйу, п'ишы! Дарóуэ былá үрунтавэйэ, а н'и асфáл'т. И с'ид'им там ч'илав'эк п'ат'-д'эс'ит'. Дэ Р'азán'и дайд'ом, там плашкóт. А плашкóт развóд'ицэ, мастá н'э былэ, эт плашкóт. Мы прайд'ом, ан тут ч'эшым п'ашкóм бэс'икóм да⁹ п'ёрвэй Р'азán'и. Прэдад'им.

— *Это сколько же пешком надо было идти!*

МАИ: Фс'у Р'азán'! Да п'ёрвэй Р'азán'и нэдэ дайд'ит'. Йáүэтк'и! А пач'ом ан'й йáүэтк'и-т бýл'и! Стó сóрэк рубл'ей бухáнкэ былá хл'эбэ, йá пómн'. Знáиш, үд'э мы брál'и? С'аннáйэ! С'аннáйэ, йá пómн'у, óч'ир'ит' стайáлэ. Нарóду! Кáк, ó! Стóкэ...

ЛИ: Пакá ч'ирн'йку-тэ дэв'из'óш, анá н'ибóс' и фс'á и утр'ис'óцэ и.

КГК: Ну а йéтэ, брál'и-тэс', анá н'а тák зр'элэйэ.

МАИ: Фс'ó равнó брál'и. Брál'и. А ййс'т'и захóч'им. А хóд'ут' вот

жэнш'ш'ины-та, м'атк'и¹⁰ з'д'елэйт', катышку, вót-вót-вót-вót. Мы скар'ей катышку-ту эту ваз'м'ош^a нэ базар'и, самá с йáүэдэй, хót' пэжавáцэ. Вót скáжыт'и, зач'эм раскáзывайт' тák. Вót кэк бывáлэ. А ид'óm п'ашкóm, дóч'.

— *И туда и обратно?*

ЛИ: Ну, т'ут-тэ их л'исавóзы пэдвa-з'йл'и.

МАИ: Эбрáтнэ мы йéd'им да Крáснóвэ балóтэ. Н'и на Крáснэ, на Ч'йрк'ин балóтэ, Клáшк. Зэ Бар'йскэвым. На Ч'йрк'ин балóтэ. С Ч'йрк'инэвэ балóтэ мы ид'óm дэ Бар'йскэвы... т'ут кáк дайд'óm^a п'ашкóm да дómэ. И ид'óm ч'é-шым разúмшы. А үд'э т'иб'э тáпэч'к'и-тэ найд'йт' в вайну. Хтó сашйót' клейóнэшнуу — эт иш'ш'ó бауáч'кэ.

КГК: Вайну пав'ид'ил'и.

МАИ: В'ид'ил'и. Н'е дáй Бóх вáм! Но кáжыцэ мн'э, б'уд'ит' үэлáдóвкэ. Н'абóс'! Н'е дáй Бóх вáм ы нáшым д'ет'ám!

Анна Гавриловна Нелидкина (АГН), 1932, 7 кл.

«Ничего не помню»

АГН: П'иис'áт-тэ наэрнэ н'е б'уд'ид, дá, Ш'ур'ик? У нáс в д'ир'евн'и нáс ж'ыт'ил'иф-тэ, йá үэвар'у.

Прохожий: А зачем это надо-то?

АГН: Ну ййм, ййм... ф кымынд'ирóфку, пэн'имáиш, паслáл'и. Как ф стыр'инú, ч'ó мы. А ч'ó мы ф стыр'инú, үд'э мы стэр'инú-тэ твайу зэхват'йл'и. Ан'й ткáл'и, пр'áл'и, а мы ш'ш'áс жыв'óm, н'е знáйу.

— *А вы не захватили совсем этого? А может видели, как мама ткала?*

АГН: Н'эт, н'эт, н'эт. Ну стáн-тэ йá, мáмэ ткéлá, йá в'ид'илэ нэ... А ч'ó йá пн'имáйу, этэ ткéлá анá?

¹⁰ *Мятки, -ов.* Кушанье из мятого вареного картофеля, заправленного молоком, маслом и т. п. [ДС 1969: 304].

— *И не знаете, как там что называется в стану-то в этом?*

АГН: Ф стану там нэывáлэс' ч'ó? И навóи¹¹ как'йи-та, и б'ёрды¹², и н'й-ч'инк'и¹³. А бóл'шы и...

— *А этот, который бегаёт там?*

АГН: Ч'óлнык'éта. Ну вót этэ вót фс'á.

— *Ну вот, всё-то вы помните.*

АГН: Ну, йá мál пómн'у-ту, мáлэ, ч'ó йá пómн'у-ту.

Прохожий: А ты её отправь к этому-то...

АГ: Х каму? Á, дá, у н'авó фс'ó и йéс' тáмэ. А кáк йевó фам'эл'э йá и... Звát-тэ йá знáйу, йийó Инэссэ, а йётэт...

— *Так мы там были.*

АГН: Б'ыл'и в'éтым, в йевó муз'ейи-ты?

— *Так они не знают, как все это называется, они не местные.*

АГН: Д'ы жы йи... Кáк жы анá н'е знáйт', йá йи хад'йлэ, энá мн'э туды вад'йлэ. Аннэ Уавр'йлэнэ, пр'ид'йти, рэскаж'ит'и мн'э пра стáн! Йá йей пра стáн фс'ó и рэсказáлэ. У н'ейó фс'ó энá зап'исвэлэ.

— *У них там еще горшки, чугуны...*

АГН: Уаршк'й, ч'уууны и... н'а знáйу, ч'ó там у н'йх. Там у н'йх настáвл'инэ-та н'е знáйу скóл'кэ фс'авó. Фс'ó нав'эшэнэ, дá, дá, дá, дá. У н'йх тáмэ и так'йи как'йи-ты. У н'йх ан'й н'е знáйу скóл'кэ з'амл'й там... пól'зэ-вэйуцэ йей... и настрóил'и как'йи-тэ двухйетáжныи. И ч'óй-тэ тудá... У н'йх эт вот у н'йх там фс'ó и стар'иннэй и йéс'т'.

¹¹ *Навóй, -я, м. Спец.* Вал в ткацком стане, на который наматывается основа или вытканная ткань [ДС 1969: 310].

¹² *Бёрдо, -а и -ы, ср.* Деталь ткацкого стана [ДС 1969: 53].

¹³ *Нитченка, -и, чаще мн. ниченки, ж.* Часть ткацкого стана, служащая для равномерного поднятия и опускания нитей основы при прохождении челнока [ДС 1969: 345].

— Но у них-то и разговор другой совсем.

АГН: Ну, ан'и үрәцк'ии к нам пр'йбыл'и.

— А мы хотим послушать местных, коренных. А вы-то местная, здесь родились?

АГН: Рәд'иләс' йа з'д'ес'.

— Ну вот, вы самая коренная. А вы с какого года?

АГН: Тр'ицәт' фтаровә. Вәс'им'д'и-с'ит двә м'н'е, вәс'им'д'ис'ит двә.

Местные названия

— И всю жизнь здесь жили?

АГН: Н'ет, н'ет, н'ет. Йә выш'л замүш там, вон ф тод дом. Там пажар был, зүар'ел'и, мы строил'ис' тамә. А патом с'астрә йевә уйеж'ж'ат' нәч'алә ацсүдә, мы у н'ийә куп'ил'и... дом. Вот так уш йә тут. А в д'ецтв'и вон у нас та кой пас'олч'ик мал'ин'к'ий — Үаршк'и... в'ит'. Нөвий кан'ец, Стәрый кан'ец, Үаршк'и. Вот так. Йә тут ы прәжылә нә Үаршкәх.

— А вот эти названия все время были?

АГН: Этәв йә н'е знайу, д'еткә. А, фс'е... йә скөл'к' помн'у, фс'аудә так звал'и — Нөвий, Стәрый кан'ец. Папөккә... А ф Кәртаносәв'и н'е был'и?

— Нет.

АГН: А Кәртаносәвә эт нас вәт двә килом'етрә.

— А там-то местные есть?

АГН: Йес'. Та там дәч'никәв м'ен'шы. Там м'есный. Нә Папөф'к'и тут. Ну нә Папөф'к'и и нашы жывүт' там тожә. А там тол'к' тр'и с'ам'ий их. Эт Папөфкә этә былә у нас... Папөфк нәзвән'ий — цәркаф' там. Папы жыли. И былә цәркаф'. Птом када р'ивал'у-цийә, цәркав' эту фс'у разрушыл'и.

Разрушение церкви

— А вот нам рассказывали всякие истории про разрушение церкви.

АГН: Истөр'ии? Да ктә тамә? Уч'и-т'ел'ә? Тада и байалис' пра н'их^а

үвар'ит'-тә в'ит'. А уч'ит'е^ал'ә ит' нач'әл'и иконы руб'ит'. А мы... у м'н'е брәт пәстәр'шы м'ин'е, з двәцыт' д'ив'атәвә был. Мы пашл'и вәравәт' иконы. Үл'анул'и в этә... как йийә вот назвәт'... йә вәм н'е знайу. Этә цәрквә. А окәл цәрк'^нв'и там бат'шкә тада жыл. А патом пәс'ал'йләс' этә уч'ит'ил'н'ицә тудә. И брәт мөй [нрзб.] үвар'ит': рүб'ит' иконы! Скар'ей! А были... пә... пал'ә был'и, рөш да сәмәй Папөф'к'и этәй былә, үд'е цәркаф'-та былә. И мы в рөш схәран'ил'ис', анә пашлә. Ну уш пөс'л'и йей дасталәс', этәй уч'ит'ил'н'ицы. Зүар'елә шкөла. Йийә забрал'и, а там вот... Вы с Р'езән'и сәм'и?

— Мы из Москвы.

АГН: Из Масквы. А в Р'езән'и там бәнк, а нафпрөт'ив бәнк былә, пәмөйиму, әмвәдә штә л'а... И ийә туды прив'ал'и, үвар'ит, так ыйә там б'ил'и, фс'у ф кроф' с'акл'и. И ад'ин йей сказал, әвар'ит: признәйс'и, фс'о равнә т'ибә уб'йүт'. Вот как там.

— А в чем она признаться-то должна была? Что школу сожгла?

АГН: Дә! Вы сажүл'и шкөлу! А ан'и на нас, так'их үр'ешных. Этә ан'и пәдажүл'и тамә, муш'ш'ины, үд'ей-т ф кәрты үрәл'и, гр'ат, как раскәзывәйут', и йә вам этә. Ну а муш'ш'ины... үвәр'ит: мы к шкөл'и н'и кәсәл'ис' и ф шкөл'и мы н'е б'л'и. А каудә... там ахрән'н'иг был, он стәрый-пр'истәрый, наш там йихн'ий д'ир'ив'енск'ий, ис... кәртаносәск'ий... ум'ирәт', он пр'изнәл-с'и: этә йә фс'о в'инавәт-та. В'иш, а л'үд'и как из н'евә страдал'и. А в'инавәт... он... капт'үшк'и тада был'и. Тәдә с'в'ету н'е былә, лампыв н'е былә. Тада был'и капт'үшыч'к'и так'ии мал'ин'к'ии. Кәк ш'ш'әз жывүт'... ф цәркву хөд'ит'е? — как ф цәркв'и лампады үар'ат'. Так и этә капт'үшыч'кә у н'евә үар'елә. И он ыйә пывал'ил, а там был ки'рас'ин. Йи, па н'ом па к'ирас'ину и фс'ә шкөлә зүар'елә. А л'үд'и страдал'и как. И псад'ил'и их дв'анәцыт' ч'ила-в'әк... там кәртаносәск'их. Вот.

Жили плохо. Ничего у нас особенного не было

АГН: А б'ол'шы йа вэм н'ич'о, д'эт-кэ. Тут ы н'ич'о... Калх'ос б'ыл он у нас н'ибау'атай, т'ак с'иб'е.

— *А вы в колхозе работали?*

АГН: Фс'е ф калх'оз'и тут раб'отэл'и. Ш'ш'ас никав'о н'ету.

— *А некоторые, с кем мы беседовали, на смоле работали.*

АГН: Ну эт смал'а ужэ, эт был'а ан'а ск'ол'к'э, этэ ужэ үд'е... ан'а был'а наw'эрнэ н'и пр'и сав'ецкэм, р'ан'шы наw'иёрнэ. Н'эт, паж'алуй, пр'и Сав'ецкэм Сайу'з'и ан'а, этэ смал'а, жыв'ицэ.

— *Ну вот Марья Ивановна работала на смоле.*

АГН: Ан'и раб'отэл'и. Вот М'ар' Ив'аннэ. А мы раб'отэл'и в л'есн'и-ч'ис'тв'и. Эн х'имл'есх'оз б'ыл, а на'ш — л'есн'и'ч'иств'э. И фс'о атс'удэ анул'и-р'эвэл'и ш'ш'ас. Нич'о н'ет тут — н'и л'есх'имэ, н'и л'есн'и'ч'иств'э. Фс'о ул-пыл'о.

— *А как же теперь живут-то?*

АГН: А адн'и п'ин'с'ан'эры. А ка-т'ор'ьи раб'оч'ии фс'е, на'шы д'ети — фс'е в Р'аз'ан' пыдал'ис', т'амэ. Раб'о-т'ийут'. И фс'о. А ч'о тут йим, йим д'элэт' н'еч'ивэ. Вот т'ак.

— *А после того как школа сгорела, где же учились?*

АГН: П'ос'л'и этэвэ и шк'олу за-кр'ыл'и. Фс'е ... б'ыл... ф Пал'анэх б'ыл... б'ыл^а интэрн'ат, нэw'эрнэ, т'амэ. Ф Сал'отч'их был'а шк'олэ. Вот туд'а фс'эх ы... там д'элэли йим... к'ак ш'ш'ас... мы тад'а оп'ш'ш'иж'ыг'т'ийь нэзыв'ал'и. Ну и ан'и т'ам ы ж'ыл'и. Т'ам ы ж'ыл'и. Нэ вы-хадн'ой пр'ийеж'ж'ал'и дам'ой. А с вы-хадн'овэ абр'атнэ... йедут' и нэ н'ид'эл'у т'ам. Т'амэ у н'их фс'о. А б'ол'шы фс'о. К'ак паж'ар выш... шк'олэ з'уар'элэ и фс'о.

— *А вы учились тут?*

АГН: У нас нач'ал'нэй з'д'ез' был'а. А с'им'ил'эткэ был'а ф Кэртан'осэw'и. Ну, тут ч'о, к'и'лам'этр. Дв'а, вапш'ш'э-тэ, ш'ш'ит'аим^а. Вот ы хад'ил'и. Фс'е

туд'а хад'ил'и. И нач'ал'н'ийэ вот з'д'ес', а т'ак этэ фс'о...

— *А потом сразу работать пошли?*

АГН: Раб'отэл'и. Раб'отэл'и.

— *А на какие же работы? Это же совсем маленькие после седьмого класса?*

АГН: Ну, т'ак-тэ р'анэ мы н'и пашл'и, д'эткэ, н'ет. Т'ак р'анэ н'ет, с рад'и-т'ил'эм'и ж'ыл'и. Ч'о рад'ит'ил'и за-ст'ав'эт — за үр'иб'ам'и, за й'ауэдэм'и в л'ес хад'ил'и. А эт'и уш подраст'ал'и, пат'ом ужэ раб'отэт'. Ж'ыл'и. Пл'охэ. Нич'о у нас вот так'овэ ас'об'иннэw'э н'е былэ.

— *А семья у родителей была большая?*

АГН: Нас б'ылэ у м'ат'ир'и д'в'и... дв'ойь, ч'эт'... п'ат' ч'илав'эк. А у кав'о и б'ылэ б'ол'шы. Ф т'о вр'эм'э раж'ал'и памн'оуэ, эт н'е ш'ш'ас. И с'эм' ч'илав'эк б'ыл ф с'ем'йэ. Мн'оуэ. А ш'ш'ас... Ш'ш'ас вапш'ш'э ад'ин адна-во раж'аит [так!], а ч'о з'д'элэицэ — ах! И н'е з'найут', куд'а ү'олэву приклан'ит'. Прав'ил'нэ? Тауд'а л'уч'шы б'ыл-тэ? Ад'ин, эсли ч'о случ'илэс' ум'ир'ал, у н'их иш'ш'о ш' ск'ол'кэ д'ет'ей эстаv'алэс'.

Одеяла и подушки

Д: *А как размещались? Большой был дом?*

АГН: Дам'а... А на ч'ом сп'ал'и, д'оч'кэ, ты спрас'и. Б'ыл... ш'ш'ас мат-рас'ы т'амэ и... в'атн'ик'и. Тэда этэw'э в'атн'икэw' н'е былэ. Т'уф'ак б'ыл. Эт т'уф'ак эт так'айэ вот туд'ы... саш'и'ут', как ш'ш'ас навлэч'к'и ш'йом вот мы. И туд'а нэб'ив'ал'и с'энэ. И вот так сп'ал'и.

Ват'улэм'и¹⁴ эд'авал'ис', ну эт да нас иш'ш'о. Ну йа фс'о равн'о н'амн'ошкэ зэхват'илэ. А ват'улы, эт вот тк'ал'и да-

¹⁴ Ват'ула, -ы, ж. Устар. Вид грубой ткани с утком из ссученных льняных охлопков (или из конопля), а также изделия из такой ткани [ДС 1969: 74].

рошк'и свай. Вót на эт'их ста... вы прэ катóрыи спрас'ил'и, стán, стán-тэ. На н'их тkáл'и. И так'ий дарóшк'и. И эт' дарóшк'и пó тр'и. Шшывál'и ййх, и йёт'и был'и ватулы. И вот эт'им'и ватулэм'и эд'авál'ис'. Ан'й кусáл'ис' экайá... Вót как жýл'и. Нý. А патóm ужэ нэш'... нач'инал'и уж вáтныи ад'ейáлы. Тóлсты. Эт сафс'эм ужэ пóж'ж'е. А тák вót кэк ан'й жýл'и! Фс'ó!

С'óдн'и мý пэ аднамý Бóуу мал'йл'ис'а, а у н'их эт так'ий йётэ дарóжыч'к'и мал'ин'к'ии ан'й нэс'т'ил'óны. Ну этыйэ иш'ш'ó стánэм тkáл'ис'а. Наэрнэ, как мáт' астáвилэ йм, Мар'ийэ, ан'й тýt л'ежал'и. Ну пр'ámэ как нóвин'к'ии. Адна старýхэ ўэвар'йт':

— Вót кэк тадá-тэ, á, в'йд'иш, как жýл'и-тэ. Вон как'ий крас'ивыи-ты.

— А ш'ш'ás, — йá ўэвар'ý, — мы [нрзб.], м'ил'ин'кийэ, эстар'ёл'и. Иш'ш'ó крас'ифшы, — йá ўэвар'ý. — Палáсы, кавры! А мý уш ы жýл'и, эт'им'и ватулэм'и вáшыи'и эд'авál'ис'.

— *А подушки были?*

АГН: Бýл'и! Падýшк'и бýл'и. Нý, так'й жы, ис п'ёр'ийф. У кáжнэвэ бýл'и кýры, фс'ó ж н'емнóуэ. В'йт' ййх йи рýб'ут', йм үóлэву-тэ этрубáйт', а ййх аш'ш'ип'ут' и сэб'ирайт'. А патóm д'ёлэйт' падýшкэ. Хóт' нэ падýшк'и спáл'и. А ватулэм'и эд'авál'ис'а [смеется].

— *А на печи спали?*

АГН: Спáлá и на п'еч'и. Нэ п'еч'й т'аплó спáт'-тэ. Кадá хóлэднэ. Ш'ш'ás-тэ вот стáрэйэ-тэ стáлэ, и жм'óс'с'и óкэл н'ийó, үалáнк'и-ты. А вót, ўэвар'át', эс'л'и үас прэв'адýt', ўэвар'át'... óч'ин' хэладнó у м'ин'э... двэйурóднэйэ с'астрá ф Кэрганóсэв'и у нáс... дáл'и. А эс'л'и, ўэвар'йт', Ан', з'д'ёлэйш, пáбóл'ш пýс'т'иш, пэс'ил'н'эй, штóп пэт'ипл'эй бýлэ, плат'йт' хэрáшó, ўэвр'йт', нáдэ. Вót тák.

А. В. Малышева, С. В. Дьяченко

Экспедиция в Верхнекамский район Кировской области

В сентябре 2013 года автором проведена очередная экспедиция в село Кай и деревню Южаки Верхнекамского района Кировской области. Целью экспедиции было проведение перцептивного эксперимента с носителями говора. В ходе предыдущей экспедиции весной 2012 [Отчеты 2013: 295—298] собран обширный аудиоматериал, записаны интервью с носителями диалекта, представляющими разные возрастные группы. Записана речь следующих информантов: Анна Михайловна Чеснокова (далее АМЧ) 1931 г. р., образование 4 класса; Анна Егоровна Найданова (АЕН) 1932 г. р., 3 класса; Евгения Николаевна Попонина (ЕНП) 1933 г. р., 3 класса; Валентина Степановна Вольгина (ВСВ) 1937 г. р., 4 класса; Лидия Ивановна Чеснокова (ЛИЧ) 1955 г. р., 9 классов; Галина Александровна Маркина (ГАМ) 1957 г. р., 10 классов; Татьяна Анатольевна Масленникова (ТАМ) 1972 г. р., 10 классов; Степан Павлович Кузнецов (СПК) 1991 г. р., 11 классов; Анна Ивановна Артюкина (АИА) 1996 г. р., 9 классов; Светлана Андреевна Чеснокова (САЧ) 2000 г. р., 6 классов. После проведения интервью каждому информанту предлагалось повторить список слов с гласными в необходимых для исследования позициях.

Акустический анализ собранного материала показал, что идиолекты носителей кайского говора различаются инвентарем гласных фонем и набором представляющих их аллофонов. Все проанализированные идиосистемы можно условно разделить на архаические, переходные и инновативные. В архаических идиолектах дикторов ЕНП и ВСВ представлен шестифонемный вокализм: /a/ — [стал], /e/ — [т'élo], [т'éло], [т'иéло], [т'ýло], [ф'ёрма], [ф'ёрма], [ф'иёрма], /и/ — [нас'т'ыл], /o/ — [тóл-сты], /ò/ — [стол], /y/ — [стул].

Переднюю фонему среднего подъёма /e/ может представлять ряд звуков, встречающихся с разной частотой: в речи обеих информанток отмечено 311 примеров с [e], 201 — с [e̞], 58 — с [и], 25 — с [ие]. При этом данные звуки могут варьироваться в одной и той же словоформе в зависимости от условий произнесения и вне зависимости от происхождения /e/. Вариативность наблюдается на месте этимологического *ѣ: *д'ѣдушкэ, д'иѣдушкэ и д'и́душкэ, хл'еп, хл'ѣп и хл'иѣп, н'ет и н'ѣт, л'ес и л'ѣс, р'ѣткэ и р'ѣткэ, с'ет' и с'ѣт', д'ѣт'и, д'ѣт'и и д'и́т'и, в'ѣт'ер, в'ѣт'ир и в'и́т'ир, з'д'ес' и з'д'ис'; *е: в'ѣс'илэ и в'ѣс'илэ, п'ѣч'кэ и п'ѣч'кэ; *ь: кэ́н'ѣшнэ и кэ́н'ѣшнэ, П'ѣстр'икэвэ, П'ѣстр'икэвэ и П'иѣстр'икэвэ, от'ѣс и от'ѣс, д'ен', д'ѣн' и д'ин', д'ит'ѣи и д'ит'ѣи, д'в'ер', д'в'ер' и д'в'ир'; в заимствованиях: ф'ѣрмэ, ф'ѣрмэ и ф'иѣрмэ, п'ѣн'с'ийэ, п'ѣн'с'ийэ и п'ин'с'ийэ, конф'ѣт и конф'иѣт, ин'т'ер'ѣсно и ин'т'ер'ѣсно, д'ѣн'г'и и д'ѣн'г'и. При этом некоторые словоформы встретились только со звуком [e]. На месте *ѣ: *л'ѣтом, соф'с'ѣм, м'ѣлкий, м'ѣл', с'т'ѣны, с'в'ѣт, цв'ѣт, м'ѣт', вм'ѣс'т'ѣ, над'ѣн'ѣи, покол'ѣн'иэ; *е: д'ѣр'ѣвн'э, с'ѣм, т'ѣп'ѣр', м'ѣл'н'ица, ч'ѣт'в'ѣрэ, пост'ѣл', в'рѣдн'ий, в'рѣм'э; *ь: л'ѣхч'ѣ, п'ѣрв'ий, ч'ѣт'в'ѣрк, кр'ѣс, нав'ѣрх; в заимствованиях: газ'ѣту, бал'ѣт, пак'ѣт. Единичные словоформы зафиксированы только с [e̞]. На месте этимологического *ѣ: *б'ѣгат', кл'ѣтк'и-м'э; *е: д'ѣс'ат', давл'ѣн'иэ; *ь: в'ѣс'ѣн-н'ий, м'ѣн'шэ.***

Фонема /δ/ в обоих идиолектах имеет «остаточный характер», поскольку выступает лишь в небольшом количестве морфем. В идиосистеме информантки ВСВ фонема /δ/ была отмечена в корнях: *бок, двор, клэс, кот, кшк'и, нфв'ий, стол, укл, улф, вфтка, стрф-г'ий*; в окончании Р. мн. -ов: *бес штэ-нф, бес зубф, ч'есф, дэмф, кэрф,*

слогф, възрэстф. В идиолектах ЕНП фонема /δ/ выступает в корнях: *стол, гулш'и, покф, вфс'ем, двор, свфй, хорфш'ий, скфл'кэ, укл, кшк'и, дфлгэйэ, плфт, плфт'ат, помфк*; в суффиксе прилагательных -ов-: *дубфв'ий, холифв'ий, на в'ерхфвой*; в окончании Р. мн. -ов: *стэр'икф, плоткф, мужыкф, ч'есф.* При этом в обеих идиосистемах есть морфемы, где возможны как /o/, так и /δ/. В идиолектах ВСВ вариативность отмечена в следующих примерах: *ббл'шэ и ббл'шэ, домбй и домфй, дорбга и дорбгу, глуббкуйу и глуббк'ий, мох и мрх, мнбго и мнбго, вбс'ем и вфс'ем, раббтэла и н'е раббтэйт, в окончаниях Т. ед. П склонения: з' з'ернбм и с в'еслбм, И. ед. существительных ср. рода: с'елб, в'еслб, в'едрб и молокф, п'етнф, з'ернб.* В идиосистеме ЕНП вариативность /o/ и /δ/ зафиксирована в следующих словоформах: *ворбч'ел'и и ворбч'ел'и, вбз'им и вфз'им, в ногбрск'е и в ногбрск'е, рбб'ил'и и рфб'ил'и, потбм и потфм*; в суффиксе наречий: *хорощф, т'ежэлф и л'ехкб.* Примеры показывают, что фонема /δ/ в этих идиолектах представлена главным образом на месте *o «под восходящим ударением», ср. примеры в [Васильев 1929], а также в заимствованиях: *гулш'и* и в ряде особых позиций, где и в других говорах зафиксирована фонема /δ/ [Зализняк 1985: 176—177]: *холифв'ий, хорощф, плфт'ат.* Однако есть примеры с фонемой /δ/ на месте *o «под нисходящим ударением»: *бок, клэс, рбб'ил'и* и на месте *ь: *дфлгэйэ, мрх, с в'еслбм.* Фонема /o/ зафиксирована более чем в 200 примерах у каждой из этих информанток, как на месте *o (под ударением любого происхождения), так и на месте *ь.

В переходных идиолектах дикторов АЕН, АМЧ, СПК, ЛИЧ и ГАМ пять гласных фонем: /a/ — [стал], /e/ — [т'ѣло], [т'ѣло], [т'иѣло], [т'ило], [ф'ѣрма], [ф'ѣрма], [ф'иѣрма], /и/ — [нас'т'ыл], /o/ — [толст'ий] и [толст'ий], [стол] и

[стол], /у/ — [стул]. В этих системах сохраняется вариативность на месте /е/, но звуки [о] и [ɔ] становятся позиционными вариантами одной фонемы /о/: в данных идиолектах не встретилось морфем, где был бы представлен только звук [ɔ], а качество гласного в примерах, где [о] и [ɔ] варьируются, зависит от фразовой позиции, стиля речи, длительности звука или консонантного окружения. В большинстве случаев на качество гласного влияет сразу несколько факторов. Анализ примеров показал, что вариативность [о] и [ɔ] на месте /о/ встречается в 33 морфемах (162 произнесения). В 81 % случаев (131 пример) действует следующая тенденция: в сильной фразовой позиции выступает открытый звук — [бóл'шэ], в слабой — закрытый — [бóл'шэ̣]. В 64 % случаев (103 примера) на качество гласного влияет консонантный контекст: закрытый звук выступает в соседстве с лабиальными, заднеязычными и латеральными — [домóф], открытый [о] отмечается, когда один из окружающих согласных переднеязычный — [дрóф]. В 54% (88 примеров) наблюдается корреляция между длительностью гласного и его качеством: более долгий звук является более открытым — [дорóга], чем более краткий — [дорóгу]. В 49% случаев (79 примеров) отмечается влияние стиля речи: при повторении списка слов звук открытый — [домóй], в спонтанной речи закрытый — [домóй̣].

Вокализм инновативных систем ТАМ, САЧ, АИА схож с вокализмом переходных систем по количеству фонем, но отличается по количеству аллофонов /е/ и /о/: /е/ — [т'éло], [ф'эрма], редко [т'éло̣], /о/ — [тóлстый], [стол], редко [стол̣]. Значительное сокращение вариативности звуков, представляющих /е/ и /о/, говорит о стремлении системы говора категоризовать аллофоны данных фонем в ударном положении вне зависимости от условий произнесения.

Одной из целей эксперимента было выявление того, как процесс слияния /о/ и /ɔ/ отражается на перцептивном уровне. Необходимо было установить, есть ли разница в восприятии звуков [о] и [ɔ] представителями архаических, переходных и инновативных идиолектов. Для этого были отобраны слова и части слов, где звуки [о] и [ɔ] произносятся информантками ВСВ и ЕНП в одинаковом консонантном окружении. Эти информантки были выбраны потому, что результаты акустического анализа позволяют предполагать наличие оппозиции /о/ и /ɔ/ в их идиолектах. Из данного материала были вырезаны пары стимулов, отличающиеся качеством ударных гласных: [кот] — [кɔт] (часть слова *скот* и слово *кот*), [мой] — [мɔй] (два произнесения притяжательного местоимения в списке слов и спонтанной речи), [рош] — [рɔш] (произнесение слова *рожь* и фрагмент слова *хороший*), [лош] — [лɔш] (фрагменты слов *ложка* и *галоши*). Для того чтобы получить более верные статистические данные, каждая пара примеров повторялась 6 раз (всего 24 стимула).

Каждому из девяти испытуемых¹⁵ было предложено прослушать пары примеров и сказать, есть ли разница между примерами в каждой паре. Участник эксперимента надевал наушники и прослушивал стимулы с минимальной паузой между членами каждой пары, ответы дикторов фиксировались на заранее напечатанных бланках. Участников эксперимента предупреждали, что они должны отвечать как можно быстрее, не думая над ответом.

Результаты эксперимента показали, что всех испытуемых можно разделить на три группы в зависимости от того, слышат ли они контраст между [о] и

¹⁵ К сожалению, информантка ЕНП не смогла принять участия в эксперименте по состоянию здоровья.

[o]: к первой группе можно отнести информантов, которые слышат контраст в большинстве случаев, ко второй — тех, кто различает эти звуки нерегулярно, и к третьей — тех, кто в 100% не различает [o] и [o]. В первую группу входит только информантка ВСВ, поскольку она слышит разницу между [o] и [o] в 83% случаев (20 примеров). Во вторую группу можно включить дикторов АМЧ, АЕН, СПК, ЛИЧ, ГАМ и АИА которые в 20—30% случаев слышат разницу между [o] и [o]. К третьей группе относятся информантки ТАМ и САЧ, которые в 100% слышат одинаковые звуки.

Чаще как «одинаковые» маркировались пары [лош] — [лош] и [мой] — [мой]. Можно предположить, что на оценку качества [o] в этих примерах повлиял левый консонантный контекст: после латерального или губного гласный воспринимается как более закрытый, чем после переднеязычных согласных.

Таким образом, данные, полученные с помощью перцептивного эксперимента, коррелируют с результатами акустического и фонологического анализа. Эксперимент показал, что разницу между [o] и [o] последовательно слышит только представительница архаического идиолекта, в котором различие между этими звуками поддержано фонологическим контрастом. Носители остальных идиосистем воспринимают данные звуки в большинстве случаев как одинаковые, при этом два представителя инновативного типа вокализма вообще не различают [o] и [o].

Публикуемый ниже текст на кайском диалекте представляет собой монолог носительницы архаического слоя говора ВСВ.

О голландцах

У нас-тэ тут пр'иэхэл'и сэс'эд'и из Гэлán'д'ии. Ан'и бч'ин' хэрэшó розгэ-

вэр'ивэүт, ну эн'и бч'ин' дóбрыэ. Йá к' им хэжү н'е с'áстэ прáвдэ, с'т'ес'-н'áүс' эшó. Тэк энí ш'ас н'е жывүт, эп'æт' уэхэл'и, нэ тр'и м'ис'аца пр'и-эдут, в'иза кóн'ч'илэс' — абрáтнэ Гэлán'д'иу. С'áс жыүт в Гэлán'д'ии пэкá. Ан'и гэлán'сы. Анá-тэ гэвэр'йт, энá п'ер'евóч'ик, н'е знáйу пэ кэк'иэ йезыкáм, рэзгэвэр'ивэт бч'ен' хэрэшó, а мужык-эт н'е ум'ээт пэ-нáшэму-тэ гэвэр'йт' нэ ужé коэ-ц'ó пэн'имáт. «Зрáсвуйт'е» скáжэш — пэн'имáт и тóжэ сáм гэвэр'йт: «Зрáсвуйт'э». А штэ тák — н'ич'ó н'е пэн'имáт. Йá тэт рáз пр'ихэд'илэ, он ч'о-тэ скэзál жэн'э-тэ и зэсм'ейáл'ис'. А мн'э н'еудóбнэ — ч'ó-тэ прэ м'ен'á гэвэр'át. А потóм онá п'ер'ев'елá: «Он скэзál тák-тэ». Ну и лáднэ. Оч'ен' дóбрыэ. Пр'ихэд'илэ рáзэ тр'и — фс'ó с гэс'т'инцим'а хóд'ит. Йá гээр'ү: «Зэт'эм ты нóс'иш»? Йá сэмá н'ич'ó н'е нэшү. Йá йей дэвáлэ мэркóф-дэ, этó-дэ, св'óклу-дэ. Йэтэ им тóжэ эп'át' нáдэ. А м'ен'э этó н'е нáдо. Онá пр'ин'ес'óт там этó: ап'ел'с'ины-дэ, мэндарыны-дэ, кэнф'эты-дэ. Нэ кэнф'э-ты-тэ йá н'е бóл'нэ уш йём, вóзрэс н'е тóт уш в'иднэ.

Нэ вóпшэм хэрóшыэ л'уд'и. Хóч'ут тут устрóицэ жыт' у нас. Йá гү: «Зэч'эм-эт вы приэхэл'и в тэкү глүш»? А эн'и гэвэр'ат: «Нáм зд'ес' и м'эстэ». М'иэстэ зд'ес' им тóл'кэ вэт жыт'. Из Гэлán'д'ии приэхэл'и. Йá н'е знáйу, нэскóл'кэ прáвдэ, да и от л'уд'ей тóжэ слышэлэ, што у нix тáм скóрэ зэтóп'ит Гэлán'д'иу. Вот з'д'ес', гр'át, нáм м'эсто. Ну ч'о эн'и пэдрóбнэс'т'и в'ет' нáм н'е рэскáжут.

О словах «мой» и «мой»

ТК: А чем эти слова отличаются? Я не очень понимаю.

ВСВ: Ну «мой» — нэприм'эр, «журнал мой», а мой — ну, нэприм'эр, тор'елку мой или лицó мой. Мой. Мы гоэр'им «вымэй» ле мóжнэ скэзát' «мой», «мой».

ТК: А *какая там буква в середине?*

ВСВ: Та же *самэа*, *одно* и *тоже* и *буквы тоже* тр'й.

ТК: А *в чём же разница тогда?*

ВСВ: Ну *вот*, *просто* *вот*, *разговор*: *мой* — *мой*.

Т. Н. Коробейникова

Экспедиция в Боливию

Экспедиция в Боливию, проведенная с 13 ноября по 5 декабря 2013 г., является продолжением начатых мной в 2006 г. полевых исследований языка и культуры старообрядцев-часовенных, проживающих в странах Южной Америки. В 2010—2012 гг. работа комплексной экспедиции по изучению языка, певческой культуры и экономической деятельности старообрядцев Бразилии, Уругвая и Аргентины была поддержана грантами РГНФ (№ 10-04-18009, 11-04-18027, 12-04-18013). Прошедшая экспедиция в Боливию осуществлена на средства благотворительного пожертвования ОАО «Акционерная компания «Транснефть»»*.

Моя первая, разведывательная, поездка к староверам Боливии в ноябре 2007 г., а также последующие экспедиции в другие южноамериканские страны показали, что старообрядческая община в Боливии, будучи самой многочисленной (более тысячи человек), одновременно является самой закрытой для контактов и, соответственно, наиболее трудной для исследования. Во время первой экспедиции пришлось вести в основном скрытую аудиозапись бесед со староверами; в некоторых домах не разрешили включить диктофон и

фотографировать, в некоторых — вежливо отказались разговаривать. В задачи экспедиции 2013 г. входило укрепление контактов с уже известными нами общинами, расширение географии полевого исследования и установление отношений с незнакомыми прежде людьми. Эти задачи выполнены. Вместе с фотографом Д. П. Алешковским, который в экспедиции выполнял также работу водителя, мы побывали в пяти старообрядческих поселениях, четыре из которых находятся в департаменте Санта-Крус (на расстоянии 120—200 км от его столицы города Санта-Крус-дела-Сьерра), одно — в департаменте Кочабамба (250 км от города). За время работы записано 42 часа живой речи и сделана этнографическая фотосъемка.

Русские деревни стали образовываться в Боливии по преимуществу в 1980-е годы в результате миграции старообрядцев из Бразилии и, в меньшей степени, из других стран Южной Америки. В Боливии проживают главным образом старообрядцы-«харбинцы», предки которых являются выходцами из Приморья, бежавшими в начале 1930-х годов в Маньчжурию и жившими в окрестностях Харбина до конца 1950-х — начала 1960-х годов, когда они «перекочевали» из Китая в Бразилию. Представителей другой группы старообрядцев-часовенных — «синьцзянцев» — в боливийских общинах немного, это молодежь, перебравшаяся в Боливию из других стран благодаря женитьбе или замужеству.

У старообрядцев Боливии хорошо сохранился русский диалектный язык, на котором говорят все поколения, включая самое младшее; освоено испанский язык, а выросшая в Бразилии молодежь говорит и по-португальски.

Л. Л. Касаткин на материале, записанном в США, показал, что говоры «харбинцев» и «синьцзянцев», очень близкие, являются акающими средне-

* Отчет подготовлен в рамках проекта «Старообрядцы Латинской Америки: исследование языка и экономики» (рук. О. Г. Ровнова), поддержанного грантом РГНФ № 14-04-00380.

русскими говорами, которые сформировались на севернорусской диалектной основе и сочетают в себе черты Северного и Южного наречий и среднерусских говоров [Касаткин 2008: 577—578]. Старообрядцы обеих групп хорошо чувствуют фонетические и лексические отличия между своими говорами [Ровнова 2010: 149—150]. По моим наблюдениям, междиалектное взаимодействие охватывает сферу лексики и не касается сферы фонетики. Так, «харбинцы» не заимствуют у «синьцзянцев» соканье, щёканье, цеканье и дзеканье, также как «синьцзянцы» не заимствуют у «харбинцев» произношение [л'] на месте [д'] в слове *свадьба* — *сва́[л']ба*: по-видимому, эти диалектные черты воспринимаются ими как «одиозные» (используя выражение С. С. Высоцкого).

В собранном материале отражены следующие фонетические и морфологические черты говора «харбинцев».

Яркой фонетической особенностью является смягчение заднеязычных *к, г* после любых мягких согласных: *ско́[л'к']я*, *ма́ле[н'к']я*, *тя́те[н'к']я*, *у́зе[н'к']яй*, *ре́[т'к']я*, *бри́[ч'к']я*, *стре́ло[ч'к']я*, *по тру́бо[ч'к']ям*, *ши́е́ло[ч'к']ю*, *ре́[ч'к']ю*, *бо[ч'к']ём*; *с хозя́й[йк']яй*, *росси́й[йк']я*; *О́[л'г']я*, *с де[н'г']я́ми*. На месте [ш'ш'] литературного языка произносится [шш]: *и́[шш]ет*, *[шш]о́лкнет*, *выра́[шш]ивают*. Явление перехода *а* в *е* между мягкими согласными лексикализовано в слове *о́пе́ть* 'опять'.

Морфология имени характеризуется следующими чертами.

Имена существительные I скл. твердой разновидности могут иметь в форме Р. п. ед. ч. с предлогом окончание *-е/* (в безударном положении [и]): *добеги до Елэ́ни*; *он главной из нашей гру́ппи*. В форме Р. п. ед. ч. отмечено окончание *-у* в конструкциях с родительным партитивным: *Лена, лимона́ду наладь!*; в количественно-именных сочетаниях: *сколь расхо́ду*, *сколь*

захо́ду; в словосочетаниях с определенными и обстоятельственными отношениями: *девяносто седьмого го́ду комбайн*, *пятьдесят процентов из карма́ну отдал*. В форме И. п. мн. ч. проявляет продуктивность ударное окончание *-а*: *документá здесь налади́ли*; *все документá там сдела́м*; *жондира́то есть?* (трактора и комбайны фирмы «Джон Дир»), а в форме Р.-В. п. мн. ч. — окончание *-ов*: *зе́млев-то не хватает*; *тама боле́знев нету на бобов*; *привезли туды нашенского народу*, *христи́йнов*. Отмечены случаи употребления формы Р. п. мн. ч. с предлогами *на* и *в* вместо более частотной с этими предлогами формы П. п.: *вот такие увалы*, *на этих увáлов виноград*; *во всех стран здесь так работают*; *она в речек живёт*. Существительное *конец* имеет в форме П. п. ед. ч. окончание *-и/*: *элив ты хочешь в концы́ года*, *подсчёт подводишь*, *в концы́ года*.

Имена прилагательные в форме И.-В. пп. ед. ч. м. р. имеют безударное окончание *-о/* ([ай]): *он здоро́вой*; *это бело́й народ*; *у нас здесь народ мя́жкой*; *у меня сейчас документ бразильско́й и боливи́йской*; *домашно́й я не помню телефон*; *тако́й ма́ленькай сто́ит тростник*; *которо́й ма́ленькай до́шленькай*. Зафиксированы примеры совпадения форм П. и Т. пп. прилагательных м. и с. р. ед. ч.: *оне в чу́жьем доме жили*; *в оди́м месте поли́ция сто́ит*. Широко представлены в говоре стяженные формы прилагательных: ж. р. *люба́ страна*, *кака́ в Аргентине свобода*, *в любу́ страну*, *на рабóчу визу уехали*; с. р. *са́мо доро́го мясо у нас*, *такó дерево было*, *бразильско́ слово залетит*; мн. ч. *больши́й деньги*, *у их та́ки главари люди*, *оне не зде́шны*, *в Бразилии то́же есть ру́ски*.

Склонение местоимений характеризуется рядом особенностей. Местоимение *он* имеет форму Т. п. ед. м. местоимение *она* — формы Р. п. ед. и ей; в со-

четаниях с предложениями сохраняется начальная *j*: *ты с ём стараешься иметь дружбу; из её мясо вялят, у ей нос такой длинной*. Местоимение мн. ч. — *онé* с формами Р. и П. пп. *их*, Д. и Т. пп. *имя* (в Д. п. также *имя*); при употреблении с предложениями эти формы не приобретают начальную *n'*: *у их всё было здесь; сарафанов много, в их ходить-то хорошо, не жарко; имя всё дадут; А как туды попасть к имя-то?; раз, два раз с имя побудешь*. Употребляются притяжательные местоимения *евóиной*, *еёиной*: *евоина мать учила; мы и еёина сестра*. Отмечены формы косвенных падежей местоимения *свой* в ед. ч. с ударным гласным *о* в окончаниях: ж. р. Р. п. *из своей страны, до своей меры*, П. п. *в своей стране*; м. р. Д. п. *дали бы свою своему народу*.

Местоимение *кого* используется на месте литературного *чего*: *Там лесопилки или коб там устанавливает; Коб ты делаешь-то? Затоптать хочешь, ага?*

Спряжение глагола с основами на *-aj-* и *-ej-* характеризуется наличием стяженных форм: *так же с им встречайся, он работат на вертолётте, народ не знат, мы уезжам туды, права езды на машину дёлам; он хлеб стряпать умёт, мы имём вот столько земли*. Глаголы II спр. в форме 3 л. мн. ч. имеют безударное окончание I спр. *-ут*: *деньги крутятся, оне его (мясо) извялят; валют, научут, рубют* и др.

Говоры «харбинцев» и «синьцзянцев» сохраняют богатую диалектную лексику, которая включает немало слов с архаичными значениями. Ниже представлен фрагмент лексического материала, который записан от «харбинцев» Боливии в экспедиции 2013 года и который планируется включить в будущий «Словарь говоров старообрядцев Южной Америки».

Бойчйтсья. Шалить, озорничать. *Фотий, перестань бойчйтсья! Перестань бойчйтсья, покуда на себя не сгрузил!*

Ботун. Зеленый лук, не имеющий луковицы. *Дожджи пойдут, лук ботунто есь.*

Братчик. Братик. *Нету у меня братчиков.*

Братан, братанник. Двоюродный брат. *Ульян Мурачев — он мамин братан; Андроник — это мой братанник.*

Вразмашку, нареч. Способ плавания с попеременным выбрасыванием вперед то одной, то другой руки. *Так пособачь, а это вразмашку.*

Грубый. Жесткий. *А оне её сосут — грубую конфету. Жёсткую, не жевать которую.*

Грудить что. Собирать вместе в большом количестве. *В Канаде живёт, у нашего христьянина работат на вертолётте. И больши деньги грудит и в Россию везёт.*

Дождятъ кого. Ждать. *Шибко его дождали, а что-то не привезли его.*

Доспётсья, безл. Пережить тяжелые испытания, достаться. *Ему доспелося — два месяца лежал в беспамятстве.*

Запялить кого, экспр. Вовлечь в какое-либо дело, затянуть. *Кои за стол запялили!*

Зачать. Начать. *Час у нас самой бедной человек, который что неоткуль зачать чё, то эти вещи разработает; Зерно какое зачали сеять, и пошло дело.*

Кбло, предл. Около. *Иди коло мамы стань, смотри и не бойчйтсья; Имя уже коло тридцать лет.*

Кривдосья. Неправда, ложь. *Я правду говорю, я не люблю кривдосья.*

Лапшеделка. Машинка для резки лапши. *На лапшеделке всё сделаешь.*

Лобик. Конек крыши. *Наверно, метра четыре, до лобика до вон тбо, вот такой вырастает (тростник), метра четыре — пять.*

Любоватьсья. Находиться в любовных отношениях. *Ты бы меня муштровал, а сам любовался на стороне.*

Лягуша. Лягушка. *А лягуша — знаете чё?*

Мизгирь. Паук. *Он (страус) змей, лягуш, мизгирей — всё кончит коло дому.*

Моститься, с инфинитивом. Стремиться сделать. *Люба́ страна в этих краях, онé мостятся так: вырастить и продать.*

Надо́дно, пред. нареч. О состоянии скуки, вызванном длительным действием. *Мне понравилось, но надо́дно тоже сидеть.*

Нала́дить что. Сделать, изготовить. *Чистоту ма́ленька наладила.*

Насме́литься. Осмелиться, решиться. *Всегда хочу в Россию съездить, но не могу насмелиться.*

Начуша́тничать, неодобр. Напачкать. *Кто-то у меня тут начушатничал.*

Под ви́д, предл. Вроде. *Он (копибар) как под вид выдры, в о́зерах живёт, он здоровой.*

Подхо́дя. Много. *Много уже, подхо́дя лет я её не видала — всё такая же.*

Поле́в. Полив. *Его (виноград) акклиматизировали, и уже полево́м по трубочкам, мостятся на камнях вырастить виноград.*

Потравля́ть кого. Дразнить. *Зачем его потравляшь?*

Пра́здновать, неперех. Проводить свободное время. *Мои братья́ оне в Аргентине живут и празднуют с испанцами.*

Претвори́ть кого во что. Превратить. *Сына ни в чё претворил — в пьяницу, в бродягу.*

Приме́титься. Прицелиться при стрельбе. *Я приметилась — и выстрелила в голову.*

Припа́стись. Подготовиться. *И то и говорят, что, э́лив знал, когда смерть будет, раньше бы припасся. Смерть за плечами — не за горами.*

Пристро́житься. Сказать строго. *Он постарше был, пристро́жился: «Пойдём-пойдём, девчонки!»*

Росси́ец. Русский человек, житель России. *Оне (индейцы) шибко трудолюбивы, таких людей завезти в Россию, то всех россия́цев тама научут.*

Росси́йка. Русская женщина, жительница России. *Он с России, в Канаде работат, на гелико́птере летат, с России, русской, жена россия́йка.*

Ски́дыш. Выкидыш. *Два скидыша было у ей.*

Скла́день, м. Складной нож. *Это твой складень? Ну-ка, резни́ складнем!*

Скоропомо́щник, шутол. Мобильный телефон. *Скажут другой раз: «Дайте телефон, вон он, ручной!» Или скажут «при себе», что он при себе всегда бывает. Другие так говорят: «Подайте мне скоропомощника!». «Скорый помощник» — всегда с тобой. У ко́б смотря как в дому говорят.*

Состаре́ть. Стать старым. *Не состарел, но чувствую — не те года.*

Твори́ться. Делаться, быть принятым. *У нас здесь всё так работается, всё так капитали́чески, так творится всё.*

Ува́л. Холм, небольшая гора. *Вот это бы пошло — там в России на последних увалах всё засадили.*

Чём ни ... тем, союз. Чем ... тем. *Чем ни больше учеников, тем больше заработок.*

Чёрпало. Большая ложка с отверстиями для снятия накипи с бульона, вынимания мяса из супа и т. п. *Черпало — дырчатая такая ложка, вынешь черпалом.*

Чисто́тка. Любительница чистоты, крайне аккуратная женщина. *Така́ она чистотка! Но почему така́ чистотку никто не похвалил?*

Что́быть, союз. Чтобы. *Тяньенька шибко хотел, чтобыть он приехал на свальбу вот сюды.*

Шуря́к. Шурин. *Это евоиной шуряк.*

Э́ли, э́лив, союз. Если. *Эли бы агрикультура пошла, как здесь, коло сто — сто пятьдесят семей бы толька уехало в Россию; Э́лив ты больше расходу сделал, государство тебе деньги ворачивает.*

Естественным процессом развития лексической системы говора «харбинцев» является **з а и м с т в а н и е**

слов из испанского и португальского языков, которые в русской диалектной речи претерпевают фонетическую, грамматическую и семантическую адаптацию. Как правило, заимствуются названия реалий боливийской — и, шире, южноамериканской — жизни, например: *кóля*, мн. ч. *кóли* ‘коренной житель Боливии — индеец племени койя’, исп. *colla*: *Эти коли — оне дружжеб-ливы, они не мстителны; мацёт и факон* ‘большой нож с длинным широким лезвием’, исп. *tachete* ‘большой нож для резки тростника’, *facón* ‘длинный нож’: — *Вот эти вот индейцы, на государственну работу оне не шибко на её идут, оне сами идут, факон берут, лес валют, рубют, и садят, и продают. — Факон? — Ну, мацет, ножик — факон; мота* ‘мотоцикл’, исп. *toto*: *На моте едешь быстро; меркадо* ‘рынок’, исп. *mercado*: *Зерно нарóстили — чё с ним делать? Надо искать ему меркадо; манга*, мн. ч. *манги* ‘дерево и плод манго’, исп. *tango*, *абакáд*, мн. ч. *абакáды* ‘дерево и плод авокадо’, порт. *abacate*: *Вон тот вон ряд, манги, и вон абакады вон те, засохли, — то имя уже коло тридцать лет; маньдэжэка* ‘маниока’, порт. *tandíoca*: *Оне чё знали: маньдэжэку садить и кукурузу, и всё; фазендёр* ‘фермер’, порт. *fazendeiro*: *Здесь всё фазендёры здоровы: тыща, две тыщи, три тыщи гектар*. Заимствованное слово *агрикультура* (исп. *agricultura*) ‘сельское хозяйство’ стало использоваться вместо отсутствующего в исконном диалекте обозначения соответствующего общего понятия: *В России рыбы много, то и другó много, и охотничать можно, будем агрикультурой заниматься*. По моему наблюдению, на вопрос об их занятиях в Южной Америке староверы обычно отвечают «работаем на земле» или «занимаемся посевами» («жнитвом», или «кукурузой»), или «фруктой», или «посадками») и не используют выражения «сельское хо-

зяйство», которое, если и стало им известно, то только в последние годы благодаря поездкам в Россию.

О. Г. Ровнова

Литература

- Абраменко, Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013 — О. А. Абраменко, С. Л. Николаев, А. В. Тер-Аванесова, М. Н. Толстая. Восточнославянские системы соотношения ген. и dat.-loc. а-основ в сравнительно-историческом аспекте // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. М., 2013. С. 63—165.
- Аванесов 1949 — Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Часть I. М., 1949.
- Бромлей, Булатова 1972 — С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Брызгунова 1977 — Е. А. Брызгунова. Анализ русской диалектной интонации // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977. С. 231—262.
- Букринская, Кармакова 2013 — И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Лексика с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. в зеркале Диалектологического атласа русского языка // [Черенкова 2013]. С. 98—101.
- Бурова, Касаткин 1977 — Е. Г. Бурова, Л. Л. Касаткин. Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 64—85.
- Васильев 1929 — Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков: к вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.
- Высотский 1973 — С. С. Высотский. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 17—41.
- Горячева, Князев, Пожарицкая 2008 — Ю. В. Горячева, С. В. Князев, С. К. По-

ж а р и ц к а я. Соотношение инициации, фонации и артикуляции как элемент речевой базы диалекта (на материале говора д. Деулино) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 352—368.

Горячева, Князев, Пожарицкая 2009 — Ю. В. Гор я ч е в а, С. В. К н я з е в, С. К. П о ж а р и ц к а я. Фонетическая реализация заударных гласных в различных просодических условиях: пограничные тоны (на материале говоров рязанской группы) // Исследования по славянской диалектологии. 14. М., 2009. С. 15—52.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. I. Фонетика. М., 1986. Вып. II. Морфология. М., 1989. Вып. III. Ч. 1. Лексика. Комментарии к картам. М., 1997. Вып. III. Ч. 2. Синтаксис. Лексика. М., 2004.

ДС 1969 — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

Дьяченко 2013 — С. В. Д љ а ч е н к о. Гласные в заударном открытом слоге после мягких согласных в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области // [Черенкова 2013]. С. 102—105.

Зализняк 1985 — А. А. З а л и з н я к. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Захарова 1959 — К. Ф. З а х а р о в а. Архаические типы диссимильтивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии: Новая серия. Том I. М., 1959. С. 6—44.

Зеленин 1994 — Д. К. З е л е н и н. Народный обычай «грать покойников» // Д. К. Зеленин. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901—1913. М., 1994.

Исаев 2013 — И. И. И с а е в. Инструментальный анализ боковых согласных в говоре села Роговатое Старооскольского района Белгородской области // [Черенкова 2013]. С. 110—116.

Касаткин 2008 — Л. Л. К а с а т к и н. Исследование говоров русских старообряд-

цев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 573—608.

Касаткина 2002 — Р. Ф. К а с а т к и н а. Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 134—150.

Касаткина, Щигель 1995 — Р. Ф. К а с а т к и н а, Е. В. Щ и г е л ь. Ассимилятивно-диссимильтивное аканье // Проблемы фонетики. Вып. II. / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995. С. 295—309.

Кодзасов 2000 — С. В. К о д з а с о в. Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на материале говора д. Деулино Рязанской области) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы научной конференции. 29 мая — 2 июня 2000 г. М., 2000. С. 88—94.

Красовицкий 1999 — А. М. К р а с о в и ц к и й. Просодические характеристики слова в говорах с диссимильтивным аканьем // Проблемы фонетики. Вып. III. М., 1999. С. 187—196.

Кузнецов, Отт 1989 — В. Б. К у з н е ц о в, В. А. О т т. Автоматический синтез речи. Алгоритм преобразования «буква-звук» и управление длительностью речевых сегментов. Таллинн, 1989.

Лаптева 1976 — О. А. Л а п т е в а. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

Мальшева 2013 — А. В. М а л ы ш е в а. Сочинительные соединительные союзы при однородных членах предложения в говоре с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области // [Черенкова 2013]. С. 138—143.

ОСА — В. А. Д ы б о, Г. И. З а м я т и н а, С. Л. Н и к о л а е в. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. М., 1993.

Оссовецкий 1982 — И. А. О с с о в е ц к и й. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.

Отчет 2008 — О. Г. Р о в н о в а. Отчет о диалектологических экспедициях Института

русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2007 года // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 281—286.

Отчет 2010 — О. Г. Р о в н о в а. Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2009 года // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 280—290.

Отчеты 2011 — Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2010 г. (под общ. ред. О. Г. Ровновой) // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1 (21). С. 275—303.

Отчеты 2013 — Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2012 г. (под общ. ред. А. В. Тер-Аванесовой) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 275—284.

Пауфошима 1977 — Р. Ф. Па у ф о ш и м а. О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977. С. 185—230.

Пожарицкая, Самсонова 2013 — С. К. П о ж а р и ц к а я, Н. Л. С а м с о н о в а. Некоторые наблюдения над структурой и семантикой наречий в одной диалектной системе (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области) // Русский язык в научном освещении. № 1 (25). 2013. С. 111—134.

Программа — Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.—Л., 1947.

Просодический строй русской речи 1996 — Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1996.

Пшеничникова 1996 — Н. Н. П ш е н и ч н о в а. Типология русских говоров. М., 1996.

Ровнова 2010 — О. Г. Р о в н о в а. «Поллиглоты поневоле»: языковая ситуация в старообрядческих общинах Южной Америки // Staroodrzedowcy za granicą / Pod redakcją M. Głuszkowskiego i St. Grzybowskiiego. Toruń, Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. S. 137—157.

Русские народные говоры 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия: Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999. С. 134—141.

Савинов 2013 — Д. М. Савинов. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М., 2013.

Сиротинина 1974 — О. Б. С и р о т и н и н а. Конструкции с плеонастическим местоимением в разговорной речи // Вопросы стилистики. Вып. 8. Саратов, 1974.

Сталькова 1971 — И. Л. С т а л ь к о в а. К вопросу о фонетической структуре слова в южнорусских говорах с диссимилиативным аканьем // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971. С. 35—47.

Строганова 1977 — Т. Ю. С т р о г а н о в а. О вокализме 2-го предударного слога после твёрдых согласных в акающих говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 86—96.

Тер-Аванесова 2013 — А. В. Т е р - А в а н е с о в а. I склонение существительных в говоре села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. // [Черенкова 2013]. С. 155—166.

Фомина 1985 — Т. Г. Ф о м и н а. Просодия слова в южнорусском говоре с диссимилиативным вокализмом // Градационная фонология языка и просодия слова русской диалектной речи. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. С. 101—131.

Чекмонас 1993 — В. Н. Ч е к м о н а с. «Слоговые интонации» и длительности безударных гласных в говоре д. Деулино // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 167—182.

Черенкова 2013 — А. Д. Ч е р е н к о в а, ред. Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы VII международной научно-практической конференции (Воронеж, 25—26 октября 2013 г.). Воронеж, 2013.

Щигель 1996 — Е. В. Щ и г е л ь. Просодическая структура акцентного ядра при сильном аканье // Просодический строй рус-

ской речи / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1996. С. 245—255.

Язык русской деревни 1994 — И. А. Бу-
кринская, Н. Л. Голубева, О. Е. Кар-
макова, С. Л. Николаев, С. Г. Сар-
кисьян. Язык русской деревни. Школь-
ный диалектологический атлас. М., 1994.

References

Abramenko, Nikolayev, Ter-Avanesova, Tolstaya 2013 — О. А. Abramenko, S. L. Nikolayev, A. V. Ter-Avanesova, M. N. Tolstaya. Vostochnoslavyanskiye sistemy sootnosheniya gen. i dat.-loc. a-osnov v sravnitelno-istoricheskom aspekte // Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. Vyp. 16. Moskva, 2013. S. 63—165.

Avanesov 1949 — R. I. Avanesov. Oчерki russkoj dialektologii. Chast 1. Moskva, 1949.

Bromley, Bulatova 1972 — S. V. Bromley, L. N. Bulatova. Oчерki morfologii russkikh govorov. Moskva, 1972.

Bryzgunova 1977 — Ye. A. Bryzgunova. Analiz russkoj dialektnoj intonacii // Eksperimentalno-foneticheskiye issledovaniya v oblasti russkoj dialektologii. Moskva, 1977. S. 231—262.

Bukrinskaya, Karmakova 2013 — I. A. Bukrinskaya, O. Ye. Karmakova. Leksika s Rogovatoje Starooskolskogo r-na Belgorodskoj obl. v zerkale Dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka // [Cherenkova 2013]. S. 98—101.

Burova, Kasatkin 1977 — Ye. G. Burova, L. L. Kasatkin. Chukhlomskoye akanye // Dialektologicheskiye issledovaniya po russkomu yazyku. Moskva, 1977. S. 64—85.

Chekmonas 1993 — V. N. Chekmonas. «Slo-govyye intonacii» i dlitelnosti bezudarnykh gласnykh v govore d. Deulino // Issledovaniya po slavyanskomu istoricheskomu yazykoznan-
niyu. Pamyati professora G. A. Khaburgayeva. Moskva, 1993. S. 167—182.

Cherenkova 2013 — A. D. Cherenkova, red. Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletiy: materialy VII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii (Voronezh, 25—26 oktyabrya 2013 g.). Voronezh, 2013.

DARYa — Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Centr Yevropeyskoj chasti Rossii. Moskva. Vyp. I. Fonetika. 1986. Vyp. II. Morfologiya. 1989. Vyp. III. Ch. 1. Leksika. Kommentarii k kartam. 1997. Vyp. III. Ch. 2. Sintaksis. Leksika. 2004.

DS 1969 — Slovar sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti) / Pod red. I. A. Os-soveckogo. Moskva, 1969.

Dyachenko 2013 — S. V. Dyachenko. Glasnyye v zaudarnom otkrytom sloge posle myagkikh soglasnykh v govore s. Rogovatoje Starooskolskogo rayona Belgorodskoj oblasti // [Cherenkova 2013]. S. 102—105.

Fomina 1985 — T. G. Fomina. Prosodiya slova v yuzhnorusskom govore s dissimilyativnym vokalizmom // Gradacionnaya fonologiya yazyka i prosodiya slova russkoj dialektnoj rechi. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1985. S. 101—131.

Goryacheva, Knyazev, Pozharickaya 2008 — Yu. V. Goryacheva, S. V. Knyazev, S. K. Pozharickaya. Sootnosheniye iniciacii, fonacii i artikulyacii kak element rechevoy bazy dialekta (na materiale govora d. Deulino) // Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova. Moskva, 2008. S. 352—368.

Goryacheva, Knyazev, Pozharickaya 2009 — Yu. V. Goryacheva, S. V. Knyazev, S. K. Pozharickaya. Foneticheskaya realizaciya zaudarnykh gласnykh v razlichnykh prosodicheskikh usloviyakh: pogranichnyye tony (na materiale govorov ryazanskoy gruppy) // Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. 14. Moskva, 2009. S. 15—52.

Isayev 2013 — I. I. Isayev. Instrumentalnyy analiz bokovykh soglasnykh v govore sela Rogovatoje Starooskolskogo rayona Belgorodskoj oblasti // [Cherenkova 2013]. S. 110—116.

Kasatkin 2008 — L. L. Kasatkin. Issledovaniye govorov russkikh staroobryadcev v Institute russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN // Russkiye staroobryadcy: yazyk, kultura, istoriya. Sb. statej k XIV Mezhdunar. syezdu slavistov / Otv. red. L. L. Kasatkin. Moskva, 2008. S. 573—608.

Kasatkina 2002 — R. F. Kasatkina. Zametki o yuzhnorusskoj intonacii // Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii. I (VII):

- K 100-letiyu so dnya rozhdeniya R. I. Avanesova. Moskva, 2002. S. 134—150.
- Kasatkina, Shchigel 1995 — R. F. Kasatkina, Ye. V. Shchigel. Assimilyativno-dissimilyativnoye akanye // Problemy fonetiki. Vyp. II. / Otv. red. L. L. Kasatkin. Moskva, 1995. S. 295—309.
- Kodzasov 2000 — S. V. Kodzasov. Skrytaya prosodiya slova i zvukovyye izmeneniya (na materiale govora d. Deulino Ryazanskoj oblasti) // Problemy izucheniya dalnego rodstva yazykov na rubezhe tretyego tysyacheletiya. Doklady i tezisy nauchnoj konferencii. 29 maya — 2 iyunya 2000 g. Moskva, 2000. S. 88—94.
- Krasovickiy 1999 — A. M. Krasovickiy. Prosodicheskiye kharakteristiki slova v govorakh s dissimilyativnym akanyem // Problemy fonetiki. Vyp. III. Moskva, 1999. S. 187—196.
- Kuznecov, Ott 1989 — V. B. Kuznecov, V. A. Ott. Avtomaticheskij sintez rechi. Algoritm preobrazovaniya «bukva-zvuk» i upravleniye dlitelnostyu rechevykh segmentov. Tallinn, 1989.
- Lapteva 1976 — O. A. Lapteva. Russkij razgovornyy sintaksis. Moskva, 1976.
- Malysheva 2013 — A. V. Malysheva. Sochinitelnyye soyedinitelnyye soyuzy pri odnorodnykh chlenakh predlozheniya v govore s. Rogovatoje Starooskolskogo r-na Belgorodskoj oblasti // [Cherenkova 2013]. S. 138—143.
- OSA — V. A. Dybo, G. I. Zamyatina, S. L. Nikolayev. Osnovy slavyanskoy akcentologii. Slovar. Neproizvodnyye osnovy muzhskogo roda. Moskva, 1993.
- Ossoveckiy 1982 — I. A. Ossoveckiy. Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov. Moskva, 1982.
- Otchet 2008 — O. G. Rovnova. Otchet o dialektologicheskikh ekspediciyakh Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN 2007 goda // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. 2008. № 1 (15). S. 281—286.
- Otchet 2010 — O. G. Rovnova. Otchet o dialektologicheskikh ekspediciyakh Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN 2009 goda // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. 2010. № 1 (19). S. 280—290.
- Otchety 2011 — Otchety o dialektologicheskikh ekspediciyakh Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN v 2010 g. (pod obshch. red. O. G. Rovnovoy) // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. 2011. № 1 (21). S. 275—303.
- Otchety 2013 — Otchety o dialektologicheskikh ekspediciyakh Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN v 2012 g. (pod obshch. red. A. V. Ter-Avanesovoy) // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. 2013. № 1 (25). S. 275—284.
- Paufoshima 1977 — R. F. Paufoshima. O strukture sloga v nekotorykh russkikh govorakh // Eksperimentalno-foneticheskiye issledovaniya v oblasti russkoy dialektologii. Moskva, 1977. S. 185—230.
- Pozharickaya, Samsonova 2013 — S. K. Pozharickaya, N. L. Samsonova. Nekotoryye nablyudeniya nad strukturoy i semantikoy narechij v odnoj dialektnoj sisteme (d. Deulino Ryazanskogo r-na Ryazanskoj oblasti) // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. № 1 (25). 2013. S. 111—134.
- Programma — Programma sobiraniya svedeniy dlya sostavleniya Dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka / Otv. red. R. I. Avanesov. Moskva—Leningrad, 1947.
- Prosodicheskij stroy russkoy rechi 1996 — Prosodicheskij stroy russkoy rechi / Otv. red. T. M. Nikolayeva. Moskva, 1996.
- Pshenichnova 1996 — N. N. Pshenichnova. Tipologiya russkikh govorov. Moskva, 1996.
- Rovnova 2010 — O. G. Rovnova. «Poliglotty ponevole»: yazykovaya situaciya v staroobryadcheskikh obshchinakh Yuzhnoy Ameriki // Staroodrzędowcy za granicą / Pod redakcją M. Głuszkowskiego i St. Grzybowskiiego. Toruń, Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. S. 137—157.
- Russkiye narodnyye govory 1999 — Russkiye narodnyye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya: Yuzhnorusskoye narechiye / Pod red. R. F. Kasatkinoy. Moskva, 1999. S. 134—141.
- Savinov 2013 — D. M. Savinov. Evolyuciya sistem vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh. Moskva, 2013.
- Shchigel 1996 — Ye. V. Shchigel. Prosodicheskaya struktura akcentnogo yadra pri silnom akanye // Prosodicheskij stroy russkoy rechi /

- Otv. red. T. M. Nikolayeva. Moskva, 1996. S. 245—255.
- Sirotnina 1974 — O. B. Sirotnina. Konstrukcii s pleonasticheskim mestoimeniyem v razgovornoy rechi // Voprosy stilistiki. Vyp. 8. Saratov, 1974.
- Stalkova 1971 — I. L. Stalkova. K voprosu o foneticheskoy strukture slova v yuzhnorus-skikh govorakh s dissimilyativnym akanyem // Sinkhronno-sopostavitelnyy analiz yazykov raznykh sistem. Moskva, 1971. S. 35—47.
- Stroganova 1977 — T. Yu. Stroganova. O vokalizme 2-go predudarnogo sloga posle tverdykh soglasnykh v akayushchikh govorakh // Dialektologicheskiye issledovaniya po rus-skomu yazyku. Moskva, 1977. S. 86—96.
- Ter-Avanesova 2013 — A. V. Ter-Avanesova. I skloneniye sushchestvitelnykh v govore sela Rogovatoye Starooskolkogo r-na Belgorod-skoy obl. // [Cherenkova 2013]. S. 155—166.
- Vasilyev 1929 — L. L. Vasilyev. O znache-nii kamory v nekotorykh drevnerusskikh pa-myatnikakh XVI—XVII vekov: k voprosu o proiznoshenii zvuka o v velikoruskom narechii. Leningrad, 1929.
- Vysockiy 1973 — S. S. Vysockiy. O zvukovoy strukture slova v russkikh govorakh // Issledovaniya po russkoy dialektologii. Mos-kva, 1973. S. 17—41.
- Yazyk russkoy derevni 1994 — I. A. Bu-krinskaya, N. L. Golubeva, O. Ye. Karmakova, S. L. Nikolayev, S. G. Sarkisyan. Yazyk rus-skoy derevni. Shkolnyy dialektologicheskiy atlas. Moskva, 1994.
- Zakharova 1959 — K. F. Zakharova. Ar-khaicheskiye tipy dissimilyativnogo yakanya v govorakh Belgorodskoy i Voronezhskoy oblas-tey // Materialy i issledovaniya po russkoy dia-lektologii: Novaya seriya. Tom I. Moskva, 1959. S. 6—44.
- Zaliznyak 1985 — A. A. Zaliznyak. Ot praslav-yanskoy akcentuacii k russkoy. Moskva, 1985.
- Zelenin 1994 — D. K. Zelenin. Narodnyy oby chay «gret pokoynikov» // D. K. Zelenin. Izbrannyye trudy. Stati po dukhovnoy kulture 1901—1913. Moskva, 1994.

НОВЫЕ КНИГИ

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. — 312 с.

Несмотря на подзаголовок «краткий курс» и жанровое определение «учебное пособие», книга А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского содержит системное изложение всех основных разделов и проблем современной фразеологии. Авторы книги являются также авторами монографии, посвященной теоретическим проблемам фразеологии («Аспекты теории фразеологии», М., 2008), и ряда фразеологических словарей, благодаря чему читатель пособия получает информацию о современных методах, подходах и достижениях фразеологической науки, так сказать, «из первых рук».

В первой главе («История фразеологии: направления исследований») дается обзор научных представлений отечественных лингвистов (В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, И. А. Мельчука, А. И. Молоткова, В. Н. Телии, Е. И. Дибровой, В. П. Жукова, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, М. Л. Ковшовой и др.), а также очерк изучения идиоматики зарубежными авторами — в рамках когнитивной теории и грамматики конструкций (Б. Фрэнгер, А. Хайне, Ч. Филлмор), в психолингвистике (эксперименты Р. Гиббса и др. по проверке концептуальных метафор).

Вторая глава («Основные понятия теории фразеологии») знакомит читателя с теоретическим аппаратом фразеологии: прежде всего, анализируются такие ключевые понятия, как идиоматичность и устойчивость, исследуется природа идиоматического значения и механизмы его образования. Выделяются три базовых фактора (три вида) идиоматичности: переинтерпретация значения (ср. *верхушка айсберга, железный занавес, Северная*

Пальмира), непрозрачность (ср. *пуститься во все тяжкие; дать дуба*), усложнение указания на денотат (ср. *всем и каждому, ходить ходуном*). Авторы показывают, что разные факторы могут действовать (в разных комбинациях) в пределах одной и той же идиомы (например, непрозрачность может быть связана с переинтерпретацией, ср. *дать дуба*).

В третьей главе («Классификация фразеологизмов») приводятся не только традиционно выделяемые типы фразеологизмов — идиомы (ср. *выйти в тираж, дать жизни*) и коллокации (ср. *проливной дождь, принимать решение*), — но и паремии (ср. *цыплят по осени считают*), грамматические фразеологизмы (ср. *чуть что, как раз, что за*) и фразеологизмы-конструкции (ср. *тоже мне X; где уж нам P*). Это выгодно отличает данное пособие от многих других, ограничивающихся классификацией «лексических» фразеологизмов. Авторы вводят материал по грамматической фразеологии и показывают возможности использования аппарата грамматики конструкций для описания синтаксических моделей с устойчивым лексическим составом (так называемых фразеосхем); обе эти сферы пока еще мало изучены, но, несомненно, являются перспективными направлениями фразеологических исследований.

В четвертой главе («Семантические отношения во фразеологии») дается анализ фразеологизмов по основным семантическим параметрам: семантическое поле, синонимия, антонимия, полисемия, отношение включения, отношение конверсии, отношение каузативности.

В пятой главе («Внутренняя форма фразеологизмов») внутренняя форма рассматривается в самых разных аспектах — в языковой игре, в ироническом употреблении, с точки зрения эвфемизации.

Важное место в пособии занимает шестая глава («Фразеография — словарное описание фразеологизмов»), где авторы рассматривают не только основные типы фразеологических словарей, но и структуру словарной статьи.

В седьмой главе («Стилистические особенности фразеологии») обсуждаются разнообразные типы помет, используемых в словарях идиоматики, — пометы, указывающие на стилевой регистр (высок., нейтр., разг. (в авторской терминологии — значимое отсутствие пометы), снижен., груб., неприл., неценз.), дискурсивные пометы (книжн., журн., жарг., прост., совидеол., народн.), временные пометы (устар., совет.), регистровые операторы (эвф., дисф.).

Перечисленные главы дают достаточно полное представление о современном состоянии фразеологической теории и лексикографической практики и могли бы составить полноценное учебное пособие. Однако в книгу включены еще три главы, которые являются важным дополнением к традиционным разделам пособий по фразеологии.

В восьмой главе («Авторская фразеология») выделяются такие типы авторского употребления идиом, как авторские лексические модификации идиом, ср. *нет худа без нехуда, с чьей-то заезжей руки*; авторские грамматические трансформации, ср. *разгорают-*

ся сыр-боры; авторские семантические модификации идиомы, ср. *В первый раз, говорит, руки мараю, стихи пишу*; авторские фреквенталии, ср. *по крайней мере* в языке Достоевского; авторские деархаизмы, ср. *Укроп вытололи семо и овамо* у Т. Толстой; наконец, собственно авторские идиомы, ср. *душит всеми катками* у А. И. Солженицына, *лыс, как яйцо* у В. Аксенова. В девятой главе («Сопоставительная фразеология и проблемы перевода») рассматривается проблема межъязыковой эквивалентности в системе языка и в переводе. В десятой главе («Национально-культурная специфика фразеологии») рассматриваются национально-специфичные черты в идиоматике разных языков.

После каждой главы даются практические задания, помогающие творчески подойти к усвоению материала, и список литературы. Пособие снабжено, кроме традиционных предметного и именного указателей, указателем фразеологизмов.

Высокий профессиональный уровень книги А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского «Основы фразеологии», учет новейших достижений в сфере изучения фразеологии, компактность изложения, насыщенность языковым материалом, наличие справочного аппарата являются несомненными достоинствами работы, благодаря которым она представляет интерес не только как учебное пособие для студентов, но и как справочник для профессиональных лингвистов.

Г. И. Кустова

L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi
(Архитектура текста. Сопоставительные славяно-романские
исследования) // О. Inkova, M. di Filippo, F. Esvan (a cura di).
 Edizioni dell'Orso, Alessandria, 2014. — 237 p.

В серии Slavica, выпускаемой итальянским издательством «Дель'Орсо»,

вышел сборник трудов международной исследовательской группы СоЛиТекст /

GELiTeC (сокращение от «Сопоставительная лингвистика текста»)¹. Как и в предыдущих публикациях данной группы, проблематика исследований не ограничивается сферой лингвистики текста как таковой, захватывая разные области, в которых анализ различий между языками позволяет глубже проникнуть в устройство каждого из них. Во многих исследованиях сборника феномены русского языка рассматриваются в сопоставлении с романскими языками, в том числе в аспекте перевода.

Первая часть сборника («Семантика и прагматика глагольных форм») открывается статьей Л. Геберт «Славянский несовершенный вид и романский имперфект: опыт сравнения» (на итал. яз.). Согласно гипотезе автора, как в славянских (русском и польском), так и в романских (французском и итальянском) языках «неканонические» видо-временные употребления — НСВ в общефактическом значении, а также «нарративное» употребление романского имперфекта для обозначения точечного действия, — возникают как контекстуальное прочтение основного ви-

дого значения этих форм под действием общих дискурсивных и прагматических факторов. Общефактическое употребление НСВ возможно с предельными глаголами, выражающими завершённое событие, когда иллокутивная сила высказывания не может быть направлена на изменение состояния и, соответственно, на результат. Так, в частном вопросе: *Где апельсины покупали?* результат не находится в коммуникативном фокусе. Подобная дефокализация финальной фазы события характерна и для употреблений так называемого «нарративного» имперфекта в романских языках: *In quello stesso anno nasceva a Firenze Dante Alighieri.*

Ф. Фичи в статье «Перфектное значение глагольных форм в Дневнике Полины Жеребцовой» (на итал. яз.) отмечает, что как во французском и итальянском, так и в русском языке о перфекте следует говорить не просто как о форме глагола, но как об определенной функции, зависящей от семантики предиката и от условий его употребления. В ответе на вопрос: *Где Виктор? — Виктор вышел* указывается не столько на событие в прошлом, сколько на положение вещей в настоящем. В дневниковой прозе эта особенность перфекта проявляется особенно ярко. Так, в записи Полины *Мы счастливые! Мы поели вчера после долгой голодовки* предикат *поели* указывает на актуальное состояние счастья и сытости пищевого.

Данная часть сборника включает также статьи (на итал. яз.) А. Крайсберг «О нарративном имперфекте и прочих трудных случаях» (на материале польского и итальянского языков), Ф. Эсвана «О выборе времен в переводе нарративных текстов с чешского на итальянский и французский языки» (на итал. яз.), З. Генчевой «Роль перфектоидных форм со вспомогательным глаголом и без него в болгарской печатной прессе» (на фр. яз.) и Й. Леви «Два проявления

¹ Группа, созданная по инициативе Анны Бонолы и Ольги Иньковой, провела уже три международных семинара. По результатам семинара в Миланском католическом университете Святого сердца (февраль 2010 г.) опубликован тематический номер журнала *L'Analisi linguistica e letteraria*, XVIII/1, 2010, под ред. А. Бонолы и О. Иньковой (см. рецензию на него в *Вопросы языкознания* № 1, 2012, pp. 126—131). Избранные труды семинара в Гранадском университете (октябрь 2011 г.) опубликованы в изд-ве Peter Lang в 2013 г. (О. Inkova éd., *Du mot au texte. Études slavo-romanes*). Избранные доклады третьего семинара (о. Прочида, май 2013 г.) вошли в настоящий сборник. Сайт группы: <http://www.unige.ch/lettres/meslo/russe/actuscientifique/GelITec.html>.

различия точек зрения (*altérité*) в высказывании: пересказывательное наклонение в болгарском и будущее уступительное в итальянском» (на фр. яз.).

Вторую часть сборника («Структура текста») открывает статья О. Иньковой «*Come* и *как*: опыт сопоставительного исследования сравнительных конструкций в итальянском и русском языках» (на рус. яз.). Автор вводит и определяет понятие аналогического сравнения, что позволяет ему с учетом сферы действия союзов унифицировать описание сравнительных конструкций, в формировании которых главную роль в русском языке играет союз *как*, а в итальянском — союз *come*, и которые в грамматиках оказываются разбросанными по разным разделам. Автор показывает, что наибольшие различия русский и итальянский языки проявляют в соотносительной реализации конструкций (*как... так* и *come... così*).

В статье А. Бонолы «Некоторые русские маркеры вывода в свете эпистемического будущего в итальянском» (на итал. яз.) вводные слова — показатели вывода (*наверное, похоже, видно*) сопоставлены с итальянской формой будущего времени, выступающей в ее эпистемическом значении. Автор выявляет различия между ними, касающиеся, в основном, трех моментов: модального, эпистемико-эвиденциального и инференциального (тип умозаключения).

В статье К. Бракенъ «Сирконстант и архитектура текста: сопоставление французского и русского» (на фр. яз.) посвящена функциям обстоятельств места и времени в организации текста.

Автор показывает, что в обоих языках, взаимодействуя с коммуникативной структурой, обстоятельство может служить маркером сохранения или изменения темы. Различен же в сопоставляемых языках порядок следования пространственного и темпорального сирконстантов относительно глагольной группы.

Две статьи (обе на итал. яз.) посвящены выражению аппроксимации в русском языке. М. ди Филиппо («Семантические модели аппроксимации»), используя семантические классификации С. Р. Маджидова и С. В. Адамович, сопоставляет языковые средства выражения количественной аппроксимации в русском и итальянском языках, выделяя наиболее продуктивные для каждого языка модели. В. Бенини в статье «Стратегия лексической аппроксимации в русском и итальянском языках» дает семантико-прагматический анализ трех русских дискурсивных маркеров (*вроде, типа* и *как бы*) на материале их употреблений в произведениях В. Пелевина, рассматриваемых в сопоставлении с их итальянскими переводами.

Вторая часть содержит также статьи Д. Манчевой «Созвучия и резонансы: отражения болгарского языка в иудео-испанском» и Т. Гермак-Зелинской «Сочинение пословиц и их перевод», посвященной анализу конвенциональных и креативных пословиц и других устойчивых сочетаний в романе «Транс-Атлантик» В. Гомбровича и проблеме их переводимости.

Р. А. Говоруха, И. М. Кобозева

О. В. Трофимова, Е. Н. Коновалова. Топографические описания Западной Сибири XVIII века. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. — 456 с.

Книга представляет собой сборник документов, содержащих топографическое описание западносибирских рус-

ских земель XVIII в. и их населенных пунктов — Тюмени, Тобольска, Березовка, Сургута, Ишима и др. Все материа-

лы в публикации распределены по шести разделам: 1) документы 1738 г., 1746 г. (ответы на вопросы В. Н. Татищева); 2) документы в Академию наук 1760—1761 гг. (Ломоносовская анкета); 3) документы в Сухопутный шляхетский кадетский корпус 1761 г.; 4) «Топографическое описание 11 уездов Тобольского наместничества». 1784—1785. Описание городов; 5) «Топографическое описание 11 уездов Тобольского наместничества». 1784—1785. Описание уездов; 6) описание Тюменской области 1797 г. Очевидна хронологическая последовательность размещения источников, что включает в себе определенное удобство для пользователя.

Собрание документов предваряет статья публикаторов «Анкетный метод изучения Западной Сибири в XVIII веке». В ней кратко освещается история создания топографических описаний данного региона, в основу которых легли материалы, собранные на местах преимущественно геодезистами по анкетам, разработанным В. Н. Татищевым, Г. Ф. Миллером, М. В. Ломоносовым, Кабинетом Екатерины II.

Более подробно об истории составления анкет и сбора сведений по анкетным вопросам, о принципах разработки анкет рассказывается в отдельных параграфах — «Топографическое описание Сибири под руководством В. Н. Татищева (1730—1740)», «Анкеты Г. Ф. Миллера», «Анкеты М. В. Ломоносова», «Межевание земель в Тобольской губернии в последней четверти XVIII века», «Описание Тобольского наместничества 1784—1785 и 1790» и «Описание такой-то округи и о живущих в ней 1783—1800». Стоит особо отметить раздел, в котором идет речь о межевании земель и создании в связи с этим нового для того времени вида карт — атласов.

Помимо исторической социокультурной характеристики анкет XVIII ве-

ка в статье представлен сопоставительный анализ их тематики по четырем большим группам: 1) вопросы физической географии; 2) вопросы экономической географии; 3) социально-экономические, в том числе и этнографические вопросы; 4) исторические вопросы. Этот раздел статьи включает сопоставительный свод вопросников основных четырех анкет.

В заключительной части статьи рассматриваются особенности графики и орфографии архивных документов и обосновываются принципы их публикации; вкратце обрисовываются перспективы лингвистического исследования издаваемых топографических описаний.

Большинство документов подаются по единой схеме: вначале располагается вопросник со следующими за ним вариантами и разночтениями вопросов, которые сопровождаются примечаниями составителей к отдельным лексическим единицам, употребленным в вариантах вопросов. Затем идут ответы на вопросы анкет по разным географическим объектам уже без повторения вопросов. Хотя содержание этих документов в публикации структурировано несколько иначе, чем в рукописных оригиналах, принцип такой подачи материала в публикации не затрудняет восприятия документа. Исключение в структурировании анкет составляют ответы на вопросы анкеты В. Н. Татищева: здесь вопросы помещаются вместе с ответами, поскольку в разных видах анкеты вопросы не дублируются.

В некоторые разделы включены документы иного жанра — рапорты, содержание которых так или иначе связано с деятельностью чиновников по топографическому анкетированию указанного региона.

Книга снабжена необходимым в работах такого жанра справочным аппаратом: именованным указателем и указателем географических названий.

Издание иллюстрировано хорошо отпечатанными фотокопиями документов, дающими представление о способах оформления документа, его графико-орфографических особенностях, характере почерка канцелярских работников того времени. Функционально продумано размещение иллюстраций: они располагаются не в отдельном приложении в конце книги (как обычно это делается), а непосредственно в тех разделах, где содержатся их дешифрованные варианты.

Техническое оформление книги имеет свои особенности. В работе специфическая графика текстов XVIII в. в основном транслитерируется как современная. При сохранении орфографии оригинала используются современная пунктуация и прописные буквы в публикации географических имен. Текст документов снабжен подстрочными комментариями публикаторов. Адекватно передается редакторская правка составителей ответов. В конце книги, перед справочным аппаратом, даны списки принятых в издании сокращений.

Предисловие книги представляет собой рецензию с квалифицированной оценкой труда ведущим научным сотрудником Института лингвистических исследований РАН А.А.Бурыкиным.

Данное издание, следует надеяться, найдет широкий круг читателей: оно будет служить богатым и надежным источником сведений для историков, географов, этнографов, культурологов, занимающихся историей России XVIII в. Безусловную ценность книга имеет для лингвистов, которым она адресована в первую очередь. Как известно, лингвистическая содержательность источника во многом определяется функциональной и жанровой спецификой документа, и в этом случае историки русского языка могут рассчитывать на материал, который предоставит разнообразные новые возможности наблюдения над формированием норм русского литературного языка на далеких окраинах Российской империи и в ее центре.

А. П. Майоров

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

М. А. Бобрик / Marina A. Bobrik

Высшая школа экономики /
Higher School of Economics

И. А. Букринская / I. A. Bukrinskaya

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

С. И. Буркова / Svetlana I. Burkova

Новосибирский государственный технический университет / Novosibirsk State Technical University

Н. В. Гатинская / Nina V. Gatinskaya

Российский университет дружбы народов / Russian Peoples' Friendship University

Р. А. Говорухо / R. A. Govorukho

Российский государственный гуманитарный университет / Russian State University for the Humanities

С. В. Дьяченко / S. V. Dyachenko

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

И. И. Исаев / I. I. Isayev

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Г. М. Зельдович / Gennadij M. Zeldovich

Варшавский университет / University of Warsaw

О. Е. Кармакова / O. Ye. Karmaikova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

И. М. Кобозева / I. M. Kobozeva

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

Т. Н. Коробейникова / T. N. Korobeinikova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Г. И. Кустова / Galina. I. Kustova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

А. П. Майоров / Alexandr P. Mayorov

Бурятский государственный университет / Buryat State University

А. В. Малышева / A. V. Malysheva

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Е. Н. Никитина / Elena N. Nikitina

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Н. К. Онипенко / N. K. Onipenko

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

А. В. Птенцова / Anna V. Ptentsova

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

Д. В. Руднев / Dmitry V. Rudnev

Санкт-Петербургский государственный университет / Saint Petersburg State University
Барселонский университет / University of Barcelona

Д. А. Стаферова / Darya A. Staferova

Высшая школа экономики /
Higher School of Economics

А. В. Тер-Аванесова / A. V. Ter-Avanesova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Е. В. Фильмонова / Elizaveta V. Filimonova

Новосибирский государственный технический университет / Novosibirsk State Technical University

М. Н. Шевелева / Maria N. Sheveleva

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

Адреса университетов и институтов
Addresses of universities and institutes

<i>Барселонский университет</i> <i>Universitat de Barcelona</i> Gran Via de les Corts Catalanes, 585, Barcelona 08007, España	<i>Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences</i> 18/2 Volkhonka str., Moscow 119019, Russia
<i>Бурятский государственный университет</i> 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а <i>Buryat State University</i> 24a Smolin str., Ulan Ude 670000, Buryat Rep., Russia	<i>Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова</i> 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51 <i>Lomonosov Moscow State University</i> 1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia
<i>Варшавский университет</i> <i>Uniwersytet Warszawski</i> ul. Dobra 55, Warszawa 00-312, Polska	<i>Новосибирский государственный технический университет</i> 630073, Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20 <i>Novosibirsk State Technical University</i> 20 Karl Marx av., Novosibirsk 630073, Russia
<i>Высшая школа экономики, Национальный исследовательский университет</i> 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20 <i>Higher School of Economics, National Research University</i> 20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia	<i>Российский университет дружбы народов</i> 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 <i>Peoples' Friendship University of Russia</i> 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow 117198, Russia
<i>Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН</i> 119019, Москва, Волхонка 18/2	<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i> 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11 <i>Saint Petersburg State University</i> 11 Universitetskaya emb., St. Petersburg 199034, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовки статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45—58] или [Иванов 2012: 45—58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34—38; 2012: 78—81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45—58; 2012б: 12—15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45—58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45—58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45—58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34—38; 2012: 78—81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45—58; 2012b: 12—15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45—58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 28 (2). 2014

Корректор А. К. Петрова

Оригинал-макет подготовлен В. Ю. Гусевым

Подписано в печать 23.12.2014. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 26. Заказ №